Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова
«МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ «СЛЕДСТВЕННАЯ ТЮРЬМА НКВД»
ФНК «Конгресс Поляков в России»
НКА «ТОМСКАЯ ПОЛОНИЯ»
Томское общество «Мемориал»

В.А. Ханевич

КАТОЛИКИ В ТОМСКЕ

1604-1917

(очерки истории)

ТОМСК

2015

Tomskie Obwodowe Muzeum Krajoznawcze im. M. B. Szatiłowa
MEMORIALNE MUZEUM «WIĘZIENIE ŚLEDCZE NKWD»
«Kongres Polaków w Rosji»
NARODOWO-KULTURALNA AUTONOMIA
«TOMSKA POLONIA»
Tomskie Stowarzyszenie «Memoriał»

Rzeczpospolita Polska
Ministerstwo
Spraw Zagranicznych

W. CHANIEWICZ

KATOLICY W TOMSKU

1604-1917

(Zarys historii)

TOMSK
2015

ББК 86.375-3(2Рос-4Том) + 63.3(2Рос-4Том)
УДК 282(09)(571.16) +957
Х19

Рецензенты:
Доктор исторических наук, проф ГУ (Россия) **И.В. Нам**
Доктор исторических наук, проф. (Польша) **Антони Кучинский**
Научный редактор:
Доктор исторических наук, проф. Ун-та им. Яна Кохановского в г. Кельце (Польша) **Веслав Цабан**

Проект финансируется МИДом Республики Польша при посредничестве Генерального Консульства РП в Иркутске и МОО Национально-культурной автономии поляков города Томска «Томская Полония»

Ханевич В.А.

Католики в Томске (1604-1917гг.)
(очерки истории)

Настоящее издание является опытом анализа и обобщения архивных материалов, посвященных малоизученным страницам ***истории католиков на томской земле, истории Томского римско-католического прихода****, территориальные границы которого в начале XIX века охватывали помимо Томской губернии также значительную часть Западной Сибири и часть Казахстана, в 1833 году в губернском Томске был возведен первый в азиатской части Российской империи каменный католический храм, в начале XX века томский деканат среди других сибирских католических структур был самым многочисленным. Книга состоит из серии очерков истории, посвященных разным аспектам жизни католиков и томского католического прихода вплоть до 1917 года. Приводятся биографические сведения на ссыльных в Томскую губернию во второй половине XIX в. представителей католического духовенства, список настоятелей прихода с 1816 г. по 1920 г., сведения обо всех римско-католических храмах, часовнях и молитвенных домах, возведенных в Томской губернии до 1917 г. Таким образом, издание хронологически охватывает весь досоветский период истории пребывания католиков на территории Томской губернии.*

Советскому периоду истории Томского католического прихода (1917-1990 гг.) автор планирует посвятить отдельное издание.

Издание может быть полезно как профессиональным историкам, так и всем, кто интересуется историей Католической церкви и польской диаспоры в Сибири.

ISBN 978-5-91719 -2

© Ханевич В.А., 2015

СЛОВО ЕПИСКОПА

Сердечно поздравляю автора книги "Католики в Томске" Василия Антоновича Ханевича с выходом в свет плода его многолетнего труда. Я давно знаю автора как неутомимого энтузиаста в деле сохранения памяти о прошлом Сибири, особенно о прошлом сибирских поляков и сибирских католиков.

В новой его книге читатель сможет познакомиться с богатым собранием исторических документов, отражающих различные грани жизни и деятельности верующих Римско-Католической Церкви Западной Сибири XVII-XX веков: служение священников и монашествующих, благотворительность, строительство храмов.

Настоящий труд станет полезным инструментом для всех исследователей церковной истории нашего региона, а так же привлечёт внимание всех интересующихся этой тематикой.

С благодарностью автору и всем, благодаря кому увидела свет эта книга,

+ Иосиф Верт

Епископ Иосиф Верт,

Ординарий Преображенской Епархии в Новосибирске.

ВВЕДЕНИЕ

Многовековой опыт человечества свидетельствует о том, что религия играла и продолжает играть важнейшую роль в жизни отдельного человека, целых народов и государств. Христианство известно миру уже два тысячелетия, десять столетий назад оно появилось и на Руси. Для большинства россиян христианство отожествляется только с православием, однако в России как многонациональной стране, помимо православия традиционно существовали и другие ветви христианства - протестантизм и католицизм.

Католической Церкви суждено было сыграть не последнюю роль в социально-экономическом и политическом развитии страны на протяжении всего существования Российского государства. Значение, которое играли российские католики в культуре, науке, экономике, их заметное представительство во всех сферах общественной жизни, невозможно переоценить. Немало лиц католического вероисповедания имелось среди энциклопедистов и профессоров, членов Академии наук и естествоиспытателей, архитекторов и скульпторов, офицеров и генералов. Католики прославляли силу русского оружия, руководили министерствами и ведомствами, были политическими деятелями и реформаторами.

В некоторые исторические моменты российское правительство даже оказывало католицизму поддержку и покровительствовало его развитию и распространению, но делало это исходя из своих чисто политических целей, которые, кстати, имели склонность часто меняться. Отсюда положение российских католиков зачастую зависело от политической ситуации, от накала и уровня отношений между царским правительством и Ватиканом, от уровня отношений с соседними государствами, в первую очередь с католической Польшей. Религия становилась инструментом в руках дипломатов и в определенные моменты играла роль раздражителя для православной части российского общества. Конфессиональные противоречия между Римско-католической

и Русской Православной Церковью использовались правительством России в своих целях.

Российские католики, обладавшие своеобразным менталитетом и во многом унаследовавшие ценности западноевропейской цивилизации, смогли сохранить свою конфессиональную идентичность, религиозные традиции и обычаи. К середине XIX века католицизм в России, пройдя нелегкий путь становления и развития, завоевал прочное место среди других конфессий.

Путь к официальному признанию был наполнен различными проблемами и противоречиями. Однако по сравнению с теми фатальными потрясениями, которые ждали Католическую Церковь после Октябрьских событий 1917 г., дореволюционный период ее истории, особенно конец XVIII века и середину XIX века, однозначно можно охарактеризовать как период укрепления католицизма в Российской Империи.

В настоящее время обозначился стойкий интерес российских и зарубежных исследователей к российскому католицизму. Сегодня на эту тему написаны уже десятки работ, в их числе как публицистические, так и научные статьи и диссертационные исследования, касающиеся истории Католической церкви в Сибирском регионе, в том числе и в Западной Сибири.[1]

История появления в старинном сибирском городе Томске первых католиков, организация первой католической общины и строительства своего храма, последующие периоды в жизни томских католиков и их священнослужителей неразрывна от общей истории католической Церкви в России и Сибири.

Вместе с тем история Томской католической общины, первой в Западной Сибири, показательна и имеет большое значение в плане рассмотрения многих аспектов истории как самого города Томска, так и истории инославных конфессий в сибирском регионе. Примечательно также и то, что томская католическая община наряду с иркутской является в Сибири старейшей, в Томске в 1833 году был построен первый

[1] См. список литературы в конце книги.

каменный католических костел за Уралом, действующий как храм в настоящее время.

Территориальные границы Томской католической общины в разные моменты её истории были различны, охватывая в начале XIX века практически территорию всей Западной Сибири и Казахстана, а в начале XX века томский деканат среди других сибирских католических структур был самым многочисленным.

Следует отметить, что история становления католической общины в Томске, её последующая жизнь на протяжении длительного периода, неразрывна связана, начиная с XVII века с историей сибирско - польских контактов, оказывая огромное влияние на всю жизнь католической общины. Одним словом, история католической общины Томска представляет собой интересный пласт для изучения не только с точки зрения собственной истории католицизма в Сибири, но и истории пребывания в Западной Сибири, начиная с XVII века, поляков, немцев, литовцев, французов и других представителей католического Запада.

Говоря о важности и актуальности изучения истории католической общины Томска и всего томского региона, отмечаем, что данной теме было посвящено несколько работ, опубликованных в российской и польской печати. Однако пока нет публикаций, подробно раскрывающих её историю с момента организации в начале XIX века до наших дней. В местных и центральных архивах не удалось обнаружить наличие архивного фонда Томской католической общины XIX-начала XX вв., но выявлены отдельные архивные документы и источники мемуарного характера, позволяющие довольно подробно рассмотреть отдельные наиболее важные и значительные периоды истории общины. Наконец, в Государственном архиве Томской области (ГАТО) хранится коллекция метрических книг Томской католической церкви за 1841– 1919 гг., дающая возможность не только проследить интенсивность религиозной жизни за указанный период, но и проанализировать национальные, социальные, возрастные

и другие характеристики членов прихода, установить персональный состав томской католической общины за продолжительный период её истории.

Издание состоит из трех частей. Первую часть книги составляют очерки автора издания, раскрывающие некоторые аспекты пребывания лиц римско-католического вероисповедания на территории Томского края, начиная с основания самого города Томска в 1604 году, вплоть до 1917 года; учреждения в 1807 г. В Томске католического прихода, строительства и освящение храма в 1833 г., его реконструкцию в конце XIX века, повседневных контактов католиков и их взаимодействия с местным православным населением.

Вторую часть книги составляют приложения: 1. Список настоятелей и викариев Томской р-к церкви в 1816-1920 гг. 2. Краткая хроника Томского прихода (до 1917 г.). 3.Биографические сведения о лицах духовного звания римско - католического вероисповедания, находившихся во второй половине XIX века в ссылке на территории Томской губернии. 4. Список католических священников, совершавших таинства в Томском приходе в 1900-1919 годах. 5. Реестр церквей, часовен и молитвенных домов римско-католической Церкви, возведенных на территории Томской губернии до 1917 г.

Третью часть книги составляет справочный аппарат: Список использованной литературы; Словарь церковных терминов; Список сокращений; Фамильный указатель.

Данное издание увидело свет благодаря многолетнему плодотворному сотрудничеству автора с работниками архивных учреждений города Томска: ГАТО (директор **А.Г. Караваева**), чьи фонды содержат огромный массив архивных документов по истории политической ссылки поляков и истории католических приходов в Томской губернии XIX - начала XX века.

Большая признательность единомышленникам по национально-культурной автономии поляков г. Томска «Томская Полония» и в первую очередь её руководителю **А. В. Гузеевой.**

Данная книга издается в рамках научной программы Конгресса Поляков в России при организационной и финансовой поддержке Министерства иностранных дел Республики Польша и консульства Республики Польша в Иркутске (генеральный консул **Марек Зелинский)**.

Благодарность руководству и коллегам - сотрудникам Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова **(**директор **С.В. Перехожев**) за понимание, помощь и возможность апробации темы истории католической Церкви в Сибири на научных конференциях и в изданиях ТОКМ. Особая благодарность сотрудникам отдела ТОКМ «Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД» за каждодневную поддержку в делах Мемориального музея.

Признательность историкам **И. И. Осиповой** (Москва), **С. А. Мулиной** (Омск); д.и. н. **И.Н. Никулиной** и д.и. н., проф. **В.А. Скубневскому** (Барнаул); д.и. наук **И.В. Нам**, краеведам **Г. В. Скворцову** и **В. Г. Волкову** (Томск); **В. Билотосу;** д.и.н., проф. **А. Кучиньскому** (Вроцлав); д.и.н., проф. **В. Сливовской** (Варшава) и многим другим, кто способствовал и помогал в подготовке данного издания советом, предоставлением необходимой информации, дружеским участием и вниманием.

Автор благодарит за внимание к изданию книги Ординария Преображенской епархии его Высокопреосвященство **епископа Иосифа Верта.** Такая же благодарность бывшему настоятелю Томского прихода отцу **Анждею Дуклевскому** и нынешнему настоятелю отцу **Штефану Липке**, чьими усилиями шло и продолжает идти восстановление и приумножение традиций старейшего сибирского прихода.

Данная работа не могла бы увидеть свет без поддержки моей семьи, в первую очередь жены **Светланы Ханевич**, которая принимала участие в процессе работы над книгой и стала её первым читателем и советчиком.

О городе Томске и его месте в сибирско-польских контактах

Сибирь и Польша - это тема, включающая в себя много значений исторического, культурного и политического характера, начиная с первого похода в Сибирь многонационального по своему составу отряда казаков, возглавляемого казачьим атаманом Ермаком Тимофеевичем.

Выстроенный на берегу Томи в 1604 году как военная крепость, в продолжение всего XVII века город Томск был оплотом влияния русских в Сибири, местом, откуда уходили отряды казаков "проведывать" новые земли, возводить па них новые русские крепости. В походах и сражениях складывался характер первых жителей Томска. С первых лет строительства Томского острога его строили и охраняли среди других первостроителей и поселенцев подданные Речи Посполитой, оказавшиеся в Сибири в качестве военнопленных и записанные в состав казачьих войск т.н. "литовского списка". Согласно переписи города Томска 1626 года, нам известны их имена и фамилии, а также обстоятельства их попадания в Сибирь. Многие из них впоследствии занимали высокие посты и должности, становились «детьми боярскими», возглавляли отряды казаков по открытию новых земель и строительству других русских поселений, входили в состав посольств к туземным народам и в Китай. Так, например, в 1618 году томским сыном боярским Остафием Михалевским был построен Кузнецкий острог, где был назначен его первым воеводой, в последующие годы он неоднократно возглавлял посольства к калмыкам и киргизам, в 1635 г. выиграл решающую битву против киргизов на Белом озере. Другой томский сын боярский Юрий Соболевский вошел в историю Сибири XVII в. как основатель в 1684 г. Уртамского острога. С 1625 года служил в Томске сын боярский Петр Сабанский, участник многих дипломатических миссий на Восток, основатель Сосновского острога, первооткрыватель в 1633 Телецкого озера. Исследования древних документов

подтверждают, что в течение столетия, с половины XVII до половины XVIII века, многие жители Томска, носившие польские фамилии, составляли значительную часть томской элиты. В нее входили Тупальские, Жицкие, Кругликовские, Закжевские, Кулаковские, Сабанские, Соболевские, Жуковские, Рыхлевские, Вертинские, Врублевские и др.

Оставшись в Сибири и ассимилируясь в русской среде, многие поляки теряли связь с польской культурой, традициями, католической церковью и переставали ощущать себя представителями польской нации, сохраняя лишь «польское происхождение» («Поляки в роду»). Эти тенденции отчетливо проявлялись уже во 2-ом и 3-м поколениях сибирских поляков. И наоборот, реальной основой сохранения своего этнического отличия вдали от исторической родины для многих поляков, волею судеб оказавшихся в Сибири, было сохранение традиционного для поляков римско-католического вероисповедания. Польская диаспора всегда искала и имела духовную опору в лоне католической Церкви. Этим и объясняется столь тесная взаимосвязь католической Церкви и польской диаспоры в Сибири на протяжении столетий.

Жизнь города Томска и его горожан изменилась в XVIII столетии, когда русские границы отодвинулись далеко па юг и восток и Томская крепость утратила свое военное значение. Стержнем городской жизни стал Московско-Иркутский торговый тракт, связавший центр страны с сибирской окраиной. Томск превратился в место транзитной торговли. Развивалось мелкое производство, город стал привлекателен для проживания и довольно быстро рос, став к концу столетия одним из самых крупных в Сибири.

В данный отрезок истории вплоть до начала XX в. пребывание поляков в Томске был связан преимущественно с последствиями ряда польских восстаний конца XVIII и XIX веков. В Томск ссылались пленные Барские конфедераты, участники восстания под руководством Тадеуша Костюшко, после поражения наполеоновских войск в войне 1812 г. бывшие легионеры армии Юзефа Понятовского, участники восстаний

1831 и 1863 годов, деятели революционных движений конца XIX - начала XX века. Наиболее заметный след в истории Сибири и Томска оставили участники т. н. Январского восстания 1863 – 64 гг. После его подавления на территорию Томской губернии на водворение и жительство под надзор полиции было выслано более 6 тысяч человек, около тысячи из них составили польскую колонию в самом городе Томске. Именно с этого периода польские колонии в Сибири стали неотъемлемым элементом сибирского этноса. Так, в конце XIX века численность поляков в Томске составляла около 3,5 % общей численности городского населения, занимая 3 место после русских и татар.

1.1. Герб г. Томска 1804 г.

В 1804 году город Томск стал центром обширной Томской губернии, к концу столетия в сферу административного и управленческого воздействия Томска входила вся Западная Сибирь, а в ряде случаев и Казахстан. Торговля по-прежнему играла ведущую роль в его экономике, в ней формировались крупные капиталы томских купцов. Со временем усилился приток капиталов в промышленность. Томск складывался как транспортный узел региона, в городе появились новые средства связи - телеграф и телефон, формировалась сеть банков, открылась товарная биржа.

В начале XX века Томск стал одним из самых крупных торгово-промышленных центров Сибири. Изменился и его внешний облик, приобретший истинно городские черты. Экономическое становление Томска сопровождалось, а в ряде случаев и подталкивалось превращением его в культурно-образовательный центр всей Сибири в связи с открытием здесь первых в азиатской части страны высших и ряда профессиональных учебных заведений. Город притягивал к себе учащуюся молодежь, творческую интеллигенцию. В Томске жили многие замечательные деятели науки, культуры, искусства, чья деятельность определяла духовно-нравственную атмосферу города.

На протяжении многих лет сибирский город Томск был тем местом, где находили применение своим силам, знаниям и умениям не только ссыльные поляки, но и добровольно приезжавшие сюда с польских территорий и других мест Российской империи в «поисках счастья и чинов» специалисты разных профессий: чиновники губернских учреждений, врачи, мелкие предприниматели и купцы, профессора и сотрудники Томского университета и Технологического института, преподаватели Томской мужской и женской гимназий, инженеры - путейцы Сибирской железной дороги… К началу XX века в городе Томске уже проживала польская колония численностью около 4 тысяч человек; 9 тысяч человек жили

в сельской местности на территории нынешней Томской области.

Благодаря полякам, в Томске во второй половине XIX в. начало развиваться кондитерское и колбасное производство, появились «варшавские» гостиницы, фотосалоны, пекарни и парикмахерские, а также многие неизвестные ранее производства и виды деятельности. Многими экономическими и культурными нововведениями Томск обязан жившим в нём полякам или их потомкам. Огромный вклад в развитие высшего и среднего образования внесли представители польской диаспоры. Среди первых 6 профессоров открывшегося в 1888 году первого за Уралом Томского Императорского университета двое были по национальности поляками: профессор Станислав Залесский и профессор Александр Догель, ставшие в Томске крупными учёными с мировым именем. С развитием университета в последующие годы здесь работали профессора: Павел Буржинский, Иосиф Михайловский, Владимир Уляницкий, Виктор Юшкевич и многие другие. Учреждение и открытие в 1900 г. в городе Технологического института ознаменовалось тем, что для работы и учебы в нем в Томск прибыла очередная большая группа поляков студентов и преподавателей. В числе первых профессоров ТТИ были поляки Михаил Янишевский, Петр Соболевский, Станислав Доборжинский, Иосиф Рончевский, Александр Сабек, Николай Гутовский... Последний в 1921-1930 гг. был ректором ТТИ и внес большой вклад в его развитие.

Жена профессора Залесского, пани Ядвига Залесская, талантливая пианистка, стояла у истоков создания в Томске в конце XIX местного отделения Императорского музыкального Общества и была одной из его первых председательниц. Если продолжить тему вклада поляков в музыкальную жизнь Томска, то следует сказать, что устроительницей первой в Томске частной музыкальной школы в 1900 году стала жена правителя канцелярии попечителя Западно-Сибирского учебного округа пани Камилла Томашинская. Врач Владислав Пирусский, страстный

и последовательный пропагандист развития среди населения физкультуры и здорового образа жизни, был в Томске организатором и создателем первого в Сибири и третьего в России (после Одессы и Москвы) Общества содействия физическому развитию. По его инициативе в Томске было построено по проекту архитектора, выпускника Краковской архитектурной школы Болеслава Татарчука, специальное здание манежа - школы для Общества. В начале XX века владельцы томской строительной фирмы поляки Цезарь Любинский и Эдуард Веккер впервые в Томске начали применять в строительстве железобетонные конструкции, построив с использованием этого нового для Сибири строительного материала многие промышленные и гражданские здания и сооружения.

Благодаря варшавскому мещанину Брониславу Бородзичу, в Томске в 1913 г. была открыта первая в Сибири паровая конфетно-шоколадная фабрика, а топографом и землеустроителем Николаем Пиглевским учреждено в начале XX в. первое в истории Томской губернии частное земельно-техническое бюро. Он также был инициатором открытия в начале XX в. первого в Томске киоска для продажи газет. Инженером- механиком А. Ющинским в 1901 г. был составлен проект первого в Сибири городского водопровода, строительство которого было завершено в Томске в 1905 г. лагодаря Вячеславу Реутовскому, горному инженеру и промышленнику, в Томске была впервые построена городская электростанция и осуществлена в 1895 году электрификация города. Этот человек также являлся организатором и первым редактором первого в России специализированного журнала “Вестник золотопромышленности и горного дела вообще", начавшего выходить в Томске с 1893 года. Жителям Томска Павлу Вержиковскому и Дмитрию Швайковскому впервые в истории города принадлежит инициатива открытия в 1909 году общественного автобусного движения. В 1911 году студент Томского технологического института Фёдор Громадский создал первый в Сибири

двухместный планер собственной конструкции. Томский фотограф Станислав Петкевич явился автором первого изданного в Томске альбома художественных фотографий, посвящённых нашему городу. Уроженец Томска, сын ссыльного повстанца художник Казимир Зеленевский, стал инициатором учреждения в Томске в мае 1918 года первой в Сибири народной художественной Академии и при ней первой в истории города картинной галереи, а его предшественник, ссыльный польский повстанец Юлиуш Флек в середине XIX века издал в Варшаве первую серию гравюр с видами Томска.

Педагог, директор томской гимназии Борис Сциборский ещё в 1881 г. в Томске организовал и провел первый в истории образования Сибири учительский съезд, а организатор спортивной жизни в Сибири томич Бронислав Верниковский стал инициатором и организатором проведения в июле 1920 г. в Омске первой Сибирской Олимпиады. Примеры новаторской деятельности поляков в Томске не исчерпываются вышеприведёнными данными и могут быть продолжены. Деятельность в Томске в конце XIX – начале XX в. таких архитекторов как Павел Наранович, Наркиз Зборжевский, Константин Заранек, Владимир Сухоровский, Адам Енш, Станислав Хомич, Викентий Оржешко и других привела к тому, что в Томске были спланированы и построены многие здания и сооружения, ставшие украшением нашего города и памятниками архитектуры.

В течение длительного времени в Томске оказывали помощь больным врачи Никита Аккерман, Доменик Поцолоевский, Флориан Зацкевич, Людвик Крейбих, Фердинанд Маткевич, Дионисий Михайловский, Флорентин Оржешко, Иосиф Березницкий и многие другие. Кроме архитекторов и врачей в Томске также плодотворно работали многие поляки в качестве провизоров и приказчиков в торговых заведениях, горные инженеры и железнодорожные служащие, присяжные поверенные (адвокаты), учителя школ и гимназий, военнослужащие и работники полиции.

Весьма внушителен был в Томске контингент высокопоставленных чиновников, имевших в своем роду польские корни. Например, в разные годы в должности начальников губернии и гражданских губернаторов управляли Томской губернией И. И. Красовский, А. А. Ломачевский, К.С. Старынкевич, вице-губернатор В.К. Бискупский, управляющие Томской казенной палатой И.Н. Хроновский и И.Б. Маршанг.

В конце XIX – начале XX в. в Томске деятельность польской колонии была широка и разнообразна. В 1893 г. местным полякам удалось учредить и официально зарегистрировать благотворительное Общество при томском костёле, в составе которого было более 160 действительных и почётных членов, в подавляющем числе католиков -поляков. По сути, данное благотворительное Общество при польском костеле стало и первой официальной организацией томских поляков. Первыми председателями Общества избирались учитель гимназии Иосиф Быстржицкий, инженер Станислав Жбиковский, жена инженера п. Эмилия Бобенская, жена врача п. Люция Оржешко. Почетными членами Общества были томский губернатор Г.А. Тобизен, кс. Валериан Громадский, учитель гимназии Быстржицкий, супруги Бобенские, врач Флорентин Оржешко, фармацевт Константин Свидерский, чиновники Карчевский, Валда, Веруш-Ковальский, Карачевский - Волк и др. Члены Общества занималось организацией и проведением городских спектаклей и вечеров на польском языке, проводили многочисленные благотворительные акции, доходы от которых шли на содержание приюта для бедных польских детей-сирот и приюта для старцев, находившихся в специально построенных за счет Общества зданиях. В начале XX в. польская колония имела свою общественную польскую библиотеку, по числу книг уступающая только библиотекам Университета, городской бесплатной библиотеке и библиотеке губернской гимназии.

Таким образом, не в последнюю очередь благодаря жившим здесь полякам на рубеже XIX и XX веков Томск сложился как город интеллектуальный, настроенный оппозиционно по отношению к самодержавию. Он стал одним из центров либерализма и сибирского областничества. Вместе с тем нарастала полярность настроений, классовая нетерпимость, появилось стремление к отстаиванию своих прав и интересов в открытой борьбе. Стачки и забастовки рабочих, демонстрации студентов, подпольные кружки, затем политические партии - все это составляло картину общественно-политической жизни Томска в начале XX-го века.

События Февральской революции 1917 года вызвали ломку старых порядков. В Томске был создан новый орган власти - Комитет общественного порядка и безопасности, прошли первые в стране демократические выборы органов самоуправления - Томского губернского и городского народного собраний, возникли Советы солдатских, рабочих, офицерских депутатов. Томск стал центром общественно-политического развития обширного региона, здесь собирались и работали съезды, конференции, совещания многих, только что созданных политических, общественных, культурно-просветительных объединений.

Необычайно активна и разнообразна в этот период была также в Томске жизнь польской колонии. Кроме римско-католического благотворительного Общества в Томске существовали польская студенческая корпорация “Огниско", Польский народный клуб, Общество помощи полякам - беженцам, Общество помощи польской армии, Польский военный комитет и целый ряд политических организаций разной политической ориентации, а также «сибирско-польский» торгово-промышленный кооператив и польский банк.

В декабре 1917 года в Томске была провозглашена советская власть. Временное ее падение под ударами антибольшевистских сил завершилось новым приходом: 5-я Красная армия в декабре 1919 года вернула в городе власть

большевикам. С 1920 г. после изгнания из Сибири войск адмирала А. В. Колчака и восстановления советской власти все проблемы живших в городе и уезде поляков взялись решать польская секция РКП(б) при Томском губкоме партии и польский отдел при губнаце.

После образования независимой Польши тысячи поляков выразили желание вернуться на родину и смогли это сделать в 1921-1922 г. по итогам Рижского договора. Однако те из них, кто глубоко пустил корни в Сибири, имел смешанные браки и свое дело, решили не торопиться с отъездом, не видя в новой власти угрозы своему существованию. Тем более, что часть живших в Томске поляков приняла сторону большевиков и активно участвовала в установлении в Сибири советской власти и формировании новых органов власти. Так активными участниками установления советской власти в Томске были Феликс Галинский (комиссаром красногвардейского отряда), Антон Малиновский (членом Томского совдепа), Георгий Соболевский (секретарем Томского совдепа в 1917 г., членом Томского губревкома в 1920 г.), Аркадий Марцинковский (зам. секретаря Томского губкома РКП (б) в 1922 г.), Александр Щетлих, Вацлав Квятковский, Казимир Буляндо (деятели польской секции РКП). Членами Томского губревтрибунала в 1920-22 гг. были поляки Самуил Гершевич, Евгений Лосевич, Н. Войтовецкий, М. Ковецкий, Е. Смеловский, В. Стефановский и др. При их активном участии все существовавшие до 1920 года в Томске польские организации и общества прекратили своё существование.

В 1920-1930-х годах произошло понижение всех параметров развития Томска: он утратил былое административное значение, уменьшилась и экономическая роль города. Оказавшись на обочине индустриализации, город практически не рос в промышленном отношении. (Только эвакуация в Томск нескольких десятков крупных заводов в годы Великой Отечественной войны изменила ситуацию.) Томск оставался городом вузов, однако это не обеспечивало ни самим учебным заведениям, ни городу в целом сносного существования.

Материальные трудности жизни усугублялись правительственной политикой. Репрессии против горожан, начавшиеся сразу же после установления советской власти, нанесли городу невосполнимый урон, в том числе и живущим здесь полякам.

С середины 1930-х поляки в СССР стали рассматриваться советским руководством как опасный элемент, потенциальная «пятая колонна». В 1936 поляки (наряду с немцами) в ходе «очистки» Западных границ СССР подверглись массовому выселению с Украины в Казахстан и Сибирь. В годы репрессий 1930-х более 1,5 тысячи поляков, живших на территории Томской области, были арестованы и репрессированы в ходе т.н. «польской операции» (приказ № 00485) НКВД 1937-1938 годов. Всего же по Новосибирской области, куда до 1944 г. входил и Томск с прилегающими территориями, только с 25 августа 1937 г. по 15 ноября 1938 г. в ходе реализации данного секретного приказа НКВД СССР было осуждено 7441 поляков, из которых 7012 человек были приговорены к ВМН и расстреляны. К тому же на начальном этапе войны (в 1941-42 гг.) жившие в СССР поляки как представители одной из «неблагонадежных национальностей» не были мобилизованы на фронт, а направлены в так называемые трудовые колоны, мало отличающихся от концлагерей для заключенных.

В то же время с начала Второй мировой войны в результате политического демарша СССР и вступления Красной Армии в восточные территории Польши и присоединение их к советским Белоруссии и Украине, с начала 1940 по июль 1941 в ходе четырех операций в Сибирь и Казахстан было депортировано около 320 – 330 тысяч человек. Из них 19,5 тысяч человек выслано в Новосибирскую область. Часть их была расселена на территорию современной Томской области, многие оказались в самом городе Томске, пополним число его невольных жителей. По существующей тогда терминологии депортированные поляки и польские граждане подразделялись на категории «спецпереселенцев-осадников» (или «осадников и лесников»), «административно-высланных», «спецпереселенцев – беженцев» «ссыльнопоселенцев».

Эти категории высланных различались между собой социальным составом, уровнем образования и материального достатка, прежним образом жизни и системами жизненных ценностей. Однако для всех их без исключения условия новой жизни и работы вдали от родины стали настоящим испытанием в жизни. Далеко не все из них смогли выдержать выпавшие на их долю суровые физические и моральные испытания.

С началом в июне 1941 г. войны фашистской Германии с СССР город Томск стал местом, куда были эвакуированы около 50 тысяч человек из районов военных действий, а также несколько десятков промышленных предприятий, учебных, научных и культурных учреждений. Здесь было развернуто и работало множество госпиталей, из города на фронт отправлялись полки и целые дивизии.

После подписания в августе 1941 г. Польско - Советского договора о совместной борьбе с общим врагом в местах компактного расселения депортированных поляков стали организовываться местные органы самоуправления – избирались старосты и доверенные Польского посольства, получившие право организовывать культурную жизнь своих подопечных, открывать польские школы, детдома, приюты для инвалидов, получать и распределять финансовую и материальную помощь среди соотечественников, получаемую от Международного Красного креста. Представителем Польского посольства в Томске был назначен Болеслав Конецкий, получивший по амнистии освобождение из советских лагерей. Его усилиями в городах Томске, Колпашево, р. п. Тогур, селе Белый Яр были организованы польские школы для детей среднего возраста, а в Томске созданы для детей младшего возраста Польский детский дом (ул. Розы Люксембург № 48) и дом инвалидов (в бараке в районе «Черемошники») для престарелых. Осенью 1942 г. из Нарымского округа в Томск было отправлено около ста детей - сирот и несколько десятков человек инвалидов. В школах изучался родной польский язык, поляки получили право

отмечать свои национальные и религиозные праздники (данное право не распространялось на поляков - российских граждан). Некоторые из польских граждан вместо спецпереселенческих удостоверений получили новые документы, подтверждающие их былое польское гражданство. Однако к концу 1942 г. из-за ряда политических разногласий (ухода армии ген. Андерса в Иран, запросов правительства Польши в Лондоне о судьбе нескольких десятков тыс. интернированных польских офицеров, расстрелянных в 1940 г. в Катыни) и разрыва договора между СССР и правительством В. Сикорского положение поляков в СССР вновь резко ухудшилось. Бывшим польским подданным, жившим ранее на территориях Западной Украины и Белоруссии, в обязательном порядке предписывалось принятие советского гражданства (за отказ грозило лишение свободы сроком на 2 года в ИТЛ). В конце 1942-начале 1943 г. на территории области были арестованы по обвинению в стандартных обвинениях в шпионаже член польской делегатуры Болеслав Конецкий, ряд старост польских общин и их помощников (ок.50 чел.), находившихся в селах Нарымского края. Все они были осуждены на длительные сроки заключения.

После окончания второй мировой войны, в августе 1945 г. было подписано соглашение между ПНР и СССР о возвращении на родину тех поляков, кто мог доказать свое бывшее польское гражданство. Во второй половине 1950-х – начале 1960 гг. в Польшу смогла вернуться большая часть высылаемых в Сибирь поляков, однако этот процесс не коснулся многих тысяч поляков, граждан СССР, живших в России издавна.

С этого момента стало считаться, что "польская тема” на Томской земле прекратила своё существование. Последствия массовых репрессий в 30-е годы, а также естественная и поощряемая властями русификации так называемых «национальных меньшинств» приводили к тому, что в течение долгих 60 лет люди старались не вспоминать о своём «иностранном» происхождении, молчали и не знали о своих

родственниках за границей. Однако и в этих условиях сплошной советизации в Томске жили люди, кто не забывал своей польской родословной, традиций своих отцов и дедов.

В послевоенные десятилетия усилился экономический рост города Томска, в нем сложились и действовали крупные предприятия, значительная часть которых выступала составной частью российского военно-промышленного комплекса. На его обслуживание была ориентирована и наука, учреждения которой получили особенное развитие в 1970-1980-х годах. Возрастала численность населения, к середине 1980-х город достиг полумиллионного рубежа. Томск отличался высоким интеллектуальным потенциалом, однако под неусыпным контролем партии и органов госбезопасности в мировоззрении горожан укрепились социальный конформизм, политическая индифферентность, полная подчиненность тоталитарному режиму.

И только с конца 1980-х годов, когда политика гласности, расширение политических свобод вызвали большой энтузиазм горожан, в Томске стал активным процесс возрождения национального самосознания живущих здесь представителей разных народов, в том числе и поляков. В 1990 году в Томске местные католики добились возвращения общине своего храма – польского костела, в этом же году был учрежден центр польской культуры “Дом польский”, в 1995 году отделом юстиции Томской областной администрации был зарегистрирован Томский Польский национальный центр "Белый Орёл", ставшие первыми очагами по возрождению «польскости» среди местных поляков: изучению польского языка и культуры Польши, возрождению веры своих предков. В 2003 г. в Томске была учреждена национально-культурная Автономия поляков - «Томская Полония», призванная объединить усилия всех заинтересованных сторон по налаживанию культурных и экономических мостов Томского региона с Республикой Польша.

ЧАСТЬ I

Глава 1.

К истории правого положения Католической церкви в России до 1917 г.

История римско-католической Церкви в России насчитывает несколько столетий и по праву является одной из традиционных религий. В тоже время до сих пор в сознании значительной части россиян сохраняется немало догм и предрассудков в отношении данной конфессии, связанных не только с отсутствием достоверной информации, но и с определенными политическими целями, позицией к католикам руководства русской православной Церкви.

Роль римско-католической Церкви в российском обществе на разных этапах была разной, и её положение зависело от конкретных социально-политических условий и, естественно, изменялось. Вместе с тем католицизм как религия, была притесняема и гонима даже тогда, когда ей покровительствовало государство, ибо она никогда не считалась русской религией. На протяжении многих веков католицизм через призму официальной идеологии рассматривался не иначе как религией иноземцев, врагов православных русских, в лучшем случае религией небольшой кучки представителей национальных меньшинств в Российской империи.

Причины такого отрицательного отношения представителей светских властей, православной Церкви, значительной части российского общества к католической Церкви имеют давние исторические корни и во многом зависели от следующих факторов:

1. В России только православие имело статус официальной государственной религии, а все остальные конфессии находились на положении всего лишь терпимых.
2. В католицизме светская власть всегда видела опасность для себя, т.к. римско-католическая Церковь в России всегда пыталась выйти из-под её влияния, ибо всегда тяготела к Папскому престолу. 3. Католическая церковь здесь на

протяжений столетий являлась заложником сложных государственных отношений российской империи с западными странами и, в частности, с католической Польшей. 4. Значительную роль в поддержании антикатолических настроений в России играли национальные чувства русского населения и их русский патриотизм, на протяжении веков складывающийся на противопоставлении всем западным ценностям, в том числе и религии. 5. Наличием догматических различий между православием и католичеством.

Таким образом, только через призму вышеизложенных факторов, можно рассматривать историю католических приходов в России до 1917 года. Понятие «католицизм» произошло от греческого «всеобщий», «вселенский» и «всеобщая Церковь». В религиоведении и истории религий католицизм обычно именуется Римско-католической или Римской Апостольской Католической Церковью. Католицизм является одним из основных направлений христианства (наряду с православием и протестантизмом) и получил широкое распространение во многих странах мира, в том числе и в России.

Однако история католичества в православной России до сих пор недостаточна изучена, в том числе и её правовое положение, довольно сложные взаимоотношения с государством и господствующей православной Церковью. Достаточно сказать, что вплоть до XVIII века сам термин «Католическая Церковь» в России имел уничижительное значение.

Вместе с тем история свидетельствует, что на начальном этапе взаимоотношения Руси и Рима X – XII вв. были тесными и дружелюбными, в том числе и в религиозной сфере: при строительстве православных храмов велико было влияние романского стиля; в православных церквях употребляли богослужебные предметы латинского типа, широко применялись термины латинского, а не греческого происхождения; в русских

молитвах упоминались святые, канонизированные только Римской церковью и пр.[2]

В домонгольский период между Русским государством и латинским Западом существовали благожелательные отношения, а иноверцы в русских городах пользовались правами религиозной свободы. Однако с упрочением позиций на Руси христианства византийского образца связи Рима с Русью ослабевали, а между народами, исповедующими латинское и греческое христианство, стала под влиянием своих священнослужителей возрастать вражда, от умеренного запрета общения с «еретиками» до крайнего религиозного фанатизма. Немалую роль в этом процессе играла византийская церковная иерархия и зарождавшаяся верхушка Русской Православной Церкви, которая не допускала распространения на Руси инославных, т.е. христианских, но не православных конфессий.

Особенно этот процесс усилился после завоевания Константинополя османами и распространения на Руси теории монаха псковского монастыря Филофея о вселенском призвании Русской Церкви: «Москва – третий Рим». Согласно этой концепции Рим и Константинополь были якобы наказаны Богом и пали вследствии отступничества от православной веры. Москва же становилась всемирным политическим и религиозным центром, оплотом и хранительницей православия «до конца света». Согласно наставлениям православных митрополитов прямо запрещалось не только всякое общение с «еретиками», но даже с ними «в едином сосуде питии и ясти», «их целовати», брататися и поклонитися» [3].

Еще большее противодействие «латинянам» было вызвано в России в ходе так называемой «Смуты» конца XVI - начала XVII веков, причины которой некоторые русские историки непосредственно связывали со стремлением Рима и связанную с ним Польшу подчинить себе Русскую Православную

---

[2] Карташов А.В. Очерки по истории русской церкви. М. 1993. Т-1. с.265- 266; Чаплицкий Б. История Церкви в России. с. 7.

[3] Карташов. А.В. Указ. Соч. Т.1. с.263- 264.

Церковь. После изгнания из Москвы «польских иноземцев» чувства религиозного и национального патриотизма и ненависти к «латинянам» возросли до таких размеров, что при царе Михаиле Романове доступ католическому духовенству в Московское государство был категорически запрещен, а православные монахи отказывались изучать латинский язык, «дабы не впасть в ересь». На поместном соборе Православной церкви 1690 г. латинофильство было осуждено как ересь, а, согласно Соборного Уложения от 1649 г., крупнейшего памятника русского права, иноземцам, не принявшим православия, под угрозой наказания запрещалось вступать в родственные связи с русскими, владеть поместьями и другой собственностью. Правда, за «совращение из православия в мусульманство», согласно этого же Уложения, наказание было намного суровее и каралось сожжением виновного.

Препятствия конфессионального характера осложняли и делали порой даже невозможными социально-экономические, торговые и культурные связи с Западной Европой, а судьба католиков в стране целиком зависела от поворотов политической истории.

И все же законы жизни, законы экономических и торговых отношений России с Западом вызывали насущную необходимость возрастания контактов православных россиян с представителями католического и протестантского Запада – приглашенными специалистами из Италии, Франции, Германии, Голландии и других стран. Правда и здесь, как указывают архивные данные, российские власти, приглашая специалистов в Россию, в первую очередь обращали внимание не на профессиональные качества иноземца, а на их вероисповедание, отдавая предпочтение протестантам, а не католикам.

Пребывание католических священников в России было разрешено только при царевне Софье. При ней же в 1685 году католиками-иезуитами была открыта первая католическая школа, а в 1686 г. в Немецкой слободе официально было разрешено строительство первой католической церкви, что

было сделано в следующем 1687 году (первая протестантская церковь в Москве была построена на 100 лет раньше – в 1575 году).

Она же в царской грамоте от 21 января 1689 г. объявила о полной веротерпимости в России и обещании свободы тем, кто был притесняем у себя на родине, и приглашала ехать в Россию « …безо всякого опасения».

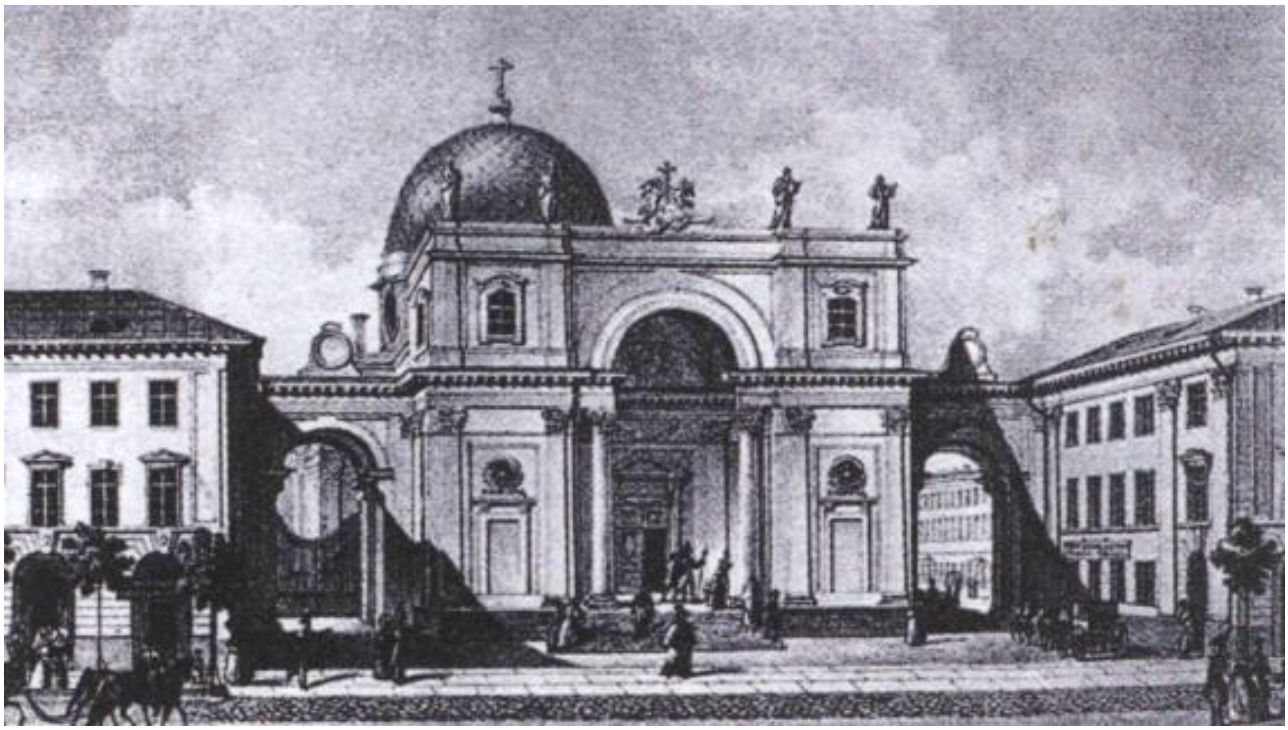
Особенно усилился процесс роста контактов с Западом в связи с реформами царя Петра I. Широко известно, что Петр Великий поощрял проникновение в Россию западной культуры, особенно благоволил протестантам, что, однако благотворно сказывалось и на отношении к католикам. 16 апреля 1702 г. им был издан Манифест, обращенный к населению европейских государств в целях привлечения иностранцев в Россию «какой ни есть веры», а один из пунктов Манифеста провозглашал даже свободу вероисповедания и право каждому жителю России частного и публичного отправления богослужения.

В этот период религиозная политика государства определялась церковной реформой Петра I, согласно которой, с одной стороны, православие было объявлено государственной религией, а с другой стороны в целях устранения её политической роли, было ликвидировано патриаршество и вместо него введена должность местоблюстителя патриаршего престола, а затем Святейший Синод. Таким образом, Русская Православная Церковь была лишена самостоятельности и стала частью государственного аппарата. Та же политика проводилась и по отношению к Католической Церкви. Более всего император благоволил протестантизму.

В первый год своего существования Священный Синод принял указ, разрешавший браки православным с лицами других христианских исповеданий без условия перемены веры. Однако по этому указу родившиеся дети от такого брака в обязательном порядке должны были быть причислены к православию, а их неправославный родитель обязан был дать расписку, что не будет совращать свое дитя в свою веру.

Данное правило просуществовало вплоть до начала XX века и было изменено только в 1905 году.

Период так называемых «дворцовых переворотов», характеризуемый ещё и как период «засилья иностранцев» был благоприятным периодом для католиков в России, а в период так называемого просвещенного абсолютизма при Екатерине II католики получили наибольшую свободу. Именно при Екатерине II были установлены официальные отношения с Ватиканом, а в конце XVIII в. учреждена в России Папская нунциатура, просуществовавшая с некоторыми перерывами до 1917 года. Она последовательно проводила принцип провозглашения свободы вероисповедания, утвердила ряд нормативных документов и специальный Регламент, регулирующий отношения с католиками и их священниками. Вместе с тем, продолжая традиции предшествующих монархов игнорировать позицию Рима, она, вопреки Папской буллы запретила роспуск ордена иезуитов на территории российской империи и покровительствовала их пребыванию в стране.



1.2. Костел св. Екатерины в Санкт-Петербурге. Литография по акварели В. Садовникова.1830-е гг.

После раздела Польши и присоединения к России значительной территории с преимущественно католическим

населением число католиков возросло до нескольких миллионов человек. Желание единоличного управления данной территорией и людьми на ней привело императрицу к решению без всякого согласования с Ватиканом учредить в России специальное римско-католическое епископство, контролируемое не Престолом, а властью из Санкт-Петербурга. 12 мая 1774 г. такая епархия была учреждена с центром в Могилеве и управлением из российской столицы. Управлять епархией стал епископ польского происхождения Станислав Богуш - Сестренцевич, полностью послушный воле императрицы.

При Павле I было продолжено организационное и правовое оформление католической Церкви. Так, в 1800 г. были изданы Инструкции внутреннего распорядка и управления немецкими колониями в России, где Церкви отводилась одна из главных ролей, при Юстиц-коллегии был создан специальный Римско-католический департамент, переименованный вскоре в Римско-католическую Духовную Коллегию. Законодательным актом, кардинально повлиявшим на положение российских католиков, стал Указ от 25 июля 1810 г., учреждающий в России Главное управление Духовных Дел иностранных исповеданий – высшее административное учреждение для управления иностранными вероисповеданиями на территории Российской империи. В 1824 г. оно было преобразовано в Департамент Духовных Дел иностранных исповеданий. В 1832 г. он был присоединен к Министерству внутренних дел. В соответствии со Сводом законом империи, рассмотренным Государственным советом и введенным в действие с 1 января 1832 г. все вероисповедания в России делились на три группы: 1) первенствующее и господствующее – православие; 2) терпимые – «иностранные» христианские исповедания, т.е. католицизм, лютеранство, другие течения протестантизма, а также ислам, буддизм – ламаизм, иудаизм, язычество; 3) гонимые – старообрядчество и сектантство, возникшее на почве православия[4].

[4] Свод Законов Российской империи. Т-1. Ч.1. СПб., 1857.

Таким образом, деятельность католической Церкви, как впрочем, и других Церквей, находилась под жестким контролем административных органов. Для католиков вся переписка с Ватиканом должна была пройти перлюстрацию в Министерстве внутренних дел. Прозелитизм и миссионерство закреплялись в законе лишь за Православной Церковью и запрещались католическим миссионерам. Как уже указывалось, до издания высочайшего Указа о веротерпимости в 1905 г. дети от браков между православными и католиками считались православными, их переход в другую конфессию не допускался.

Однако следует отметить, что в начале XIX века были случаи перехода православных в католицизм, главным образом тайного. Главной причиной сознательного перехода некоторых православных, в основном из высших слоев русского общества, являлось отожествление католической религии с идеальной моделью демократической западной цивилизации с привлекательными для них принципами – «чистота веры, демократия, свобода» в противовес пропагандировавшейся в России теории «официальной народности» с её основными постулатами: – «православием, самодержавием, народностью». Например, именно в католицизме великий русский философ П.Я. Чаадаев видел способ просвещения и нравственного самосовершенствования России, за что был объявлен сумасшедшим, подвергнут медицинскому надзору и домашнему аресту.

Увеличение числа православных граждан, принимавших католичество в силу внутреннего убеждения, заставило пойти правительство на более радикальные меры пресечения подобных деяний. Так, в 1845 г. был принят первый уголовный кодекс России – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, имевший специальный раздел «Об отступлении от веры и постановлений церкви». В нем числе прочих преступлений указывалось и наказание за совращение из православия в иное христианское

вероисповедание. Виновный в таком преступлении наказывался лишением всех прав состояния, наказанию плетьми и ссылке «на житье в губернии Тобольскую или Томскую». Еще строже (к каторжными работами до десяти лет) наказывалось совращение православных в мусульманство, иудаизм или другую нехристианскую религию. В тоже время закон безмолвствовал в отношении насильственного обращения людей из других конфессий в православие, хотя такие факты имели место.

При царствовании императора Николая I особенно остро антикатолическая политика проводилась после подавления польского Ноябрьского восстания 1830-1831 гг., а затем Январского восстания 1863-1864 гг. Восстание поляков за свою независимость активно поддержало польское католическое духовенство, за что поплатилось многочисленной высылкой в Сибирь. После подавления этого восстания преследования и ограничения коснулись деятельности всей католической Церкви в России, ставшей заложницей «польского вопроса». Царство Польское было низведено до положения «Привислинского края», закрыто 80 католических монастырей, стали подвергаться русификации польские школы, польские ксендзы заменялись немецкими, около 20 тысяч поляков, в подавляющем случае католиков, были высланы на каторгу и поселение в Сибирь. А за то, что Папа Пий IX осудил политику царя в отношении преследования католиков-повстанцев, российский император в одностороннем порядке разорвал конкордат с Римом и отозвал из Ватикана своих послов.

Вместе с тем после подавления восстания жизнь католических приходов не остановилась, а в некоторых местах, особенно в Сибири, наоборот, активизировалась за счет новых прихожан из числа ссыльных. Открывались новые приходы, строились храмы и часовни. Так, к 1914 г. на территории России насчитывалось уже 1158 католических приходов, 1491 храмов и 1358 часовен, вели службу 2194 священника для

5 миллионов верующих[5]. Всего же в рамках Российской империи с включением и польских территорий насчитывалось 4600 священников и проживало 11, 5 миллионов католиков, что составляло почти 9 % населения страны[6]. По национальному составу 75 % католиков европейской и азиатской части России были поляками. В Тираспольской епархии большинство католиков были немцами. Католицизм исповедовали также литовцы, латыши, украинцы, чехи, армяне, русские и др.

Начало XX века в России ознаменовалось революционными потрясениями в ходе первой русской революции, что привело Россию к ослаблению самодержавия и преобразованию его фактически к конституционной монархии, что благотворно сказалось на положении и российских католиков. Они получили право вхождения в центральные органы государственной власти – Государственный совет и государственную Думу, право создавать свои общественные союзы и партии, широко заниматься не только благотворительной, но и политической деятельностью.

Следует отметить, что в тот период русской революции позиция католиков в России диаметрально расходилась не только с позицией деятелей «Союза русского народа», но и с целями и идеологией социал-демократических организаций, ставящих перед собой цель уничтожения не только самодержавия, но и частной собственности. Так, ещё в 1881 г. Папа Пий XIII в одной из своих энциклик указывал, что «Зараза, именуемая коммунизмом, социализмом, нигилизмом, представляет собой страшное зло и, по существу, смерть цивилизованного общества»[7]. Впрочем, не менее категоричен в отношении Церкви, и, в частности, католической, был идеолог коммунизма Карл Маркс. В одной из своих работ он, в частности, указывал, что «необходимо энергично бороться с попами, особенно в католических

---

[5] Книга памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР. С. XXII.
[6] Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России. Саратов, 2001. с. 160.
[7] Карлюк А.С. Очерки по научному атеизму. Минск, 1961. с. 241.

местностях… Эти собаки заигрывают, где это им кажется удобным, с рабочими»[8].

Вместе с тем, несмотря на провозглашенные принципы свободы совести и вероисповедания, светские власти России по-прежнему весьма настороженно относились к деятельности католического духовенства, постоянно усматривая в их действиях угрозу инакомыслия, католической пропаганды, польские или германские «устремления». Особенно ощутимо это стало проявляться с началом Первой мировой войны и как реакция на нее – развертывающейся антинемецкой пропагандой, а, следовательно, и с ростом антикатолических тенденций.

Поэтому в связи со свержением царской власти в России в ходе Февральской буржуазно-демократической революции официальный Ватикан не высказал никакого сожаления. Более того, с падением монархии у российских католиков, как и в Ватикане, появились надежды на улучшение правового положения католической Церкви в новой буржуазно-демократической России. Эти надежды были подкреплены уже тем, что уже в своем первом программном документе «Обращение к гражданам» Временное правительство объявило об отмене сословных, вероисповедальных и национальных ограничений. Далее, в апреле 1917 г. при МВД была создана специальная комиссия для пересмотра действующих российских законов о Римско-католической Церкви в России. 20 июня 1917 г. было принято постановление о передаче управления церковно-приходскими школами Министерству народного образования, тем самым, положив начало отделению школы от церкви. 14 июля 1917 г. было опубликовано Постановление «О свободе совести», законодательно закрепившее принципы веротерпимости в стране. Для реализации в жизнь принятых законодательных актов 5 августа было создано Министерство вероисповеданий с Департаментом Духовных Дел иностранных исповеданий.

---

[8] Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. М. 1961 г. т 24 с. 236.

Однако и здесь действия Временного правительства были половинчаты и непоследовательны: вместе с провозглашением принципов веротерпимости было провозглашено, как и ранее в монархической России, господствующее положение Православной церкви и её тесный союз с государством. Начавшимся демократическим переменам не суждено было реализоваться, так как с Октябрьского переворота и захвата власти большевиками началась совершенно иная эпоха в истории не только страны, но и истории Церкви, в том числе и католической.

Таким образом, говоря о правовом положении католиков в России во второй половине XIX – начале XX века, следует отметить, что католическая Церковь в России в этот период, период относительного улучшения своего правового положения, по-прежнему находилась заложницей в политических отношениях Запада с Российской империей. И в данный момент своей истории, светская власть, опираясь на полную поддержку православных иерархов, по-прежнему стремилась превратить римско-католическую Церковь в «русско-католическую» с центром не в Риме, а в Санкт-Петербурге.

И все же, несмотря на нелегкий путь становления, и своего существования в рамках господствующей государственной идеологии, католицизм в России добился к началу XX в. своего прочного места среди других конфессий в Российской империи, а её адепты играли не последнюю роль в социально-экономическом, политическом и культурном развитии страны на протяжении всего существования государства российского.

Глава 2.

Первые католики в России, Западной Сибири, Томске… (XVII–XVIII вв.)

Мы не знаем имени первого католика, оказавшегося в Западной Сибири, но вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах появились первые католики в Сибири и каков был их опыт первого общения и совместного проживания с православным населением первых сибирских посельников и местными аборигенами, чрезвычайно важен для понимания дальнейшей истории становления и жизни католических общин сибирского региона.

История пребывания поляков в Сибири неотрывна от истории католиков в России и является её логическим продолжением. Московское государство, сполна воспринявшее от Византии вместе с православием неприязнь и враждебное отношение ко всему латинскому миру, вместе с тем нуждалось в европейском образовании, было заинтересовано в расширении экономических и культурных контактов с католическим и протестанским западом.

После женитьбы Великого князя Ивана III на Софье Палеолог в Москву прибыло немало инородцев - католиков из числа знающих и умелых мастеров. Так, итальянский мастер Аристотель Фиораванти выстроил в Москве каменный Успенский собор, стал лить пушки, чеканить монету и т.д. Видя явную пользу для дел княжеских работы этих мастеров, Иван III стал и в дальнейшем хлопотать о приглашении в Россию «гораздых людей». В 1450 году посланниками из Московии к Папе Римскому была привезена из Италии в Москву большая группа зодчих, оружейных дел мастеров, лекарь и даже музыкант - органист, а в XVII веке, во времена Ивана Грозного, итальянским, венецианским и австрийским купцам было даже разрешено приезжать с «попами их веры»[9].

[9] Цветаев Д.В. Протестанство и протестанты в России до эпохи Преобразований. М., 1890. с.16, 29.

Многим хорошо известно, что при Петре I было «прорублено» в Европу не только окно, но и широко распахнута дверь для мастеров, которых охотно приглашали на военную службу, в качестве строителей городов и флота, для работы на горных заводах и т.п. При нем же были построены первые в России католические храмы в Москве и Санкт-Петербурге. И всё же вплоть до самого конца XVIII века католиками в России были в основном только иностранцы. Активно привлекая иностранцев в Россию как специалистов и давая им возможность применить свои знания и талант на пользу российской державы, правительство в то же время весьма неохотно давало им возможность совершать религиозные службы «по их вере» и разными мерами стимулировало их переход в православие.

Массовое проникновение поляков в Россию начинается с походом Лжедмитрия Первого осенью 1604 года и почти совпадает с датой основания Томского острога, постройка которого была закончена в сентябре 1604 г. (Кузнецкий острог был основан в 1618 г., Енисейск - в 1619 г., а Красноярск - в 1628 г.).[10] После этого момента польское направление надолго становится основным для русской политики на Западе. Поляки и «литва» начинают массово появляться в России и как военнопленные, и как перебежчики «под высокую государеву руку». Численность их в сибирских городах колебалась, завися от периодически возникающих российско - польских войн и как следствие их- обменов пленными в ходе перемирий.

Исследователи отмечают, что население Томского уезда в XVII в. по своему составу было довольно сложным. Оно формировалось насильственно и добровольно за счет притока не только русских переселенцев, но и представителей разных национальностей, в частности, подданных Речи Посполитой. Самой многочисленной частью населения Сибири в тот период были служилые люди, в состав которых зачислялись наряду с русскими людьми иностранцы, в большинстве

[10] Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М.: Наука, 1987. – с. 16,25.

подданные Речи Посполитой и даже представители таких европейских государств, как Англия, Швеция, Франция.[11]

О роли иностранцев в заселении и освоении Сибири посвящены специальные публикации целого ряда дореволюционных и современных российских историков, а историография этого вопроса насчитывает уже более ста лет. (П.Н. Буцинский, Н.Н. Оглоблин, С. В. Бахрушин, П. М. Головачев, Г.Е. Катанаев, Н.Н. Фирсов, З.Я. Бояршинова, Д.З. Резун, Н.В. Емельянов, И.Р. Соколовский и др.), которые в своих работах ставили задачу выявить роль иностранцев в заселении и освоении этого региона в XVII веке. Но, как правило, их попытки сводились к общим описаниям и исследованию здесь численности иностранцев, рассмотрению их роли в деле колонизации сибирских земель, экономической, культурной жизни сибирского общества XVII в., (оценка степени этого влияния и участия иностранцев в колонизации сибирских земель у исследователей различна). Однако эти работы практически не касались одной очень важной стороны жизни иноземцев в Сибири – их вероисповедания и религиозной практики.

Как уже отмечалось, начало строительства Томского острога в 1604 году, а затем становление в восточной и южных частях Западной Сибири и других русских поселений проходило в период целого ряда польско-русских войн. Захваченные в плен или добровольно перешедшие на сторону России поляки, литовцы, украинцы, белорусы и другие «иноземцы» рассылались по разным городам Сибири, где они зачислялись в состав служилых людей, названных просто «литвой», объединявшей всех служилых людей иностранного происхождения.

Строительство и обустройство сибирской крепости – города Томска длилось несколько лет, в котором принимали участие, несомненно, и пленные поляки из литовских войск

[11] Емельянов Н.В. Томские служилые люди «Литва» в XVII- первой четверти XVIII вв. // Проблемы исторической демографии СССР. Сб. ст. Вып. II. Томск - 1982. с.34.;

Зигмунда Вазы. На это указывает документ от 1609 года, в котором томский воевода Василий Волынский доносил царю о направлении поляков для сбора ясака с кузнецких татар.[12]

1.

3. Польская шляхта в XVII столетии. Литография конца XIX в.

[12] Aleksander Maciesza. Dzieje Koloni Polskiej w Tomsku. 1604 -1900.«Przeszłość». № 6-7- 1934 r. s. 82.

Указывают исторические хроники и на то, что военнопленные поляки принимали участие в становлении в 1620 году Кузнецкого острога, первого поселения русских в южной части Сибири. В течение почти двух веков Кузнецкий острог был форпостом, далеко выдвинутым на южных рубежах Российского государства.

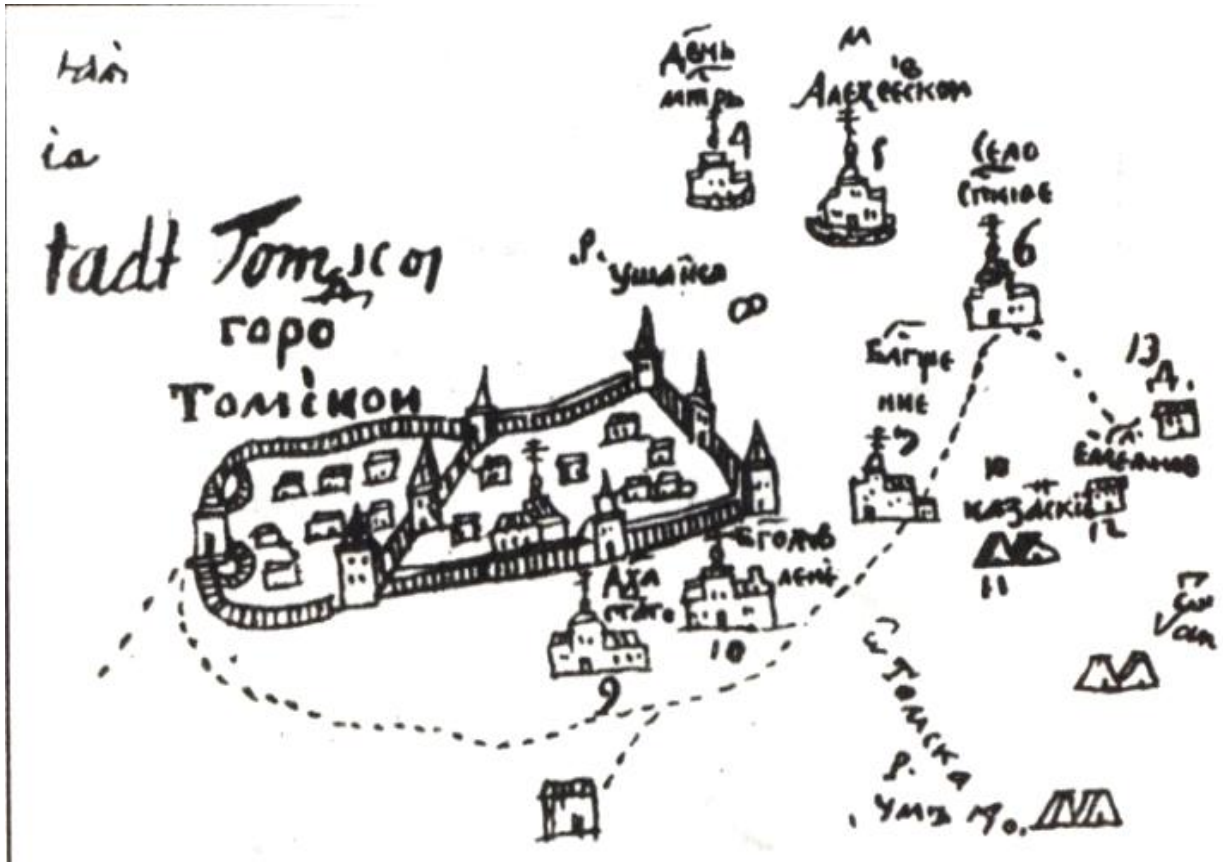
Здесь, вокруг Кузнецка, в течение долгого времени сталкивались стратегические интересы России, Джунгарских хун-тай-джи и кыргызских (алтысарских) князей, и долго еще набеги степняков угрожали русским поселениям в окрестностях Кузнецкого острога (как, впрочем, и Томского), включая в орбиту событий тех лет находившуюся здесь «литву».

Служебные обязанности казаков «литвы» были самыми разнообразными и не ограничивались только военными действиями. Помимо сторожевой службы, они должны были заниматься сбором ясака с местного коренного населения, ездить за хлебными и оружейными припасами, сопровождать солевые обозы, выполнять посольские обязанности и другие поручения воеводской канцелярии.

Из-за гибели во время пожара архива Казанского дворца сохранилось очень мало известий о томской «литве» до 1626 года. В ходе пожара были утрачены дела, в которых имелась информация о первых годах созданных сибирских уездов. Первые же достоверные сведения о «литве» Томска дает «Книга именная Томского города» за 1626 г. В ней перечислены 20 человек иноземцев - «литвинов». Например, в 1619 г. в Сибирь было сослано сразу 75 чел. В 1623 году в Томск был сослан поляк Андрей Просовецкий вместе со своим братом, для которых в месте их ссылки предписывалось поставить двор, огородить его и быть в «приставстве» добрым служилым людям»[13]. В августе 1633года в Томск была прислана следующая группа из 150 человек «литовских людей», часть из них была поверстана в конные и пешие казаки, некоторые поверстаны

[13] Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955, т. 3, ч. II, с. 163.

в дети боярские, а другая часть влилась в пашенные крестьяне [14]. Всего, по исследованиям П.Н. Буцинского, с 1590-х гг. по 1645 г. сослано в Сибирь было 1500 человек, из них нерусских подданных числилось 650 человек. Последние были людьми из неприятельских армий, «которые иманы на бою во языцех», и иноземцы, служившие в русском войске и сбежавшие во время войны к неприятелю, затем захваченные в плен.[15] Среди них находились поляки, черкасы, латыши, немцы. Впоследствии они оказывались в Тюмени, Тобольске, Томске, других сибирских городах. В ходе войны 1654 -1667 гг. многие военнопленные Речи Посполитой вновь оказались в Томске. Первая группа их из 12 человек была прислана из Москвы в 1656 году, далее приток их нарастал. По данным разборной книги служилых людей, в 1657 году прибыло еще 8 поляков, в 1659 году - 10, к 1667 году прибыло еще 25 человек «польской породы».



1.4. План города Томска из чертежной книги Сибири

14 Оглоблин Н.Н. Заговор Томской «литвы» в 1634 г. Киев,1894. с. 3.

15 Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889, с. 199.

Разборная книга Томского города на 1681 год среди выходцев из Речи Посполитой перечисляет 46 детей боярских, 22 конных и пеших казаков и 4 отставных служилых человека, или всего 72 чел.[16]

Начавшись в начале XVII в. формирование служилых людей «литвы», происходило вплоть до конца первой четверти XVIII в., окончательно слившись с русским населением к 1725 г., когда о ней мы не находим даже упоминаний. В 1724 году при утверждении новых штатов гарнизонов правительство уменьшило численность служилых людей в Сибири, отменив деление на «шляхту» - «литву» или «иноземного списка казаков». С этого времени состав гарнизонов стал подразделялся на дворян, детей боярских, конных и пеших казаков без определения национальной принадлежности. По подсчётам П.Н. Буцинского, за период с 1593 по 1645 годы было сослано на службу в Западную Сибирь около 650 иностранных поданных[17]. Н.Н. Оглоблин считал, что цифру ссыльных, приведенную в книге П.Н. Буцинского «смело можно увеличить едва ли не вдвое» [18]. По данным С.А. Белокурова в 1633 г. в тобольском гарнизоне на 1175 человек, было 140 «иноземцев - литвы, поляков, черкас, немцев»[19]. Позднее он подсчитал, что с 1654 по 1661 г. в Сибирь было сослано 620 иностранцев мужского пола, из которых «оставлено было в Тобольске всего 136 поляков, 3 немца, 2 шведа и несколько казаков»[20].

Писал о пребывании в Сибири служилых «иноземцев» также историк сибирского казачества Г.Е. Катанаев. Говоря о комплектовании сибирского казачества, он отметил, что оно, в отличие от «вольного» Донского, Яицкого и Запорожского, формировалось «исключительно по царскому указу и по воеводскому наказу, не только нарядом потребных людей,

---

[16] Емельянов Н.В. Томские служилые люди «Литва» в XVII - первой четверти XVIII вв. с. 37.

[17] Буцинский П.Н. …Указ соч. с.199.

[18] Оглоблин Н.Н…. Указ соч. с.117.

[19] Белокуров С.А. Из духовной жизни московского общества. М.,1903. с.109.

[20] Белокуров С.А. Указ соч. с.113.

но и прямо ссылкою в Сибирь как преступников, так и всякого рода пленных «черкес» (малороссов и запорожцев), «литвы» (поляков) и «немцев» и состав сибирских служилых людей, можно сказать, переполнен был всякими иноземцами до «французжан» включительно». Эти иноземцы «обыкновенно навсегда в казаках и оставались со всем своим потомством, принимавшим православие и менявшим даже свою фамилию...» Учитывая, что бывшие военнопленные - «литва», «немцы» - были более «грамотны, бывалые и видалые», то и понятно стремление правительства верстать их в сыны боярские и в конные казаки, формируя из них «целые команды «литовского списка» и посылая во всякие более или менее видные и ответственные командировки». [21]

По данным современных сибирских историков, в Западной Сибири во второй половине XVII века всех казаков «литовского списка» (поляков, белорусов, литовцев, украинцев, т.е. бывших подданных Речи Посполитой и их потомков) и «немчинов» (французов, шведов, испанцев, итальянцев) насчитывалось 5-6 тысяч человек. [22] Для малонаселённой Сибири это была значительная цифра. В разные годы той эпохи в разных городах Сибири численность казаков иноземного списка была различна, и были примеры, когда они составляли не менее 40 процентов от общего списочного состава служилого населения города. Всё это порождало сложное переплетение духовных культур, традиций городского образа жизни.[23] Современному исследователю данной темы проф. Д.Я. Резуну принадлежит уникальная попытка выявления всех «немцев» в Сибири на протяжении XVII века. Ему удалось выявить 212 персоналий «немцев»

---

[21] Катанаев Г.Е. Западно- сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. СПб.,1908. Вып.1., с.3,9.

[22] Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий. (История Сибири в биографиях и родословиях). // Новосибирск. 1993. с. 83.

[23] Резун Д.Я., Василевский Р.С. Летопись сибирских городов. //Новосибирск. 1889. с.53.

на русской службе.[24] Он также подсчитал количество иностранцев в Кузнецке в 1625 и 1681 гг. По данным Д.Я. Резуна в 1625 г. «черкасы» (предки современных украинцев) составляли четверть острожного гарнизона Кузнецка.[25] В начале 1660-х годов в гарнизоне насчитывалось около 35 поляков, что составляло примерно 15 % его общей численности. К 1681 г. эта цифра в силу разных причин сократилась до 13 чел.[26]

Давая характеристику «Кузнецкой литве», как, впрочем, и «томской» он сгруппировал её на три части. К первой отнес часть шляхты (Петр Буткеев (Буткевич), Роман Грожевский, Павел Рыхлевский), которые сами добровольно «отъехали со своих вотчин на государя к Москве». Здесь они, как правило, крестились в православие, верстались в сыны боярские на государеву службу в разные «русские и сибирские городы». Другая часть шляхты «действительно не по своему желанию оказалась в Сибири: они были «взяты на бою» во время войны между Россией и Польшей. Но при обмене пленными многие из них, как это написано в источниках, «не похотели итти на размен» и решили остаться в России, перешли в православие и были поверстаны в сыны боярские». Их перевод на службу в Сибирь, в Кузнецкий и другие остроги, также не рассматривается как ссылка: «это было обычное передвижение военно-служилого населения, причём, часто с повышением в должностях и окладах». В-третьих, были и такие служилые иноземцы, которые взяты были «на бою» и принудительно отправлены на «государеву службу» в сибирские города. Из этих иноземцев редко кто крестился в православную веру. Все они служили преимущественно в конных казаках и при «розмене» вернулись домой в Польшу и Литву. Однако и из них некоторые не смогли вернуться

---

[24] Rezun D., Zuev A."Nemcy" im Staatsdienst in Sibirien. Ende des 16 bis Ende des 17 Jahrhundert ["Немцы" на государственной службе в Сибири. С конца XVI по конец XVII века] // Berliner Jahrbuch fuer osteuropaeische Geschichte. Berlin, Akademie Verlag,1996. N 2. s.55-73.

[25] Резун Д.Я. Указ. соч. 1993., с.37.

[26] Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий… Указ. Соч. 1993., с.39.

на родину, осев в Томске, Кузнецке и других сибирских городах,[27] со временем заведя семьи и потомство, продолжавшее носить в Сибири фамилии польской шляхты: Борковских, Буяновских, Валишевских, Годлевских, Грошевских, Подборских и др.

К сожалению, большинство документов XVII в. не дают точных сведений об этнической принадлежности выходцев из Речи Посполитой, коротко называя всех одним словом «литва», а также не содержат сведений об их вероисповедании. Данное обстоятельство не позволяет проследить в полной мере её роль на денежное жалованье, хлебное довольствие и продвижение по службе этих иноземцев по сравнению с теми, кто принял православие. Думаем, что в данном случае здесь прямой зависимости не было, но то, что принятие православия способствовало скорейшему продвижению по службе, занятию более высоких должностей, и, следовательно, получению более высокого жалованья, достаточно хорошо известно и никем из исследователей не оспаривается. Так, с 1630 г. по указу царя «иноземцев», знавших военное дело и принявших православие, начали верстать и в дети боярские[28]. Дети боярские «литва» составляли верхушку служилого населения. Они получали за службу сравнительно высокие оклады: от 10 до 20 руб. в год, 10-20 чет. ржи и столько же овса, 3- 4 пуда соли. Должности, занимаемые детьми боярскими, были командными. Например, в 1657 г. Юрий Ядловский руководил строительством Сосновского острога, в 1684 г. Юрий Соболевский – Уртамского.

По данным 1680 г., «литва» составляла около 8% служилых людей и около 2% всего населения Томского уезда, ставших основателями около двух десятков деревень из 200 известных к концу первой четверти XVIII в., а в 1720 г. в составе томских

---

[27] Резун Д.Я. «Литва» Кузнецкого острога в XVII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII-XX вв. Екатеринбург, 1993.-с.39,40.

[28] Оглоблин Н.Н. Указ. соч., с. 6.

земледельцев «литва» имела уже 5-6% всех дворов[29]. Несколько хуже было положение у конных и пеших казаков «литвы». Они в меньших размерах получали жалованье за службу: в год 6-8 руб., 5-6 чет. ржи, 4-5 чет. овса и 2-3 пуда соли. Однако насколько это зависело от вероисповедания трудно определить, так как данные говорят о том, что в 1680 г. многие из конных и пеших казаков - «литвинов» обзавелись в Сибири семьями, что было невозможно сделать, не приняв православия. Попавши в служилые люди, они принимали православие, заводили свое потомство и хозяйство, меняли часто свою фамилию: Ян Березуцкий делался Иваном Березовским, Иосип Кобылянский - Осипом Кобылиным, а запорожский атаман Михайло Скиба, сосланный в Томск, обратился в Михалку Скибина.[30]

Но как свидетельствуют архивные документы, далеко не всегда процесс адаптации военнопленной «литвы» с местными условиями и «православными обычаями» проходил гладко. В этом отношении красноречив документ - отписка кузнецкого воеводы от 1627 г. об отказе местного священника крестить в православие присланных на службу в Кузнецкий острог «католическую литву».[31] Этот документ показывает, что местное население, особенно служители Православной церкви, и в Сибири отрицательно относились к контактам с «литвою».

Также как далеко не все из пленных с легкостью хотели поменять свое имя, фамилию, веру и стать православными. Были и те, кто категорически отказывались принять православие, тем самым получить право на женитьбу и продвижение по службе, а мечтал вернуться на родину в ходе очередных перемирий и разменов. Известен случай, когда группа из 38 енисейских иноземцев подала челобитную, в которой они отказывались от православного крещения,

---

[29] Емельянов Н.В. Томские служилые люди «Литва» в XVII первой четверти XVIII вв. с.42.

[30] Исторические акты XVII столетия. 1890, с.35-43.// Н.В. Емельянов. Томские служилые люди «Литва» в XVII-первой четверти XVIII вв. с. 42.

[31] РИБ. СПб.,1884. Т8. С.467-470,N11-33.

а значит и от возможности остаться в Сибири. Воевода Василий Голохвостов писал, что выполняя указание правительства, он «*говорил им, чтоб они крестились в [право]славную христианскую веру. И те, великий государь, польские и литовские люди полковника Михайло Криса со товарищи тридцать восмь человек подали мне, холопу твоему, в съезжей избе скаску за своими руками. А в скаске, великий государь, их написано: в прошлых де годех, по твоему, великого государя, указу присланы они в Енисейской острог, а в Польской де оне земле крещены [инозе]мским крещением, обливаны, а не в три погружения, как у них в Польском королевстве преж сего [бы]ло и ныне вера у них с тоим. А в Московск[ом] государстве и в русских, и в сибирских городех святым крещением греческаго закона в три погружения не крещены и впредь креститца не хотят*».[32]

«Литва» с трудом сживалась с новой обстановкой и томилась по родине. Далеко не все остались навсегда в Сибири. Как сообщает Н. Н. Оглоблин, первый размен пленными состоялся в 1619 году. Согласно Поляновскому мирному договору в 1634 г. возврату домой подлежала следующая партия, и часть их возвратилась на родину. Размен военнопленными производился также в 1662 г., когда из Томска к Костроме и Ярославлю была отправлена под охраной часть их (им на дорогу из казны выдали 300 руб.).[33] Следующий размен состоялся после Андрусовского перемирия в 1667 г.

И все же далеко не все из пленных, кто хотел воспользоваться обменом и уехать на родину, могли это сделать. Местная администрация весьма неохотно давала свое согласие на обмен, не желая терять в своем подчинении казаков, хорошо знающих военную службу. Отмечая военную ценность и культуру польских пленных, воеводы пробовали их оставить разными способами: склоняли к обращению в православие, через женитьбу, через обещание повышения и лучшего вознаграждения. Не удивительно, что после 1619 года, а затем и в последующие годы в Томске остаётся большое число поляков и литовцев.

---

[32] РГАДА.стб.577.ЛЛ.474,475.

[33] Емельянов Н.В. Указ. соч. с.38.

Многим из бывших пленных приходилось приложить немало усилий, чтобы устоять от произвола местных властей и получить разрешение на выезд при очередном обмене. В этом плане показательна челобитная «нововерстанного сына боярского» Казимера Девялтовского, датированная приблизительно 1664/ 65 годом, в которой он сообщает о размерах взяток, данных им за то, чтобы была отправлена в Москву его другая челобитная с просьбой отпустить его на родину. За согласие отправить челобитную Девялтовского воевода получил иноходца ценой «15 рублёв, да денег 15 рублёв, да подьячий Парфирий Петухов взял 6 рублёв, да муки ржаные десять пуд, цена за пуд по пяти алтын».[34]

Сосланные пленные поляки, отягощенные гарнизонной службой и лишённые религиозного утешения, охваченные тоской по родине, часто переживали смену настроений, вызываемую быстро меняющимися политическими событиями в российском государстве начала XVII века, которые хоть и с задержкой, но достигали Томска. Например, в период Смуты присяга по поводу вхождения на российский престол Дмитрия Самозванца, потом благодарственное богослужение по поводу его убийства, вхождение на престол царя Василия Шуйского, а затем радостная для поляков весть о приглашении на русский трон польского королевича Владислава, потом вновь анафемы и проклятия в адрес «ненавистных латинян польской породы».

Дальнейшие конфликты Москвы с Речью Посполитой неизменно сказывались на жизни её бывших подданных, оказавшихся в силу разных причин в далекой от родины Сибири. Если те из них, кто был причислен к категории «детей боярских», могли частично примириться с судьбой, имея лучшее обеспечение и службу, то причисленные в рядовые казаки и пашенные крестьяне были вовсе лишены каких-либо привилегий.

---

[34] РГДА.Ф.214.Стб.8.2.Л.1.// И. Р. Соколовский. Денежное жалованье и доходы сибирских иноземцев в XVII в. с.46.

Следствием этого были частые побеги. При удобном случае «иноземцы» старались бежать из Сибири, хотя это им редко удавалось. Так, в 1617 г. 60 «литовских людей» велено было раздать пашенным крестьянам «в науку». Когда же через два года они были затребованы в Москву для размена, тобольский воевода ответил: «Девятнадцать человек, будучи сосланы в Томск на пашню, перебили служилых людей, с которыми были отправлены, захватили государеву казну и убежали на камень».[35]

Имелись случаи открытого выступления против местной администрации. В связи с тяжелым положением военнопленных в 20-30-е годы XVII в. происходили их заговоры в местах массового проживания. Достаточно хорошо известен подобный заговор 1634 г., получивший название «Заговор томской «литвы».[36]

Известно, что в этом заговоре участвовало 75 чел.- 50 служилых людей и 25 крестьян, а во главе заговорщиков стояли присланный в Томск в 1633г. уроженец города Нежина Иван Белиловец и шляхтич «из староверстанных» Иван Краснопольский, упоминаемый в именной книге Томского города 1626 г. Из высших военных «литвы» принимал участие в заговоре только Михаил Грабовецкий, сын боярский из «новоприбывшей литвы». В результате измены 14 июня 1634 г. заговор был раскрыт. Заговорщиков схватили и пытали.

Томские воеводы стольник князь Никита Иванович Егупов - Черкасский и Федор Григорьевич Нехорошев-Шишкин, не дожидаясь указа царя, приказали повесить 12 человек, а остальных после пыток отправить в Москву в Сибирский приказ. Последние были вскоре отправлены из Москвы на родину в ходе обмена пленными по результатам заключенного в 1634 году Поляновского мира и, таким образом, остались живы.

Дореволюционный историк Н.Н. Оглобин, описывающий этот заговор, назвал приговор ужасным и бесцельным, т.к. был

---

[35] Буцинский П. Н. Указ. соч. с. 200.

[36] Оглоблин Н. Н. Заговор Томской литвы в 1634 г. Киев, 1894. с.11.

он приведён в исполнение над людьми накануне их законного освобождения из сибирского плена.[37]

Дьяк Савва Есипов, автор «Повести о Таре и Тюмени» и современник описываемых событий «заговора», в своем труде подчеркивает, что заговорщики не были православными, ибо хотели «*в той было недельный день в Подгории зажещи церковь Богоявления Господа нашего Иисуса Христа, и как бы люди из градо тамо пошли, а им было по тех людех бити из снаряду, а иных бити из снаряду, а иных посещи мечом и погребя всего града богатство, и град сожещи, а самим было идти через степь в Литву*». И далее продолжает восклицать, оплакивая предполагаемый урон в случае осуществления заговора: «*О люте! О люте было бы нам в Томском граде в сий недельный день Христова Воскресения. Хотящим им, зломысленным волкам, сурово и немилостливо града достояние раскопати и церкви божия разорити, идеже хваления и славословия славе божией приносятся, и христианскую неповинную кровь пролити. И вся быша злая в сий недельный день умыслиша окаянний сотворити…*».[38]

Давая столь нелестную характеристику «злонамеренной литве из латинян», автор «Повести о Таре и Тюмени» православный дьяк был не оригинален в подобном утверждении. Несмотря на довольно бурно развивающиеся экономические и военные контакты России с Западом в XVI - XVII веках, Московское государство по-прежнему оставалось принципиально закрытым для Запада. Эта закрытость, продиктованная «страхом и самоуверенностью, подозрительностью и гордостью, усиливалась сознанием нужды в презираемых иностранцах. Им много платили, но их всегда рассматривали как шпионов или заложников» [39].

Особенно острая враждебность православной церкви была по отношению к «латинянам» и «латинству». В 1620 г. церковный собор по настоянию Филарета определил, что при переходе в православие католиков и униатов их следует перекрещивать. Более того, подлежали перекрещиванию

---

[37] Там же.

[38] Томский летописец. Рукопись. Л. 22.

[39] Геллер М. История Российской империи. Т-1. с.398.

и те православные, которых крестил униатский священник.[40] Конечно, рассматривая пребывание иноземцев католиков и протестантов в далекой Сибири в XVII веке, не следует преувеличивать их религиозную жизнь. Вдали от родины, лишённые домашнего тепла, обремененные тяжелой службой ссыльные легко поддавались влиянию окружения и даже сами иногда становились источником искушения.

Известный историк Сибири Петр Словцов (1767- 1843) в своей книге «Историческое обозрение Сибири», ссылаясь на один из документов царя Бориса Годунова, отмечал, что «литвины» первыми в Сибири ввели, чтобы убить время, «первые семена ложной жизни» - игру в кости (зернь) и карты, и научили этому казаков, «не замедлившими тому же научиться. И чем больше проходило времени, тем далее распространялось это худо».[41] Однако далее он справедливо уточняет, что не столько «литвины» были причиной распущенности православных казаков, сколько «бессемейность казаков, одиночками отправлявшихся в страну нехристианскую, военная и удалая их жизнь, одуренность промышленников, давно с роднею расставшихся, падкость к прибыткам, выдуманная безгрешность обирать и обсчитывать некресть, и веселая беззаботность, пенившаяся из кружечных дворов, в 1617 году в Сибири открытых, при безгласности приходского духовенства представляла в Сибири картину жизни языческую…».[42] В своей грамоте от 1622 года к сибирскому архиепископу Киприану, патриарх Филарет упрекая его в потворстве многим «беспутствам» сибирских казаков, указывал, что в Сибири «не носят крестов, не хранят постных дней, живут с некрещенными женами, кумами и сестрами своих жен, при отъезде же закладывают их на срок и, не имея чем выкупить, женятся на других. Что духовные венчают без оглашений, постригают в иноки и инокини таких, которые, уходя из монастырей, опять живут в мире. Что сами духовные

---

[40] Там же. с.399.
[41] Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск. 1995. с.108.
[42] Там же. с.109.

потворствуют воеводам, которые краденных в России девиц продают из корысти в замужество и заставляют при себе их венчать».[43] Давая столь мало лестную характеристику поведения сибирских казаков, Петр Словцов одну из причин такого положения видел в малочисленности и «безгласности» приходского православного духовенства.

Говоря о «низком религиозном духе» иноземцев - католиков, оказавшихся в Сибири, следует отметить, что «этот дух» вообще не мог поддерживаться «попами их веры», так как католическим священникам, волею судьбы оказавшихся вместе с другими пленными единоверцами в Сибири, было запрещено открыто совершать религиозные требы и они могли довольствоваться, очевидно, лишь совершением религиозных служб в очень тесном кругу своих единоверцев.

Исторические документы сохранили всего лишь крупицы сведений о пребывании в XVII веке в Сибири католических священников. Так, например, сохранились сведения о том, что во второй половине XVII века в Тобольске, а затем в Нарыме находился ксендз- иезуит Анджей Кавачинский, взятый в плен 6 августа 1655 года в бою с русскими войсками возле Новогрудка и отправленный в качестве пленного в Москву. В Москве он якобы настолько развил свою религиозную деятельность, что был за это выслан в 1660 году в Сибирь. Вернувшись по обмену в Польшу, он с 1665 года и до своей смерти в 1667 году был управляющим имуществом иезуитской коллегии в Невеже. Среди польских исследователей существует предположение, что он будто бы оставил воспоминания о своем пребывании в сибирской ссылке, которые до сих пор пока не обнаружены. [44]

В 1664 году из Москвы в Тобольск была прислана в ссылку целая группа католических священников и монахов: «шкловских домниканов 6 человек да служка их да дубровенских бернардын 4 человека».[45] В дальнейшем по распоряжению из Москвы

---

[43] Там же.

[44] Antoni Kuczyński. Syberia. Czterysta lat polskiej diaspory. Wrocław. Warszawa. Kraków. s. 33.

[45] Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества. М. 1903. с.53.

в Тобольске были оставлены доминиканы Фабиян Аралский, Езострима Бицкий, Изояш Уркеев, Иван Сурский. В Сургут отправлены шкловский домниканин Станислав Гренской, дубровенские бернардины Фоустель Добролевский и Мелхель Ворона, в город Тару отправлены доминиканин Федор Дудин, бернардины Якуб Погорельской и Христофор Езоков. Говоря об их дальнейшей судьбе, в грамоте указывается, что Иван Сурский, замеченный в денежном воровстве был посажен в тюрьму, а «бернардын Мелхель Ворона в Сургуте крестился, и во крещении имя ему Василий».[46]

В начале XVIII века после окончания победной для России Северной войны 1700-1721 гг. при Петре I в состав Российской империи вошли земли, на территориях которых значительную часть населения составляли католики. Поэтому в 1721 г. был издан указ, по которому все бывшие подданные завоеванных Россией провинций пользовались правом свободного отправления богослужений. В этот же период религиозная жизнь в Империи стала определяться Петровской церковной реформой, когда Петр I, с одной стороны, объявил православие государственной религией, а с другой ликвидировал патриаршество с целью устранения политической роли Русской Православной Церкви. Царь решил сам руководить церковью по протестантскому образцу через местоблюстителя патриаршего престола и хотел добиться её полного подчинения светской власти. Таким образом, Русская Православная Церковь при Петре Великом была лишена самостоятельности и стала частью государственного аппарата. Та же политика проводилась царем-реформатором и по отношению к Католической Церкви. Император расценивал Римского Папу как внешнюю силу, которая может осуществлять свою власть над католиками не иначе как с разрешения императора и под контролем Российского государства.[47] Забегая вперед, следует отметить, что подобные взаимоотношения Церкви и Власти в России

---

[46] Там же.

[47] Лиценбергер О.А. Римско-католическая Церковь в России. История и правовое положение. Саратов, 2001. с.48.

будут продолжаться при всех последующих императорах вплоть до Февральской революции 1917 года.

При Петре Великом Сибирь пополнилась новым потоком ссыльных иноземцев, пленных шведов - протестантов, а затем при Екатерине II - поляков-католиков, сторонников польского короля Лещинского. О пребывании шведов в городе Томске напоминает Шведская гора, место, где находилось кладбище ссыльных шведов, присланных в Томск на жительство из Тобольска в 1714 году. Среди них были офицеры и пастор, как указывает местная хроника, постоянно жаловавшиеся на крайне дурное обращение с ними местных жителей и начальства.[48] По условиям Ништадского мира 1721 года часть шведов смогла вернуться на родину, а другая часть, обзаведясь семьями, осталась в Томске. Тем более, что к подобному решению их склоняло выданное в 1721 году разрешение властей вступать в брак с православными без перемены своего лютеранского вероисповедания.

В отличие от шведов, о пребывании в Томске сторонников Лещинского практически не сохранилось никаких сведений. Также мало сведений сохранилось о ссылке в Сибирь во второй половине XVIII в. 5000 Барских конфедератов, которых Екатерина Великая в 1768 году постановила отправить в Сибирь, часть их попала в Томск и только указ нового царя 1773 г. вернул им свободу. Некоторые остались в Томске. Так, в клировых ведомостях Воскресенской церкви города Томска на 1804 год находим запись о том, что в церкви в 1804 г. исповедовался некто «Арешковский Андрей Иванов, 49 лет, из конфедератов, жена его Федора Васильева, 34 года, сын Петр, 1 года, теща - вдова Марфа Васильева Чертенкова, 68 лет. У них живет конфедерат Листинский Иван Дмитриев, 45 лет, его жена Дарья Иванова, 41 года и сын Федор, 20 лет»[49].

В 1792 г. в Сибирь попадает партия участников русско-польской войны, затем участники восстания под предводительством генерала Тадеуша Костюшко, о которых

---

[48] История названия томских улиц. Томск. 1998. с.88.
[49] ГАТО.Ф.173.Оп.1.Д.115. Л.4.

так же сохранилось слишком мало сведений. Как образно выразился современный польский исследователь сибирской полонии проф. Антоний Кучиньски, этот период Сибирской ссылки вошел в польскую историю «без имен, фамилий и чисел».[50]

О тех временах сохранились лишь смутные воспоминания, больше похожие на легенды. Одна из них, например, гласит о том, что в составе Барских конфедератов, сосланных в Нарым, было три священника, которые жили неподалеку от Нарыма и свою маленькую избушку, где жили, назвали не иначе как «Рим». Вскоре возле этой избушки появились строения других переселенцев и, таким образом, ссыльные священники положили начало новому поселку.[51]

Другой легендой является рассказ о деятельности в Западной Сибири, в том числе и в Томске, будто бы первого сибирского «вольного» ксендза, капуцина Елизеуша Глембоцкого из Усчислюга. Будучи приходским ксендзом в Москве, посланный туда конгрегацией «Пропаганды», он узнал, что в отдаленных сибирских местах находится много католиков, лишённых религиозного утешения и решил посвятить свою дальнейшую жизнь находящимся там единоверцам. Приготовил ящик, в который поместил алтарь, поставил его на саночки и с разрешения правительства двинулся пешком, не имея ничего, кроме надежды на божье провидение и милосердие милостивых людей.

На этом поприще провел он якобы почти 40 лет, пройдя всю Сибирь несколько раз, переписал несколько тысяч католиков, разыскивая их повсюду и давая им религиозное утешение. Ссыльные католики называли его «отцом - утешителем». Как указывал историк томской полонии Александр Мацеша, излагая эту легенду в своем труде, проведанные Глембоцким в Томске ссыльные католики «укреплялись духовно и поднимались морально на долгое

---

[50] Antoni Kuczyński. Syberia. Czterysta lat polskiej diaspory. Wrocław. Warszawa. Kraków s.61.
[51] Там же.

время». А умер он якобы в Тобольске в 1798 году, проживши около 90 лет, оставив после себя только ящик с алтарём и ветхий от старости молитвенник.[52]

Как удалось установить уже в наше время польскому проф. из Варшавы Яну Трынковскому,[53] образ ксендза Глембоцкого действительно оказался не реальной личностью, а собирательным образом католического священника, которого в течение долгих лет ждали многие верные, волею судеб оказавшиеся затерянными в необъятных просторах далекой Сибири…

Итак, рассматривая первоначальный период нахождения в Сибири католиков, что пришелся на XVII - XVIII века, мы можем сказать, что их пребывание здесь в этот период носило массовый характер, оставив после себя заметный след в экономическом и культурном развитии сибирского региона, особенно сильна была их роль в начальный период русского освоения этого региона. Из всей «разноплеменной палитры» католиков первыми здесь оказались поляки, подданные Речи Посполитой, они же будут и в дальнейшем здесь в течение долгих лет преобладать в составе местных католических общин.

Оказавшиеся вдали от родины первые католики вынуждены были испытать на себе лишения, связанные не только с утратой свободы, лишением привычного уклада жизни и занятия, но и лишения, связанные с религиозным ущемлением и усиленным процессом естественной и насильственной русификации.

В то же время нельзя не отметить, что, несмотря на запреты католикам совершать богослужения «по своей вере» и отсутствием в Сибири священников, имеющих право такие богослужения совершать, значительная часть ссыльных католиков сохранила свою веру и вернулась на родину к своим родным и близким. Те же, кто этого сделать был

---

[52] Aleksander Maciesza. Dzieje Kolonii Polskiej w Tomsku 1604 - 1900. Przeszłość,nr 6. 1934 r. 85.

[53] Jan Trynkowski. Ksiądz Elizeusz Głębocki, kapucyn z Uściługa - od mistyfikacji do mitu // Kościół Katolicki na Syberii.-Wrocław 2002. s.35-49.

не в состоянии, навсегда остались в Сибири, многие годы не видя своих священников и не имея возможности совершить исповедь даже перед смертью. Как не принявших православие их хоронили отдельно в специально отведенных местах за городом.

В Томске, например, сохранились сведения об имевшихся двух «иностранных» кладбищах, что существовали в XVII и XVIII веках, т.е. еще до официального учреждения в городе католической общины и приезда сюда католических священников.

Одновременно с военнопленными и ссыльными в Сибирь, начиная с правления Петра I, стали направляться все в большем количестве чиновники и военные, в среде которых было достаточно много иностранцев «не нашей веры». Некоторые из них занимали весьма высокие посты в гражданских администрациях и военных ведомствах. Так, в Томске до своей кончины в 1794 году в течение длительного времени служил комендантом города уроженец Франции Томас де Вильнев, являвшийся католиком по вероисповеданию.[54] А с учреждением в 1804 году Томской губернии этот процесс еще более возрос.

[54] Ханевич В. Французский маркиз на государевой службе в Томске // «Сибирская старина». № 17. 2001 г. с.10-12.

Глава 3.

Католик – комендант города Томска (конец XVIII в.)

В конце XVIII века, ещё до учреждения Томской губернии, комендантом Томска, т.е. первым должностным лицом города, несколько лет довелось служить уроженцу Франции, бригадиру на русской службе, отставному полковнику, католику **Томасу де Вильневу** (1715-1794)[55].

За давностью времени и ветхостью архивов местная история сохранила не так уж и много сведений об этом человеке. Достоверно известно только, что родился он 21 декабря 1715 года во Франции в провинции Прованс, по некоторым данным принадлежал к знатному роду маркизов и служил при дворе французского короля Людовика XV. В середине XVIII века (после 1760 г.) перешёл на службу русской короне и был направлен на южно–сибирскую крепостную линию под командование генерала Киндермана. В чине полковника, коменданта одной из крепостей вышел в отставку и был переведён в Томск с назначением комендантом города Томска. Умер 2 августа 1794 года в возрасте 79 лет и был похоронен на кладбище за городом, на так называемой Шведской горе.[56]

В должности коменданта он много сделал для развития Томска и слыл человеком либеральных взглядов. По некоторым данным, комендантом г. Томска Томас де Вильнев стал в 1774 г. и находился на этом посту до 1794 г. В период его правления, в 1775 г. в городе был построен новый деревянный мост через р. Ушайку, в 1777 – 1784 гг. возведена каменная Богоявленская церковь, в 1776 г. заложена, а в 1789 г. освящена каменная Казанская церковь, при Богородице-Алексеевском монастыре открылось народное училище, смотрителем которого был

---

[55] В краеведческой литературе его фамилия воспроизводится ещё и как «Девилленев» и «де Вилленев».

[56] Усадьба семьи Ядринцевых находилась недалеко от Шведской горы.

избран комендант де Вильнев, а также, в 1789 г. началось строительство каменной Воскресенской церкви. Однако в истории Томска его имя сохранилось, главным образом, только в связи с именем известного русского литератора А.Н. Радищева.

Во многих книгах об истории г. Томска можно прочитать о том, что попавший в опалу за своё знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву» писатель А.Н. Радищев был отправлен в сибирскую ссылку. По дороге в далёкий и неведомый Илимский острог в августе 1791 года он на несколько дней останавливался (чтобы отдохнуть и «запастись колёсами по причине ужасной, неописуемой дороги») в Томске в доме у коменданта города Томаса Томасовича де Вильнева.

Вот, собственно, и всё, что можно прочитать о Томасе де Вильневе. Только благодаря имени широко известного писателя, пробывшего в этом сибирском городе проездом считанные дни, многие томичи знают о нем как о скоромном провинциальном администраторе, прослужившем здесь не один десяток лет…

Так неужели об этом человеке нечего сказать, разве что только с упоминанием имени его известного постояльца? Думаю, что это далеко не так, однако с сожалением следует признать, что имеющиеся сведения о нем весьма туманны и противоречивы. Дореволюционный томский краевед А. Адрианов, ссылаясь на воспоминания древнего старожила, утверждал, что комендант де Вильнев умер, объевшись пирогов с черёмухой… Известный сибирский общественный деятель и историк Н.М. Ядринцев в своих «Письмах о родине» ещё в 1884 году дал ему ироничную характеристику как «храброго полководца, не выигравшего ни одного сражения». Правда, здесь же он написал, что всё своё детство провёл на могиле «давно умершего коменданта», где получил первые уроки местной истории.

Кроме этого есть сведения о том, что в своё время, будучи на посту коменданта города, Томас де Вильнев проявил себя достаточно деятельно на ниве народного просвещения,

в частности, принимал активное участие в организации и открытии в 1789 году Томского уездного училища и стал его первым попечителем. В 1783 г. по его распоряжению была составлена первая в городе опись храмов и монастырей. По своему характеру, в отличие от многочисленных своих предшественников и продолжателей на этом посту, отличался либеральными взглядами и добрым нравом.

Сохранилось предание и том, что местные православные священники не раз обращались к нему как первому лицу в городе с просьбой своей властью коменданта принудить некоторых…, скажем так, не слишком усердных прихожан своих храмов, вовремя приходить в свои храмы на исповедь… Думается, что подобные обращения – просьбы православных священников к католику характеризуют не только самого коменданта, но и ту религиозную атмосферу, что была в те годы в сибирском провинциальном городе Томске.

Жил комендант де Вильнев на Воскресенской горе, в начале Ефремовской улицы (сейчас улица Бакунина), в двухэтажном доме с мезонином и каменным 1-ым этажом[57]. Именно в этом доме и принимал томский комендант ссыльного писателя с его двумя сыновьями и сопровождавшей их верной подругой Е.В. Рубановской.

Посмотрим более внимательно на этот достаточно хорошо известный факт в истории города Томска не относительно пребывания здесь ссыльного писателя, а с точки зрения характеристики самого хозяина дома, до сих пор именуемого «комендантским». Думается, что это событие характеризует томского коменданта не только как человека по-сибирски хлебосольного и гостеприимного, но и весьма смелого. Далеко не каждый высокопоставленный чиновник в то время, дабы не навлечь на себя Высочайшую немилость, готов был принять в своём доме важного государственного преступника, названного императрицей Екатериной II «бунтовщиком хуже

[57] Здание частично утрачено в начале 1990-х годов вследствие пожара, перестроено в 2000-е гг.

Пугачёва». Де Вильнев не только на целых две недели дал приют семье опального писателя, но и как мог опекал их.

Из воспоминаний сына Радищева известно, что во дворе томского коменданта в августе 1789 года А.Н. Радищев, надо полагать, не без ведома и помощи хозяина дома, организовал изготовление и запуск воздушного шара по системе братьев Монгольфье. Это событие, впервые случившееся в истории Томска во дворе Томаса де Вильнева, тоже даёт определённое представление о томском коменданте как о человеке довольно смелом и вольнодумном. Чтобы дать согласие на запуск в небо подобного шара, также надо было иметь немалое мужество. Дело в том, что изобретателями этого шара были братья Жозеф и Этьен Монгольфье, французы и революционеры… Запуск в России их шара в то время высоким начальством рассматривался не как невинная забава или первые экспериментальные опыты по воздухоплаванию, а как некий намёк на злонамеренные революционные французские идеи. Не думаю, что об этих опасениях властей не знал француз комендант де Вильнев, однако запуск шара разрешил… Впрочем, в его гостеприимном доме кроме А.Н. Радищева останавливался в 1787 г. барон Жан Батист Лессепс, который следовал из Петропавловска в Петербург с обозом материалов (минералы, описания растений, образцы металлов, бабочки, дневники) морского кругосветного путешествия Франсуа Лаперуза (1741–1788), исследователя островов Тихого океана и берегов Северо-Западной Америки, а также Восточной Азии. В феврале 1794 г. гостями коменданта была первая американская духовная миссия, отправленная по указу Екатерины II Санкт-Петербургским митрополитом Гурием Петровым.

Немаловажным фактом характеристики личности томского коменданта было и то, что за долгие годы своей службы в России, женившись на россиянке православного вероисповедания, сам же не изменил «вере отцов» и оставался католиком, что никак не мешало его службе и отношениям с православными жителями Томска. В тоже время надо понимать, что оставаясь

в римско-католической вере и считая себя католиком, он из-за отсутствия в городе католических духовников не мог исполнять религиозные требы, в первую очередь исповедаться. Так и умер без исповеди на сибирской чужбине «католик французской нации» Томас Томасович де Виленев. Произошло это в Томске 2 августа 1794 г., о чем и свидетельствует сохранившаяся до наших дней надгробная плита с его могилы. Могила и само кладбище, где он был похоронен давно утрачены, но надгробная плита чудом сохранилась, о чем и будет наше дальнейшее повествование.

Изготовлена эта плита была, судя по всему, в Томске, представляет собой массивный чугунный прямоугольник, размером 1 метр 82 сантиметра длиною и 68 сантиметров шириною. На плите была помещена 14 рельефная строчная надпись разнокалиберными литерами. Приводим её полностью с сохранением орфографии и пунктуации:

Во имя отца исына исвятаго духа/аминь/На месте сем погребено тело/французской нации уроженца про/винции прованс римскокатоли/ческого закона полковника об/ластного города томска комеданта/и ордена святого и равноа/апостольного князя владимира/кавалера ТОМАСА томасова/сына девилленева, которой ро/дился 1715 21 декабря окончилъ/ жизнь 1794 года августа,/въ 2 день в среду.

1.5. Надгробная плита с могилы коменданта г. Томска де Вильнева.

В верхней части плиты изображён треугольник в круге с густо идущими от него лучами, а в нижней части изображён череп с двумя лежащими под ним крестом костями - «всевидящее око» и символ смерти.

Впервые обнаружил эту плиту на разрушенном католическом кладбище Томска в конце XIX века курат томского костёла Валериан Громадский. Как писал А.В. Адрианов, указанную плиту он видел у входной площадки в костёл между каменными плитами. Сюда она была перенесена ещё в конце XIX века по распоряжению ксендза Громадского с кладбища и тем спасена им от уничтожения, так как неоднократно была уносима с единственной сохранившейся могилы «практическими обывателями в качестве шестка для русской печи».

Вторично эта плита была спасена и привезена кем-то из сотрудников Томского краеведческого музея с территории костёла после его закрытия в 1938 году. При каких обстоятельствах это случилось, находим объяснение в записях краеведа 50-60-х годов, учителя истории одной из томских школ Н.В. Татаурова. В своём дневнике за 10 августа 1952 года он отметил один, как он выразился, «анекдотичный случай», происшедший с ним и имеющий прямое отношение к указанной плите. Накануне вместе со своими учениками он занимался обследованием Воскресенской горы и зашёл во двор костёла, занимаемый в то время аэроклубом. В ограде возле звонницы они увидели несколько постаментов для надгробных плит, сами же плиты были сняты с этих постаментов и лежали у входа в аэроклуб, выполняя «функцию половичков для очистки ног от грязи».

Среди этих плит краевед нашёл и знакомую ему плиту коменданта де Вильнева. Тут же последовала для учеников лекция о знакомстве коменданта с опальным писателем Радищевым и их совместном запуске в Томске воздушного шара, первого в Сибири, об уникальности самой плиты, изготовленной на одном из первых металлургических заводов Томска. Как отметил краевед, его ученики были изумлены: выходило, что томские авиамоделисты вытирали ноги о надгробную плиту первого «авиамоделиста

Сибири». Затем последовала, по просьбе учеников, такая же эмоциональная лекция о славном коменданте перед приглашённым директором аэроклуба и предложение смущённому начальнику поставить эту плиту в аэроклубе на самом почётном месте. На следующий день краевед нашёл указанную плиту очищенной от грязи и поставленной вертикально к стене. А вскоре, с подачи всё того же Н.В. Татаурова чугунную плиту коменданта увезли к себе сотрудники краеведческого музея.

В музее плита коменданта долго кочевала из подвала во двор и обратно. Как вспоминает В. Славнин в своей книге «Томск сокровенный», в 1962 году тогдашний начальник областного управления культуры П.Ф. Ерёмин распорядился, было свезти непонятную железяку в утиль, но, получив разъяснение о связи имён де Вильнёва и Радищева, разрешил оставить её на месте.

В настоящее время эта плита находится в фондах Томского областного краеведческого музея, по сути, являясь единственным напоминанием о некогда жившем в сибирском городе Томске коменданте католического вероисповедания, уроженце далёкой французской земли Прованс…

Глава 4.

Становление католической общины в Томской губернии (1807-1820 гг.). Миссия иезуитов в Сибирь (1811-1820 гг.)

Конец XVIII века ознаменовался кардинальным изменением политической ситуации в Центральной Европе и как следствие этого, перекройкой границ. В ходе утраты своего былого могущества и совершившихся трёх её разделов (1772, 1793 и 1795) Польша как государство перестала существовать. Уже в ходе первого раздела Польши в 1772 г. к России отошла часть её территории (92 000 кв. км.- 62 %) с населением 1 миллион 300 тыс. человек, из которых 900 тыс. были католиками (800 тыс. греко-католического обряда и 100 тыс. латинского обряда)[58]. С этого момента русская администрация уже не могла не считаться и игнорировать религиозные запросы своих новых обретённых подданных - католиков. Перед верховными правителями Российской империи и православными иерархами встала довольно сложная задача организации религиозной жизни католиков, подданных империи, таким образом и в таких формах, чтобы их связи с Римом были минимальными.

Вот как довольно точно и откровенно эта задача была сформулирована в объёмном труде православного священника Михаила Морошкина «Иезуиты в России», изданной в Петербурге в 1867 году: «*..нужно было организовать эту церковь (римско-католическую - Х.В.) так, чтобы она могла существовать, не теряя своего существенного характера, без вмешательства Рима в её дела, чтобы иерарх ея был таким же верноподданным, как православные иерархи. С другой стороны необходимо было вывести латинскую церковь в этой местности из ея состояния господства и лишить её приобретённых прав, показать ей, что она здесь не имеет на своё господство ни права давности, ни права законности, а что напротив она есть только терпимая церковь...*»[59].

---

[58] M. Loret, Kościół katolicki a Katarzyna II. 1772-1784, Kraków-Warszawa 1910, s. 20-21.

[59] Михаил Морошкин. Иезуиты в России с царствования Екатерины II до нашего времени. СПб. 1867г. с.46.

В 1772 году по воле Екатерины II для реализации поставленных задач была основана в Российской империи Могилёвская римско-католическая епархия с резиденцией епископа в Санкт-Петербурге, в ведение которой отошли существовавшие католические приходы, как центральной части России, так и вновь появляющиеся за Уралом и в азиатской части Российской империи. По протяжённости территории это была самая большая епархия в мире. Под её юрисдикцией будут находиться десятки тысяч католиков, кто окажется в Сибири, в большинстве случаев в качестве политических ссыльных после подавления очередных восстаний и конспиративной борьбы за национальную независимость Польши. И это будет длиться более ста лет, т.к. политическая ссылка поляков в Сибирь прекратится только в 1915 г., а независимость Польша обретет три года спустя, в 1918 году.

Говоря об учрежденной по воле императрицы Могилевской римско-католической епархии следует признать, что при всех её верноподданнических устремлениях и фискальных функциях жившим в стране католикам была представлена хоть слабая, но защита их положения. Католические священники получили возможность через свой епископат и Синод обращаться с просьбами к царствующим особам об учреждении католических приходов в местах наибольшего скопления ссыльных поляков, строительства там молитвенных домов и костёлов [60].

Первенство предложения о посылке в Сибирь католических священников для душпастырской работы польский историк В. Масяж[61] отводит Леону Потоцкому, представителю древнего княжеского польского рода, писателю и дипломату. Потоцкий, участвуя в дипломатической миссии российского правительства в Китай в 1805 году, следуя из Иркутска в Китай, написал письмо своему другу поляку

[60] О.А. Лиценбергер. Римско-католическая Церковь в России. История и правовое положение. Саратов 2001. с.96.

[61] W. Masiarz. Dzieje kościoła i polskiej diaspory w Tobolsku na Syberii. 1838 -1922. Kraków. 1999.s. 30.

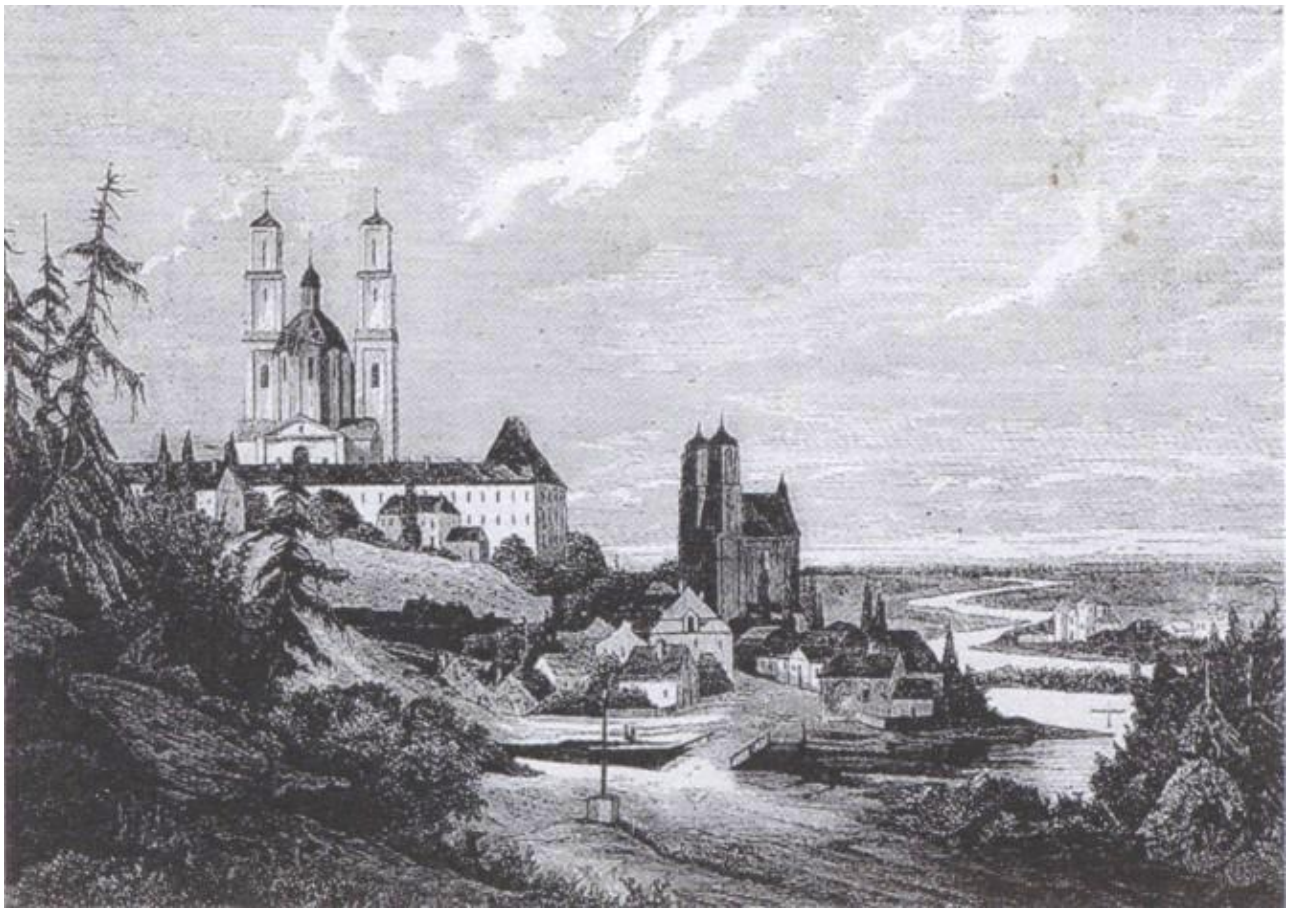
Адаму Ежи Чарторыйскому, в то время вице-министру иностранных дел Российской империи и личному другу молодого российского императора Александра I. В письме он указал, что встретил во время путешествия по Сибири много польских конфедератов, которые около 35 лет не видели католического священника и мечтают увидеть его хотя бы перед своей смертью, чтобы исповедаться.[62] Получив это письмо, князь Адам Чарторыйский 23 марта 1806 года обратился с просьбой к министру внутренних дел Виктору Кочубею об отправке в Сибирь одного или двух католических монахов для религиозного обслуживания встреченных здесь Л. Потоцким поляков - католиков. Эта просьба была изложена царю Александру I, который постановил право внесения на Высочайшее рассмотрение этот вопрос сибирскому генерал-губернатору И.В. Пестелю, что тот и сделал.

10 декабря 1806 г. последовало Высочайшее соизволение разрешить в Томске и Иркутске местным католикам организовать свои общины и иметь штатных священников - настоятелей. Архивные записи свидетельствуют, что первоначально планировалось послать в Сибирь четырех монахов из доминиканского ордена, но среди них не нашлось желающих добровольно ехать в этот далекий и неизведанный край. Тогда генерал-губернатор Пестель, «…желая устроить дело сие на твёрдую ногу и желая иметь на сих местах священников, известных по своему просвещению и готовых жертвовать собою совершенно для польз общественных…» обратился с просьбой к генералу ордена иезуитов Тадеушу Бжозовскому направить в Сибирь монахов его ордена и получил от него согласие.[63] Правда, православный священник М. Морошкин в своей книге «Иезуиты в России» отстаивает совершенно иную точку зрения вопроса пребывания иезуитов России и, в частности, в Сибири. По его версии, иезуиты сами настойчиво добивались посылки их сюда

[62] Там же.
[63] ГАТО. Ф.127.Оп.1.Д.1161.Л.3.

ещё со времён Екатерины II с «противной интересам империи целью»[64].

Чтобы ответить на этот вопрос, следует взглянуть на него в историческом контексте. Известно, что в 1772 г., после первого раздела Польши, вместе с приобретенной территорией, в Российской империи оказалось в качестве новых подданных несколько миллионов человек, в подавляющем большинстве католиков, а вместе с ними и их священники, монастыри и другие католические структуры, в том числе и иезуитские школы и коллегии, монастыри, в которых находилось более 200 монахов - иезуитов. Год спустя, в 1773 г., Папа Римский Климент XIV под давлением европейских монархов был вынужден распустить Общество Иисуса. Однако данный указ вводился не во всей ***1.6.***



Полоцк. Гравюра нач. XIX в. Слева- иезуитский коллегиум с костелом Св. Стефана.

[64] Михаил Морошкин. Иезуиты в России с царствования Екатерины II до нашего времени. СПб. 1867г. с.48.

Церкви одновременно, а по епархиям, провозглашением местными епископами. Единственному на территории России католическому епископу (Могилевскому) императрица Екатерина II оглашать Папский указ запретила. Это означало, что на территорииРоссийской империи орден формально сохранился.

В 1783 г. Папа Пий VI дал российским иезуитам устное разрешение на продолжение деятельности и даже на открытие новициата, дабы готовить новое поколение монахов. Тогда много бывших иезуитов со всей Европы приехало в Россию. Привычной для отцов-иезуитов была работа на ниве воспитания и образования. Так, в числе первых ими была в Петербурге основана гимназия. Другой идеей стало учреждение своих миссий. Крупнейшая из них, Саратовская, была основана в 1808 г. и охватывала своим попечением немецких колонистов католического вероисповедания. Меньшие по масштабу миссии работали на Кавказе. Возникла идея основать подобную миссию в Сибири, где тоже были католики, преимущественно поляки, бывшие ссыльные.

Как отмечалось выше, по просьбе графа Потоцкого министр внутренних дел князь Кочубей обратился с письменным ходатайством к императору Александру I, и это ходатайство тут же было удовлетворено. Кроме того, было принято решение собрать рассеянных по огромным сибирским пространствам католиков в несколько поселений, получивших название «редукции» (когда-то так назывались руководимые иезуитами общины-коммуны, объединявшие обращенных в христианство индейцев на территории Парагвая)[65]. Первоначально следовать в Сибирь в качестве священнослужителей дал согласие генерал Ордена доминиканцев, но за два года так и не прислал ни одного священника, потом последовал их официальный отказ. И только после этого министр Кочубей с этой же просьбой обратился к генералу иезуитов,

[65] о. Штефан Липке, SJ. 200-летие начала служения Общества Иисуса (Орден иезуитов) на территории Сибири // Сибирская католическая газета. 24 февраля 2012 г.

находившемуся тогда на территории Российской империи. Тот дал согласие, но выдвинул 14 предварительных условий. Российское государство должно было частично финансировать миссию и дать разрешение на строительство храмов или, на первый случай, хотя бы домашних часовен. Впрочем, пункт о строительстве храмов император обошел молчанием. Иезуиты не получили права проводить миссию и среди коренных народов Сибири и Дальнего Востока, еще не обращенных в христианство.

Вместе с тем император ожидал от иезуитов не только чисто религиозной деятельности, но ещё и внедрения на осваиваемых территориях передовых технологий сельского хозяйства. Генерал-губернатор Сибири Пестель также рассчитывал на тесное сотрудничество с миссией. В августе 1808 г. состоялась его встреча с генералом ордена иезуитов Бжозовским, где были обговорены многие из вопросов учреждения миссии в Сибири и все пункты договора её учреждения. Один из пунктов договора гласил, что по причине чрезмерной отдалённости Сибирского края и «…напряжённые сим вместе труды священников и недостаточное их состояние…» правительство обязуется «…для жительства священникам с причетником отводить обывательские квартиры из 4 покоев, поелику священникам сим назначается жалованье посредственное, на которое в затруднении они найдутся нанимать квартиры от себя, то пособие сие весьма необходимо, явно для людей на службе состоять имеющих и оно не принесть тягости обывателям…»[66]. Конкретизируя этот пункт договора следует добавить, что на организацию миссии иезуитов в Сибири правительство готово было затратить единовременно 2550 рублей, из которых на содержание священников выделялось ежегодно по 600 рублей и по 150 рублей для двух костельных слуг. Для священника, который должен был обосноваться в Томске, выделялась ежегодная пенсия в 500 рублей и 150 рублей на дорожные расходы, а также 100 рублей для костельного

[66] ГАТО. Ф.127.Оп.1.Д.1161.Л.4.

слуги[67]. Согласно этого же договора иезуитам под страхом жестокого наказания было запрещено в Сибири обращать в свою веру местных «идолопоклонников» и «смущать» православных[68]. В итоге, 25 ноября 1811 г. генерал ордена назначил настоятелем Сибирской миссии отца Шпака, а на следующий день вручил ему, как и другим участникам миссии, инструкцию. В составе миссии, как она задумывалась в конце 1811 г, было четыре священника. Настоятелю, отцу Шпаку, было 40 лет. Трем другим священникам – едва за 30. Затем к ним присоединился еще один брат-иезуит, не имеющий священного сана. В январе 1812 г. миссионеры прибыли из Полоцка в Москву, где настоятель, о. Шпак, неожиданно заболел и спустя 9 дней умер. Новым настоятелем был назначен о. Винцент Лашкевич, который получил новые инструкции в связи с изменившимися внешнеполитическими событиями. С нападением Наполеона на Россию и началом Отечественной войны вновь возник т.н. «польский вопрос». Многие поляки сочувствовали французскому императору, ожидая, что он вернет им утраченную государственность. В этих условиях затея собирать поляков в одном месте или делать для них «редукции», тем более, вблизи государственной границы, показалась российским властям опасной. Новая инструкция генерала ордена участникам миссии учитывала происшедшие изменения, она предписывала отцам-иезуитам учить рассеянных по огромным территориям католиков любви ко Христу и Богородице, а также преподавать им трезвый образ жизни [69].

Получив инструкции, из Москвы иезуиты отправились в Сибирь. 24 февраля 1812 г. прибыли в Казань, 5 марта – в Тобольск. Далее проездом через Томск в Иркутск, который был выбран центром миссии для всей Сибири. К своему конечному месту назначения иезуиты прибыли

---

[67] W. Masiarz. Dzieje kościoła i polskiej diaspory w Tobolsku na Syberii 1838-1922. Kraków. 1999. s.30.

[68] ГАТО. Ф. 127.Оп. 1. Д. 1161.Л.4.

[69] о. Штефан Липке, SJ. 200-летие начала служения Общества Иисуса…

только 1 апреля 1812 г., потратив на дорогу от Тобольска до Иркутска чуть меньше месяца.

Первым шагом отцов-иезуитов на новом месте было найти и собрать католиков, проживающих на огромном сибирском пространстве. Священники очень много разъезжали по Иркутской и Томской губерниям, разыскивая католиков. Один священник всегда оставался в резиденции, т.е. в Иркутске, а остальные (сначала – двое, потом трое) в это время осваивали сибирские пространства. Показательны первые результаты их пастырских поездок по территории Иркутской губернии. В 1812 г. было известно о существовании 242 католиков, в 1814 г. – 1226. Столь большой рост достигнут был, очевидно, за счет ссыльных военнопленных, захваченных в ходе наполеоновской кампании. Потом число католиков несколько уменьшилось (972 в 1815 г.), вероятно, вследствие амнистии и возвращения на родину, что произошло со многими бывшими военными, воевавшими на стороне наполеоновских войск и оказавшимися в Сибири в качестве военнопленных. Не стоит исключать и перехода из католической веры в «греко-российскую», что в 1812 г., например, сделал рядовой томской инвалидной команды Павел Говорноский[70], а в 1817 г. подал прошение о принятии в православие католик Александр Машинский, «из дворян польской нации, бывшей французской службы»[71].

В 1815 году состав сибирской миссии иезуитов и их подопечная территория были разделены на две части: восточную с центром в Иркутске и западную с центром в Томске, охватившая своими заботами всех католиков Западной Сибири. В Томск как месту уже своего постоянного проживания монахи-иезуиты прибыли осенью (не позднее 11 октября) 1816 года. Первым куратом (настоятелем) Томского прихода, охватывавшего всю Западную Сибирь, стал о. Марцелий Каминский. Обязанности викарного священника исполняли вначале Томаш Дроздович, а затем Теодор Валузнич

[70] ГАТО.Ф.173.Оп.1.Д.153.Л.78.
[71] ГАТО.Ф.173.Оп.1. Дело не нумеровано. Л.166.

и ксендз Козакевич. Для размещения миссии в Томске по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири городская Дума предоставила на ул. Духовской целое подворье, состоящее из каменного здания и деревянного флигеля[72]. В двух покоях каменного особняка монахами иезуитами была устроена первая в Томске католическая каплица (часовня), просуществовавшая здесь до 1828 года. На наем этих помещений для иезуитов томской казенной Палате было предписано выделять ежегодно по 500 рублей, а также давать деньги на покупку дров «по числу печей: на 4 печи и один очаг - 48 сажень в год»[73].

В 1819 г. в самом городе Томске католиков насчитывалось 150 человек,[74] сколько же их было найдено иезуитами в других местах обширного прихода мы точно сказать не можем, но то, что у иезуитов в Сибири был «нескудный источник для деятельности» признавал их непримиримый противник православный священник Михаил Морошкин.

В своей книге он подчеркнул, что круг католиков в Сибири состоял из «порядочного контингента политических преступников из Западных губерний, значительного числа ксендзов доминиканов, капуцинов, тринитаров и других орденов явно уличённых в сообщниществе с явившеюся шайкою зажигателей, образовавшихся из поляков, нескольких военнопленных солдат из так называемого польского легиона, служивших Франции, а также нескольких французских эмигрантов, живших в Петербурге, Москве и других городах России и явно скомпрометировавших себя или заподозренных в антиполитических и враждебных русскому правительству замыслах...»[75].

Не оспаривая вышеприведенное явно тенденциозное высказывание православного священника о социальном составе католиков в Сибири начала XIX века, в том числе и томской католической общины, все же следует отметить, что среди

---

[72] ГАТО. Ф. 127.Оп. 1. Д. 1161.Л. 1.

[73] ГАТО.Ф.127.Оп.1.Д.1327А.Л.77.;Д.1161.Л.32.

[74] о. Штефан Липке, SJ. 200-летие начала служения Общества Иисуса…

[75] Морошкин М. Иезуиты в России. с.442-443.

первых прихожан томского католического прихода были не только политические ссыльные. Прихожанами прихода были также чиновники и военные, оказавшиеся в Сибири по делам службы. Образование в 1803 году Томской губернии с центром в Томске повлекло за собой учреждение в этом городе, а затем и в окружных городах целого ряда губернских и окружных учреждений, ответственные должности в которых занимали приехавшие из центральных и западных губерний чиновники, среди которых были и католики.

В настоящее время трудно сказать, каковы были успехи иезуитов на томской земле в деле «образования юношества и польз общественных», т. к. пробыли они в Томской губернии всего четыре года, но для томской католической общины они сделали много полезного. Известно, что благодаря их настойчивости по распоряжению МВД католическому приходу Томска не позднее 1819 года был отведен участок земли в центре города в районе Воскресенской горы,[76] где впоследствии в 1833 году бернардинцем о. Ремигием Апанасевичем будет построена католическая церковь – первый каменный католический храм на всей обширной территории Сибири. Православный священник Морошкин в своей книге «Иезуиты в России» также утверждает, что первыми, кто возбудил вопрос перед начальством о необходимости строительства в Томске своего храма, были тоже они – иезуиты. Он пишет, что в свое время министр духовных дел и народного просвещения России князь Голицын уже имел от томских иезуитов прошения-представления о надобности строительства в Томске каменного дома для римско-католических священников и храма и даже сам ходатайствовал перед царем о назначении из казны для этого строительства 9,5 тысяч рублей. Однако тогда указанной суммы денег выделено не было по причине «мер ко всевозможному сокращению издержек казны»[77].

Весьма вероятно и то, что тогда же иезуиты заложили в Томске новое католическое кладбище рядом с городским

76 Адрианов А. Костёл в Томске. // Город Томск. 1912. с.110.
77 Морошкин М. Иезуиты в России. с.442.

православным Вознесенским кладбищем, ставшее последним пристанищем многих тысяч католиков, оказавшихся навечно в Сибири уже после иезуитов. Как указывает дореволюционный историк А. Адрианов, еще в 1819 году, т. е. еще при иезуитах по указанию министра внутренних дел Томскому римско-католическому приходу был также отведен за городом по правой стороне реки Киргизки участок земли в 600 десятин под хозяйственную заимку ксендзов. Впоследствии там были построены жилые и служебные помещения, открыта пасека, создано небольшое образцовое хозяйство[78].

Говоря о непродолжительном, но весьма значимом для сибирских католиков периоде нахождения иезуитов в томском крае следует заметить, что иезуиты не жили постоянно в губернском городе, а в поисках своих единоверцев постоянно предпринимали довольно продолжительные поездки по огромным просторам Тобольской и Томской губерний. Путевые заметки ксендза о. Козакевича о посещении им сибирских городов Барнаула и Бийска были напечатаны в Полоцке еще в 1818 году на польском языке, а в переводе на русский язык три года спустя. Вел дневниковые записи и переписку, а также слал регулярные отчеты о своей работе в приходе настоятель о. Марцелий Каминский, оставив, таким образом, хотя достаточно сухие и краткие, но весьма интересные сведения о Томске начала XIX века. Небольшая их часть в своё время также была опубликована[79].

Давая оценку деятельности в Сибири первых католических священников-иезуитов, необходимо помнить, что пребывание их здесь все время находилось под пристальным настороженным контролем светских властей и постоянной враждебности местных православных священников. И все же, несмотря на множество возникавших перед ними трудностей, они здесь многого добились. Это вынужден был признать уже упоминаемый автор книги

---

78 Адрианов А. Костёл в Томске. // Город Томск. 1912. с.110.

79 Wyjątek z listu X. Marcellego Kamieńskiego, r. 1816 z Tomska pisanego. Miesięcznik Połocki, № 1-й,1818 Roku, s.62-69.

«Иезуиты в России», который писал, что «со времени иезуитов в Сибири вопрос о существовании постоянных латинских церквей, чего всячески избегало наше правительство до этого времени, сделался не только свершившимся фактом, но непреложным и неизбежным...»[80].

Православные священнослужители, видя в иезуитах главных врагов Православию, продолжали обвинять их в активной пропаганде католицизма по всей стране, в том числе не только среди русского населения, но и в среде иудеев и немцев-протестантов, используя для этого любой повод. Отцам-иезуитам было строго-настрого запрещено заниматься окормлением также греко-католиков, которые на территории Сибири были вовсе лишены своих пастырей. Греко-католики официально считались в России не католиками, а «совращенными православными». Однако священники-иезуиты не могли ответить отказом в исповеди и других таинствах встречавшимся на их пути греко-католикам, неизбежно в таких случаях вступая в коллизию с государственным законом, что в итоге стало одной из причин их изгнания из России в 1820 году.

В числе одного из поводов принятия жестких мер в отношении ордена иезуитов в России стала жалоба немецких протестантов Поволжья и юга России на слишком ревностное, по их мнению, отношение иезуитов к службе, а также переход в католичество 17-летнего племянника обер-прокурора Синода А.Н. Толстого и фельдмаршала М.И. Кутузова князя Александра Голицына. В 1815 г. иезуиты были высланы из Москвы и Санкт-Петербурга в Полоцк, коллегия в Санкт-Петербурге закрыта, а иезуитам запретили въезжать в обе столицы.

Текст царского указа о лишении ордена иезуитов монаршей милости с предписанием ознакомить с его содержанием проживавших в Сибири католиков томский губернатор Д.И. Илличевский получил уже в начале

[80] Морошкин. Иезуиты в России. с.445.

1816 года[81]. Через 4 года, 13 марта 1820 г. последовал очередной указ о высылке иезуитов вообще из пределов империи с изъятием у них всего их имущества и недвижимости. В этом втором довольно пространном царском указе относительно деятельности ордена Иезуитов в России были перечислены все их «преступления по отношению к Православной вере и государству», в том числе указаны преступления, совершенные иезуитами в Сибири. Процитируем эти строки дословно: *«И в Сибири находятся иезуиты, [которые] поступками своими не соответствовали той цели, которой были определены на свои места. Под предлогом исправления требъ посещали они такие места, в которых нет ни единого римского католика, прельщают простолюдинов и принимают их в свое вероисповедание»*[82]. В данном документе нет указания на то, кто конкретно был обвинен в перечисленных преступлениях – иезуиты, находившиеся в Иркутске или в Томске, но это уже было совсем неважно…

Известие об изгнании ордена из страны было с прискорбием встречено католиками России, в том числе и в Томске. Верующие боялись, что им вновь придется долгое время пребывать без священников, что и произошло во многих католических приходах. Однако Томск в этом отношении стал исключением. В 1820 г. императорским указом все иезуиты были выдворены из России, однако циркуляром министра внутренних дел князя Голицына от 13 марта «сибирским» иезуитам было предписано оставаться на месте вплоть до прибытия новых священников. Миссия была передана отцам-бернардинцам из Белоруссии, которые появились в Томске 14 мая 1820 г. Поздней осенью 1820 г. последние иезуиты покинули Сибирь и поселились в «австрийской» части Польши. «Сибирская миссия» Общества Иисуса смогла возобновиться лишь более чем 170 лет спустя, с обретением Россией религиозной свободы в начале 90-х годов XX века.

---

[81] ГАТО. Ф.1.Оп.1.Д.284.Л.1.

[82] О.А. Лиценбергер. Римско-католическая Церковь в России. История и правовое положение. Саратов 2001. с.81.

Глава 5.

О военнопленных наполеоновской армии в Сибири в 1812-1814 гг. «Ишимское происшествие» и «Польский заговор» в Томске.

Победа русских войск над армией Наполеона, в составе которой воевало около 70 тысяч поляков, ознаменовала новый этап польской ссылки в Сибирь. Оказавшихся в русском плену, их, как в свое время польских военнопленных русско-польских войн XVII века, затем барских конфедератов и участников восстания Костюшко стали зачислять на службу в войска. Эта практика стала применяться в 1812-1814 гг. Так, например, уже в конце сентября 1812 г. главнокомандующий армиями светлейший князь М.И. Голенищев-Кутузов в своем письме управляющему Военным министерством князю А.И. Горчакову предлагал пленных поляков отсылать на Кавказскую линию, «где и можно было бы употребить их в полки на службу».

9 декабря 1812 г. императору были представлены соображения по сокращению казенных издержек на содержание пленных. В качестве одной из мер к этому предлагалось отправить пленных поляков на Кавказ, Грузию и на «Сибирские линии» для укомплектования находящихся там полков.

Так в законодательстве о пленных 1812 г. появилась Сибирь в качестве места отбывания плена польских солдат и офицеров из армии Наполеона. Таким способом предполагалось сократить число пленных, находящихся на содержании казны, и сохранить собственных рекрутов для пополнения армий, действующих против неприятеля. Данные предложения были утверждены императором Александром I в конце декабря 1812 г.[83]. Речь шла о нескольких тысячах человек. Так, по данным Министерства полиции, около 7 тыс. поляков было решено направить на комплектование войск на Кавказе и в Сибири. Весной 1813 г. началась их отправка.

[83] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2660. Л. 21; РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 1030. Л. 1; Опубликовано: Шведов С.В. Пленные Великой армии в России // Отступление Великой армии Наполеона из России. Малоярославец, 2000. с. 69-70.

В частности, в сибирские гарнизоны первой партией было отправлено 25 офицеров и 949 нижних чинов. Однако с распределением поляков по сибирским гарнизонам, как это бывало и ранее, возникли трудности, усугубляемые конфликтами военных с местной администрацией.

Первый такой конфликт произошел в маленьком городке Ишиме Тобольской губернии, куда была этапом доставлена первая партия военнопленных для последующего распределения их по гарнизонам. Расквартирование одновременно в небольшом сибирском городке без соответствующей подготовки такого большого количества людей, помноженное на несогласованность военных и гражданских лиц в размещении пленных привели к возмущению последних. В городе было всего 208 обывательских домов, а пригодными для постоя, за исключением домов чиновников и священнослужителей, оставались только 170.

Вместе с тем в городе к этому моменту уже находилось 230 поляков с обер-офицерами, а также один штаб-офицер, шесть обер-офицеров и 138 русских нижних чинов, осуществлявших функции конвойных. Кроме того, ожидалось еще две партии поляков общей численностью в 469 человек, места для которых уже не было. Таким образом, в Ишиме складывалась ситуация, угрожающая спокойствию города: поляков предвиделось в скором времени около 700 (в том числе 20 офицеров), а конвойных при них оставалось только около 170 человек вместе со штатной командой, «да и то неопытных и безнадежных»[84]. Тобольский гражданский губернатор Ф.А. фон Брин просил военные власти ускорить отправку пленных в полки и батальоны, а пока разместить их по предложениям гражданских чиновников в окружающих город селениях, «ускромнить» буйных пленных, выявив тех, «кто наиболее отважились на дерзостные поступки и угрозы», поступив с ними по закону, и, наконец, в целом усилить за пленными надзор. Исполняющий обязанности ишимского

[84] Б.П. Миловидов. Военнопленные поляки в Сибири в 1813-1814 гг.// Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2009. с. 350.

городничего уездный судья А.М. Фишер и земский исправник П.Г. Наливайко доносили, что якобы поляки из последней партии, прибывшей из Вятской губернии, «сверх производимых ими буйственных поступков, делают угрозы, что ежели кому из них воинскою командой стеснена будет свобода и будут браться они под караул, то и город от того понесет вред, ибо их поляков против воинской команды и самих жителей будет превосходство»[85]. Командующий войсками на Сибирской линии Г.И. Глазенап сообщал, что, находясь в Томске, он получил отношение тобольского губернатора с приложенными к нему рапортами городничего и земского исправника о стеснении жителей Ишима пленными поляками и о «буйственных поступках» последних одновременно с рапортом плац-майора Шевнина.

Представитель военных властей совершенно опровергал всякие сведения о буйствах поляков. Впрочем, Г.И Глазенап на всякий случай 21 августа предписал Шевнину произвести при содействии гражданских чиновников строжайшее расследование, а также подтвердил «как о строгом за пленными смотрении, так и о недопущении их до пьянства и шалостей»[86]. Возвратившись из Томска в Омск, Г.И Глазенап направился оттуда в Ишим, прибыв туда 12 сентября 1813 г. Как впоследствии отмечал в своем рапорте, он «совершенно удостоверился в том, что поляки вели себя мирно и не создавали для жителей города никаких угроз. По его словам, местные жители никаких претензий к полякам не предъявляли, а пленные не только квартировали в городе «весьма скромно», но и, будучи размещены по 15 окрестным селениям, «делали крестьянам в полевых работах важные пособия за плату». Поводом же к беспокойству, гражданские власти Ишима, по словам генерала, «вывели» из одной лишь пьяной драки местного жителя с пленником, о которой было известно лишь по слухам. Причина конфликта состояла в том, что ишимский житель насмешливо заметил поляку: «Моспан,

[85] Там же.
[86] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2985. Л. 4.

Варшаву проспал» и получил в ответ: «Ты Москву проспал». Местные же власти вместо поиска виновного жителя, возложили ответственность «на всех вообще поляков» и обратились к губернскому начальству.

Вместе с тем, все-таки, предполагая возможность неповиновения со стороны поляков, он распорядился всех находящихся в Ишиме 25 пленных польских офицеров разослать по одному в разные места под надзор воинских начальников. Были разделены во избежание «неприятных последствий» и нижние чины: 425 человек, ранее служивших в кавалерии, распределены в 10 линейных казачьих полков, а 498 пехотинцев причислены в полки и батальоны 30-й пехотной дивизии. Больные, раненые и пожилые пленники, не способные к службе – всего 20 человек – были определены в инвалидные команды. Двое офицеров – адъютант барон Бем и подпоручик Бронк – изъявили желание вступить в вечное подданство России. Присягу на вечное подданство приняли и семь нижних чинов. Присягнувших на верность России могло быть, по мнению Глазенапа, и больше, однако «они поддерживались еще своими товарищами и их опасались». Но распределение их по разным местам службы, по мнению генерала, должно было ослабить эти корпоративные связи польских воинов Наполеона, и, как полагал он, «без всякого принуждения редкий из них не посвятит себя быть вечным подданным России». К достижению этой цели Г.И Глазенап обещал употребить «пристойные меры», постоянно «соглашая» пленников на присягу[87].

Однако, как свидетельствуют дальнейшие события, пленные поляки, рассчитывая в скором времени вернуться на родину, в подавляющем большинстве не имели желания бессрочно служить в российской армии. И как только генерал покинул Ишим и отбыл в Омск, поляки «сделали бунт и отозвались, что они в службу не пойдут, а желают быть оставленными по своей воли». Для подавления волнений Г.И. Глазенап отправил в Ишим казачьего ротмистра Набокова

[87] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2985. Л. 3.

1-го с отрядом в 350 человек. Ротмистр с казаками должны были «растолковать пленным обстоятельно» высочайшую волю и разослать их в назначенные места под конвоем, а если поляки не «похотят» подчиниться по доброй воле, то «принудить их к тому строгостью военных правил».

Совершив за четыре дня марш в 340 верст, казачий отряд прибыл в ночь на 27 сентября из Омска к Ишиму и расположился около города. Однако, как потом докладывал ротмистр Набоков, от пленных он не встретил «никакого неповиновения, тем паче сопротивления», и в тот же день поляки были отправлены к назначенным для них местам. Возражали лишь шесть человек, «в которых волновался еще дух свободы от военной службы». Троим из них ротмистр «в пример прочим сделал на месте оштрафование», а троих главных зачинщиков доставил 6 октября в Омск. Оценивая происшествие, генерал Глазенап сделал вывод о том, что в данном происшествии пленные были менее виноваты по сравнению с чиновниками, которые, воспользовавшись предписанием губернатора, якобы умышленно взбунтовали поляков, чтобы подтвердить высказанные в своих прежних донесениях выводы о настроениях пленных[88]. Представили свою версию событий и гражданские власти. Причем картина, которую он рисовал, весьма существенно отличалась от представленной военными. По их версии, 20 сентября собранные для отправки пленные поляки заявили, что «в службу не пойдут и служить не намерены». Фишер, Наливайко и Шевнин совместными усилиями безуспешно пытались их уговорить. Не смог помочь даже и специально привлеченный пленный польский майор Монтрезон, которого нижние чины угрожали убить. В рапорте исправника говорилось о дальнейшем развитии событий. По его словам, когда власти попытались пойти на попятную и, «не давая вида что замечено неповиновение» развести пленных обратно по деревням вокруг Ишима, около 100 человек отказались

[88] Там же. Л. 11-13.

повиноваться и остались в городе. В итоге исправник был вынужден привлечь для надзора за ними башкирских казаков, препровождавших колодников, а их функции возложить на местных жителей. По селениям, где находились пленные, были учреждены «десяточные» караулы из жителей, населению секретно предписано спрятать оружие, косы и топоры, а знавший польский язык Наливайко разъезжал по местам квартирования поляков для «обозрения и узнания секретным образом» об их намерениях.

Основную же причину волнений гражданские власти видели в чрезмерном массовом скоплении пленников в одном месте и возлагали вину в этом на военные власти. Военные же власти в лице генерала Глазенапа и поддержавшего его главнокомандующего в Петербурге в «Ишимском происшествии» усматривали вину в действиях местных ишимских гражданских чиновников Фишера и Наливайко, якобы «возродивших» в поляках «дух вольности и ослушания» и потребовали от сибирского генерал-губернатора строжайшего расследования «и предания законному суждению виновных». Конфликт между гражданскими и военными властями «кто был прав, а кто виноват в данном вопросе» набирал обороты и зашел настолько далеко, что в случае его продолжения или отстранения немногочисленных гражданских чиновников от должностей угрожал полной дезорганизацией управления в Сибири, что по инициативе управляющего Министерством полиции С.К. Вязмитинова было принято решение замять дело и добиться примирения между сторонами. 11 марта 1814 г. он обратился к сибирскому генерал-губернатору Пестелю с просьбой издать предписание о прекращении следствия по этому вопросу и по своему усмотрению сделать выговоры заслуживающим этого гражданским чиновникам.

Пока происходило все это разбирательство, пленные распределялись по полкам и батальонам. Часть из них была отправлена в Томск. Согласно предписания военного начальства за пленными поляками в армии устанавливался строгий

контроль. В караулы поляки должны были назначаться только вместе со старыми русскими солдатами, чтобы были «под глазами». Более того, пока не будет полной уверенности в благонадежности пленных, их вообще запрещалось ставить к «интересным» постам. Переписка пленникам запрещалась, и лишь в случае крайней необходимости «адресоваться» к кому-либо, они должны были подавать письма в открытом виде командирам. К принятию присяги на подданство России поляков было рекомендовано пока не принуждать, но «пристойными мерами соглашать их к оной»[89].

Пленные поляки в российской армии служить не желали, вполне справедливо заявляя, что в прочих государствах пленных в армию не призывают и воинской службе предпочитали каторгу[90]. Еще в Ишиме одна партия в 250 человек имела намерение «уйти к киргизам» лишь бы избежать русской службы. Вообще среди военнопленных по-прежнему были широко распространены пронаполеоновские настроения и продолжали оставаться надежды на торжество французского императора над Россией[91].

Как много позже писал о тех событиях дореволюционный историк, планы у бунтовщиков были далеко идущие. Захватив в Томске власть и провозгласив здесь основы нового государственного строя, бунтовщики собирались двинуться из Сибири во внутренние губернии России, на помощь Наполеону, который, по их мнению, должен был вторгнуться в Россию четырьмя армиями[92]. Дата вооруженного выступления была назначена на 9 мая – праздник Николая Чудотворца, так как заговорщики предполагали, что жители, особенно к вечеру, будут увлечены праздничными мероприятиями и утратят бдительность. Впрочем, на подробностях организации этого заговора здесь нет смысла подробно останавливаться, так как этому посвящена отдельная статья, основанная на материалах следственного дела по этому

---

[89] Томский заговор // Ист. вестн. 1912. № 8. с. 639.
[90] РГВИА. Ф. 1. Оп. 1 Д. 2985. Л. 66.
[91] Томский заговор // Ист. вестн. 1912. № 8. с. 639.
[92] Томский заговор // Ист. вестн. 1912. № 8. с. 640.

событию[93]. Стоит отметить только, что заговор был раскрыт благодаря сообщению находящегося в Томске ссыльного Павла Костовского (из православных церковников Тверской губернии, выслан в Сибирь за самовольную отлучку из семинарии) бывшему томскому частному приставу, отставному капитану Лобачевскому о том, что некий ссыльный Мартын Вонсович попытался вовлечь его, Костовского, в противоправительственный заговор. Лобачевский тут же услышанное изложил в своем доносе томскому гражданскому губернатору Илличевскому. Тот, получив такое сообщение, вначале не придал ему серьезного значения – настолько оно показалось ему невероятным и неправдоподобным. 5 мая 1814 г., т.е. через неделю после полученного доноса он писал подполковнику Кемпену, что, согласно полученным сведениям, пленные поляки, присланные в гарнизонный батальон в Томске, часто собирались в доме у Мартына Вонсовича, приписанного в томское мещанство с 1808 года «и пересказывали о вторжении французов в Россию и в Москву и выдумывали, и прибавляли к тому многие небывалые происшествия, сплетни и многие нелепые басни, отчего будто даже они помышлять начали об освобождении из плена, хотя все это не имеет ни достоверности, ни основания». «По всем обстоятельствам и по всем примечаниям о Вонсовиче, – писал губернатор, – едва ли можно дать веру, чтобы могло быть какое предприятие на таковое покушение, ибо и в доме его при самом строгом обыске» ничего подозрительного не было найдено.

Впрочем, вскоре, осознав всю тяжесть ответственности, которая на него ляжет в случае подтверждения «злоумыслых намерений» ссыльных поляков, губернатор развернул бурную активность в изобличении бунтовщиков и принятии мер к их изобличению. Подполковнику Кемпену же предложил принять меры предосторожности, в частности, приказать, чтобы пленные поляки в батальоне «не могли иметь при себе ружей вечером и ночью», никуда не отлучались без надзора

[93] Там же. с. 631-632. Материалы следственного дела, на которых основана эта статья и поныне хранятся в фондах Сената в РГИА (Ф. 1345. Оп. 98. Д. 951).

офицеров и унтер-офицеров, не собирались одни, особенно в ночное время, а «во всякое время находились совместно с ними и русские солдаты и высшие чины», одобрил практиковавшееся и ранее Кемпеном размещение по квартирам поляков совместно с русскими солдатами. В заключение губернатор сообщал также о «примеченных» слухах, согласно которым поляки намерены «произвесть в городе пожар, и воспользоваться сим нещастием». Всех, кто распространяет эти слухи, губернатор приказал «брать в полицию яко вредного разглашателя» и просил со своей стороны и Кемпена пресекать подобные разговоры, «дабы в народе не распространялись пустые страхи». 6 мая он сообщил Кемпену, что «для совершенного узнания, справедливо ли сделан извет или в сем деле сокрыт какой другой источник», возникла необходимость допросить многих людей и «учинить полное исследование». Следствие поручил комиссии из нескольких чиновников. В нее были назначены главный при водворенных поселенцах смотритель надворный советник Потьмицын, правящий должность губернского уголовных дел стряпчего титулярный советник Михновский, томский городничий титулярный советник Тимашев и «депутат» от военных – батальонный адъютант поручик Волосников.

По мере расследования, тревога губернатора заметно нарастала. Через неделю работы комиссии, основываясь на сведениях, «открывшихся в сей день», Илличевский просил подполковника Кемпена взять под строгий караул и содержать порознь несколько солдат поляков: двух Барановских, двух Зелинских, Думинского, Шульца, Коноповича, «какого-то называвшегося барабанщиком, состоящего в числе рядовых по прозванию неизвестного, и унтер-офицера, роста низкого, толстенького, носившего по приходе в Томск красные брюки, но также по прозванию неизвестного». Кроме того губернатор предлагал военным устроить у этих лиц совместно с городничим обыск среди книг и бумаг. В своем письме Глазенапу томский губернатор писал, что в ходе следствия,

в котором он принимал самое активное участие, выяснилось, что инициаторами заговора, по его мнению, были военнопленные поляки, которые решились на это предприятие ещё на пути в Сибирь. Вонсович же был избран ими для ведения пропаганды среди ссыльных. Выступление должно было произойти в Томске, а также в Омске и других крепостях, куда были направлены на службу польские пленные. Вонсович показал, что польский солдат Конопович имел из Омска письмо, писанное секретными чернилами, «о согласии сделать возмущение». В ходе бунта, помимо захвата ружей, на квартирах батальонных солдат, занятия острога, цейхгауза и гауптвахты, предполагалось взять казначейство, арестовать чиновников, учредить свое начальство, пресечь пути сообщения и действовать затем по приказаниям своего начальника, имя которого ещё предстоит выяснить. В заключении губернатор сообщал о принятых совместно с подполковником Кемпеном мерах к сохранению спокойствия в городе, а также спрашивал мнение командующего войсками на Сибирской линии о возможности ужесточения условий содержания пленных в Томске, поскольку «все они вообще подозреваются».

Г.И. Глазенап, получив от Д.В. Илличевского и Кемпена полученную информацию, 23 мая отправил рапорт управляющему Военным министерством Горчакову. Сообщив кратко о происшедшем, он отметил, что, по его мнению, причиной заговора являются «посеянные в тех пленных ещё в городе Ишиме гражданскими чиновниками мысли о свободе от военной службы». Командующий войсками поставил управляющего министерством в известность также о ряде своих распоряжений, направленных на ужесточение контроля в батальонах за всеми военнопленными поляками.

Когда возглавляемое томским губернатором следствие было закончено и добытый ими материал был доставлен сибирскому генерал-губернатору И.Б. Пестелю, то последний, ввиду необыкновенной важности дела, 20 октября 1814 года отослал его в столицу к главнокомандующему с подробным

изъяснением всех обстоятельств заговора и с запросом, вести ли судопроизводство обычным судебным порядком, или на этот счет будут даны какие-либо другие особые указания. Главнокомандующий, осведомившись о мнении комитета министров, возвратил дело для постановления приговора в томскую губернскую уголовную палату, с тем, чтобы потом, не приводя приговора в исполнение, препроводить весь следственный материал в правительствующий Сенат, что и было сделано.

Дело о «томском заговоре» тянулось несколько лет и было рассмотрено Сенатом лишь в 1817 г. Всего к суду было привлечено около 40 человек. Мартын Вонсович был приговорен к 136 ударам плетьми и ссылке в Нерчинск на каторгу. Четверых ссыльных и одного «иностранца» также приговорили к каторжным работам. Семеро ссыльных были отправлены на поселение в отдаленные места Иркутской и Томской губерний, а девять человек лишь оставили под наблюдением полиции. Военнопленных поляков Войцеха Барановского, Павла Зеленского, Иосифа Коноповича, Анджея Пионтковского и Винцента Щепановского оставили под подозрением и как людей неблагонадежных сослали в отдаленные места Иркутской губернии. Вина этих лиц казалась в глазах правительства настолько велика, что в их отношении был нарушен принцип полной репатриации, которого придерживалось правительство. Другим пленным (Н. Барановскому, В. Срединскому, Л. Малышко, М. Ольшевскому и И. Вольчуку) было позволено вернуться «в свои дома». Еще пятеро пленных за недостатком улик были оправданы. Окончательный приговор был утвержден императором 16 ноября 1817 г.[94].

Подводя итог вышеизложенным событиям в Ишиме и Томске двухсотлетней давности, исследователи этого вопроса отмечают, что произошедшие тогда с польскими пленными в Сибири события и их последствия были обусловлены не только наличием тогда в этом регионе «горючего польского

[94] Томский заговор // Ист. вестн. 1912. № 8. с. 643-644.

материала», но также несогласованностью действий военных и гражданских властей, находившихся между собой в состояния административной войны. «Заговор в Томске» мог быть связан также с дошедшими сюда слухами о заключении мира или, по крайней мере, о близком поражении Франции. Если бы февральское распоряжение императора об освобождении всех поляков было выполнено оперативно, и Комитет министров не вступил на путь затягивания решения этого вопроса, проблем с поляками в Томске удалось бы избежать[95].

[95] Б.П. Миловидов. Военнопленные поляки в Сибири в 1813-1814 гг.// http://www.adjudant.ru/captive/mil07.htm

Глава 6.

Губернский храм и его строитель о. Ремигий Апанасевич. (1820-1835 гг.)

1820 – 1835 годы XIX века в истории римско-католической церкви на томской земле связаны с деятельностью здесь монахов-бернардинов и завершением ими в 1833 г. строительства в губернском городе Томске католического храма, первого каменного храма, построенного за Уралом.

Безусловно, строительство и открытие в Томске первого в Сибири католического храма ознаменовало собой одну из важнейших страниц в истории не только сибирских католиков, но и всей римско-католической церкви в России, что не могло не вызвать к данной теме интерес со стороны историков и публицистов.

О строительстве в Томске «польского костела» уже написано достаточно много публикаций, которые, однако, в основном повторяют сведения, почерпнутые из работ дореволюционных авторов Б. Островского и А. Адрианова[96]. В этих публикациях акцент делается на то, что его постройка в Томске стала возможной только благодаря численному увеличению членов католической общины Томска за счет ссыльных поляков, отправленных в Сибирь после подавления Ноябрьского восстания 1831 года, руками которых и была построена эта церковь. Подробно излагается история сбора настоятелем общины Ремигием Апанасевичем «доброхотных средств» на строительство католической церкви, на которую якобы активно жертвовали и православные томичи. Наконец, из этих же работ мы узнаем, что в 1835 году строитель храма Ремигий Апанасевич, «подорвав здоровье при строительстве костела», вынужден был покинуть Томск.

Не будем здесь в очередной раз цитировать эти публикации, а лучше обратимся к архивным документам,

---

[96] Адрианов А. Костёл в Томске. // Город Томск. 1912.; Островский. Томская римско - католическая церковь. (краткий очерк ея сооружения) //Сибирский Вестник. 1890 г. № 67.

обнаруженным в Государственном архиве Томской области, которые позволили существенно дополнить имеющиеся сведения не только по истории строительства храма, но и установить ранее неизвестные факты пребывания монахов-бернардинов на сибирской земле и страницы биографии строителя томского костела о. Ремигия Апанасавича.

Как уже говорилось выше, в 1820 году иезуиты вынуждены были покинуть Томск, а на смену им распоряжением Могилевского архиепископа были отправлены монахи-бернардинцы. Удалось установить, что прибыли они в Томск 16 сентября 1820 года (по другим данным – 28 октября 1820 года) и поселились в том же подворье, что занимали их предшественники. Благодаря распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири Капцевича, получили они это жилье на тех же условиях, что и иезуиты, и прожили здесь до 1828 года. Из дореволюционных публикаций известно, что приехавшими в Томск монахами-бернардинами были о. Яков Юревич и о. Ремигий Апанасевич. Первый был назначен настоятелем общины, а второй стал викарным священником. Однако Яков Юревич пробыл в Томске только до 1828 года и вынужден был покинуть Сибирь по состоянию здоровья, оставив вместо себя в качестве настоятеля Ремигия Апанасевича. В то же время архивные документы уточняют, что в Томске кроме Юревича и Апанасевича служили в качестве викарных священников Дионисий Милевский и Дарценты Хациски, а также диакон этого же ордена Ювеналий Лакис. Кроме этого, удалось установить, что Ремигий Апанасевич стал исполнять обязанности настоятеля прихода и супеиора миссии бернардинов в Томске не с 1828 года, а по крайне мере тремя годами раньше. Так как уже с 1822 года именно его подписи как настоятеля прихода стоят под многочисленными бумагами в ходе переписки с местными властями по самым разным хозяйственным и церковным вопросам. Именно ему и выпало через десять лет после своего приезда в Томск стать первым

строителем первого католического храма в Сибири. Но это будет еще впереди, а пока же новому курату в очень сложных условиях пришлось налаживать жизнь общины и устанавливать контакты с местной властью.

Характеризуя взаимоотношения местных городских властей и монахов- бернардинцев, прибывших на смену иезуитам, следует отметить, что эти отношения были далеко не ровными и простыми, как это представлено во многих публикациях. И причиной этого были не религиозная вражда, а вопросы чисто финансового характера. Дело в том, что монахи-бернардины, как до них иезуиты, приехав в Томск, заняли дом, принадлежащий городу на условиях аренды, но по условиям договора своего нахождения в Сибири эту плату должны были платить не они сами, а государство через казначейство, но оно, как обычно о своих обязательствах забыло. Так, за аренду дома, занимаемого с 1816 года сначала иезуитами, а затем бернардинами, томская городская Дума получила от казны компенсацию только в 1827 году за 11 лет всего в размере 500 рублей вместо причитавшихся 5611 рублей[97]. Не выдержав и неся убытки, городская Дума стала требовать от священников освободить здание или же заплатить аренду из своих собственных средств. Настоятель общины же, ссылаясь на ранее состоявшееся соглашение между генерал-губернатором Капцевичем и министром внутренних дел, платить за аренду отказывался, как и отказывался выезжать из занимаемого здания.

И если высокое начальство, что выдавало предписания на перечисленные льготы монахам-католикам за счет городской казны было далеко, то монахи жили здесь же и служили объектом постоянных придирок со стороны гласных Думы. Члены городской Думы и Управы постоянно напоминали настоятелю католической общины в чьем доме они «даром проживают», на что неизменно получали ответ, что на то есть «Высочайшее соизволение»[98]. Подобные

[97] ГАТО.Ф.127.Оп.1.Д.1327А.Л.77.
[98] ГАТО.Ф.127.Оп.1.Д.1161.Л.4.

же конфликты возникали также из-за несвоевременного и не в полном объеме выделения средств на текущий ремонт здания и на отопление помещений, из-за чего монахам приходилось часто зимой терпеть холод и «крайнюю нужду», тратя свои последние средства на покупку дров[99].

Только в 1828 году, когда занимаемое бернардинами здание сильно пострадало от весеннего наводнения, а городская Управа отказалась его ремонтировать, монахи вынуждены были его освободить и нанять новые помещения. Оставленное же здание, где в течение почти 12 лет находилась устроенная часовня, и жили вначале иезуиты, а затем бернардины, оказалось брошенным и простояло более года бесхозным, а затем было выставлено вместе с деревянным флигелем на открытые торги по сдаче в аренду. Однако желающих взять в дальнейшую аренду указанный каменный дом больше не нашлось из-за его ветхого состояния[100].

Отсюда понятны мечты и желания томских католиков построить свой собственный дом для проживания священников и иметь собственное здание под храм. Как утверждает в своей книге «Иезуиты в России» православный священник Морошкин, вопрос о строительстве в Томске собственной католической церкви поднимался еще при иезуитах, но не был решен по причине скудости средств и не согласия на это генерал-губернатора Сибири Пестеля[101].

Этот же вопрос перед начальством начал возбуждать и Ремигий Апанасевич. Очевидно, с его подачи в 1822 году Западносибирский генерал-губернатор Капцевич обратился к министру духовных дел и просвещения с просьбой ходатайствовать о постройке в Томске священнического и молитвенного дома для католиков «дабы тем самым в дальнейшем избавить казну от затрат на найм жилья и молитв их священников». Однако данное представление

---

[99] Там же.Л.32.

[100] ГАТО.Ф.127.Оп.1.Д.1327А.Л.98.

[101] Михаил Морошкин. Иезуиты в России с царствования Екатерины II до нашего времени. Спб. 1867г. с.446.

генерал-губернатора осталось без удовлетворения. Более того, в министерстве не нашли даже возможности выделить просимую им сумму в 300 рублей на найм жилья для священников, породив тем самым длительные напряженные отношения между настоятелем общины и отцами города по поводу выплаты арендной платы.

Когда через два года томские бернардины вновь через генерал-губернатора обратились к министру духовных дел и просвещения князю А.Н. Голицыну по вопросу выделения средств на строительство храма в Томске, тот, ссылаясь на Высочайший именной указ от 14 марта 1824 года об ограничении казенных расходов, предложил обратиться к римско-католической духовной Коллегии и Могилевскому епископу с предложением «отделить для бернардинов в Томске часть доходов от какого-либо римско-католического монастыря, имеющего избыточный доход» или же обратиться к подведомственному Коллегии католическому духовенству с просьбой о добровольных пожертвованиях для построения в губернском городе священнического дома[102].

Католические монастыри, потерявшие к тому времени былые привилегии и сами переживавшие трудные времена, вряд ли были в состоянии выделить на строительство священнического дома в далекой Сибири достаточную сумму, однако на просьбу откликнулись и стали присылать пожертвования специально на постройку костела в Томске. Так, 1 июня 1825 года на эти цели поступило 1220 руб. 20 коп., годом позже – еще 130 руб. 96 коп. 200 рублей было собраны от духовенства и хранились в кассе Коллегии, а поступившие от монастырей положены в государственный банк под проценты[103].

Получив сообщение о собранной сумме, томский курат Апанасевич энергично стал заготавливать строительный материал на постройку священнического и молитвенного дома, донося начальству, что для начала этой постройки

---

[102] ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.146.Л.9.; Морошкин. Указ. соч. с. 442.
[103] ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.146.Л.9.

это самое удобное время закупки строительного материала по случаю «сходных на все цен». В ответ получил сообщение о том, что дополнительных поступлений денег на строительство больше не будет и поэтому речь может идти только о дозволении постройки здесь из приготовленного леса всего лишь «достаточной деревянной молитвенницы». Но для принятия окончательного решения ему предписывалось дать ответ о том, будет ли достаточно собранной суммы на постройку в Томске кроме храма еще дома для священников. В своем рапорте от 16 сентября 1827 года Апанасевич ответил, что указанной суммы не только на постройку каменного, но и деревянного дома недостаточно, ибо дом священников, «по неимению тамо церкви должен быть вместе с домом молитвенным», в котором могли бы уместиться до 400 человек прихожан[104]. И далее в своем рапорте курат предложил из-за недостатка средств начать строить в первую очередь только храм, «необходимо нужный для успокоения ропщущих прихожан». Указал, что к указанной сумме в 1550 рублей надеется собрать на месте еще до 300 рублей, недостающих на постройку деревянного храма. Донося Коллегии свое мнение о постройке храма, отметил, что место под храм он выбрал «довольно удобное внутри города и об отводе оного безденежно подал прошение господину губернатору заблаговременно»[105].

Вскоре в Томск пришел и ответ Могилевской римско-католической духовной консистории с сообщением о принятии решения о строительстве в Томске молитвенного дома и предписано Томскому областному правительству совместно с томским куратом Апанасевичем составить смету и план на сооружение храма, а затем с получением выделенных денег тотчас начать его постройку под надзором курата и члена городовой полиции, а после окончания строительства доставить консистории надлежащий денежный отчет[106].

---

[104] Там же. Л.10.
[105] Там же.
[106] Там же. Л.14 об.

Таким образом, получив предписание начать строительство храма в деревянном исполнении, нужно было определиться с его проектом и местом под строительство. Что касается места для строительства, то об этом курат Апанасевич уже позаботился и выбрал под строительство место «довольно удобное внутри города». Этим местом была Воскресенская гора, именуемая в ту пору Соборной: исторический центр города и место основания Томского острога, действительно прекрасное место, с которого просматривался весь город. Мы можем только догадываться, чем руководствовался Апанасевич в выборе места под храм, но сейчас, благодаря архивным документам, достаточно подробно знаем, как ему пришлось упорно отстаивать свой выбор.

Так, еще 2 ноября 1827 года по представлению Апанасевича губернский архитектор Логинов представил городским властям план места на Соборной горе с отводом участка под строительство католического храма. Городские власти в выделении участка на этом месте отказали, мотивируя тем, что по плану там не предусматривалось никакого строительства «без особого на то высшего начальства» и предложили место под храм выбрать в другом месте, например на Юрточной горе, в то время окраине города.[107] Апанасевич же на это ответствовал, что никакое другое место, кроме Соборной горы, его не удовлетворит, и что он будет отстаивать свое мнение у высокого начальства. Такой же ответ чиновники городской Управы получили от него в августе 1828 г., затем 17 октября 1829 г.[108].

Вполне возможно, что такое противостояние настоятеля и членов городской строительной комиссии продолжалось бы и далее, если бы не сообщение, полученное в августе 1830 г. томским губернатором Ковалевским от Управляющего духовными делами иностранных исповеданий МВД статс-секретаря Блудова, которое кардинально изменило планы

[107] Там же. Л.17.
[108] Там же. Л.27.

и сроки строительства в Томске католической церкви. В письме высокий вельможа из столицы информировал губернатора о том, что к генерал-адьютанту Бекендорфу обратился с просьбой сосланный в Сибирь государственный преступник Мошиньский с просьбой дозволить отправить к начальнику томских бернардинов 2 тысячи рублей на сооружение в городе Томске римско-католической церкви. Здесь же сообщалось, что эта просьба была воспринята самим государем – императором благосклонно и Высочайше высказано мнение, что строительство католической церкви в Томске «может быть исполнено без всякого неудобства и с пользою для других тамошних католиков»[109].

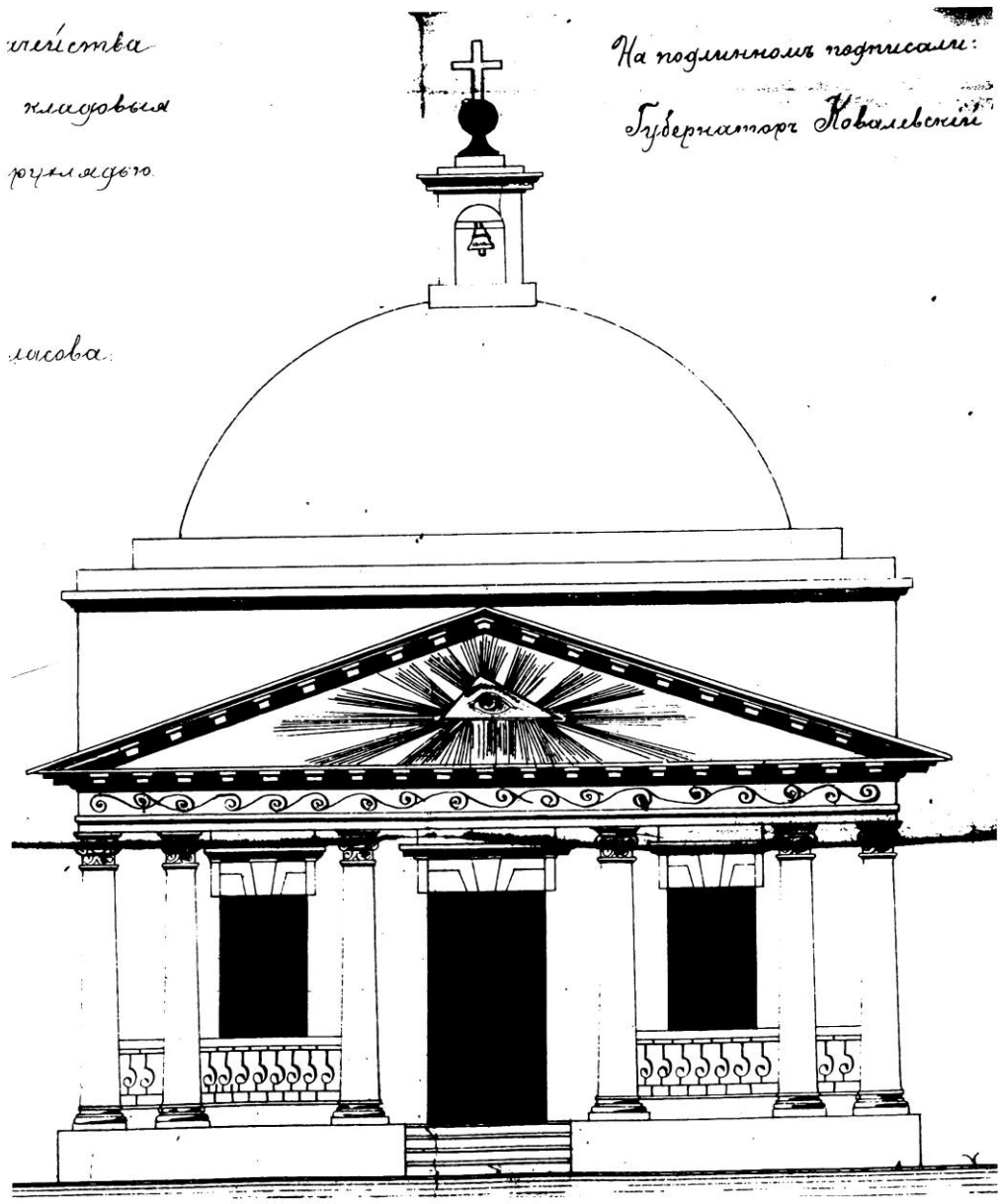
Дальнейший ход событий предугадать несложно. Томский губернатор Ковалевский своим распоряжением от 3 сентября 1830 г. повелел в дальнейшем не только не чинить препятствий курату Апанасевичу в выборе места под храм, но и сделал соответствующие распоряжения губернскому архитектору, полицейской управе и городской Думе об оказании ими всяческого содействия в строительстве храма, удостоенного внимания самого императора.

В свою очередь, томский курат Апанасевич, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами в деле строительства святыни, пожелал вновь вернуться к планам строительства храма из кирпича, а не из дерева, благо на это уже были средства. Вопреки сложившимся традициям российской бюрократии согласие на это было получено быстро и без проволочек. План фасада церкви составил губернский архитектор Федор Логинов, а утвердил его лично сам губернатор Ковалевский.

Таким образом, благодаря финансовой помощи католических монастырей, а затем в решающий момент ссыльного польского магната Петра Мошиньского, католики в Томске получили возможность построить свою святыню, первый каменный католический костел во всей Сибири.

---

[109] Там же. Л.41-41об.



1.7. Чертеж фасада костела в г. Томске. 1830 г. Архитектор Ф. Логинов.

Получив разрешение и деньги на строительство, томский курат Ремигий Апанасевич с энтузиазмом принялся за возведение стен храма, не испытывая недостатка в рабочих руках своих прихожан, главным образом ссыльных поляков. Говорят, что настоятель Апанасевич не только руководил постройкой храма, но и лично принимал участие в строительстве: месил ногами глину, делал и обжигал кирпичи, выполнял самую грязную и неквалифицированную работу.

Когда же запасы продовольствия кончались, он запрягал лошадь и отправлялся по своему приходу, путешествуя «от деревни к деревне, от окна к окну», именем Христа собирал пожертвования на осуществление своей заветной цели, принимая всё, что давали, а затем возвращался в Томск, где кормил и одевал своих прихожан-строителей[110].

Известно, что храм был построен за очень короткое время. Так, уже из переписки конца ноября 1832 г. губернского архитектора с куратом относительно составления плана жилого дома для римско-католического духовенства говорилось о католической церкви как «уже сооруженной»[111]. Освящен в торжественной обстановке томский храм был о. Ремигием в первый день октября 1833 года именем Пресвятой Богородицы Покровской св. Розария. В официальных документах стал называться римско-католическим храмом Покрова Пресвятой Богородицы, а среди прихожан и местного населения «польским костелом».

Здание костёла не отличалось внушительными размерами и изысканностью убранства: Храм имел в длину 25 аршин (17,5 м.), в ширину – 14 аршин и 6 вершков (около 10 м.) и 17 аршин (ок.12 м.) высоты. Снаружи и внутри стены были оштукатурены и выбелены, крыша и купол были деревянными. Купол венчал деревянный крест. Такою же простотой и аскетической скромностью отличалась вся внутренняя обстановка церкви, состоящая из трёх алтарей в виде простых деревянных столов да нескольких пар деревянных скамеек в два ряда[112].

Курат Ремигий был полон планов по дальнейшему обустройству только что возведенной святыни, хлопотал о строительстве жилого дома для священников рядом с церковью, находя в своих прихожанах понимание и посильную помощь, в первую очередь Альфонса Поклевского - Козел, прибывшего в 1834 г. на службу в Томск

---

[110] Сибирский Вестник. 1890 г. № 67.
[111] ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.146. Л.43.
[112] г. Томск, 1912 г. с.48.

чиновника, сделавшего впоследствии в Сибири, благодаря своей предприимчивости и уму, блестящую карьеру и огромное состояние. На его средства и будет в 1836 г. рядом с храмом выстроен каменный дом для духовенства, но это произойдет уже без курата Апанасевича.

Как писал дореволюционный хроникёр томского прихода, а затем с его слов и многие другие, «ксендз Апанасевич подорвав свои силы и здоровье многочисленными разъездами по огромной епархии, в 1835 году вынужден был уехать в свой монастырь в Могилёвской губернии и покинул Томск»[113].

У нас нет сведений о здоровье ксендза в то время, однако обнаруженные архивные документы совсем по-другому объясняют причину отъезда священника из города, которому он отдал 15 лет своей жизни и где оставил о себе добрую память на много лет. Его поспешный выезд из Томска был продиктован не ухудшением здоровья, а причинами совсем другого порядка, связанными с последствиями Ноябрьского восстания поляков в 1831 году.

После подавления в Польше восстания против политики царского правительства многие его участники оказались в сибирских военных гарнизонах и на поселении и как католики стали прихожанами католических приходов, существующих в Омске, Томске и Иркутске. Местные власти, опасаясь возмущения ссыльных поляков, также в местах их поселения и военных гарнизонах, склонны были видеть в католических священниках-поляках потенциальных врагов империи, способных в любой момент примкнуть к бунтовщикам. События в Омске в середине 1833 года, получившие в литературе название «Омского дела»[114] и вовсе лишили спокойствия властей.

---

[113] Островский. Томская римско - католическая церковь (краткий очерк ея сооружения). Сибирский Вестник.1890 г. № 67.

[114] См. А.С. Нагаев. «Омское дело» 1832- 1833 гг. // Ссыльные революционеры в Сибири. Иркутск. 1985 г. с.44- 58.

Раскрытие 25 июля 1833 года в городе Омске «заговора мятежных поляков»,[115] одним из организаторов которого был признан разжалованный и отданный в солдаты участник восстания католический священник каноник Ян Сероцинский,[116] отразилось на дальнейших судьбах многих ссыльных католиков-поляков и их священников. В их числе оказались о. Ремигий Апанасевич и его викарий ксендз Дионисий Милевский. В квартире, где жили священники, томским городничим Одинцовым и чиновником особых поручений губернского правления Осиповым был произведен обыск с целью обнаружения переписки «относящейся до тайных замыслов и намерений к пробуждению возмущений», а сами они подвергнуты допросу лично губернатором. Несмотря на то, что обыск и допрос никаких результатов не дали, распоряжением генерал-губернатора Западной Сибири над ними был учрежден «самый строгий секретный надзор с доставлением ежедневно сведений о том, где они бывают, кто их посещает и какие при тех посещениях бывают разговоры»[117].

Что касается положения других ссыльных поляков, то власти распорядились удалить их из губернских городов и селений, расположенных вблизи Сибирского тракта, в другие отдалённые друг от друга города и селения, «причём с расчётом не селить их в большом количестве в одном месте»[118]. Скорее всего, что во исполнение именно этого распоряжения часть ссыльных католиков-поляков была переведена на жительство из губернского города в отдаленные селения Кузнецкого и Мариинского уездов, тем самым пополнив в первой половине XIX века численность католиков в этих местах.

---

[115] Поводом к расследованию заговора стал донос омского пастора евангелической церкви Гильдегагена, исповедовавшего одного из солдат 4-го линейного батальона, признавшегося на исповеди о своем участии в «готовящемся возмущении».

[116]Кс. Ян Сероцинский был арестован, после следствия приговорен военным судом к наказанию щпицрутенами сквозь строй солдат. Умер в больнице, не выдержав наказания.

[117] ГАТО. Ф.2.Оп.2.Д.22.Л.108.

[118] Там же. Л.153.

А если говорить о дальнейшей участи живших в Томске священников Апанасевича и Милевского, то по Высочайшему распоряжению самого императора было дано распоряжение немедленно их удалить из губернского города, заменив «другими благонадежными»[119]. Генерал-губернатор Вельяминов, сообщивший 26 октября 1833 года томскому губернатору волю императора Николая I, от себя добавил, что он уже обратился к министру внутренних дел с просьбой заменить Апанасевича и Милевского другими благонадёжными священниками и по возможности не поляками, а ксендзами других наций католического исповедания», а пока до прибытия замены приказал держать их в Томске под строгим полицейским надзором[120].

В конце сентября 1834 года генерал-губернатором Западной Сибири было получено уведомление, что благонадёжные священники для Томска наконец-то подысканы и 4 августа уже отправлены к своему месту назначения[121]. 18 октября 1834 года томскому губернатору было предписано объявить попавшим в опалу пастырям о скором их выезде из губернского города в сопровождении «расторопного урядника или казака» до границы Сибири, в обязанности которого входило бы бдительнейшее наблюдение за сопровождающими, «дабы не могли они входить ни в какие тайные сношения с находящимися по тракту поляками...»[122].

В связи с тем, что выдача денег на обратную дорогу священникам затянулась, им пришлось задержаться здесь ещё на некоторое время после прибытия на их место других священников и только в конце мая 1835 года Апанасевич и Милевский покинули Томск. Первый вернулся в свой монастырь над Днепром в Могилеве, второй выехал в Витебск.

Повествуя о дальнейшей судьбе Ремигия Апанасевича, скажем, что после возврата в монастырь ему было запрещено проведение всякой душпастырской работы. Когда в 1839 году

---

[119] ГАТО. Ф.3.Оп.54Д.16.Л 1.
[120] Там же. Л.3.
[121] Там же. Л.55.
[122] Там же. Л.60об.

он обратился с прошением разрешить ему исполнять службу хотя бы в ризнице, то получил ответ, что оставлен он в монастыре указом монарха и, согласно этого указа, не имеет права покидать монастырь и совершать молитвы в ризнице[123]. Только в 1860 году, уже в возрасте 69 лет, он смог получить разрешение заняться душпастырской дельностью в Найдуковском приходе Климовицко-Мциславского деканата и служил там еще в 1866 году[124], скончался в 1868 году.

Вместо высланных из Томска бернардинов Апанасевича и Милевского в губернском городе стали служить монахи Доминиканского ордена Иероним Гринчел и Яков Юревич, открыв новую страницу в истории сибирских католических приходов.

---

[123] Klasztory bernardyńskie w Polsce. s.225; Andriej Maslennikow SJ. Rzymskokatolicka parafia w Tomsku na Syberii w latach 1812- 1991 //„Nasza Przeszłość" t. 93: 2000 s.234.
[124] Rzymskokatolicka parafia w Tomsku na Syberii w latach 1812- 1991 //„Nasza Przeszłość" t. 93: 2000 s.235.

Глава 7.

О первых покровителях и меценатах Томского костела

Как уже отмечалось, благодаря инициативе и настойчивости томского курата Апанасевича, в 1833 году в Томске по проекту томского архитектора Ф. Логинова был построен и освящен первый за Уралом каменный католический храм. Следует отметить, что вопросом его сооружения были заняты лица самого разного положения и социального статуса: от российского императора Николая I , лично соизволившего

1.8. Князь Петр Мошиньский.
(Фрагмент картины Я. Матейко)

дать согласие на его сооружение, до ссыльных поляков, чьими руками возводились стены церкви. И все же здесь уместно рассказать о человеке, без участия которого вряд ли бы тогда храм был бы тогда построен. Речь о человеке, принявшем решение выделить на строительство католической церкви в сибирском Томске две тысячи рублей серебром. Что же это был за человек, выделивший значительную по тем временам сумму на возведение костела в городе, в котором сам никогда не был? Таким меценатом в строительстве томского храма стал ссыльный в Тобольск польский магнат **Петр Мошиньский**.

Вот что мы можем о нем прочитать в биографическом словаре ссыльных поляков в Российской империи в первой половине XIX века: «Мошиньский Петр (1800-1879). Родился 30.04.1800 в Липове Сандомирского повета, сын Хиляра-Игнация (1763-1827) и Зофии, урождённой Ромишовской (1775-1812), владельцев огромных богатых имений на Волыни и Подолье, в Одессе и Могилеве, а также медных рудников в Саксонии. Образование получал в Кременецком лицее. Жил с 1823 г. В Житомире, где был выбран маршалком дворянства Волынской губернии. С 1820 г. был одним из создателей Устава Товарищества Тамплиеров, в 1821 г. стал наместником в Подольской губернии. Был сторонником сближения с Патриотическим обществом и противником союза с россиянами. Арестован в начале 1826 г., вывезен к кармелитам в Варшаву, а затем был привезен в Петербург и посажен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости в камеру № 25. 19 марта отправлен для следствия в Варшаву, а затем вновь возвращен в Петербург. С 19 января 1827 г. почти в течение восьми месяцев (до 21.08) находился в камере № 9 Никольской тюрьмы в её тайной части (секретный дом Алексеевского равелина). 3 июня 1828 г. вновь был отправлен в Петропавловскую крепость. По высокой конфирмации по приговору правительства был отправлен на 10 лет ссылки в Сибирь с утратой прав состояния и звания. Жил в Тобольске, где вместе с Романом Сангушко занимался широко филантропией для ссыльных, чем заслужил себе прозвище

«Святого Петра». Был одним из основателей тобольской библиотеки…»[125].

В Тобольск Мошинский прибыл 24 января 1830 г., вспоминал, что из-за отсутствия в Тобольске ксендза исповедовался только в феврале 1832 г. у приехавшего в Тобольск ксендза из Томска. Очевидно, тогда и узнал он о хлопотах томского курата Апанасевича по устройству в Томске католического храма, после чего обратился письмом к генерал- адьютанту Бекендорфу с просьбой дозволить ему отправить к начальнику томских бернардинов 2 тысячи рублей на сооружение римско-католической церкви. О прошении ссыльного магната было доложено Бекендорфом Николаю I. Император к данной просьбе отнесся благосклонно и дал указание о том, что устройство католической церкви в Томске «может быть исполнено без всякого неудобства и с пользою для других тамошних католиков»…

В 1834 г., когда церковь в Томске была уже построена и освящена, Мошиньский подал прошение на выезд из Тобольска «во внутренние губернии» России под надзор полиции. Сначала жил в Саратове, затем в Чернигове, а позднее в Киеве. 5 мая 1840 г. был восстановлен в правах и возвратился в Краков, где продолжал свою филантропическую деятельность. Был большой коллекционер и меценат, организатор культурно-научной жизни в Кракове. От первой жены Ионны, которая во время пребывания его в Сибири взяла развод и вышла замуж, имел сына Езефа (1820-1827). В 1839 г. женился на Анели Малиновской (1820-1889). С которой имел сыновей Емануила (погиб 17.02.1863 г.) и Юрия (1847-1924), консервативного публициста, автора монографии о А. Велопольском, а также 3 дочери. Под конец жизни продиктовал своим родным воспоминания, судьба которых неизвестна. Умер в Кракове 19.08.1897 г. и был похоронен на кладбище Раковицком в некрополе Водзицких[126].

---

[125] Wiktoria Śliwowska. Zesłancy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Słownik biograficzny. Warszawa. s. 404- 405.

[126] Wiktoria Śliwowska. Zesłancy polscy w Imperium Rosyjskim… s. 404- 405.

Благодаря другому покровителю и меценату, **Альфонсу Поклевскому – Козелл**, прибывшему в 1834 году на службу в Томск в качестве мелкого чиновника, сумевшего сделать

1.9. Альфонс Поклевский – Козелл. Фото 70 гг. XIX в.

в Сибири блестящую карьеру и огромное многомилионное стояние, рядом с томским храмом будет построена деревянная колокольня и каменный дом для духовенства. «Странный это был человек, – характеризовал его в одной из своих книг известный сибирский писатель Мамин-Сибиряк, – польский дворянин и российский промышленник, революционер и заводовладелец, преуспевший на винокуренном промысле, член народного попечительства о трезвости, католик, строивший православные храмы, эксплуататор, жертвовавший огромные суммы на благотворительность…».

Родился Альфонс Фомич Поклевский – Козелл в 1810 г. третьим ребенком в семье ляндвойта Полоцкого воеводства, дворянина герба «Козелл» Томаша сына Игнация Поклевского-Козелл (1761–1824) и Анны Шпинк (? – ок. 1845-1850) в родовом имении Быкрвщизна в Лепельском уезде Витебской губернии. Учился в повятской (уездной) школе ксендзов-доминиканцев, затем в 1830 г. окончил Полоцко-Пиярское высшее училище. Поступил учиться в Виленский университет, но не окончил его из-за закрытия университета в 1831 г. в связи с ноябрьским восстанием (1830–1831 гг.). Чиновничью карьеру начал в Санкт-Петербурге, поступив на службу Государственного контроля по Департаменту морских отчетов. В 1831 г. по прошению переведен в Астраханскую казенную палату помощником столоначальника, в 1832 г. произведен в коллежские регистраторы со старшинством. 27 июня 1834 г. по прошению был уволен из Астраханской казенной палаты и принят на службу по Томской губернии в штат канцелярии Томского общего губернского управления. С 27 мая 1835 г. занял должность секретаря строительной комиссии. Через два года службы в Томске был переведен в столицу в распоряжение Департамента исполнительной полиции МВД. По прошению был переведен в штат Санкт-Петербургской казенной палаты помощником винного пристава питейных магазинов. 6 февраля 1836 г. после производства в губернские секретари со старшинством стал чиновником для особых занятий. В 1838 г. от министра

финансов Е. Ф. Канкрина «за отлично-усердную службу» получил признательность. В 1838 г. по прошению вновь был переведен на службу в Сибирь и распоряжением генерал-губернатора Западной Сибири П. Д. Горчакова принят на службу по Тобольской губернии «с причислением впредь до открытия вакансий к Тобольскому общему губернскому управлению и с оставлением для занятий по службе его сиятельства». По семейной легенде, поводом «бегства» Альфонса Фомича из столицы в Сибирь послужил скандал, который удалось замять. Во время званного вечера в одном из столичных салонов некий отпрыск знаменитой фамилии оскорбил Альфонса Поклевского, а тот выбросил его из окна первого этажа в сад. 23 апреля 1839 г. Поклевский был определен к исправлению должности асессора Тобольской казенной палаты. Должность предполагала длительные разъезды, связанные с доставкой спирта для винокуренных заводов в Томскую и Пермскую губернии. Данное обстоятельство позволило ему стать в скором времени высококлассным знатоком вопросов винокурения в Сибири и на Урале, важнейших источников пополнения государственной казны. Весной 1839 г. за прием из Успенского казенного винокуренного завода Тобольской губернии и доставку водой в г. Томск 35130 ведер спирта генерал-губернатором ему была объявлена первая благодарность, и впоследствии знаки признательности начальства в форме денежных премий и благодарностей были для него нередки. В 1841 г. Поклевский был произведен в коллежские секретари со старшинством. В 1843 г. назначен чиновником особых поручений при Главном управлении Западной Сибири по финансовой части. Затем произведен в надворные советники, награжден орденом Святой Анны III степени (1847) и знаком отличия за 15 лет беспорочной службы (1850).

В 1845 г. став владельцем и 10-летней привилегии на учреждение пароходства на реках Западной Сибири А. Ф. Поклевский-Козелл, асессор Тобольской казенной палаты и чиновник для особых занятий при генерал-губернаторе

Западной Сибири П. Д. Горчакове, и пользуясь его покровительством, создал первое в Западной Сибири частное

1.10. Альфонс и Анеля Поклевские - Козелл. Конец 70-х XIX в.

пароходство «Пароходство А. Ф. Поклевского-Козелл и К», пригласив в компаньоны владельца 30-сильных пароходов Ф. И. Швецова. В 1846 г. пароходы «Основа» и «Взор» пароходства Поклевского и К°, ведя на буксире баржи, впервые в одну навигацию совершили рейс из Томска в Тюмень и обратно, таким образом, впервые открыв регулярное буксирное сообщение между двумя городами в коммерческих целях. Совмещение А. Поклевским должностных обязанностей с частным предпринимательством прекратилось в 1851 г. в связи с назначением нового генерал-губернатора Западной Сибири и выездом из Сибири его покровителя П. Д. Горчакова. В 1840-х гг. Альфонс Поклевский для помощи в занятии бизнесом пригласил в Сибирь своего старшего брата Викентия Поклевского, который в 1851 г. женился на сестре ссыльного поляка Эрнестине Манаревич. Венчание состоялось 14 июня 1851 г. В Тобольске ксендзом Юргелевичем. Сочетая с выгодой для себя бизнес и административную работу, в 1849 г. Альфонс Фомич был произведен в очередной чин коллежского асессора со старшинством.

В 1850 г. в Томске 40-летний А. Ф. Поклевский женился на 20-летней польке Анелии - Анжелике-Антонии (1830–1901), дочери чиновника Иосифа Рымше. Венчание произошло в томском костеле 28 ноября 1850 г. при участии томского курата Гринчела. В 1851 г. в чине надворного советника А. Ф. Поклевский ушел в отставку и целиком отдался бизнесу. Главным образом выступал в роли контрагента Тобольских казенных винокуренных заводов, нередко использовавшего для перевозки грузов и казенные суда. Входил в пароходную компанию «Опыт» (1856–1860), в объединение «Комиссионерство сибирского пароходства» (1865–1868).

В 1860 г. из 10 пароходов Обь-Иртышского бассейна суммарной мощностью 740 л. с. 3 парохода («Основа», «Иртыш» и «Работник» в 250 л. с.) принадлежали А. Ф. Поклевскому-Козелл. Впрочем, занятие пароходством в его бизнесе было не главным, а вспомогательным делом. Со второй

половины 1840-х гг. он стал, прежде всего, одним из главных арендаторов казенных винокуренных и стекольных заводов в Западной Сибири и на Урале, т. е. являлся главным винным откупщиком и винозаводчиком на огромной территории Российской империи. В Тюменской губернии арендовал казенные винокуренные заводы в Тарском и Тюменском округах. Затем построил на собственные средства Падунский винокуренный завод в Ялуторовском округе (1863), водочный завод в Омске (1868), пивоваренный в Падуне (1882). Его жена владела винокуренным заводом в Туринском округе. Только в Западной Сибири А. Поклевский держал 28 оптовых складов вина и спирта. В Алтайском горном округе ему принадлежали 7 водочных магазинов (1866), в Тобольской губернии – 7 складов и 93 кабака (1888). Одновременно он владел винокуренными заводами на Урале: в селах Талицком, Ертарском, Щадринске, с 1873 г. арендовал в Вятской губернии Холуницкое имение площадью свыше 300 тыс. десятин. Выкупил у казны Залазнинские горные заводы (1886). С 1878 г. вел добычу золота в Пермской губернии. Поклевский был одним из учредителей Сибирского торгового банка (1872), собственником стекольной фабрики в Томске.

Являлся А. Ф. Поклевский и крупным благотворителем. Жертвовал на строительство православных церквей и католических костелов, школ и приютов. Уже отмечалось, что на его средства был построен дом ксендза в Томске, он пожертвовал 17,8 тыс. руб. серебром на строительство в Омске мещанского девичьего училища и приюта «Надежда», был почетным попечителем многих городских училищ и различных обществ, покровительствовал ссыльным полякам.

Умер А. Ф. Поклевский-Козелл в 1890 г. Похоронен на Воронщизне около матери. «Долг каждого гражданина, любящего свой край, гордиться выдающимися в нем лицами» – было написано в некрологе Альфонса Фомича Поклевского-Козелл. Он начал свою карьеру скромным чином губернского секретаря (чин, равный 12-му классу Табелю о рангах) и, не имея за душой ни гроша, к концу жизни стал владельцем

огромного многомиллионного состояния, действительным статским советником (4-й класс по Табели о рангах, равный чину генерал-майора), считался крупнейшим промышленником-собственником Зауралья, был первым в списке концессионеров на строительство железной дороги Екатеринбург – Тюмень, имел собственные асбестовые рудники на Урале. Благодаря деловой хватке, недюжинному уму и организаторским способностям Поклевскому удавалось извлекать выгоду из всего, что попадало в его руки. Понимая, что основной капитал дают не машины, а люди, он заботился об улучшении быта рабочих, помогал деньгами, строил больницы, школы, училища, ясли, столовые для рабочих, церкви, рабочие клубы, театры. Был награжден орденами Святого Станислава I степени, Святого Иоанна Иерусалимского от Папы Римского.

В семье Альфонса Поклевского было 6 детей: 2 дочери и 4 сыновей: Альфонс (1851–1916), Викентий (1853–1929), Анна (?–1907), Иосиф (1862–1878), Иван (1864–1925), Станислав (1868–1938). После смерти отца Викентий, Иван и Станислав организовали Торговый дом наследников А. Ф. Поклевского-Козелл. Иван, тобольский и туринский купец 2-й гильдии, занимался виноторговлей с собственных заводов, в 1898 г. вышел из ТД и подолгу жил за границей. Станислав, действительный статский советник, камергер Его Императорского Величества, окончив Александровский лицей, стал служить при министерстве иностранных дел. Работал в русских посольствах в Японии, Румынии, Афганистане, Иране, Лондоне. В Лондоне, будучи первым секретарем русского посольства (1895), дружил с наследником английского престола – будущим королем Эдуардом IV. Продолжателем дела Альфонса Фомича и умножителем капиталов Поклевских-Козелл, распорядителем ТД «Наследники» стал его сын Викентий, урожденный томич. Родился Викентий в Томске 13 января 1853 г. вторым ребенком и был крещен в томском костеле 13 февраля 1853 г. ксендзом Гринчелом двойным именем Викентий-Станислав. Восприемниками (крестными

родителями) при крещении стали его дядя Викентий и жена политического ссыльного Фомы Булгака, Тереза Булгак, свидетелями при крещении записаны Эрнестина Поклевская-Козелло и купец 1-й гильдии Владимир Кузнецов. Образование Викентий получил во второй гимназии г. Казани и на юридическом факультете университета в Санкт-Петербурге.

Впоследствии он стал тюменским купцом 1-й гильдии, входил во 2-ю гильдию купечества Омска. Торговал спиртными напитками собственного производства и привозными виноградными винами, был владельцем дрожжевого и винокуренного заводов, нескольких ренсковых погребов. В течение многих лет избирался старшиной ярмарочного и биржевого комитетов, был членом Государственного Совета от торговли и промышленности Пермской губернии (1906–1912), управляющим Екатеринбургским отделением Сибирского торгового банка, членом совета съездов горнопромышленников Урала и т. д. Как и отец являлся одним из крупнейших жертвователей в Сибири и на Урале. На его деньги строились и содержались приюты, церкви, лечебницы для бедных. В годы Первой мировой войны содержал даже целый армейский полк, выдавал ежемесячное пособие инвалидам и семьям призванных на фронт рабочих, основал лазарет и безвозмездно снабжал бельем и медикаментами госпитали в Люблине, Варшаве, Петрограде. Был награжден орденами Святого Станислава II и III степеней, действительный статский советник. Вступив в наследство своего отца и став во главе торгового дома «Наследники», зарегистрированного в 1890 г. одновременно в Тюмени и Екатеринбурге с основным капиталом в 420 тысяч рублей, Викентий Альфонсович не только сохранил семейное дело Поклевских, но значительно преумножил его. По мнению современников, в период расцвета деятельности ТД «Наследников А. Ф. Поклевского-Козелл» дети Альфонса Фомича владели состоянием, исчислявшимся в 30 млн. руб. В 1919 г., потеряв все свое многомиллионное недвижимое имущество, Поклевские

покинули Россию, эмигрировав в Польшу, Европу. Один из потомков Альфонса Поклевского, его правнук и внук Викентия, Викентий Альфонсович Поклевский-Козелл, живущий в Лондоне, в 1996 г. первым из представителей этой знаменитой фамилии смог посетить Сибирь и Урал, места жительства и деятельности своих знаменитых прадеда и деда[127].

[127] Поляки в Томске (XIX–XX вв.). Биографии. с. 451-455.

Глава 8.

О строительстве второго приходского римско-католического храма. (1838- 1848 гг.)

Как уже неоднократно говорилось, Томский католический приход в свой первоначальный период истории по территории был одним из самых больших католических приходов Могилевской римско-католической епархии: помимо территории Томской губернии охватывал также соседнюю Тобольскую губернию и киргизские степи (часть современного Казахстана).

Объехать и то выборочно такое огромное пространство ксендз из Томска мог только в течение года, делая остановки только в больших населенных пунктах на несколько дней. Поездка происходила согласно утвержденного губернаторством маршрута почтовой дороги. Одним из таких пунктов путешествия ксендза был губернский Тобольск, находящийся от Томска на расстоянии около 1400 верст. Тобольск был обычно последним этапом объезда томского викария, вице-курата Томского костела ксендза Рудольфа Юргелевича. Прибывал он сюда под конец зимы, на масленицу. Учитывая многочисленность польской колонии, задерживался он здесь на две недели, а порой и дольше. Тогда в какой-нибудь очень большой избе устанавливался алтарь, и там, при всей собравшейся польской колонии, совершались религиозные богослужения, исповеди, венчания и крещения. В Тобольске в то время находилось шесть каменных церквей и небольшая лютеранская кирха, постоянно возрастающее число католиков в губернии и самом Тобольске, но не было своего храма. Поэтому закономерно перед ними вставал вопрос о необходимости сооружения своей церкви в Тобольске. Время от планов строительства до его реализации заняло почти 10 лет.

Вот что об этом периоде досконально изучив вопрос пишет польский историк Владислав Масяж в своей книге «История костела и польской диаспоры в Тобольске. 1838-1922

гг.»: «Постоянно возрастающее число католиков в Тобольске и губернии, а также просьбы самих ссыльных убедили доминиканцев из Томска в целесообразности строительства костела в Тобольске. […] После религиозных служб «польское общество», как часто оно себя называло, встречалось у Мошинского, а после его отъезда у Игнация Струмилло, реже у Петрашкевича, или выезжали в село к Павше, где велись нескончаемые польские разговоры. Большая часть этих бесед относилась к планам строительства в Тобольске римско-католического костела. В результате многочисленных разговоров и планов, 19 марта 1838 г. вице-курат Томского костела ксендз Рудольф Юргелевич представил Тобольскому губернатору прошение о позволении на постоянное жительство в Тобольске «для исполнения религиозных услуг и священнических обязанностей для значительного количества католиков». Момент этот можно признать началом рождения Тобольского римско-католического прихода. Как видим, вопрос не был таким простым, и его решение царской бюрократической машиной растянулось почти на 10 лет. Ксендз Юргелевич просил также о позволении на сбор пожертвований для закупки земли под костел и жилье. Просьба эта была внесена в апреле на Заседание Совета Главного Управления в Сибири в Омске. Руководитель Совета, тогдашний Тобольский Губернатор, представил вопрос в Министерство Внутренних Дел (далее МВД). Министр в ответе от 6 мая генерал-губернатору Горчакову объяснил, что он не сможет рассмотреть этот вопрос, так как не соблюдены правила, содержащиеся в Указе Правительственного Сената от 19 января 1828 г., то есть не написано, сколько католиков проживает в Тобольске и окрестностях, а также какие есть возможности для строительства костела. Независимо от этого ксендз Юргелевич, как вице-курат Томского костела, сам обратился с официальным письмом от 6 мая в МВД, на которое получил такой же ответ от 14 июля с добавлением, что только городские власти имеют право на сбор информации о количестве католиков и только они могут дать

предварительное согласие на строительство костела и сбор добровольных оплат и средств, для него предназначенных.

Дополненные данные, в которых утверждалось, что в Тобольске проживает около 1200 католиков, от которых можно ожидать в течение года пожертвования в сумме около 1 тыс. рублей, а через 3 года до 3-х тыс. руб., были представлены в Совет Главного Управления Западной Сибири 21 августа, и тогда Горчаков передал постановление от 16 октября в Тобольское Губернаторское Управление для согласования. Так как ответа не было, Главное Управление Западной Сибири из Омска 24 декабря обратилось к Тобольскому Губернаторскому Управлению с вопросом, что сделано дальше по поднятому начинанию. Можно допустить, что кто-нибудь влиятельный, например, Альфонс Поклевский-Козелл, вдохновил Горчакова на решение этого вопроса. Тобольский Гражданский губернатор письмом от 5 января и 2 марта 1839 г. к Томскому Губернатору просил о дальнейшем улаживании этого вопроса. Письмом от 10 апреля 1839 г. курат (попечитель) Томский ксендз Героим Гринчелл уведомил официально, что на территории Тобольской губернии находится 1200 католиков, признавая, что постановление от 16 октября 1838 г. дает основание для дальнейших стараний. В это время, 21 августа 1840 г. Губернаторский Совет постановил обратиться к Православной Тобольской Духовной Консистории с вопросом, не видит ли она со своей стороны препятствий, которые бы затруднили получение разрешения на строительство в Тобольске латинского костела.

На направленный от 16 сентября 1840 г. запрос консистор ответил 17 октября 1840 г., что со стороны Тобольского Православного Епископства в этом вопросе нет никаких препятствий. На этом основании в конце 1840 г. Совет Общего Губернаторского Управления выразил согласие на обращение в МВД с вопросом о позволении на возведение костела.

Вскоре власти начали создавать трудности, предлагая перенести строительство здания храма в Омск,

где, по их мнению, должно было проживать больше католиков, чем в Тобольске. Вспомним, что в Омске с 1838 г. находилась резиденция Генерал- Губернаторства Западной Сибири. После следующих двух лет корреспонденции, МВД не дало согласие на Омск, ссылаясь на данные ксендза Юргелевича и Управления Западной Сибири от 3 августа 1842 г., что в Тобольской губернии временно и на постоянном жительстве находится уже 1749 католиков. Окончательно генерал-губернатор Западной Сибири князь Петр Горчаков письмом от 7 апреля 1843 г. известил ксендза Юргелевича, что МВД выразило согласие, но только на строительство в Тобольске Молитвенного Дома. Так почти пять лет тянулись бюрократические действия, которые были ни чем иным, как только намеренным затягиванием решения хотя бы начала пожертвований в фонд строительства скромного католического храма.

Параллельно с этой медленно катящейся царской машиной продолжались действия польской колонии, которой руководил Павша – главный инициатор строительства костела в Тобольске. Его дневник является для нас надежным источником, иллюстрирующим фрагменты ежедневной жизни польской колонии в Тобольске. Павша очень регулярно записывал визиты ксендза, а также даты прибытия и отъездов польских ссыльных. В середине марта 1841 г., когда прибыл ксендз Гринчелл, Павша записал: «...все собирались ежедневно на праздничную молитву и приступали к исповеди. После праздничной молитвы он произносил короткие, но ясные проповеди, рекомендовал в несчастье обращаться к религии, которая является единственным утешением для верующих, возлагающих надежду на милосердие Божие». […] Во время пребывания в Тобольске ксендза, в город приезжали поляки даже из очень отдаленных мест, до которых, по причине небольшого количества католиков, ксендзы не доезжали. Старания ксендза Юргелевича, который собирал пожертвования на покупку земли и строительство костела, продолжались до 1847 г.

Обратимся к запискам Павши за 1842 г.: «Для Тобольска большая радость и утешение: ксендз Рудольф Юргелевич прибыл из Томска, более двух недель находился у нас и после первого дня великого поста выехал. В 1846 г. ксендз Юргелевич «снова во время масленицы приехал в Тобольск, достаточно долгое время здесь находился, и все поляки собирались с раскаянием, настоящим волнением для слушания праздничной литургии, божьего слова и приступали к исповеди, затем провожали отъезжающего, со слезами с ним прощались».

В конце концов, после 10 лет стараний, 20 января 1847 г. во время двухнедельного пребывания в Тобольске ксендза Гринчелла, после получения согласия губернаторского управления был заключен предварительный контракт на покупку земельного участка и строительство костела, жилого дома для ксендза, конюшни, каретного сарая и ограждения. Во время пребывания ксендза Гринчелла ежедневно отправлялись праздничные литургии, вечерни, и все католики приступили к исповеди. Вечерами все собирались на квартире у ксендза, пели песни по-литовски и по-польски».

16 апреля 1847 г. ксендз Юргелевич купил на свое имя в Тобольске деревянный дом с участком земли у вдовы Стефана Андроникова за 171 рубль серебром 42,6/7 копеек. План деревянного костела - молитвенного дома и двух жилых домов, один из которых для ксендза, а второй для обслуги, выполнил городской архитектор Тобольска Измаилов. Строительство костела было начато освящением земли 8 мая 1847 г., а краеугольный камень был вложен в фундамент 3 июня 1847 года. В документе подчеркнуто, что молитвенный дом должен быть назван в честь Святейшего Провидения Единственной Покровительницы и Утешительницы Несчастных и Страдающих. В качестве покровителей были выбраны Святой Антоний Падуанский и Святой Станислав Щепановский, епископ Краковский.

Деревянный костел был построен уже в августе в 1847 г., а завершен в 1848 г. Железо для крыши дома священника и костела пожертвовал Альфонс Поклевский-Козелл. Молитвенный дом был построен из сосны и по сибирскому обычаю не на каменном фундаменте, а на 12 сосновых опорах. Здание было длиной 10 саженей (21 м.) и шириной 5 саженей (10,5 м.), высота стен до крыши достигала 8 аршин (1 арш.- 0,71м.), т.е. 5,7 м. Крыша двускатная, покрытая железом и покрашена в зеленый цвет. Здание имело два входа – главный, с пятиступенчатой лестницей, и тыльный с выходом из ризницы на площадь. На фронтоне на голубом фоне помещен средней величины деревянный крест, а большой, обитый железом, поставлен на вершину крыши. Внутри, тут же над входными дверями, были хоры на двух колоннах, на которые вела винтовая лестница. На хорах стояла небольшая фисгармония из черного дерева, заменяющая традиционный орган. По бокам стояли две высокие, до потолка, голландские печи. По бокам от нефа располагались поставленные в два ряда четыре деревянные лавки, на которых стояли четыре хоругви, по две с каждой стороны, с двухсторонними образами в скорбном черном цвете. Пресвитерия, отделенная от нефа деревянной балюстрадой, покрашена в белый цвет и покрыта сукном, обшитым позолотой. В пресвитерне на двухступенчатом возвышении стоял главный алтарь с четырьмя колоннами, покрашенными в розовый цвет, с позолоченными карнизами, покрытый сукном. На левой стороне алтаря и слегка налево от двери ризницы был амвон. Пол был покрашен в зеленый, а потолок в белый цвет. Окон было двенадцать, по шесть с обеих сторон и в каждом по восемь стекол.

10 февраля 1848 г. приехал из Томска ксендз Гринчел и 20 февраля 1848 г. совершил освящение Молитвенного дома, а также отслужил в нем по замыслу учредителей первую праздничную литургию. Торжественную Церемонию освящения Молитвенного дома под названием Святейшего Провидения – Единственной Покровительницы и Утешительницы Несчастных

совершил 24 июня 1848 г. Рудольф Юргелевич на основании разрешения митрополита Казимежа Дмоховского. Он же передал в костел реликвии мученика Св. Теофила. 20 июня 1848 г. ксендз Рудольф Юргелевич, спустя 10 лет после подачи просьбы, переехал на постоянное жительство из Томска в Тобольск.

1.11. Костел в Тобольске в Сибири с 1848 г.
Рисунок- реконструкция проф. В. Зина

Из подробного описания инвентаря с 1850 г. следует, что Молитвенный дом обладал вполне достаточным количеством одеяний и сосудов для литургий, а также восемью большими и шестью малыми иконами в деревянных рамах. Дом для капеллана (священника), стоящий с левой стороны площади от костела, также построенный на деревянных опорах, имел две комнаты для ксендза, одну для приходской канцелярии, другую для сторожей. Всюду были кирпичные

печи. В третьем доме было две комнаты для обслуживающего персонала, помещения для животных: коня и коровы, и небольшой амбар. Все помещения, связанные с костелом, были застрахованы от огня на 3 тыс. рублей, за что ежегодно нужно было платить взнос в размере 37 рублей 80 копеек»[128].

Строитель тобольского храма ксендз Юргелевич, переселившись в Тобольск, по-прежнему оставался на должности Томского вице-курата, а построенный молитвенный дом – молитвенным домом Томского римско-католического прихода. Как и в Томской губернии, среди католиков в Тобольской губернии преобладали ссыльные всех категорий, как политические, так и криминальные. Вторую группу составляли «поселенцы», т.е. ссыльные, которые отбыли свое наказание и были направлены на поселение. Третью группу составляли свободные жители, главным образом мещане, крестьяне, чиновники, а также солдаты и низшего ранга подофицеры и офицеры, отбывающие службу в Сибирских батальонах.

9 марта 1852 г. создатель первого костела в Тобольске, называемым в официальных служебных документах «Молитвенным домом», томский вице-курат ксендз Рудольф Юргелевич умер и был похоронен в Тобольске. В годы его пасторской работы на территории Тобольской губернии число католиков выросло с 1749 человек, в 1841 г. до 2300 в 1852 г.[129]. После его смерти распоряжением Архиепископа Могилевского с согласия МВД, генерал-губернатора Западной Сибири и гражданского Тобольского губернатора священником в молитвенном доме Тобольска стал прибывший из Томска ксендз Антоний Анкудович[130]. В Тобольске он прослужил до 1858 года и вынуждено покинул его из-за отсутствия средств на содержание себя и костела. После выезда ксендза Анкудовича из Тобольска храм оставался без священника и был закрыт. И только в 1864 г. из Томска

---

[128] Масяж В. История костела и польской диаспоры в Тобольске. 1838-1922 гг. Москва.-2012 г. с. 87

[129] РГИА.Ф.826.Оп. 3.Д.75. к.45-47, 64-65; Сливовская. Ссыльные…с. 252, 378.

[130] О нем более подробно в гл. 9.

на постоянное жительство в Тобольск был переведен ксендз Винценты Концевич. В 1868 г. благодаря содействию генерал-губернатора Западной Сибири католика Дюгамеля решением императора от 12 января 1868 г. было разрешено образование в Тобольской губернии самостоятельного римско-католического прихода 2-го класса с правом ведения отдельных метрических книг, ксендз получил право называться Тобольским куратом, т.е. настоятелем прихода. «Молитвенный дом» получил статус костела и прослужил прихожанам Тобольска ещё долгие годы, пока в 1907 г. вместо него не было начато строительство нового каменного храма св. Тройцы[131].

[131] Sergiusz Fiel. Na Syberyjskim trakcie… s. 88; Масяж В. История костела и польской диаспоры в Тобольске. 1838-1922 гг…с. 165.

Глава 9.

Ссыльные католические духовники в Томской губернии (30-50 гг. XIX в.)

1830-50-е годы XIX столетия для Сибири ознаменовались очередной волной политических ссыльных из Западных губерний империи и территорий Царства Польского как результат расправы над участниками польского восстания 1830-1831 гг., активными деятелями национально-освободительного и конспиративного движения, среди которых были также представители католического духовенства, активно содействующие освободительному движению, а также просто к неблагонадежным в политическом отношении ксендзам.

Перед властью встал непростой вопрос их размещения в местах ссылки. Если их разместить среди своих соплеменников и единоверцев, то они будут иметь возможность проводить среди них активную духовно-пастырскую работу, поддерживать дух, не допускать его упадка, укреплять патриотические освободительные устремления светского контингента ссыльных. Российское правительство опасалось этого влияния католического духовенства на светских изгнанников. Чтобы этого не допустить, в 1834 г. в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий МВД возникла идея учредить в одной из губерний Западной Сибири «дом смирения для преступных римско-католических духовных», т.е. устроить специальную тюрьму для ссыльных ксендзов, где бы они могли быть полностью изолированы от своих единоверцев. На сей счет было дано распоряжение генерал-губернатору Западной Сибири изучить этот вопрос и внести конкретные предложения. Генерал-губернатор этот вопрос передал на рассмотрение губернских управлений. Из Тобольского общего губернского управления ответствовали, что «...в Тобольской губернии римско-католических церквей не имеется и потому учреждение здесь дома смирения для преступных римско-католических духовных … не удобно...». Из Томского общего губернского управления поступил точно такой

же по смыслу ответ, но с более развернутой аргументацией не в пользу учреждения в Томской губернии «дома смирения» для ссыльных ксендзов: «...учреждение дома смирения для преступных римско-католических духовных... предполагается с тем намерением, чтобы им духовным присечь всякую возможность иметь сношения с людьми подозрительными и чрез их распространять превратные толки и вредные внушения между народом... Для этой цели необходимо совершенное удаление тех преступных духовных лиц в места малолюдные, где наименее находится людей, могущих преклоняться их вредным внушениям; или же необходим строжайший за теми людьми надзор. Но Томская губерния представляет важные затруднения: во-первых, по неимению в городах губернии казенных зданий для помещения преступных католических духовных; во-вторых, по множеству находящихся здесь ссыльных из всех российских губерний, между коими встречается большое число бывших жителей литовских губерний и от Польши присоединенных; в-третьих, по значительному числу находящихся поляков, которые за участие в бывших возмущениях в Царстве Польском и сопредельных оному губерниях сосланы или на поселение в Томскую губернию, или определены в Сибирский линейный батальон и некоторые инвалидные команды...»[132].

Далее отмечалось, что неудобны для этого «малолюдные города Томской губернии: Бийск, Каинск и Колывань, похожие более на селения... Губернский город Томск и горный город Барнаул по устройству своему и по числу жителей могут называться довольно значительными городами и составляют средоточение Управлений губернского и горнозаводского; на устроение в сих городах дома для смирения преступных римско-католических духовных было бы несообразно с видами правительства, которое признало нужным упомянутые лица удалять от многолюдства и заключать в монастыри... А сверх

[132] БУ «Исторический архив Омской области».Ф.3.Оп.13.Д.17953. Л.6 и об., Л.10-11/ цит. по: Никулина И.Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в Х1Х в.(20-е-первая половина 70-х гг.). с.122.

того, на основании коренных узаконений и Высочайших повелений, весь округ Колывано-Воскресенских заводов освобожден не токмо от постоянного, но и даже временного пребывания всех людей, ссылаемых из внутренних российских губерний на поселение или под полицейский надзор...[133]. Таким образом, в Томской губернии представляются видимые неудобства к учреждению дома для смирения преступных римско-католических духовных...»[134]. В соответствии с этими мнениями из Главного управления Западной Сибири министру внутренних дел 30 марта 1835 г. было сообщено о неудобстве «учредить в каком-либо из губернских городов Западной Сибири специального дома смирения для преступников из римско-католических духовных»[135].

В ответе из Министерства внутренних дел Департамента духовных дел иностранных исповеданий генерал-губернатору Западной Сибири указывалось на то, что «римско-католических духовных, изобличенных в преступных связях и сношениях с мятежниками, и о коих последуют приговоры о заключении их навсегда или на время для исправления в монашеские обители до учреждения особого дома смирения, не отправляя в монастыри, высылать в Сибирские или другие отдаленные от границы Северные губернии на том основании, как отправляются туда люди подозрительные под строгий полицейский надзор»[136].

Таким образом, вняв доводам Томского и Тобольского губернаторов, в МВД тогда отказались от идеи учреждения в данных губерниях специальной тюрьмы для ссыльных ксендзов, предписав размещать ссыльных ксендзов в отдаленные места губернии под строгий полицейский надзор, что и было осуществлено. Впрочем, желание

---

[133] На территории Колывано-Воскресенского (Алтайского горного округа), входившего в состав земель императорского Кабинета, ссылка была запрещена официально законами 1762, 1766, 1808 гг.

[134] БУ «Исторический архив Омской области».Ф.3.Оп.13.Д.17953. Л.12-13/ цит. по: Никулина И.Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в Х1Х в.(20-е-первая половина 70-х гг.). с.123.

[135] Там же. Л.14-17.

[136] Там же. Д.1797.Л.2 и об.

изолировать католических духовных лиц в каком-либо одном месте не исчезло, и было реализовано властями во время следующей волны польской ссылки после подавления восстания 1863-1864 гг. и произошло это уже в Восточной Сибири, в небольшой деревне Тунка, расположенной в 180 верстах от города Иркутска, в котловине Саянских гор. Эта деревня, по сути, стала для нескольких десятков католических духовных лиц своеобразной тюрьмой на длительный срок…

Говоря о ссыльных ксендзах, оказавшихся в 1830-е гг. в Западной Сибири, прежде всего, следует отметить ксендза **Яна Сероцинского**[137] (1798 – 1837), с именем которого связано т.н. «Омское дело» 1833 года – готовящееся массовое вооруженное антиправительственное выступление ссыльных из Царства Польского с участием солдат и офицеров, а также русских солдат, ссыльных, арестантов. Из-за доноса план восстания был сорван, а его организатор, бывший приор Овручского базилианского монастыря Ян Сероцинский был осужден омским военным судом при 23-й пехотной дивизии наказанию шпицрутенами через тысячу солдат по 6 раз. Ожидалось окончательное решение вопроса в Петербурге. Император Николай I подписал приговор, предусматривающий смертную казнь через расстрел (Сероцинский был отнесен по степени вины к 1 категории) заменить на 6 тысяч палок (прогнать через 3 тыс. солдат). Экзекуция состоялась 2 марта 1837 г. Сероцинский наказания не выдержал и 14 марта скончался в госпитале. Характеризуя Сероцинского, Герцен писал: «... физически слабый и нервный, но с необыкновенно предприимчивым и смелым умом, он вздумал устроить по всей Сибири огромный заговор... Каждый знающий Сибирь согласится, что в ней собраны все необходимые начала революции. В Сибири все недовольны, в разных степенях и от разных причин, даже часто противоположных... Его план состоял в том, чтобы завладеть крепостями и главными

[137] В архивных источниках и русско-язычных публикациях его фамилия также воспроизводится как Сероциньский, Сироцинский.

местами с помощью согласных с ним военных и освобожденных ссыльных (большею частью из бывших солдат) и ждать, что будет...»[138]. Б. Пилсудский называл его «одним из наиболее известных сибирских католических священников» и писал, что «жители Омска долгое время чтили память замученного, зажигая каждую субботу лампаду над могилой «святого мученика поляка», как они его называли»[139]. Следует добавить, что в Омском заговоре, наряду с Я. Х. Сероциньским, но несравненно на менее заметных ролях участвовали ещё два духовных лица: ксендз Кеджицкий из Литвы и земляк Сероциньского, ксендз из Овруча Модест Дудковский, который умер во время следствия.

Личность Сероциньского, как и само «Омское дело» достаточно полно освещены в работах российских и польских исследователей и не являются предметом нашего повествования, хотя следует отметить, что известия об омском заговоре прокатились по всей Сибири и вызвали ряд выступлений польских ссыльных в Енисейске, Ачинске[140], а расследование этого дела незамедлительно отразилось на ужесточении условий ссылки для многих поляков, в том числе и ксендзов, отбывавших наказание в Томской губернии. Бесспорно, что именно отзвук этого «Омского дела» также сказался на дальнейшей судьбе томского курата Апанасевича и его помощника Милевского, о чем мы писали в предыдущей главе.

В списке государственных и политических преступников в Томской губернии, находящихся на конец июля 1844 г. под надзором полиции находилось 18 человек, в их числе декабрист Павел Выгодовский и 4 католических ксендза: Михайло Торгановский (в г. Барнауле); Павел Шишко (в г. Бийске); Анджей Михайлович (в г. Колыване) и Антоний Анкудович (в г. Кузнецке)[141]. Доставлены они были в Сибирь по Высочайшему повелению в 1839 году из Брусиловского

---

[138] Герцен А.И. Руфин Пиотровский// Собр. соч.: в 30 т. Т-16. М.,1959.- с.110-111.
[139] Пилсудский Б. Поляки в Сибири…с.25.
[140] История Сибири.- Томск, 1987.- с. 240.
[141] Список гос. и полит. преступников в Томской губ., находящихся под надзором полиции. (на 31 июля 1844 г.)// ГАТО.Ф.3.Оп.4.Д.105.Л.1-15.

монастыря, куда были помещены на покаяние по обвинению «в преступных речах, в хранении у себя возмутительного содержания бумаг и в непозволительной переписке», предписанием генерал-губернатора Западной Сибири от 23 декабря 1839 года отправлены для проживания в указанные города Томской губернии[142]. К сожалению, мы располагаем весьма скудными сведениями о ксендзе **Михаиле Торчановском**. Известно только, что он, находясь с 9 января 1840 г. в Барнауле под надзором полиции, скончался 25 апреля 1843 г. от чахотки в Барнаульском заводском госпитале[143].

1.12. На этапе. Литография конца XIX в.

О ксензе **Анджее Михайловиче** (1798-1878), с 9 января 1840 г. проживавшего под строгим надзором полиции

---

[142] БУ «Исторический архив Омской области».Ф.3.Оп.13.Д.17953. Л.12-13/ цит. по: И.Н. Никулина. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в Х1Х в.(20-е-первая половина 70-х гг.). с.132.

[143] ГАТО.Ф. Оп.4.Д.105.Л.11 об.

в Колывани установлено, что он, будучи членом монашеского ордена пиаров, ставший капеланом в 1825 г., служил в Полоцке. Оказался причастным к делу Т. Лада-Заблоцкого[144] за что ещё до 1844 г. был выслан под надзор полиции в Сибирь и определен на жительство в город Колывань Томской губернии.
20 мая 1853 г. по прошению переведен на поселение в Тобольск, где жил при костеле. Как ссыльно-поселенец ежегодно получал 114 руб. 28 ½ коп. правительственного пособия. С 1854 г. с разрешения митрополита выполнял всякие капелланские обязанности, кроме проповедей. Получив амнистию, 1 августа 1857 г. покинул Тобольск и выехал в Киев[145].

Более подробную информацию сохранили архивы о ксендзе **Павле Шишко** (1798 (1799)-1856) шляхтиче из Кнышины под Белостоком, викарном ксендзе и главе церковного прихода Сидра Белостокского уезда Городненской губернии. В Брусиловский монастырь Капуцинов он был отправлен в 1833 г. по решению Виленского генерал-губернатора Н. Долгорукова, утвержденному 14.01.1834 г. императором Николаем I по обвинению «в преступных речах, хранении бумаг, а также ведении недозволительной переписки». В 1839 году из монастыря по «Высочайшему повелению, объявленному г. Управляющим Министерством Внутренних Дел г. Генерал-Губернатору Западной Сибири за преступные речи, хранение у себя возмутительного содержания бумаг и непозволительную переписку как находившийся до того за преступные действия под надзором полиции в Брусиловском монастыре, прислан под строгий полицейский надзор препровожден под строгий надзор полиции в Томскую губернию», направлен в г. Бийск, куда прибыл 10 января 1840 г.[146]. Находясь в Бийске, получал денежное пособие сначала 57 руб. 14 коп. серебром в год, позже

---

[144] Дьяков В.А. Карательная политика царизма по отношению к католическому духовенству (1832-1855) // http://krotov.info/history/19/1840/dyakov1996.htm.
[145] Масяж В. История костела и польской диаспоры в Тобольске. 1838-1922 гг. Москва.-2012 г. с.90-91,96.
[146] ГАТО.Ф.3.Оп.6.Д.234.Л.13-14.

(на 1855 г.) – 114 руб. 28 ½ коп. Известно также, что ему было прислано, возможно от брата из Кнышина, письмо «с деньгами 29 руб. 70 коп. серебром»[147]. По аттестации бийского городничего, был «поведения хорошего, занимается чтением книг»[148]. Согласно некоторых данных, в 1847 г. основал первую в истории Бийска частную школу,[149] но, к сожалению, в местных архивах «сведений о числе учащихся и содержании обучения в ней не сохранилось»[150].

В январе 1856 г. министр МВД Ланской проинформировал генерал-губернатора Западной Сибири о том, что император издал указ о возможном помиловании и возвращении на родину «лиц духовного звания из Царства Польского, ссыльных в Сибирь за связи с тайными революционными обществами», конечно, если они того заслужили своим поведением[151]. Здесь же указал, что если во вверенных генерал-губернатору губерниях находятся подобные лица, заслуживающие по настоящему повелению «своим образом мыслей, означенной Монаршей милости», то генерал-губернатор может с этим вопросом обратится к нему с предложением, объяснив причину высылки каждого, времени пребывания его в настоящем месте жительства и «присовокупить в отношении каждого аттестацию ближайшего местного начальства»[152]. В ходе выполнения предписаний томского гражданского губернатора губернскими чиновниками было выявлено, что данной монаршей милостью в Томской губернии может воспользоваться только живущий в Бийске ссыльный ксендз Павел Шишко.

---

[147] ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.650.Л.49.
[148] ГАТО.Ф.3.Оп.6.Д.234.Л.13-14.
[149] Wiktoria Śliwowska. Zesłancy polscy w Imperium Rosyjskim… s. 608-609; Летопись города Бийска… с.8.
[150] Старцев А. В. Школа и просвещение в Бийске в XIX-начале XX вв.// new.hist.asu.ru/biblio/skubnevski/Starzev.html
[151]ГАТО.Ф.3.Оп.6.Д.234.Л.4 и об.
[152] Там же. Л.4 и об.

В марте 1856 г. он дал расписку бийскому городничему о том, что желает вернуться на родину [153] и подал соответствующее прошение, которое должно было пройти несколько инстанций и согласований. В конечном итоге, губернские власти на его прошение получили пояснение из столицы от самого министра внутренних дел Ланского. Министр сообщил, что к «политическому преступнику» Шишко не может быть применена данная «Высочайшая милость», так как по данному указу императора возвращению на родину подлежат высланные в Российские губернии, заслуживающие этой милости, не все духовные лица, а только уроженцы Царства Польского, «а как Шишко уроженец Западных губерний, то означенное Высочайшее повеление к нему не может относиться»[154]. Однако об отказе в возращении на родину ксендз Шишко не узнал, так ещё до прихода этого сообщения скончался 25 августа 1856 года в месте своей ссылки[155].

Из всех перечисленных выше четырех ксендзов, отправленных из Брусиловского монастыря в 1839 г. в сибирскую ссылку на родину довелось вернуться только ксендзу, магистру богословия **Антонию Анкудовичу** (1801[156]-1862), сыну шляхтича Заскольского прихода, Лепельского уезда, Витебской губернии Войцеха Анкудовича. Начальное образование получил дома, а потом у ксендзов пиаров в Полоцке, после окончания гимназии при Виленском университете в 1829 г. получил степень кандидата. В 1833 г. завершил свое образование в Виленском университете магистром богословия и при посвящении в сан священника в 1833 г. назначен викарным ксендзом прихода в уездном городе Сепле Могилевской губернии.

---

[153] Там же. Л.15.

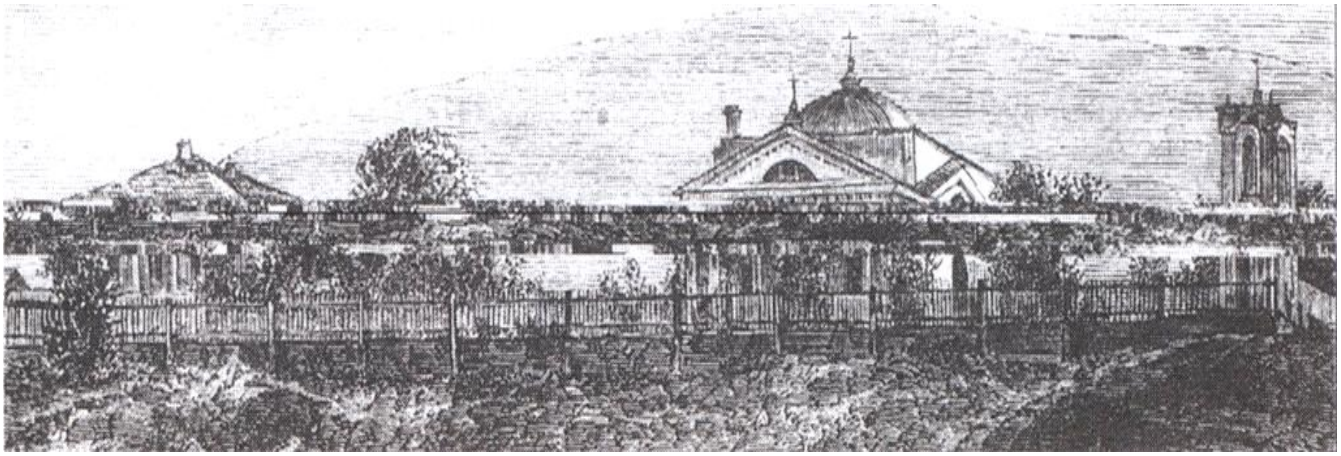
[154] Там же. Л.69 и об.

[155] Там же. Л.70.

[156] Родился 6 июня 1801 г./ Масяж В. История костела и польской диаспоры в Тобольске. 1838-1922 гг. Москва.-2012 г. с.87.

«За сочувствие упорству униатов, не желавших объединятся с православными»[157] 28 октября 1833 г. кс. Анкудович был арестован и отдан под суд. Приговорен к трехгодичному заключению замаливать свои грехи в монастырь отцов Капуцинов в Брусилове, что располагался в Киевской губернии. В 1839 г. в монастыре в результате доноса монаха Б. Вроблевского вновь привлечен к следствию по обвинению в том, что в монастыре вел непозволительные разговоры, хранил у себя бумаги и корреспонденцию возмутительного содержания, а также вместе с Павлом Шишко был замешан в якобы готовящемся покушении на царя Николая I, был выслан в Западную Сибирь под надзор полиции и определен на жительство в г. Кузнецк, куда был доставлен 9 января 1840 г.[158].

По прибытию в Кузнецк он сразу же обратился с прошением «о дозволении ему заниматься какой-либо службой для



1.13. Томский костел. Рисунок середины XIX в.

снискания себе пропитания»[159]. Следует отметить, что во время своей ссылки он получал денежное пособие в размере 57 руб. в

---

[157] По другой версии - «за скрытие бумаг и недозволенной переписки, в которой, якобы, выражал радость по поводу того, что «не потеряна вера».

[158]ГАТО.Ф.3.Оп.4.Д.105.Л.12 об.; Wiktoria Śliwowska. Zesłancy polscy w Imperium Rosyjskim… s. 40; И.Н. Никулина. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в.(20-е-первая половина 70-х гг.). с.132.

[159] БУ «Исторический архив Омской области».Ф.3.Оп.13.Д.18084. Л.23.// цит. по: Никулина И.Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в.(20-е-первая половина 70-х гг.). с.132.

год. В 1843 г. генерал-губернатору Западной Сибири из Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД было сообщено, что из г. Полоцка от декана ксендза Вержковского ссыльному Анкудовичу была отправлена посылка с церковными вещами, но так как эта посылка была отправлена без ведома надлежащего начальства, то была возвращена назад в г. Полоцк[160].

В 1850 г. ксендз Анкудович получил разрешение на поселение в Томске под надзором полиции, 9 октября 1850 г. с согласия высшего духовного и светского начальства был назначен викарием томского курата Иеронима Гринчеля. В Томске он прожил до 2 августа 1852 г., выполняя обязанности помощника настоятеля прихода. Прожил в Томске два года, не имея права его покинуть, даже с целью посещения своих прихожан, живущих в сельской местности. В Томском храме Анкудовичу на время отсутствия курата Гринчеля дозволялось вести службы, но было запрещено произносить проповеди.

После смерти в Тобольске ксендза Юргелевича, распоряжением Архиепископа Могилевского с согласия МВД и генерал-губернатора Западной Сибири Антоний Анкудович был назначен куратом Тобольского костела и прибыл к новому месту службы 14 августа 1852 г. В Тобольске, как курат, он уже имел право отправления богослужений с правом произнесения проповедей, но не имел согласия властей на объезд своего прихода. Также, как и в Томске, за свою службу он не получал от властей никакого содержания, а прихожане были очень бедны и не могли его прокормить[161]. Единственное, чем он мог располагать – назначенное с момента поселения в Томске в 1850 г. пособие в размере в 114 руб. 28 ½ коп. серебром в год, которого явно не хватало. К тому же это пособие, как правило, выплачивалось одноразово в конце года да к тому же с большими задержками. Находясь в большом финансовом затруднении, курат Анкудович в своих рапортах митрополиту

---

[160] БУ «Исторический архив Омской области».Ф.3.Оп.13.Д.18084. Л.23.// цит. по: Никулина И.Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в.(20-е-первая половина 70-х гг.). с.133.

[161] Масяж В. История костела и польской диаспоры в Тобольске. 1838-1922 гг. с.88.

просил помощи о назначении ему правительственной пенсии, но неизменно получал отказ. Тобольское Общее Губернское Управление на обращения о выделении средств на содержание в Тобольске ксендза отвечало, что в Тобольске нет отдельного католического прихода, что ксендз Анкудович формально является томским викарием, только для удобства переведенным на постоянное место жительства в Тобольск, по этой причине он не имеет права на отдельную государственную пенсию, а должен получать средства из фонда Томского костела, курат которого получает из государственной кассы 500 руб. 40 коп. на содержание, 114 руб.30 коп. на разъезды и 142 руб.95 коп. на наем помещений, т.е. вместе 745 руб.65 коп. в год[162].

После 2-х лет безрезультатных просьб о назначении пособия и не получив его, стал просить об своем освобождении от обязанностей Тобольского курата и возможности покинуть этот город. Весьма показательной является на это прошение приписка рукой митрополита на одном из рапортов – прошений Анкудовича: «А где он будет? Смог жить там 2 года, то может справится с помощью прихожан, а я не могу сменить правительство, чтобы дать ему пенсию»[163]. В 1856 г. Анкудович вновь повторил свою просьбу к митрополиту об увольнении из Тобольска, прося прислать из Томска ксендза для принятия костела, так как он на основании манифеста царя Александра II от 25 августа 1856 г. получил право возвращения на родину. В своих рапортах писал, что готов остаться и служить в Тобольске вплоть до смерти, только при условии причисления Тобольского костела к государственным и назначении ему государственной пенсии и средств на объезды прихожан и содержание костела[164]. Не дождавшись ни первого, ни второго, кс. Анкудович 10 июля 1858 г. уведомил митрополита, что по причине отсутствия денежных средств на содержание передает костел вместе со всем

---

[162] РГИА. Ф.826.Оп.3.Д.75,к.60-61.// цит. по: Масяж В. История костела и польской диаспоры в Тобольске. 1838-1922 гг. с.89.

[163] Там же. С. 90.

[164] Масяж В. История костела и польской диаспоры в Тобольске. 1838-1922 гг. с.93.

инвентарем Костельному Комитету, а сам, не дожидаясь официального разрешения духовных и светских властей, 13 июля 1858 г. покинул Тобольск и выехал в Витебск[165]. В Витебске кс. Анкудович, продолжая находится под надзором полиции, служил викарным священником при костеле Святого Михаила, умер в 1862 г.[166].

Из польских и российских источников[167] узнаем, что в 1846 г. в Томск был выслан «за вольномыслие и связи с заговорщиками («угрожал адом» мельнику Яну Яворскому, за выдачу властям П. Потоцкого, содействие самоубийству С. Песка») еще одно лицо из числа лиц духовного звания римско-католического вероисповедания – монах монастыря в Скурцу Седлецкого уезда, воспитанник Холмской духовной семинарии **Томаш Красницкий**. За свое вольномыслие и контакты с конспираторами был в 1846 г. определен в рядовые Сибирского корпуса и направлен служить в 11 Сибирский линейный батальон, расквартированный в Томске. В Томске Красницкий пробыл 10 лет, за что впоследствии среди товарищей получил почетное прозвище «Томич». 10 августа 1856 г. был произведен в чин унтер-офицера, 11 октября 1857 г. получил Высочайшее согласие на свое увольнение из армии и возвращение на родину[168]. На 1857 г. он значился в списке 16 нижних чинов «из политических преступников Отдельного Сибирского корпуса и войск в Западной Сибири», которых разрешалось уволить от службы с предписанием «в местах их пребывания учредить секретный надзор с воспрещением всем въезда в обе столицы»[169].

---

[165] Там же. с. 96.

[166] Wiktoria Śliwowska. Zesłancy polscy w Imperium Rosyjskim… , s. 40.

[167] Дьяков В.А. Карательная политика царизма по отношению к католическому духовенству (1832-1855); Никулина И.Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в Х1Х в.(20-е-первая половина 70-х гг.). С.135; Wiktoria Śliwowska. Zesłancy polscy w Imperium Rosyjskim..., s. 307-308.

[168] ГАРФ.Ф.109.-1 эксп.1856 г. Д.133.Ч.4.-Л.172,173./ цит. по: Никулина И.Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в Х1Х…с.135.

[169] Дьяков В.А. Карательная политика царизма….

Как говорилось уже ранее, возвращению на родину в Царство Польское из сибирской ссылки католических священников был посвящен специальный указ царя, подписанный им в 1856 году и переданный для исполнения в сибирские губернии через генерал-губернаторов. В Томской губернии этим указом хотел воспользоваться хотел ксендз Павел Шишко, но не успел по причине преждевременной кончины.

Большие надежды на этот же указ в своем возвращении на родину возлагал ещё один человек «из лиц духовного звания» – **Онофрий Антонович,** в 1865 г. имевший 65-летний возраст и служивший писцом в земском суде. В своем прошении от 27 апреля 1856 г. о возвращении на родину в Царство Польское указал, что является ссыльным ксендзом, но только не римско-католического вероисповедания, а греко-католического (униат). Тридцать лет служил ксендзом Волынской губернии Луцкого уезда села Полонного из униат Церкви Христо-Воскресенской. В 1830 г. «по случаю мятежа в Польше» арестован, заключен в тюремный замок города Житомира, а затем отправлен в Казань. Из Казани «по неспособности к военной службе» решением Казанского губернского правления сослан в Сибирь на поселение, в Томск поступил в начале января 1834 г., был приписан к Николаевской волости Томского округа, но жить остался в губернском Томске, где вскоре поступил по вольному найму служить писцом в губернское правление. Через 11 лет службы по вольному найму в губернском правлении по прошению был переведен писцом в Томский земский суд с принятием в штат суда, где и продолжал служить. В прошении указывал, что не знает своей вины, в ссылке находится уже более 25 лет, слаб здоровьем, а на родине остались жена и дети[170].

Томский земский заседатель, отправляя прошение своего подчиненного писца Антоновича губернатору в сопроводительном письме указывал, что тот просит о возвращении на родину в Царство Польское «согласно Указу

[170] ГАТО.Ф.3.Оп.6.Д.234.Л.50-51.

Томского Губернского Правления от 6 ч. марта сего года за № 49 и изложенного в оном Циркулярного предписания г. Министра Внутренних Дел от 20 января за № 4», однако в земском суде нет статейного списка, из которого бы можно было видеть его родопроисхождение и подсудность, кроме того, что Антонович «во время 20 летней своей бытности в Сибири постоянно занимался письмоводительством в присутственных местах, и с усердием во все это время вел себя очень хорошо и ни в каких противозаконных замыслах или предосудительных поступках замечаем не был, вполне заслуживает иметь о нем ходатайство»[171]. Губернатор, препровождая это прошение далее по бюрократическим инстанциям, предписал представить статейный список Антоновича с объяснением, почему «ссыльный показывается в общем списке политических преступников», тогда как в отношении его нет сведений, за что он был лишен духовного сана и сослан в Казань.

Не оказалось этих сведений в статейном списке ссыльного Антоновича, а без этих данных получить разрешение, возвратиться на родину было невозможно, что, судя по всему, и произошло. Во всяком случае, документов, дающих ему это разрешение, в архиве не выявлено.

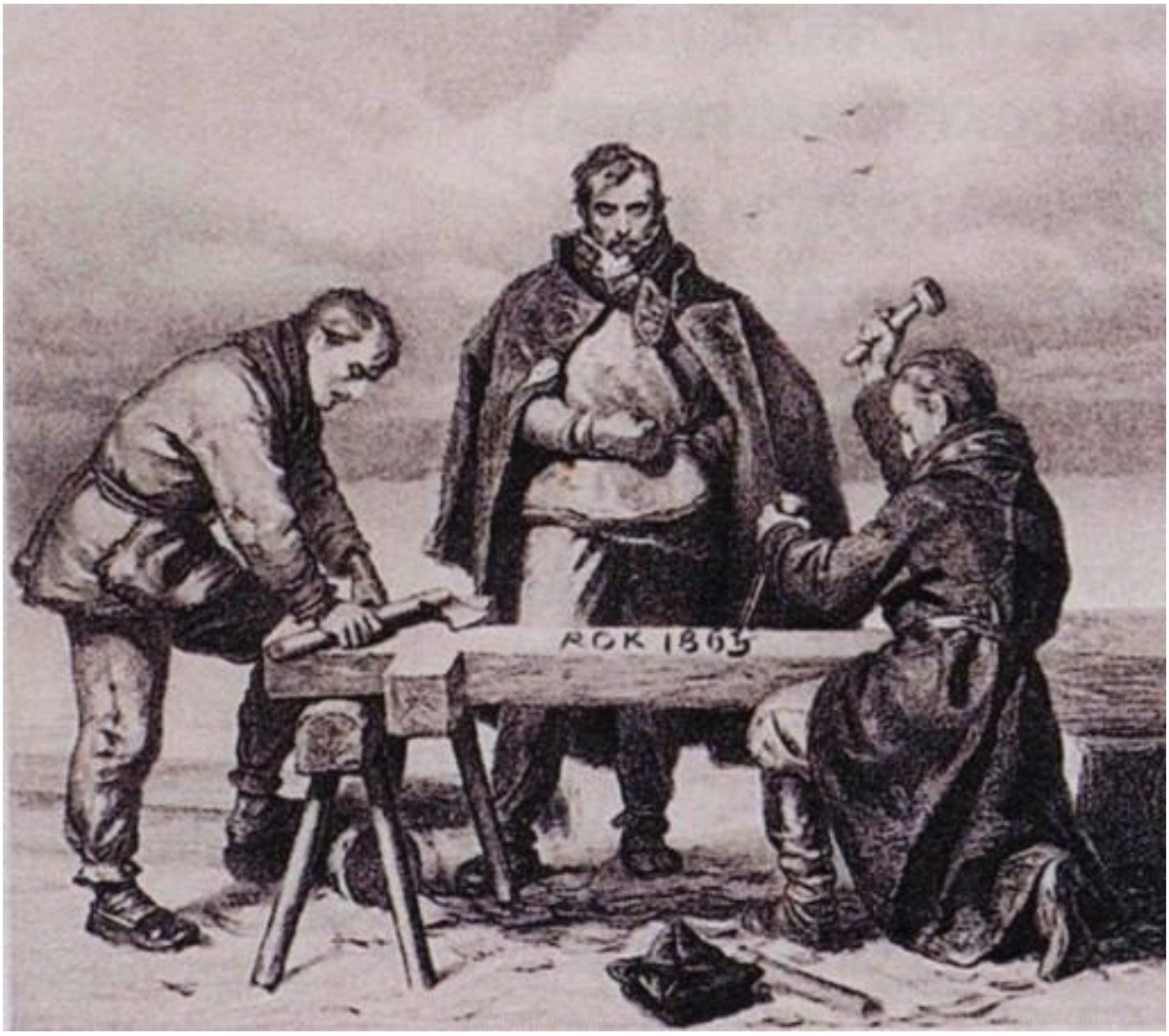
Таким образом, рассматривая историю ссылки католического духовенства в 1830-50-е гг. XIX века на территории Томской губернии, было установлено, что таковых было шесть человек: пять римско-католического вероисповедания и один греко-католического. Трое из них (Михайлович, Анкудович и Красниций) смогли вернуться на родину, а вторая половина (Торчановский, Шишко и униат Антонович) навсегда остались в Сибири.

[171] ГАТО.Ф.3.Оп.6.Д.234.Л.48-49.

Глава 10.

Католики на Томской земле во второй пол. XIX века

Вторую половину XIX в. полонийные историки с полным основанием считают апогеем ссылки в Сибирь «польского элемента», связанного с последствиями подавления царскими войсками восстания 1863-1864 гг. в Царстве Польском



1.14. ***Сибиряки. 1863 г. А. Гротгер. Конец XIX в.***

и губерниях Западного края[172]. За участие в восстании против национального гнета российского самодержавия и за свою национальную независимость, получившего в Польше название

[172] В состав Западного края входили территории бывшей Речи Посполитой, после раздела ставшие частью российской империи: 6 северо-западных губерний (Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская) и 2 юго-западные губернии (Волынская, Киевская).

«Январского», помощь повстанцам и другие «антиправительственные действия и намерения» в Сибирь после 1864 г. было выслано не менее 20 тысяч человек, подавляющее большинство которых исповедовало католицизм[173].

Для упорядочения политической ссылки 5 марта 1864 г. императором были утверждены правила для высылки, водворения и отдачи под надзор полиции участников восстания. Необходимо отметить, что в Западную Сибирь направлялись в основном сосланные в административном порядке и на водворение, в Восточную Сибирь – преимущественно осужденные на каторжные работы. К водворению, главным образом, приговаривались те, кого правительство намеревалось заставить в Сибири заниматься хлебопашеством, направляя в сельскую местность и записывая в крестьянское сословие. Эта категория ссыльных, в основном из крестьян, получила название «польских переселенцев».

Среди местностей Западной Сибири, определенных для жительства лиц, высланных под надзор полиции по политическим причинам, были названы Тобольская губерния (Тобольск, Ишим. Курган, Омск, Петропавловск, Тара), Томская губерния (Томск, Бийск, Мариинск, Кузнецк, Нарым), Семипалатинская область (Семипалатинск, Усть-Каменогорск).

Говоря о численности польских ссыльных Январского восстания в Томской губернии, дореволюционный историк С. Максимов в своем известном труде «Сибирь и каторга», изданном в 1871 году через несколько лет после подавления восстания, указывал, что в Томскую губернию к 20 декабря 1866 г. поступило 6306 человек (исключая тех, кто был сюда переведен из российских губерний)[174]. Итоги работы автора в разных архивах с целью установления персонального состава поляков, оказавшихся в ссылке на территории Томской

---

[173] По данным С. Максимова среди участников восстания, сосланных в Сибирь только 3 % по исповеданию были не католиками.

[174] Максимов С. Сибирь и каторга. Ч.3.Санк-Петербург,1871 г. с.80.

губернии во второй половине XIX века, позволяют скорректировать эту цифру в сторону увеличения[175]. Это подтверждают и воспоминания, согласно которым численность польской колонии только одного города Томска в те годы достигала около тысячи человек, а ведь кроме самого губернского города, куда ссылка была ограничена, ссыльных отправляли на жительство и на водворение в уездные города и селения, в том числе в город Мариинск с округом и город Кузнецк. Правда, в Кузнецк, отнесенный вместе с Бийском и Усть-Каменогорском к землям Кабинета Е.И.В. доступ политических ссыльных был ограничен, но не прекращен полностью. Например, в 1864 г. в Кузнецке проживало 69 католиков,[176] но к 1871 году их уже было только 14 человек (10 муж. и 4 жен.) и совсем не было в округе[177].

1.15.Томский костел. Рисунок середины XIX в.

[175] Ханевич В.А. Источники по персоналиям участников Польского восстания 1863-1864 гг. – политических ссыльных в Томской губернии // Документ в меняющемся мире. Материалы Первой Всероссийской научно-практической конференции. Томск. 2004. с.131.

[176] Костров Н. Историко-статистическое описание городов Томской губернии. Томск, 1872. с.3-76.

[177] Памятная книжка Томской губернии на 1871 год. с. 53.

В разные периоды численность ссыльных поляков в уездном городе Мариинске и его округе (уезде) менялась и зависела от разных факторов: от года ссылки, общего потока ссыльнопоселенцев и политики местных властей по отношению к изгнанникам. Например, в практике местных властей часто использовался их перевод без видимых причин из одного места жительства в другое. Так 1864 году в городе Мариинске проживало 82 католика, что составляло 1,8% от всего населения этого города[178]. На 1871 год их численность этом городе составляла уже 180 чел. (129 муж. и 51 жен.), а проживающих в Мариинском округе – 1353 чел.(1069 муж. и 284 жен.). Для сравнения: в это же время в окружном городе Каинске проживало 80 католиков и 2037 лиц католического вероисповедания – в Каинском округе. Всего в Томской губернии в 1871 году находилось 6517 лиц католического вероисповедания[179]. В конце XIX века (1897 г.) католиков в Мариинске было 149 человек, что составляло также около 2 %. жителей города[180].

Социальный и профессиональный состав ссыльных повстанцев Январского восстания, находившихся в Мариинске и его уезде (аналогично в Кузнецке и в других уездах губернии) был разнообразен: крестьяне и бывшие землевладельцы, чиновники и ремесленники, лица духовного звания и бывшие воинские чины. Например, в Кузнецке в 1864 г. среди польских ссыльных были Гилярий Здамович и Казимир Свидерский, до ссылки служившие врачами при Литовской духовной семинарии в Виленской губернии[181].

Находившийся здесь же в это время уроженец Радомской губернии Феликс Ковальский до ссылки служил секретарем в Отделении транспортов Управления Варшавско - Виленской дороги и оказался в Сибири с лишением всех прав состояния

---

178 Костров Н. Историко-статистическое описание городов Томской губернии. Томск, 1872. С.3-76.;Скубневский В.А. Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX-начале XX вв. Ч. I. Население. Экономика. Барнаул, 2003. с.303.

179 Скубневский В.А. Указ соч. с.303;

180 Там же. с.305.

181 ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.1042.Л.98,102,104,129;

за хранение брошюры «возмутительного содержания». В прошении на имя губернатора в 1868 г. о назначении пособия указывал, что в г. Кузнецке «истощил все средства, какие имел, а от родных получил за это время только 15 руб. серебром и более не надеется получить. Изучил мастерство сапожника, но по причине бедности жителей города не имеет заказов. Указывал, что «не желая быть обременительным для правительства, он обращался с прошением к губернатору о дозволении ему выезда в г. Бийск, надеясь там найти себе заработок, но получил отказ»[182].

В Кузнецке на положении ссыльного также находился в это же время бывший помещик Ковенской губернии Эдуард – Генрих Буткевич, высланный в Сибирь с лишением всех прав состояния и конфискацией имения за «передачу пропуска заведомо политическому преступнику». Осенью 1865 г. Буткевич подавал прошение о переводе его на жительство в Томск для лечения как «не имеющий никаких средств для пользования себя при отсутствии в Кузнецке на излечение его болезни необходимых медицинских средств и так как в городе Томске у него имеется знакомый доктор из соотечественников, который мог бы «пользовать его без всяких с его стороны издержек»[183].

В 1865 году в Мариинск в ссылку без лишения прав состояния был отправлен дворянин Ковенской губернии Константин Жабо «как неблагополучный в политическом отношении». Вместе с ним добровольно в ссылку последовала жена Казимира. Вскоре они были переведены на жительство в Кузнецк, откуда в феврале 1866 г. его жена обратилась с прошением о назначении пособия, так как «по своему состоянию они не могут отыскивать себе средств к существованию, и муж нуждается в медицинской помощи». В конце 1868 г. обследование их материального положения «о крайней бедности» лично производил мариинский окружной исправник и только после этого Константину

---

[182] ГАТО.Ф.3.Оп.4.Д.391.Л.62-64.

[183] ГАТО. Ф.3.Оп.4.Д.270.Л.269;Оп.13.Д.248.Л.55;Оп.36.Д.353.

и Казимире Жабо было назначено пособие по 30 коп. в сутки и квартирных 1 руб.50 коп. в месяц[184].

Следует отметить, что среди поляков-католиков, сосланных в Мариинск в 60-х годах XIX века, были не только те, кого выслали в Сибирь из пределов Царства Польского и Западного края, но и революционеры-разночинцы, уроженцы российских губерний, обвиненные в государственных преступлениях в самой России. Одним из таких революционеров был поляк-католик Болеслав Петрович Шостакович, дед будущего выдающегося русского композитора Д.Д. Шостаковича. Болеслав Шостакович был арестован в Москве в 1866 г. и проходил по делу Н.А. Ишутина–Д.В. Каракозова и обвинялся в причастности к организации побега из пересыльной тюрьмы в Москве Ярослава Домбровского – выдающегося польского революционного деятеля периода подготовки восстания 1863-1864 гг., а впоследствии генерала Парижской Коммуны.

После почти четырехмесячного заключения в Петропавловской крепости был приговорен к каторжным работам, замененным вечной ссылкой в Сибирь и отправлен на поселение в город Мариинск. Правда, здесь Болеславу Шостаковичу надолго задержаться не пришлось, так как через три месяца после своего приезда в Мариинск он был вновь арестован и под конвоем доставлен в Омск, где подвергся следствию о причастности «к осуществлению некоего, являвшегося продолжением замыслов совместного восстания поляков и русских в Сибири». Не доказав причастности его к антиправительственным замыслам, Болеслава Шостаковича вскоре из-под стражи освободили, но в Мариинск он уже не возвратился. Для дальнейшего отбывания срока ссылки отправлен на жительство в Томск, где впоследствии проявил себя знающим финансистом, служил в городской управе и даже в 1885 г. гласными Томской городской думы избирался

[184] ГАТО.Ф.3.Оп.19.Д.728.Л.14; Оп.70.Д.7.Л.173об.

городским головой. Однако не был в этой должности утвержден министром внутренних дел[185].

Находясь в положении ссыльного в далекой сибирской провинции и в большинстве не имея достаточных средств к существованию, каждый из них искал какое-нибудь занятие, дающее средства к выживанию. Те, кто знал иностранные языки и владел музыкальной грамотой, старались найти учеников из числа детей состоятельных купцов, но таковых были единицы. Те, кто владел каким-либо ремеслом, старался завести свое дело. Те, кто не мог найти соответствующего занятия по своей профессии и образованию, брался за любую работу, становился сидельцем в винной лавке у местных виноторговцев, просил проходные билеты для отлучки на золотые рудники.

Ещё один вид деятельности, освоенный польскими ссыльными в 70-х годах XIX в. по примеру ссыльных первой половины XIX в. – посредничество в делах местных купцов и предпринимателей. Например, ссыльный поляк Станислав Брант, происходивший из помещиков Гродненской губернии, находясь в ссылке в Мариинске, занимался наблюдением за винной торговлей купца Исаева[186].

Работавший до ссылки помощником лесничего в Россинском уезде Ковенской губернии и высланный на жительство в Томскую губернию «за распространение революционных взглядов среди лесников» Юрий Вонаго перепробовал несколько профессий и сменил не одно место жительства: жил в Колыванской волости, губернском Томске, окружном Мариинске. В Томске служил по вольному найму писцом в банке, зарекомендовав себя как «благонадежный, очень способный и трудолюбивый служащий, мягкого, покорного характера и отличного поведения». Высочайшим повелением от 1871 г. получил разрешение на переезд

---

185 ГАТО.Ф.3.Оп.37.Д.168.Л.1-11; Ф.170.Оп.2.Д.704.Л.1-15; Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. М.1928 г.Т-1.Вып.2. С.471.;История Сибири. Т-3. с.113.

186 ГАТО.Ф.3.Оп.54.Д.874;Оп.4.Д.270.Л.269.

в Вятскую губернию под надзор полиции, но отказался от переезда за неимением на это своих средств и был оставлен в Сибири «до приискания средств». Впоследствии Вонаго стал мариинским купцом 2 гильдии, в качестве недвижимости имел в Мариинске каменный дом и открыл свое торговое дело. В Сибири женился на такой же ссыльной польке, оказавшейся вместе с родителями и 5 сестрами в Минусинске. Их сыновья Людвиг (1872 г.р.) и Бронислав (1874 г.р.), родившиеся в Мариинске, получили хорошее образование в Томском Реальном училище и Московском университете. Служили в Томской губернии по лесному и судебным ведомствам, награждались медалями за активное участие в первой Всероссийской переписи населения 1897 г. Сам Юрий Вонаго в конце 1880-х гг. из Мариинска переехал в Томск и служил управляющим винокуренного завода поляка-католика Ипполита Андроновского, такого же, как и он в прошлом, политического ссыльного[187].

Пожалуй, не было в Мариинске человека в 1870-х – начале 1880-х годов, кто бы не знал и не поминал добрым словом мариинского городового врача поляка-католика Людвига Казимировича Крейбиха. В 1863 г. он после окончания медицинского факультета Московского университета был назначен Тельшевским городовым врачом в Ковенской губернии и должен был приступить к своим обязанностям, но вместо этого оказался под строгим надзором полиции в Сибири по обвинению в «принятии на себя звания революционного начальника в период мятежа». В 1871 г. вследствие ходатайства томского губернатора Крейбиху было Высочайше разрешено вступить на государственную службу в Западной Сибири по медицинской части и 8 июня 1872 г. он был назначен в г. Мариинск окружным врачом. В 1879 г. с него было сняты препятствия и ограничения к дальнейшему продвижению по службе и получению наград. За добросовестное служение в качестве врача в 1880 году

[187] ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.1149.Л.295-299;Ф.104.Оп.1.Д.586.Л.4 об.;Ф.3.Оп. 54.Д. 834.Л.1-24; Ф.209.Оп.2.Д.130;Ф.10.Оп.1.Д.348;Ф.3.Оп.2.Д.1149.Л.295-299; Ф.433.Оп.1.Д.634.Л.1-80;

Людвиг Крейбих был пожалован чином титулярного советника и орденом Св. Владимира. Томский губернатор в ходе посещения Мариинского округа выразил ему «душевную благодарность» за высказанные в его адрес благодарности от разных сословий города, за его гуманную и честную деятельность, как по исполнению им своих прямых обязанностей, а также по участию в Мариинском воинском присутствии. Данная благодарность губернатора Крейбиху была опубликована в Томских губернских ведомостях.

В 1882 г. врач Крейбих получил в виде особой монаршей милости уведомление о снятии с него всех ограничений по службе, стал получать добавочное жалование за службу в Сибири и другие установленные законами преимущества по службе. 12 апреля 1883 года постановлением губернатора «в видах пользы службы» был переведен в губернский Томск и назначен томским городовым врачом. На 1889 г. имел чин коллежского асессора и исполнял почетную обязанность директора Мариинского детского приюта. Будучи ещё в Сибири на положении ссыльного, женился на местной православной сибирячке, дочери мариинского купца Петра Ильина – Татьяне, в браке с которой имел сына Аполинария (1869 г.р.).

Однако далеко не все из ссыльных, оказавшись в Сибири, смогли стать удачливыми предпринимателями, уважаемыми врачами, добросовестными и знающими чиновниками. Неизмеримо больше было тех, кто не мог найти себе работы из-за плохого знания русского языка и грамоты, слабого здоровья, преклонных лет или же отсутствия самой работы. Так, например, находившийся в Кузнецке бывший дворянин Гродненской губернии Людвиг Высоцкий, в 1865 году, подавая прошение о назначении пособия, указывал, что пробовал поступить в этом городе в службу по найму, но не смог этого сделать из-за преклонных лет и то, что в здесь «своих чиновников довольно». Не дождавшись пособия, Высоцкий

умер 1 апреля 1866 г. в возрасте 48 лет и был похоронен на местном городском кладбище[188].

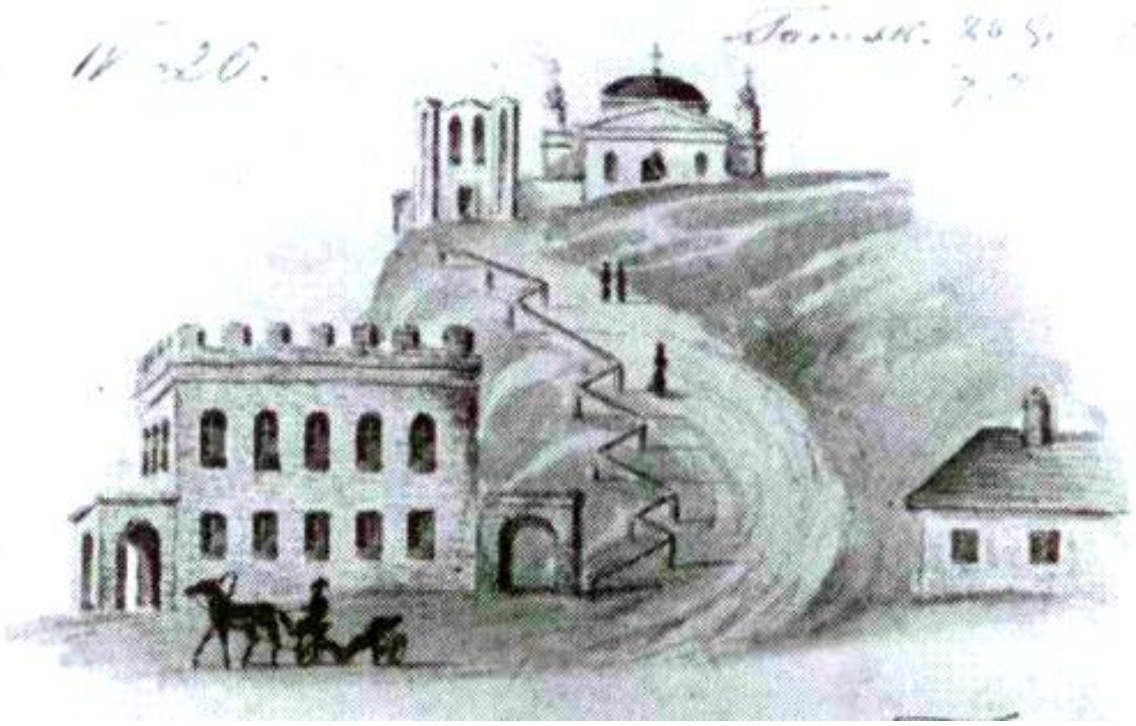
Такие же прошения о пособии в 1864 и 1867 гг. подавал живший в Кузнецке ссыльный поляк Петр Запасник, сосланный в Сибирь под надзор полиции без лишения прав за то, что его брат участвовал в восстании 1863 г. В своих прошениях Запасник указывал, что, будучи в Кузнецке, находился у местных жителей «по разным работам, в кучерах и работниках, чем окончательно расстроил своё здоровье, вследствие чего остался без места, так как слабого никто не хочет принять…»[189].

Оказавшись в далеком уездном городке или в деревне, многие ссыльные католики, владевшие ремеслом или городской профессией, часто обращались с прошениями о переводе в губернский город Томск, где имели больше шансов найти себе занятие и пропитание, однако не всегда удавалось найти работу и здесь. Так из Кузнецка в Томск по прошению была переведена в 1865 г. дворянка Ковенской губернии Бенита Жилевич, но и там, не найдя места службы, в 1867 и 1868 гг. просила назначить пособие от казны[190].

В июне 1868 г. из Томска последовало распоряжение о переводе политических ссыльных поляков из Кузнецка в Мариинск или же в Мариинский округ на том основании, что Кузнецкий округ относился к землям Кабинета Е.И.В. и не подлежал заселению ссыльными. Однако далеко не все из ссыльных желали вновь менять один окружной город на другой, тем более, что из Бийска почти всех политических ссыльных перевели на жительство в губернский Томск. Так, живший в Кузнецке ссыльный дворянин Ковенской губернии Героним Вимбор 19 июня 1868 г. обратился с прошением к полковнику корпуса жандармов Тицу в связи с переводом всех политических ссыльных из г. Кузнецка в Мариинск отправить его вместо Мариинска в Томск, так как

188 ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.1042.Л.409-415;Оп.2.Д.1041.Л.150.
189 ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.1042.Л.108-117.
190 ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.1165.Л.6; Д.1042.Л.605-617.

там «должен будет жить брат, который переводится на жительство в Томск из Бийска и с которым он не виделся несколько лет»[191]. Судя по всему, прошение Вимбора было удовлетворено, так как на 1873 г. он уже проживал в Томске и получал пособие на свое содержание. Часто было и так, что ссыльные, не дождавшись разрешения властей, самовольно покидали места своего водворения и в поисках заработка выезжали в другие уезды или нанимались рабочими на золотые прииски.



1.16. Рисунок костела Томска в письме родным от 7.01.1865 г. политического ссыльного Юзефа Калиновского (Рафала Калиновского, св. покровителя католиков Сибири)

Например, в июле 1870 г. мариинский мещанский староста Шадчин по распоряжению начальства составил специальный список о политических ссыльных, приписанных к городу Мариинску. Оказалось, что 50 человек из них в городе не проживали и находились в неизвестной для городской полиции «отлучке»[192].

---

[191] ГАТО.Ф.3.Оп.36.Д.384.Л.172;Оп.4.Д.391.Л.74;Оп.19.Д.691А.Л.6.
[192] ГАКО. Ф. Д-44.Оп.1.Д.149.Л.53,55.

После первых манифестов 1866 и 1868 гг. польская колония ссыльных начала уменьшаться. Некоторые получили разрешение на выезд в губернский город, в другие города России или же возвратится на родину. Положение ссыльных, главным образом, имевших образование и хорошо оплачиваемую профессию, изменилось в лучшую сторону после царского манифеста 1871 г., когда было дозволено принимать ссыльных с некоторыми ограничениями на государственную службу.

Царский Указ 1874 г. позволил большому числу сосланных возвратиться на родину, и Сибирь покинули те, кто имел для этого условия. В то же время вместо них присылали других, хотя уже и не в таком количестве. Это были ссыльные как из Царства Польского, так и из России, в том числе из Восточной Сибири, получив после каторги право на поселение в Томской губернии.

Например, уже почти на исходе века, 2 ноября 1897 г. в Кузнецк под надзор полиции был доставлен поляк, уроженец Сувалской губернии Вацлав Гоштов, высланный по Высочайшему повелению от 6 декабря 1895 г. под гласный надзор полиции за участие в политическом обществе «Одесский сокол» в город Архангельск на 5 лет. Из Архангельска в Кузнецк переведен по его просьбе. Согласно рапорта кузнецкой полиции, в октябре 1899 года Гоштов продолжал находиться в городе Кузнецке под надзором полиции, «получал от казны пособие по 6 руб. в месяц, ничем не занимался»[193].

По данным городской полиции, на 1880 г. в губернском Томске проживало только 133 бывших ссыльных повстанца Январского восстания, продолжавших находиться под гласным надзором полиции[194]. Тогда как в деревнях и селах пяти волостей Томского уезда почти в это же время продолжало числиться 883 человека[195]. В конце 1881 года в Боготольской

[193]ГАТО.Ф.104.Оп.1.Д.3016.Л.25.
[194] ГАТО. Ф.3. Оп. 37. Д. 169.
[195] ГАТО. Ф.3. Оп. 51.Д.12,15.

волости Мариинского округа продолжали быть на водворении 70 ссыльных польских повстанцев, а с учетом членов их семей – 103 человека[196]. В городе Кузнецке и Кузнецком округе, напротив, на 1880 год список государственных преступников и политических ссыльных по городу и уезду насчитывал всего 4 человека, трое из них были поляками[197]. В качестве последних в 1880 году жил в Кузнецком округе с семьей Франц Штрейман, сосланный в Сибирь по Высочайшему повелению ещё в 1856 году. Умер он в феврале 1888 года в возрасте 105 лет, живя уже на Салаирском руднике, оставив после себя 8 детей[198].

15 мая 1883 г. был провозглашён царский манифест, в котором пункты 8 и 9 статьи XIV непосредственно касались участников «последнего польского мятежа». Большинство повстанцев освобождались от надзора полиции и получали право возвратиться на родину. Начался массовый отъезд поляков, и в связи с этим безымянный автор статьи в газете «Сибирь» № 31 за 1883 г. писал: «…почти все они возвращаются на родину… По прибытии в Сибирь они не предались отчаянию…стали заниматься торговлей, ремёслами и даже иногда хлебопашеством… Много способствовали развитию ремёсел и огородничества… колбасное, кондитерское и некоторые другие производства исключительно полякам обязаны основанием и развитием в Сибири. До поляков здесь почти не было ни кафе-ресторанов, ни трактиров, ни порядочных гостиниц»[199].

Однако и после указа 1883 года, дававшего право многим ссыльным возвратится на родину, далеко не все из них в силу разных жизненных обстоятельств смогли воспользоваться этим указом и навсегда связали свою жизнь и жизнь своих детей и потомков с Сибирью…

В целом, приведённые сведения свидетельствуют о том, что поляки-католики, участники восстания 1863-1864 гг.,

---

[196] ГАТО. Ф.3. Оп. 29 Д. 2,6.
[197] ГАТО.Ф.3.Оп.37.Д.167.Л.1-3.
[198] ГАТО.Ф.3.Оп.37.Д.167.Л.2; Ф.527.Оп.1.Д.514.Л.110.
[199] «Сибирь». № 31. 1883 г.

оказавшись в Сибири при трагических для себя обстоятельствах, тем не менее, в большинстве своем органично включились в хозяйственную и общественную жизнь Томской губернии и Кузбасской земли, в частности. Восстанавливаясь в правах и освобождаясь от надзора полиции, обретали свободу передвижения и право искать для себя и своих детей лучшей доли. Их дети получали возможность получать образование не только в городских уездных училищах, но и продолжить свое образование в разных учебных заведениях губернского Томска: Алексеевском реальном училище, мужской и женской гимназиях, наконец, в Сибирском Императорском Университете, основанном в 1880 году и открытом через восемь лет.

Говоря о католиках в Сибири во второй половине XIX века, мы в первую очередь упоминаем политических ссыльных поляков, участников восстания 1863-1864 гг. и членов их семей. И это не противоречит истине. Но хорошо известно, что в сибирскую ссылку люди попадали не только по политическим мотивам, но и за уголовные и должностные преступления. И хотя в общем числе ссыльных католиков доля тех, кто оказался в Сибири по уголовному делу, была ничтожна, но таковые все же были. Так, например, в мае 1868 г. в Мариинск решением Правительствующего Сената «за кражи и оскорбления сотского при отправлении им должности» на 4 года ссылки был отправлен с лишением всех прав состояния и медали в память войны 1853-56 гг. отставной прапорщик Минского пехотного полка Константин Водзинский[200].

Годом раньше Водзицкого в Мариинске стал жить на положении ссыльного лишенный прав дворянства 50-летний католик Фелициан Замтов, высланный в Сибирь за мошенничество – «выдачу себя как лица, действующего будто бы по поручению начальства и сбор денег с содержателей питейных заведений». Вслед за ним

[200] ГАТО.Ф.3.Оп.36.Д.384.Л.708;Д.381.Л.24.

добровольно в ссылку последовала его 28-летняя жена Марфа Яковлева[201].

В одной партии отправляемых на жительство в Мариинск в мае 1867 г. вместе с Фелицианом Замтов был также бывший канцелярский служитель Баимского уездного суда католик Фердинанд-Давид Майбуш, сосланный в Сибирь сроком на 6 лет за похищение из «оного суда четырех фальшивых кредитных билетов на сумму 120 рублей»[202].

Всего же нами установлено 12 католиков, находившихся в Мариинске в 1870-е годы в ссылке за уголовные преступления. Один из уголовных ссыльных католиков в это же время находился в Кузнецке. Им был 35-летний католик Юлиан-Эдуард Зараковский, сосланный в Сибирь на 6 лет за кражу и в 1867 г. причисленный в кузнецкие мещане «на трехлетнюю льготу»[203].

Мемуарные источники свидетельствуют о том, что ссыльные католики, оказавшиеся в Сибири за уголовные преступления, зачастую не находили со стороны своих единоверцев из политических ссыльных той поддержки и помощи, какую старались те оказывать друг другу. Ссыльные «за мятеж» сторонились своих соотечественников-единоверцев, высланных в Сибирь по обвинению в кражах и подлогах.

Помимо ссыльных во второй половине XIX века в Томской губернии не только в губернском городе, но и в уездах довольно часто стали служить канцелярскими служителями, податными инспекторами, врачами, аптекарями, присяжными поверенными выходцы из Царства Польского и Западных губерний. У себя на родине из-за насаждавшейся политики русификации чиновничьего аппарата они не имели возможностей проявить свои деловые качества и сделать служебную карьеру. Сибирь же испытывала большую потребность в образованных и амбициозных чиновничьих

---

[201] Там же. Л.79.
[202] ГАТО.Ф.3.Оп.36.Д.381.Л.124.
[203] ГАТО.Ф.3.Оп.36.Д.384.Л.436; Д.381.Л.81.

кадрах и привлекала их заманчивой перспективой скорой карьеры и дополнительными льготами службы в Сибири.

Известны были такие лица во второй половине XIX века также в Мариинске и Кузнецке. Так, например, в середине 1850-х годов в Кузнецке в должности письмоводителя Кузнецкого полицейского управления служил католик, уроженец Гродненской губернии Адольф Марцинкевич[204]. В 1853-1858 гг. в должности смотрителя Кузнецкого тюремного замка служил титулярный советник, католик Иулиан Ярманский, до этого назначения служивший с 1845 г. заседателем Кузнецкого окружного суда[205].

В 1857-1862 гг. в должности Мариинского окружного врача и заведующего медицинской частью на золотых промыслах Мариинского и Кузнецкого округов служил польский дворянин, католик Фердинанд Маткевич. Впоследствии доктор медицины Маткевич долгие годы служил в Томске в должности губернского врачебного инспектора, занимался частной практикой. За свою службу неоднократно награждался орденами и продвижениями в чинах. К концу своей службы по врачебному ведомству имел чин действительного статского советника и был награжден 4 орденами, выполнял множество почетных обязанностей, состоя членом ряда благотворительных обществ[206].

В 1880 году после окончания Московского университета на должность Кузнецкого окружного врача был принят поляк Антон Водзицкий. В последующие годы он также сверх штата исполнял обязанности Кузнецкого городового врача[207].

В апреле 1880 г. распоряжением томского губернатора в Мариинск на должность письмоводителя Мариинского окружного суда был направлен служить католик Иосиф Бенедиктович, через год службы в Мариинске получивший уже должность столоначальника окружного суда. До приезда в Мариинск Бенедиктович служил в томской городской

---

[204] ГАТО.Ф.3.Оп.11.Д.603.Л.43- 46 (формуляр); Оп.11.Д.594 Л.112.
[205] ГАТО.Ф.104.Оп.1.Д.123;Ф.3.Оп.2.Д.784.Л.650-659.
[206] ГАТО. Ф.9.Оп.1.Д.1080. Л.102.; Ф.3.Оп.4.Д.1206. Л.169-182.
[207] ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.2025.Л.94-95.

полиции канцелярским служителем, а до этого сам находился под полицейским надзором как политический ссыльный, лишенный дворянства, прав состояния и свободы за «неуместные высказывания при товарищах по службе по поводу польских событий»[208].

В 1891-1898 гг. в Кузнецком уездном училище преподавателем арифметики и геометрии работал поляк-католик Бронислав Быстржицкий, впоследствии продолживший свою педагогическую деятельность в мужской и женской гимназиях Томска[209].

В 1894 г. на должность податного инспектора Кузнецкого участка был принят выпускник университета св. Владимира Виктор Маньковский. В Кузнецке Маньковский прослужил до 1903 года, впоследствии продолжил службу в Томске в штате Томской казенной Палаты, имел чин статского советника, награждался за отличную службу орденами и благодарностями начальства[210].

В 1895-1897 гг. в Кузнецке в должности Кузнецкого окружного судьи служил католик Теодор-Василий Ламбертович Опоцкий, впоследствии продолживший свою службу в губернском Томске мировым судьей и присяжным поверенным[211].

Постановлением Томского губернатора от 28 июля 1896 г. был принят на службу земским заседателем 2 участка Мариинского округа дворянин Виленской губернии, католик Мечислав Видавский. Заступив на службу, принял активное участие в проведении в округе первой Всероссийской переписи населения, за что был удостоен Всеобщей монаршей благодарности и награжден специальной бронзовой медалью. В 1898 году Видавский «для пользы дела» был переведен на службу по полицейскому ведомству в Бийский уезд, затем

---

[208] ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.2025.Л.324- 330;Д.1041.Л.355-378;Ф.104.Оп.1.Д.1431.
[209] ГАТО.Ф.233.Оп.1.Д.614.
[210] ГАТО.Ф.196.Оп.2.Д.384.Л.1-300.
[211] ГАТО.Ф.21.Оп.1.Д.663.Л.1-56.

Каинский, в 1908 г. назначен помощником томского полицмейстера[212].

В 1897 году после завершения учебы в Томском университете с должности Кузнецкого уездного врача начал свою трудовую деятельность уроженец Томской губернии, сын политического ссыльного, участника восстания 1863-1864 гг. Ромуальд-Иосиф Гадомский. Помимо врачебной практики в округе активно занимался просветительской работой, в1903 г. избирался членом-соревнователем Попечительства о народной трезвости в Кузнецком уезде, был почетным мировым судьей[213]. Подобные примеры можно продолжать и далее.

Таким образом, массовый характер польской ссылки после второго польского восстания, а также идущий в это же время довольно активно процесс колонизации сибирского региона царской администрацией привели к тому, что Сибирь стала местом сосредоточения значительного контингента людей, исповедовавших католицизм, на что центральные и местные власти не могли не реагировать. В данной ситуации уже нельзя было обойти вниманием религиозную проблему, поскольку именно вера отцов более всего объединяла поляков между собой независимо от их положения, социального статуса и условий жизни….

[212] ГАТО.Ф.3.Оп.70.Д.146.Л.1-114.
[213] ГАТО.Ф.3.Оп.40.Д.619;Ф.3.Оп.36.Д.594.

Глава 11.

Ссыльные католические священники в Томской губернии (вторая пол. XIX в.)

Как мы уже отмечали ранее, используя ссылку в качестве одной из наиболее распространенных репрессивных мер против участников национально-освободительного движения в Царстве Польском, российское самодержавие стремилось удалить на окраины империи лиц, представляющих для него реальную угрозу. Царское правительство рассматривало священнослужителей католического вероисповедания в Царстве Польском как духовных руководителей народа-бунтаря. В этой связи они не могли избежать репрессий, в том числе депортаций вглубь России и в Сибирь[214].

В период очередной волны ссылки после Январского восстания 1863-1864 гг. в сибирских регионах оказались различные слои польского общества, в т.ч. и представители католической церкви, поскольку польское католическое духовенство активно поддерживало восставших. По воспоминаниям государственного деятеля, военного министра России Д.А. Милютина, «вообще духовенство католическое приняло самое деятельное участие в мятеже...»[215]. Это подтверждает мнение А. Каппелера о репрессиях после 1863 г. «по отношению к католическому духовенству, которое было второй после шляхты движущей силой и опорой национального сопротивления»[216].

Обвинения в отношении католического духовенства были во многом стандартны и сводились в разных вариантах к таким пунктам как «содействие участникам мятежа», «возбуждение крестьян к мятежу», «проведение проповедей патриотического содержание и чтение с амвона повстанческих материалов», «допущение в костеле пения революционных гимнов и не

---

[214] Ян Зюлек. Римско-католические священники, сосланные в Сибирь после Январского восстания // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. с. 135.

[215] Милютин Д.А. Воспоминания…с.45.

[216] Каппелер А. Россия- многонациональная империя. М., 2000. с.188.

произнесение в течение некоторого времени молитв за государя императора», «участие в мятеже, выраженное встречей шайки мятежников с хоругвями и служения для них молебствия», «противодействие распоряжениям начальства относительно процессий и крестных ходов», «принятие к присяге лиц, желавших вступить в состав революционной полиции». Зачастую ссылали по голословному обвинению в политической неблагонадежности, «вредности пребывания в здешнем крае», «за распространение в народе ложных слухов…», «за недонесение…». Были пункты обвинения и чисто религиозного характера, как, например, отказ в исповеди человеку, выдавшему восставших, «унизительные отзывы о лицах, принимающих православие» или же за «явное стремлении удержать в католицизме крестьян, изъявивших добровольное желание принять православие». В отличие от многовариантности обвинений, шкала наказаний за эти преступления сводилась практически к двум пунктам: 1. ссылке в Сибирь с лишением прав состояния и духовного звания и 2. ссылке без лишения прав состояния и духовного сана священника.

На основе изучения и систематизации архивных материалов нам удалось установить, что в Томской губернии в 60–80-е гг. XIX в. в положении ссыльных находилось 79 духовных лиц римско-католического вероисповедания: приходские ксендзы, монахи нескольких католических орденов и одна монахиня-настоятельница женского монастыря[217]. Из них 34 человека были отправлены в ссылку без лишения прав состояния и духовного сана, 18 человек – с лишением прав состояния и сана священника, в отношении 29 человек не содержится сведений о том, с какой степенью наказания была применена к ним ссылка. Удалось проследить дальнейшую судьбу некоторой части ссыльного римско-католического духовенства, находившегося здесь

[217] См.: Часть II, приложение № 3 (Биографические сведения о лицах духовного звания римско-католического вероисповедания, находившихся со второй половины XIX века в ссылке на территории Томской губернии).

на жительстве. Установлено, что 20 человек впоследствии смогли выехать в центральные губернии России или же вернуться на родину, 28 человек умерли в ссылке, судьба 33 священников осталась неизвестна. Установлено, что 13 ссыльных ксендзов умерли в Томске и были похоронены на местном католическом кладбище, 7 – в Мариинском уезде, в том числе трое из них – в городе Мариинске.

ВИДЪ ТОМСКА СЪ МОНАСТЫРСКОЙ РОЩИ. WIDOK TOMSKA Z PARKU KLASZTORNEGO.

1.17. Вид Томска с монастырской рощи. Гравюра середины XIX в. с рисунка Ю.Флека

Размещены они были на жительство под надзор полиции, как в Томск, так и во все окружные города, в том числе в Кузнецк, Колывань и Бийск, входившие в округ Колывано-Воскресенских заводов, освобожденный от заселения ссыльным элементом, пребывали ссыльные ксендзы и в сельской местности. Подсчитано, что в эти годы в окружном Кузнецке проживало 10 ксендзов, 23 католических священника пребывало в Мариинске и Мариинском округе.

Интересные упоминания о ссыльных представителях духовенства содержатся в воспоминаниях В.В. Берви,

находившегося в Кузнецке в 60-х гг. XIX в. Он отмечал, что ксендзы «отличались способностью к тому роду самоотвержения, которое прививается католическому духовенству его аскетическим воспитанием. Это помогало им переносить свою судьбу с большей стойкостью и с большим достоинством.., ни от одного из них я не слыхал малодушного уверения, что он был против восстания...»[218].

Следует отметить, что материальное положение большинства ксендзов в ссылке, как, впрочем, и всей остальной массы ссыльных, было достаточно сложным и зависело от помощи родных и близких с родины и от пособий казны, назначаемых по прошению. Так, например, 9 декабря 1866 г. находившийся в ссылке в Кузнецке ссыльный иеромонах бернардинского ордена Урбан Таргоньский обратился к начальнику губернии с прошением о назначении пособия, указывая, что был прислан в Кузнецк из Минской губернии вследствие конфирмации главного начальника края и здесь в ссылке «нашелся поверженным в крайнюю нищету», поскольку как монах не мог иметь и раньше собственных денег, был нищим, а здесь заработать копейку… не в состоянии по сану… и преклонным летам…»[219]. Исполняющий должность кузнецкого городничего подтвердил, что перечисленный в кузнецкие мещане ксендз капеллан Урбан Таргоньский никакой работы в городе не имеет, «поведения хорошего, пособия от родных не получает и существовать без денежного от казны пособия не может по старости лет и нездоровью…»[220].

Чтобы получить пособие просителю приходилось неоднократно обращаться по инстанциям, обращая внимание на свою материальную несостоятельность, бедственное положение и невозможность получить средства к жизни своим трудом. Обычный размер выдаваемого «кормового» пособия в 1867 г. ссыльным политическим преступникам, сосланным без лишения прав состояния составлял 15 коп. в сутки и 1 руб.

---

[218] Берви В.В. Воспоминания. с. 118.
[219] ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.1149. Л.101.
[220] Там же. Л.102 А -102А об.

50 коп. в месяц «квартирных». Сосланные с лишением прав состояния могли рассчитывать на пособие не более чем в 1 руб. 24 коп. в месяц, т.е. по 5 коп. в день. Несколькими годами позднее, в середине 1870-х гг. в связи с ростом цен на продукты размер этого пособия был увеличен до 5-6 руб. в месяц.

Однако даже получение просимого денежного вспомоществования не защищало их нищенского существования, так как было недостаточным, выдавалось нерегулярно, а то, из-за бюрократических проволочек, и вовсе прекращалось. Например, 26 октября 1868 г. находившийся в Мариинске политический ссыльный ксендз Николай Сволкен обратился с прошением в губернатору, в котором указал, что по распоряжению начальства был переведен на жительства из Колывани в Мариинск с выплатой того же пособия, что получал по прежнему месту жительства, тогда как вот уже полгода такового не получает, «несмотря на неоднократные прошения, поданные в местную полицию…»[221]. Просил губернатора сделать распоряжение о начислении пособия за прошедшее время и начислить впредь далее, «так как таковое было лишь единственным средством к …проживанию…»[222]. Следует отметить, что по ведомостям политических преступников, находившихся на жительстве в Томской губернии, назначалось пособие от казны на содержание и наем квартир значительному количеству ксендзов, в том числе жившим в Мариинске Евстафию Буйно, Яну Виткевичу, Якову Демидовичу, Доменику Жуку, Георгию Коссиловскому, Эдуарду Котовичу, Андрею Кржыжановскому и др.

Но, как говорится, не хлебом единым жив человек, тем более лицо духовное... Большинство ссыльных католических священников обращались с прошениями дозволить им в местах ссылки совершать богослужения среди своих, таких же ссыльных единоверцев. Однако существующие правовые нормы запрещали даже не лишенным духовного сана

[221] ГАТО.Ф.3.Оп.13.Д.248.Л.641.
[222] Там же.

ссыльным священникам вести религиозную деятельность, запрещалось даже использование титула «ксендз». И это тогда, когда одной из проблем существования в Сибири римско-католических приходов являлась острая нехватка духовенства. Оказавшимся в сибирской ссылке католическим священникам запрещалась любая религиозная и миссионерская деятельность. И все же жизнь в ссылке со временем вносила и в этом вопросе свои коррективы. Огромное количество прибывших в Сибирь ссыльных католиков одновременно с достаточно большим количеством ссыльного духовенства не могла не изменить существовавшие запреты и не создать условий для пастырской службы.

В первые годы массовой ссылки поляков местные власти не предпринимали каких-либо мер, запрещающих священникам исполнять требы в среде самих ссыльных. Так, например, 10 мая 1865 г. оказавшийся в Кузнецке ксендз Викентий Юстинович обратился к томскому губернатору Лерхе с прошением дозволить ему исполнять обязанности ксендза официально, указывая, что имеет на это совершенно полное право по всем законам и уставам гражданским российской империи «будучи не лишен сана священника и наконец, по призванию своему непременно должен выполнять некоторые необходимые молитвы и обряды публично, возложенными на меня Установлениями Католической Церкви…»[223].

Несколькими месяцами позже, 28 августа 1865 г. также живший в Кузнецке ксендз Гилярий Быцулевич обратился с прошением уже не просто дозволить ему проводить богослужения, а разрешить устроить домашнюю каплицу, в которой он бы мог «отправлять все требы по своему обряду нуждающимся католикам, которые здесь находятся до 80 человек...»[224].

В поддержку его просьбы разрешить проводить богослужения в своей квартире от имени «всех католиков,

---

[223] ГАТО. Ф.3. Оп.4.Д.295. Л.2 -2об.
[224] Там же. Л.11-11об.

лишенных и не лишенных прав, сосланных на жительство в город Кузнецк в числе девяносто человек» выступили также Констанин Борейко, Иван Колаковский, Генрих Плавский и Иосиф Кобылинский[225]. В обращении к губернатору они указали, что «по известным Правительству обвинениям, упавшим на них по разным случаям во время последнего восстания в Царстве Польском и Западным губерниям», лишены они прав по разным категориям, – сосланы в Сибирь и водворены на жительство в город Кузнецк. Перенося все материальные лишения и лишения в гражданских правах, удалены из родины от родных на чужбину и тем уже наказаны за вину их, а потому смеют надеяться на милосердие государя и что правительство его не откажет дать им возможное облегчение в настоящем тяжком положении их. А именно разрешить ксендзу Быцулевичу в своей квартире для них отправлять богослужения и духовные требы, иначе они будут «оставаться без духовной пищи продолжительное время, ибо Капелану Западной Сибири по обширности пространства, невозможно будет преподавать им духовную пищу, которая для их моральной жизни есть единственная поддержка»[226].

Между тем, не получив ответа на свое прошение от 10 мая 1865 г. ксендз Юстинович вновь через кузнецкого городничего 25 октября обратился с докладной запиской к губернатору, ссылаясь на полученное разрешение ксендзу Быцулевичу устроить домашнюю каплицу, разрешить и ему «если не построить, то по крайней мере отбывать в оной Богослужение…»[227]. Впоследствии, давая объяснение в городской полиции о причинах своего отказа от назначенного пособия (как установленного в меньшем размере), ксендз Юстинович заявил, что готов отказаться от всякого пособия при условии дозволения ему «на исправление священнической должности при устроенной в здешнем городе каплицы, – место, которое при переводе нынешнего ксендза Быцулевича в деревню, сделается вакантным»[228].

---

[225] Там же. Л.15-16.
[226] Там же.
[227] Там же. Л.6.
[228] Там же. Л.48-48об.

Архивные документы свидетельствуют, что информация об устроенной в Кузнецке ссыльными католической часовни (каплицы) весьма встревожила томского гражданского губернатора Густава Лерхе, он распорядился «немедленно и даже с препровождением нарочного» доставить ему сведение «действительно ли существует в городе Кузнецке каплица и с чьего разрешения она устроена»[229]. Кузнецкий городничий своим рапортом от 26 мая 1866 г. успокоил губернатора, сообщив, что в г. Кузнецке «устроенной каплицы не существует, а отправляется Богослужение политическим преступником ксендзом Гилярием Быцулевичем в квартире своей, с разрешения Вашего Превосходительства 7 октября 1865 г. № 6427»[230].

Следует отметить, что вопрос о дозволении осуществлять богослужения в штатных костелах римско-католическим священникам, высланным без ограничения права состояния, поднимался летом 1865 г., однако официального разрешения от министра внутренних дел тогда получено не было. В сентябре 1865 г. тобольский губернатор А.И. Деспот-Зенович, «желая устроить быт польских ссыльных изгнанников...» и в то же время «избавить казну от значительных, непроизводительно ныне затрачиваемых на содержание их расходов» представил министру внутренних дел записку, в которой предлагал дозволить высланным без лишения прав состояния и духовного сана ксендзам римско-католического исповедания совершать богослужения в тех городах, где есть костелы, например в Тобольске и Омске. Поводом для такого предложения «послужили постоянные просьбы подобных лиц о дозволении им этого права». В своей записке он указывал, что «дозволение это не представлялось бы неудобным ни в каком отношении, т.к. молитва и богослужение есть только дело совести и нравственной нужды человека и потому в дозволении совершать богослужение не может быть никакой опасности для спокойствия края, особенно если при этом,

[229] Там же. Л.52.
[230] Там же. Л.71.

безусловно, будет запрещено ксендзам говорить проповеди, тогда как напротив стеснение человека в этой необходимой и высшей нравственной потребности может только вызвать попытки к удовлетворению их скрытно от местного начальства»[231].

Созвучно со служебной запиской тобольского губернатора Деспот-Зеновича прошение сосланного на жительство в Бийск дворянина Иосифа Яновского от 7 ноября 1865 г., уполномоченного «от всех сосланных по политическим делам в Бийск» (160 чел. и «кроме того поселившихся в разное время еще около 100 человек»), в котором подчеркивалось, что «религия служит не только самою прочною связью между людьми в гражданском обществе, но и основанием нравственности, а потому нет надобности объяснять, какое вредное могут иметь влияние подобные явления; когда умирающие не находят религиозного напутствия и дети религиозного воспитания, больные религиозного утешения..., прошу ... разрешить... построить маленькую деревянную часовню ... и ... римско-католическим священникам Витковскому и Стефановичу, не лишенным прав состояния, отправлять церковное богослужение и исполнять необходимые духовные требы»[232].

Показателен в этом отношении рапорт томскому губернатору от 4 июля 1866 г. бийского городничего Жулебина, выразившего мнение поддержать прошение ссыльного католика Яновского и что дозволенные католические богослужения будут проводиться без ущерба для православной веры: «...В Бийске есть жители коренные русские православного исповедания, которому они непоколебимо преданы при усердном наставлении и заботливости местных священников и кроме того, так как они кроме русского никакого другого языка не понимают, то существование в городе каплицы и отправление в ней римско-католического богослужения едва ли может иметь какое-либо дурное

[231] ГАОО.Ф.3.Оп.4.Д.5727. Л.3-4,61-61об.
[232] ГАТО.Ф.3.Оп.4.Д.295.Л.27-27об.

влияние... Разрешение католического богослужения во временном помещении я считаю крайне необходительным…»[233].

В феврале 1866 г. настоятель Томского католического прихода и капеллан войск Западно-Сибирского военного округа Иосиф Энгельгарт обратился со служебной запиской к генерал-губернатору Западной Сибири Дюгамелю, желая обратить его внимание к духовным нуждам католиков, находившихся в Мариинском округе Томской губернии. В письме указал, что в Мариинском округе поселено до 5 тысяч поляков римско-католического вероисповедания. Такое значительное скопление в одной местности католиков вызывает постоянную необходимость в крещении, отпевании умерших и других религиозных треб, для совершения коих они обращаются к нему как к единственному в Томской губернии штатному священнику. Но он постоянно находится в разъездах по делам службы как капеллан войск Западно-Сибирского военного округа и поэтому не может выехать в г. Мариинск для удовлетворения «законных их требований в отношении церковных треб». Поэтому он считает крайне необходимым назначение в город Мариинск особого священника и рекомендует на этот предмет «испытанного много в совершенной благонадежности» ксендза Николая Гиртовича, сосланного в г. Томск на житьё без лишения духовного сана и прав состояния»[234]. Закончил свою записку курат тем, что попросил генерал-губернатора сделать распоряжение о направлении ксендза Гиртовича в Мариинк и об отводе в Мариинске дома, в котором бы он мог «как устроить часовню для отправления богослужения, так и иметь для себя квартиру»[235]. Генерал-губернатор с доводами капеллана Энгельгарта согласился и сделал на этот счет распоряжение, но изменились обстоятельства. Ксендз Гиртович сам обратился к губернатору с просьбой о переводе его из Томска, но не в Мариинск, а в Кузнецк, ссылаясь на свое слабое

---

[233] Там же. Л.86-87об.
[234] ГАТО.Ф.3.Оп.13.Д.248.Л.828 -828об.
[235] Там же.

физическое состояние и совет врачей о том, что в Кузнецке ему будет легче поддерживать свое здоровье[236].

Докладывая о прошении Гиртовича генерал-губернатору томский губернатор Г. Г. Лерхе от себя добавил, что «ксендз Гиртович, как мне известно, действительно дряхл и поэтому не в состоянии будет принести ожидаемую от него пользу при переводе в г. Мариинск»[237]. В конечном итоге генерал-губернатор дал свое согласие о переводе Гиртовича из Томска в Кузнецк с сохранением за ним получаемого пособия. В начале 1870-х годов Гиртович вновь возвратился из Кузнецка в Томск, где 11 июня 1872 г. умер в возрасте 57 лет от астмы[238].

Таким образом, факты говорят о том, что местные губернские власти, да и сам генерал-губернатор Западной Сибири, в первоначальный период ссылки поляков в Сибирь весьма лояльно отнеслись к духовным нуждам ссыльных католиков и даже не были против устройства временных католических часовен-каплиц, но были против дозволения ссыльным ксендзам разъезда по округам губерний и выступали против устройства в Сибири новых католических храмов и часовен. Так, например, в июле 1866 г. начальник Томской губернии, донося генерал-губернатору о том, что разрешил «некоторым из ссыльных ксендзов, не лишенных духовного сана и присвоенных преимуществ отправлять на местах их причисления под надзором полиции богослужения и исполнять те духовные требы, которые не сопряжены с записью в метрические книги», но в то же время предписал не дозволять ксендзам из политических ссыльных разъезды по округу.

В январе 1867 г. генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель изложил министру внутренних дел свое мнение по этому вопросу. В письме указал, что «католическим священникам ... полагаю возможным дозволить только служение тихой обедни и то в тех единственно местах, где есть

---

236 ГАТО.Ф.3.Оп.13.Д.248.Л.831.

237 Там же. Л.832.

238 ГАТО. Ф.527.Оп.1.Д.7.Л.96.

костелы... Строить для ссыльных католические церкви ... считаю исключительно неуместным, потому что в Западной Сибири находятся уже 3 костела и их очень достаточно...» Кроме того, «не мешало бы имеющихся уже в Тобольске, Омске и Томске священников заменить другими, совершенно благонадежными...»[239].

Разрешение не лишенным духовного сана ссыльным ксендзам служить только «тихие обедни» и только в штатных костелах[240] вовсе не решало проблемы духовного окормления тех тысяч ссыльных, кто был размещен на поселение и водворение в сельских местностях сибирских губерний.

Желая эту проблему как-то решить, томский губернатор обратился с отношением к курату томской Римско-католической церкви, капеллану войск Западно-Сибирского военного округа Иосифу Энгельгарту. В отношении указал, что во многих селах и деревнях вверенной ему Томской губернии «находится в настоящее время довольно значительное число политических преступников римско-католического вероисповедания. Преступники эти обращаются к местному начальству с просьбами об увольнении их в город Томск для исповеди и принятия Св. Таинств». Но он не может дать им разрешение на приезд в Томск, так как большая часть из них сосланы на водворение на казенных землях и должны безотлучно находиться в той местности, куда причислены. В этом случае у него есть только один способ помочь этим ссыльным: просить курата, не признает ли он возможным, «по крайне мере один раз в год объезжать для исполнения треб все те местности,…где поселены католики»[241].

В ответном письме настоятель томской католической церкви уведомил губернатора о том, что сам находится в крайне затруднительном положении, «ибо удовлетворение религиозных потребностей этих лиц составляет главную его заботу нравственно успокоить их самих, и спокойствие целого

---

[239] ГАОО.Ф.3.Оп.4.Д.5727.Л.61-61об.

[240] В середине 60-х гг. XIX века католические храмы на территории Западной Сибири были лишь в Тобольске, Омске и Томске.

[241] ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.1041.Л.538-539.

края», но лично сам он этого не может исполнить просто физически «при огромных пространствах, относящимся к католикам Томской Римско-Католической Церкви, в означенной губернии проживающим, на пространстве 15 000 верст, при расстроенном здоровье ревматизмом…»[242]. Поэтому он заручился словесным разрешением генерал-губернатора Западной Сибири «дозволить благонадежным ксендзам из ссыльных, живущим в уездных городах, от его имени проводить богослужения в том округе, в котором они проживают под надзором полиции»[243].

В число своих доверенных по Мариинскому округу томский курат Энгельгарт выбрал ссыльного ксендза Иосифа Шарковского, которому дозволил от своего имени исполнять все духовные требы в устроенной им в Мариинске временной римско-католической каплице, т.е. крестить, венчать и погребать тела умерших, проживающих в Мариинском округе, как в самом окружном городе, так и в селениях сего округа, а метрические записи о проводимых духовных требах ежемесячно присылать в Томск «для вписания таковых в Метрические шнурованные книги»[244]. Узнав от мариинского городничего о даденном томским куратом ксендзу Шарковскому поручении, губернатор потребовал от курата отчет, когда именно и в каких формах дано ему генерал-губернатором разрешение «уполномачивать политических ссыльных исполнять эти требы, которые сопряжены с записью в метрические книги притом еще с правом отлучки из места жительства»[245]. В ответном письме ксендз Иосиф Энгельгарт указал губернатору, что в свое время губернатор уведомлял его о том, что не может допустить приезда в Томск для исповеди и св. причастия ссыльных католиков, тогда он хотел направить в округа губернии своего помощника, викарного священника Копцевича, настоятеля Тобольского католического

---

[242] ГАТО.Ф.3.Оп.4.Д.295.Л.65-66об.

[243] Там же.

[247] Там же.Л.61-62.

[245] Там же.Л.64-64об.

храма, но его не отпустил тобольский губернатор, ссылаясь на большую занятость того в Тобольской губернии. Желая как-то выйти из этого сложного положения, будучи в марте 1866 г. в городе Омске, он лично обратился с просьбой к генерал-губернатору дозволить благонадежным ксендзам из ссыльных, не лишенных прав и духовного сана, совершать духовные требы в местах своей ссылки и получил на это словесное распоряжение генерал-губернатора.

Далее курат посчитал нужным указать губернатору на то, что «по законам Римско-Католической Церкви, священник с рукоположением вместе получает право исполнять духовные требы католикам, в крайнем случае, с разрешения местного приходского настоятеля, и не иначе может приступить к Св. Алтарю в Томской губернии: даже которому Ваше Превосходительство дозволило отправлять богослужение, как с моего соизволения, – а так как цель нравственного успокоения самих сосланных, спокойствие целого края, есть первая обязанность всякого верноподданного Российского, то и прибегнуто мною к крайнему случаю, и дозволено благонадежным ксендзам, сосланным под надзор полиции в разные округа Томской губернии, одному в округе отправлять богослужения и исполнять Духовные требы католикам того округа Томской губернии, где они состоят под надзором полиции»[246]. Что же касается дозволения производить им записи в метрические книги, то такого дозволения они не получали, а получили только право производить расписки совершенных духовных треб (венчания, крещения, отпевания) и копии отправлять в Томск для записи в подлинные метрические книги.

Далее, давая объяснение губернатору, курат заметил, что права отлучки с места жительства этим ксендзам он не давал, так как это уже не входит в его компетенцию, он же поручил исполнять духовные требы только в месте проживания его доверенного ксендза – в уездном городе, куда могут приехать с разрешения начальства также католики, поселенные в сельской

[246] Там же. Л.65-66об.

местности этого округа[247]. Заканчивая свое оправдательное письмо кс. Энгельгарт подчеркнул, что сделано им было это распоряжение «вовсе не в целях противодействия Административной власти Томской губернии, а только имея в виду, как верноподданного Российского, нравственное успокоение самих ссыльных, спокойствие целого края и исполнение в точности строгих требований начальства»[248].

Таким образом, благодаря настойчивому ходатайству томского курата Иосифа Энгельгарта, часть ссыльных католических священников получила официальную возможность в местах своего жительства устраивать на своих квартирах временные каплицы и совершать в них богослужения, духовно опекать живущих рядом единоверцев. Подобные богослужения проходили в Колывани, Бийске, Кузнецке и Мариинске. Отсутствие четких конкретных предписаний из центра на предмет правил поведения в сибирских губерниях ссыльных ксендзов, неточность и противоречивость указаний губернских властей позволяло и местным властям сквозь пальцы смотреть на богослужения, которые зачастую проводились полутайно ссыльными ксендзами не только в уездных городах, но и в сельской местности. Однако продолжались эти вольности только до середины 1867 года.

25 мая 1867 г. новый городничий Колывани обратился к губернатору с рапортом, в котором обратил внимание начальства на то, что с разрешения губернского начальства по представлению бывшего колванского городничего католика Борейши ссыльному ксендзу Николаю Сволкену было дозволено не только в Колывани, но и близлежащих селениях проводить богослужения и все духовные требы. А между тем такое дозволение противоречит § 19 инструкции для надзора за политическими ссыльными, доставленной в Колывань в конце апреля 1867 г. В данном параграфе инструкции

---

[247] Там же.

[251] Там же.

указано: «Начальник полиции строго наблюдает, чтобы высланные под полицейский надзор как с лишением, так и без лишения или ограничения прав состояния католические священники не совершали богослужения в своих квартирах или частных домах, а первые из них не совершали богослужения и в штатных костелах, священники же, высланные без лишения прав состояния могут совершать только так называемые тихие обедни, но только в штатных костелах. Начальник полиции также наблюдает, чтобы католические священники, состоящие под полицейским надзором отнюдь не произносили проповедей»[249]. В завершение рапорта городничий указал, что данное разногласие между буквой Инструкции и реальной практикой ввело его «в крайнее недоумение», и он просит дать ему четкие инструкции: дозволить или запретить ксендзу Сволкену проведение в Колывани богослужения в частном доме.

Томский губернатор, а это уже был не Г.Г. Лерхе, не желая брать на себя решение подобных вопросов, обратился за разъяснением к генерал-губернатору Западной Сибири А. Хрущову. Тот в ответном циркуляре от 22 июня 1867 г., ссылаясь на мнение министра внутренних дел, приказал сделать распоряжение о том, чтобы впредь до особых распоряжений «ксендзам, высланным в Сибирь по правительственным видам с ограничением или без ограничения прав не было дозволено совершать богослужения»[250].

Через два года, 29 августа 1869 г. генерал-губернатор, на этот раз ссылаясь на один частный случай, указал начальнику Томской губернии, что его распоряжение от 1867 г. о запрете богослужений ссыльными католическими священниками не выполняется. Поэтому он еще раз потребовал «строго подтвердить, кому следует о неукоснительном исполнении указанного выше предложения…»[251]. Для неукоснительного исполнения данного распоряжения генерал-губернатора Западной Сибири

[249] Там же. Л.115-116.
[250] Там же. Л.124-124об.
[251] Там же. Л.126.

томский начальник губернии издал 25 сентября 1869 г. предписание взять со всех находящихся на территории губернии ссыльных ксендзов расписки о том, что им ещё раз зачитано распоряжение о запрете «совершать тихие как обедни, так и никакого рода духовные требы». Находившиеся в это время на жительстве в Мариинске десять католических священников[252] данную расписку вынуждены были подписать в присутствии Мариинского окружного исправника 31 октября 1869 года[253].

Полный запрет на всякую религиозную деятельность всем без исключения ссыльным ксендзам продлился до осени 1870 года. Томский губернатор, транслируя запрет властей на религиозную деятельность ксендзов до сведения своих подчиненных, указывал, что если «разрешить сосланным ксендзам совершение ... духовных треб, то они разрешение это могут принять за особенное к ним снисхождение правительства и в этом случае весьма трудно будет за них поручиться в политическом отношении, ... принимая во внимание настоящее, неспокойное время не следовало бы разрешать ксендзам из польских ссыльных совершение духовных треб, которое сопряжено с разъездами...»[254].

Только в ноябре 1870 г. томский губернатор получил уведомление, что министр внутренних дел дал разрешение «в неотложных случаях и при неимении налицо других священников, … по особому на каждый случай разрешению начальника губернии»[255], допускать к свершению крещения, погребения и бракосочетания не лишенных прав состояния и духовного сана ссыльных католических священников.

Текст нового циркуляра генерал-губернатора был переправлен для ознакомления новому томскому курату Иустину Захаревичу с тем, чтобы он предложил назвать двух ксендзов из ссыльных, находящихся в Каинске и Мариинске,

---

[252] В. Юстинович, К. Коссиловский, Э. Корженевский, Д. Жук, Я. Демидович, А. Кржижановский, Н. Сволкен, И. Разводовский, Э. Буйно, И. Виткевич.
[253] ГАТО.Ф.3.Оп.4.Д.295.Л.140.
[254] ГАОО. Ф.3.Оп.6.Д.9789.Л.4об.
[255] ГАТО. Ф.3.Оп.4.Д.295.Л.129.

на кого «можно было бы возложить исполнение духовных треб и которые бы вполне оправдали доверие начальства и доверие это не употребили бы во зло…»[256]. Курат Захаревич указал на живущего в Каинске ксендза Георгия Волошинского и находящегося в Мариинске ксендза Якова Демидовича как на лиц, которые способны «вполне оправдать доверие начальства»[257]. В соответствии с этим мнением томский губернатор признал возможным «разрешить ксендзам из ссыльных Демидовичу и Волошинскому совершение духовных треб первому в Мариинске и округе онаго, а последнему в Каинске с округом с тем, чтобы каждое таинство совершалось с ведома и разрешения местных окружных исправников и чтобы церковные вещи, относящиеся до совершения таинств хранились у самих исправников и ими были выдаваемы ксендзам только тогда, когда требуется совершение таинства, а также ксендзы, отправляющиеся в округ, находились под строгим полицейским надзором...»[258].

Казалось бы, сложная проблема, связанная с духовным окормлением находящихся в сельских селениях Каинского и Мариинских округов католиков, была урегулирована: ксендзам Демидовичу и Волошинскому был разрешен выезд за пределы своих мест проживания. Однако через год, новым отношением генерал-губернатор напомнил томскому губернатору о том, что ссыльным ксендзам было разрешено совершать духовные требы католиков, «лишь находящихся в местах их жительства и то не иначе как по особому на каждый случай разрешению начальника губернии… и не должно быть и слова о предоставлении права дозволения ксендзам разъездов по округам…»[259].

Архивные документы свидетельствуют о том, что запреты ссыльным ксендзам совершать объезды селений в округах губернии для совершения духовного окормления своих

---

[256] Там же. Л.130-130об.
[257] Там же. Л.131об.
[258] ГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.9789.Л.10.

[259] ГАТО.Ф.3.Оп.4.Д.295.Л.136-136об.

соотечественников-поляков продолжались еще достаточно долго, впредь до освобождения от надзора полиции с дозволением «жить повсеместно». Томский курат Захаревич в этом деле мог рассчитывать только на своего помощника, викарного священника Валериана Громадского, присланного в Томск в 1869 году.

Говоря о состоянии Католической церкви на томской земле с середины 60-х гг. по 80-е гг. XIX в. можно констатировать, что это был период массового пребывания здесь не только политических ссыльных лиц римо-католического вероисповедания, но также достаточно большого количества лиц духовного звания римско-католической Церкви, таких же политических ссыльных. Совместное проживание в местах изгнания давало им возможность взаимно чувствовать и вести себя «почти как на родине».

Все католические священники, оказавшиеся в ссылке в это время, сохранили не только приверженность своему исповеданию, но, несмотря на выпавшие невзгоды и испытания, вели себя мужественно и самоотверженно, по мере возможности занимались просветительской деятельностью среди населения. По словам Б. Пилсудского, «если им это было позволено, они исполняли свои обязанности с достоинством и подлинной священнической самоотверженностью. Но, даже лишенными прав, среди верующих товарищей-ссыльных они были признаны духовными руководителями, которые несли невыразимое облегчение своей добродетелью и моральной деятельностью»[260].

[260] Пилсудский Б. Поляки в Сибири // Сибирь в истории и культуре польского народа. с.24.

Глава 12.

Из жизни «отца сибирских католиков». Валериан Громадский (1860 -1880-е гг.)

В двухсотлетней истории Томского Римско-католического прихода, официально утвержденного в начале XIX века и долгие годы по территории сравнимого с несколькими вместе взятыми европейскими государствами, связаны судьбы многих католических священников. Тех, кому выпало судьбой служить здесь или же быть в качестве ссыльного. Для одних из них пребывание в нашем сибирском регионе было всего лишь проходным эпизодом в жизни, для других служение здесь оставило глубокий незабываемый след, как в собственной душе, так и в душах своих прихожан, в памяти потомков. Надо сказать, что история Томского католического прихода XIX века – это яркая галерея портретов его настоятелей. Одним из выдающихся католических священников этого периода был почетный каноник Луцкой коллегии Валериан Громадский (1835-1917). С его именем связана целая эпоха в истории сибирских католиков.

В Сибири Валериан Громадский оказался в 1861 году в качестве поднадзорного политического преступника. Покинул же Сибирь о. Валериан в 1899 году, в самом конце XIX века в ореоле славы и почитания как «отца всех западно-сибирских католиков». Служению в Сибири им было отдано почти сорок лет, из них более 25 лет в качестве настоятеля прихода. Большая часть его жизни была связана с Сибирью, на его глазах выросло несколько поколений сибирских католиков, ему пришлось быть свидетелем и участником многих событий в их жизни. С его именем связано строительство католических храмов в Омске и селе Спасском Томской губернии, а также капитальная перестройка храма в Томске.

Жизненный и священнический путь о. Валериана Громадского начался на Украине, в Житомирской губернии. В 1854-1859 годы – учеба в Житомирской Духовной семинарии, в 1859 году был рукоположен в священники и стал настоятелем

Гроховского прихода на Волыни. Через два года последовала ссылка в Сибирь, в город Омск. В циркуляре МВД от 6 мая 1861 г. на имя генерал-губернатора Западной Сибири в отношении Валериана Громадского было сообщено, что «ксендз Гороховского костела Волынской губернии Громадский произнес 25 марта проповедь, которую заключил воззванием взяться за оружие, ... в последнее время в польских обществах начали слишком заниматься ксендзом Громадским и говорить о нем как о политике и проповеднике...»[261]. Обвинялся также в том, что, проживая в доме одного из помещиков, учил православных детей по католическому катехизису, не пропущенному цензурой. В связи с чем выслан в Омск под надзор полиции «для определения его викарным к какому-либо костелу под надзор местного настоятеля, но с воспрещением ему проповедовать и отлучаться из назначенного ему местопребывания, хотя бы и для совершения духовных треб...», а также принять меры к учреждению за ним негласного полицейского надзора, «чтобы ксендз сей не был допускаем к произношению проповедей и к обучению детей, какого бы они исповедания не были...»[262].

Вначале на его содержание было назначено от казны пособие по 15 коп. в сутки и по 1 руб. 50 коп. в месяц на наем квартиры[263]. Впоследствии его духовник, житомирский епископ Каспер Боровский обратился с письмом к могилевскому митрополиту с просьбой об опеке над ксендзом Громадским, ссылаясь на его плохое здоровье. Тот, в свою очередь, обратился в министерство внутренних дел с просьбой облегчить условия ссылки Громадского. Возможно, что эти ходатайства дали возможность получить о. Валериану по решению МВД через римско-католическую духовную коллегию пособие в размере 150 рублей, что было меньше

[261] ГАТО. Ф.3.Оп.54.Д.754.Л.4 -5.
[262] Там же.
[263] ГАОО Ф.14. Оп. 1. Д.496. Л.1112-1113.

содержания католического священника в Сибири, но больше простого рядового политического ссыльного[264].

Находясь в Омске, Громадский был назначен настоятелем местного католического прихода Непорочного зачатия Богородицы. С помощью прихожан и пользуясь благосклонностью местного начальства, в том числе генерал-губернатора Западной Сибири А.О. Дюгамеля, Громадский смог построить в Омске в 1862 г. при финансовой поддержке Альфонса Паклевского-Козелл небольшую церковь, третий католический храм в Западной Сибири. Проект омского храма был осуществлен военным инженером капитаном Г.С. Вершининым и получил Высочайшее одобрение 18 января 1862 г.[265].

По мнению некоторых исследователей истории польской ссылки в Сибирь ксендз Громадский не только активно общался в Омске с политическими ссыльными поляками, своими соотечественниками и прихожанами, но и с русскими, в частности с сибирскими «областниками» Г.Н. Потаниным, С.С. Шашковым, Н.М. Ядринцевым, впоследствии ставшими видными общественными деятелями Сибири. Что через Громадского последние поддерживали связь с поляками, членами тайного подпольного кружка, существовавшего в то время в Омске. Существуют ссылки на то, о. Валериан Громадский, узнав от своих покровителей о готовящихся в 1865 году арестах в Омске в среде местной демократически настроенной интеллигенции, через ссыльных поляков сумел предупредить Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина и других членов подпольного кружка об этом, и те успели уничтожить многие компрометирующие документы[266]. Однако говорить о конкретном участии Громадского в «польско-русских

---

[264] РГИА. Ф.826. Оп. 1. Д.616. Л. 6; W. Masiarz, Zarys dziejów kościoła i parafii rzymsko-katolickiej w Irkucku, s. 25; Andriej Maslennikow SJ.Rzymskokatolicka parafia w Tomsku na Syberii w latach 1812- 1991 // „Nasza Przeszłość" t. 93: 2000, s. 237.

[265] Лебедева Н.И. Костел и католическая община Омска: исторический очерк. // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы. Иркутск,2001. с.181-187.

[266] История Сибири. Т3. с.115.

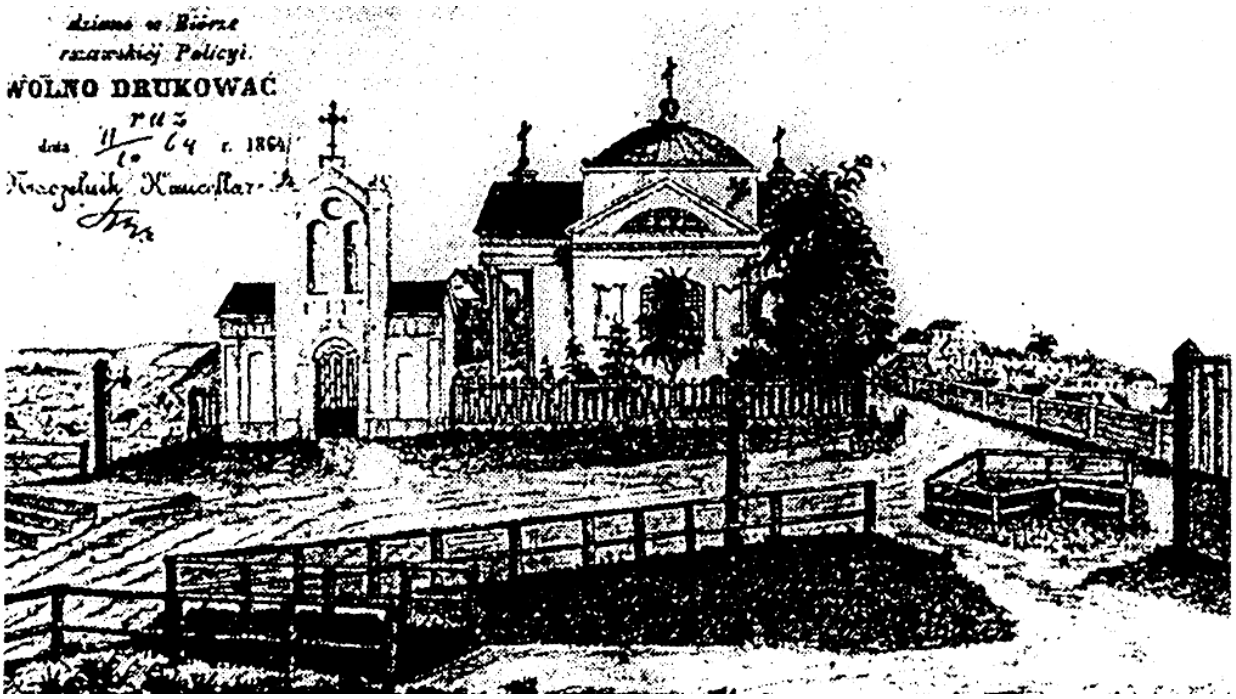
революционных связях» достаточно сложно ввиду отсутствия подтверждающих это архивных материалов. Следует учитывать, что он не был революционером, а был священником, для которого делом жизни была не политическая борьба, а духовная помощь своим единоверцам, где бы они не находились.

Живя в Омске под негласным полицейским надзором, о. Валериан, вопреки запретам отлучек из города, под предлогом лечения с целью духовного окормления своих единоверцев совершал поездки далеко от места своего постоянного проживания. Так, например, в 1864 г. совершил поездку в станицу Новониколаевскую, используя повод для лечения кумысом, но в 1865 г. в подобной поездке в Каркаралинский округ ему было отказано[267]. В мае 1868 г. ему было разрешено отправиться для лечения кумысом, «принимая во внимание болезненное состояние», в станицу Новую близ Омска, однако вскоре последовало распоряжение из министерства внутренних дел о его возвращении. В мае 1869 г. вновь было разрешено «временное пребывание Громадского в окрестностях станции Николаевской для пользования кумысом»[268]. Кроме того, по просьбе политического ссыльного Соболевского ксендзу Громадскому было дозволено отправиться в Петропавловский винокуренный завод «для свенчания его с девицей Гольштейн…, т.к. она по слабости здоровья не может приехать в Омск…»[269]. Судя по всему, посещал в эти годы о. Валериан и город Томск. Так, в письме одного ссыльного поляка, отправленного из Томска в конце ноября 1865 года, сообщалось, что в Томске «есть ксёндз Громадский, дельный молодой человек, присланный в 1861 году. Человек молод и способен...»[270]. Очевидно, Томск ему тогда понравился, т.к. вскоре о. Валериан сам обратился с прошением о своем переводе из Омска в Томск.

---

[267] ГАОО Ф.3. Оп. 6. Д. 7852. Л.164.
[268] ГАРФ.Ф.109.1 эксп.1861 г.Д.307.Л.14.
[269] ГАОО.Ф.3.Оп.5.Д.8256.Л.1-3.
[270] ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.1042.Л.1028.

Прошение было удовлетворено в 1869 году, когда власти решили выслать из Томска викарного священника Гриневского, обвинённого в высказывании во время проповедей «мыслей, несогласных с видами правительства»[271]. Вслед за переводом ксендза Громадского в Томск губернатору Н.В. Родзянко поступило предписание генерал-губернатора Западной Сибири А.П. Хрущова об учреждении и в Томске над ксендзом Громадским негласного полицейского надзора[272].



1.18. Томский костел. Рисунок 1864 г. Ю. Флека.

Находясь в должности помощника настоятеля Томского прихода до 1882 года, о. Валериан Громадский особенно много сил уделял душпастырской работе среди своих соотечественников, ссыльных польских повстанцев 1863-64 гг., отправленных на жительство в самые отдаленные места обширной Томской губернии и соседние с ней территории. В географии его поездок были, несомненно, селения и золотые прииски Мариинского и Кузнецкого округов, там, где находились католики. Поездки часто были сопряжены с риском для жизни из-за сурового климата и дальности

[271] ГАТО. Ф.3.Оп.54.Д.754.Л.1.
[272] Там же. Л.3об.

расстояний, но это не останавливало его от продолжения своей миссионерской деятельности. «Благодарение Богу, – писал о. Громадский в ноябре 1871 года своей матери, – со здоровьем у меня хорошо, и я в состоянии работать в винограднике Господнем для этих бедных людей...»[273]. Так, только в 1872 году о. Валериану пришлось проехать за полгода 9 тысяч вёрст, окрестить 100 детей, зачастую уже подростков, благословить 20 браков и выслушать исповеди нескольких тысяч человек. Как он отмечал в письме своей матери, «некоторые из тех, кто годами был лишён таинства покаяния, умерли вскоре после отпущения грехов, как будто только и ждали этой милости. Другие, те, кто был болен, после принятия таинств получили снова чудесным образом здоровье»[274].

Не только молитвой и утешением о. Валериан старался помочь своим ссыльным соотечественникам. Например, в 1870 г. он обратился с просьбой к начальнику Томской губернии за разрешением принять на себя опеку над группой детей католиков, оставшихся сиротами. На что томский губернатор Н.В. Родзянко не только не разрешил Громадскому взять на себя заботу об этих детях, но ещё раз своим собственноручно написанным распоряжением напомнил, что ему запрещено учить грамоте детей какого бы ни было исповедания, и приказал о. Валериану не отлучаться никуда из Томска и иметь бы занятие при одном костеле.[275] Более того, губернатор собственноручно обратился к курату Захаревичу с предложением устроить над Громадским надзор и никуда его не командировать для исполнения духовных треб, не позволять ему говорить в костеле проповеди, а также «немедленно дать знать ему лично, если за Громадским будет замечено что-либо предосудительное»[276].

В 1883 году после перевода Иустина Захаревича из Томска в Санкт-Петербург на должность настоятеля прихода Успения Пресвятой Девы Марии на Выборгской стороне о. Валериан

---

[273] Сибирский миссионер // Сибирская католическая газета.1998г. № 12. с. 32.
[274]Там же.
[275] ГАТО. Ф.104. Оп.1.Д.362.Л.37.
[276] Там же. Л.38.

был назначен Могилевским архиепископом на должность настоятеля Томского прихода и исполнял эту должность до 1899 года, прожив в здесь 30 лет, чем немало гордился. Как указывал в своей работе историк Александр Мацеша, «ксёндз Громадский, человек воспитанный высокой культурой,

1.19. кс. Валериан Громадский (?). «Варшавская фотография» Ержинского в Томске.1890-е гг.

сумел объединить при костёле слои польской интеллигенции и найти способ обратить внимание к проблемам томских католиков светские и религиозные власти, многих влиятельных людей в Польше. За время его нахождения в должности курата прихода томский костёл и его квартира были не только центром религиозно-национальным, но и культурно-общественным…»[277].

Понимая насущную необходимость расширения здания томского храма, ибо оно уже давно не вмещало в себя всех прихожан города Томска не только во время праздников, но и в обычные дни, настоятель прихода В. Громадский решился на расширение церкви и подал соответствующие ходатайства по инстанциям. Обосновывая необходимость расширения храма в своем письме губернатору от 17 мая 1889 г., указал, что к приходу Томской римско-католической церкви принадлежат Томская губерния, Семипалатинская, Акмолинская и Семиреченская области. Всех прихожан считается до 10 тысяч человек, из которых в г. Томске проживает около 1500 человек и в ближайших к городу селениях и деревнях еще около 600 душ[278]. 15 января 1890 г. курат Громадский наконец получил от губернатора уведомление о разрешении начать пристройку к костелу[279].

Несмотря на то, что денег в полном объеме на предполагаемые работы в кассе прихода не было, ремонтные работы были начаты. В ходе разборки передней стены храма была обнаружена и предупреждена катастрофа, последствия которой были бы трагичны для многих сотен прихожан. При детальном осмотре оказалось, что все балки потолка храма сгнили «совершенно на всем своем протяжении, а потолок же держался только на одной подшивке и каждую минуту угрожал обрушиться на головы молящихся»[280].

---

[277] Aleksander Maciesza, Dzieje Kolonii Polskiej w Tomsku 1604 -1900. Przeszłość .nr 7. 1934 r. s. 114.
[278] ГАТО. Ф.3. Оп. 41. Д. 117. Л.2.
[279] Там же. Л.19.
[280] Там же. Л.31.

Угрожающее состояние здания требовало более значительного объема ремонта, чем ранее предполагалось по проекту и смете. Учитывая все вышеизложенное, строительный комитет прихода постановил «по настоятельной необходимости» немедленно приступить к разборке потолка и крыши и настилке их вновь, чтобы не дать размокать от дождя находящемуся внутри храма имуществу, для чего впредь до получения пособия занять необходимые для этого средства и взять в кредит материал»[281].

10 июня 1890 г. возле развалин томского костела настоятель Громадский при огромном стечении прихожан совершил мессу по случаю начала перестройки храма. В своем слове, сказанном после богослужения и молебствия за здравие императора и всего вгустейшего Дома, в частности, сказал: «Мы стоим теперь, братья, на развалинах нашей церкви. Какое печальное и поражающее душу зрелище представляется глазам нашим. То, что создано руками человеческими время медленно уничтожило. Смотря на это дело разрушения, не один поникнет головой и, если он глубоко верующий, то воскликнет: «О как велик Ты, Боже, в милосердии своем!» Ибо вот этот потолок, который сами вы теперь видите, – как меч домоклов висел над нашими головами. Стоя на этих развалинах, мы стоим как бы над большой глубокой могилой, от погребения в которой заживо нас охранило милосердие Божие. Быть может, молитва праведного защитила нас от этого несчастья; быть может, ради невинных чистых созданий, маленьких детей наших, которые могут остаться сиротами, пощадило нас Провидение Божие; или молитва верующей и добродетельной матери, охраняя от несчастья ее дитя, услышана Богом, и мы остались невредимыми…. В настоящее время мы приступаем к закладке углового камня (закладке фундамента) той части, которая теперь имеет быть пристроена к храму. Вы, многоуважаемые прихожане, приглашены, дабы участвовать в этом освящении; дабы нам всем вместе просить

[281] Там же.

Господа Бога о скором окончании начинающегося ремонта нашей святыни и всем участвовать в торжестве возобновления того, что разрушило время. Вспомним, братья, сколько святых, посвященных Богу минут, проведено нами в стенах сего храма, ныне пустых и безмолвных! Неужели стены эти останутся пустыми и безмолвными на долгое время? Неужели мы будем равнодушно смотреть, как камень за камнем будет валиться с разрушающихся стен на землю и ни одна слеза не оросит такого падения, ничье сердце не забьётся святым желанием скорее, скорее отвратить это постигшее нас бедствие? О, нет! Не допустим дальнейшего разрушения нашей святыни; воздвигнем ее сильной рукой и крепкой волею! Поделимся с Богом последней нашей копейкой, хотя бы она и много стоила в нашей трудовой жизни. Вера отцов наших воздвигла эту церковь, – вера же наша сумеет возобновить ее. Сколько поколений, последовавших за сооружением храма, благословляло зиждителей его; да станется так, чтобы и грядущие за нами поколения благословляли нас за возобновление его. Сделаем все возможное во славу Божию и приступим к делу в надежде на помощь провидения. Вспомним, что если не будем жалеть своих трудов и жертв, то верующие вновь наполнят возобновленную святыню Господню, и не одно поколение сойдет в могилу, прах его истлеет, – а в деле рук наших, в возобновленной святыне, – будет возноситься к престолу Царя царей молитва, и совершаться искупительная жертва за грехи наши…

Вспомним все мы, что этот храм был свидетелем наших страданий, тревожных минут и радостей, что много пролито в нем слез и много вынесено из него утешения. Братья! Наши предки, малочисленные в этой стране, но сильные верой, чувствуя потребность в общей молитве, работая в поте лица, воздвигли этот храм! Много времени прошло с тех пор, и многое изменилось. Остыла вера, а с верой и любовь, но цепь, которая соединяла все сердца, хотя и ослабла, но не разорвалась, а общие нужды ее поддержат. В несчастии сердца находят отраду в общении. Вознесемтесь же сердцем

к Престолу Сына и Его Матери, - той Матери, святое изображение которой с этой иконы смотрит на наше горе. Отдадимся попечению Ее с мольбой о ниспослании милости и представления возможности вновь отстроить храм во имя Ее. Аминь»[282].

Откликаясь на страстный призыв настоятеля «поделиться с Богом последней копейкой» прихожане понесли в храм свои сбережения, однако их явно было недостаточно. В 1891 г. Громадский совершил поездку в Рим, где был принят Папой Леоном XIII, которому отчитался о своей службе в Сибири и условиях, в которых находится его работа. Из Рима Громадский привёз для своих прихожан благословение Папы, которое огласил торжественно после соответствующей проповеди[283]. Очевидно, вместе с благословением Папы римского курат Громадский привез также и часть средств, необходимых для продолжения ремонта. Впоследствии в 1893 г. Министр внутренних дел «дал согласие о выдаче пособия в 6 тысяч рублей на ремонт и расширение Томской

1.20. Костел в г. Томске. Фото начала XX в.

[282] «Сибирский вестник» № 67, 1890 г.

[283] Aleksander Maciesza, Dzieje Kolonii Polskiej …, Przeszłość .nr 7. 1934 r. s. 114.

римско-католической церкви с отнесением этого расхода на суммы по содержанию римско-католического духовенства в Сибири»)[284].

Проведённая в 1890-1894 годах под руководством ксендза Громадского основательная реставрация костела сделала его одним из лучших культовых храмов Томска.

Расположенный в историческом центре на Воскресенской горе, возвышающейся над городом, он производит и сегодня особенное впечатление своим классическим «итальянским» стилем. Большая заслуга о. Валериана состояла и в том, что внутренний вид храма обогатился новыми иконами – шедеврами мировых мастеров в хороших копиях польских живописцев. Как писал один из дореволюционных хроникеров, «богослужения, проводящиеся торжественно, прекрасное окружение, прекрасная игра на органе, приятное хоральное пение, искусная музыка любителей были для верующих религиозным вдохновением, которое давало утешение страдающим, преследуемым и угнетённым. Для равнодушных к религии, уставших от жизни пребывание в костёле давало ряд впечатлений, которые возвышали душу, позволяли на некоторое время забыть о будничном окружении…»[285]. 8 сентября 1895 г. состоялось торжественное освящение отремонтированного здания храма.

Помимо реставрации пришедшего в ветхость здания храма при ксёндзе Громадском было приведено в порядок католическое кладбище Томска, открыта читальня для прихожан, учреждено римско-католическое благотворительное общество, в котором о. Валериан был избран в его пожизненные почетные члены.

1 сентября 1893 г. прихожане храма торжественно отметили 25-летие пастырского служения ксендза Громадского. В его адрес пришли поздравления с разных мест Сибири и из Польши, поздравления от томского губернатора Тобизена и других официальных лиц. Как указывает доктор Александр

---

[284] ГАТО. Ф.3. Оп. 41. Д. 117. Л. 62.

[285] Aleksander Maciesza, Dzieje Kolonii Polskiej …, Przeszłość, nr 7. 1934 r. s. 117.

Мацеша, очевидец празднования юбилея ксендза Громадского, трогательна была тогда речь юбиляра, который в своём выступлении перед присутствующими сказал следующее: «Плакал с вами, когда вы плакали, утешался, когда вы радовались, болезнь вашего сердца всегда была моей болезнью. Ваше счастье было всегда моим наибольшим счастьем. Некоторые из вас выросли на моих глазах. Я уже клонюсь к старости, а вы, мои дорогие, выросли на этой дороге, вступайте и упорно по ней идите. Живите так, как будто через час умрёте, а поступайте так, как будто никогда этого света не оставите...»[286].

Желая отметить заслуги Громадского, синдики томского прихода В. Каупович, Ю. Ержинский и В. Родзевич от имени всех прихожан обратились к губернатору с прошением ходатайствовать перед Могилевским архиепископом о награждении курата за его «полезную и высшей степени благородную деятельность и выдающиеся заслуги»[287]. Томский губернатор, препровождая это ходатайство по инстанциям, от себя добавил, что со своей стороны также считает своим долгом засвидетельствовать «об отлично-усердной службе ксендза Горомадского» и выразил желание наградить Громадского наперстным крестом[288]. В апреле 1895 г. из столицы поступило сообщение, что 2 апреля 1895 г. состоялось Высочайшее соизволение о пожаловании курату Томской римско-католической церкви Валериану Горомадскому за свою многолетнюю усердную службу в Сибири наперстного креста[289].

Много времени уделяя перестройке храма в Томске и его обустройству, о. Валериан в то же время не забывал прихожан, живущих далеко от губернского города, как и двадцать лет назад, регулярно совершая длительные поездки по приходу. Особой его заботой было строительство молитвенного дома

---

[286] Там же. s. 118.
[287] ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.3303.Л.1.
[288] Награда для священнослужителей, лично утверждена императором в 1843 г.
[289] ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.3303.Л.4.

в селе Спасском Каинского уезда[290]. В 1894 г. Громадский добился разрешения Министра внутренних дел на сооружения здесь каменного молитвенного дома, в марте 1895 г. проект храма был одобрен Строительным отделением губернского Управления и препровожден курату с разрешением начать стройку.[291] Через год храм был уже построен и 15 августа 1896 г. освящен под именем св. Петра и Павла (Успения Пресв. Богородицы). При храме был учрежден свой причт, содержащийся на средства прихожан, а не государства. Заботясь о материальном благополучии священников, о. Валериан обратился с письмом на имя министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолову с просьбой о наделе причта Спасского католического прихода участком земли в 150 десятин. В письме указал, что это было бы полезно не только для улучшения материального обеспечения тамошнего духовенства, но и «в смысле распространения в населении полезных сельскохозяйственных знаний»[292].

Следует отметить, что длительные разъезды Громадского по приходу в самые отдаленные места приводили к тому, что в самом губернском Томске он проводил очень мало времени, что не устраивало некоторых томских прихожан. Так, например, один прихожанин томского костела в своем письме в Могилевскую курию в Санкт- Петербурге сделал упрек в адрес В. Громадского, что тот часто бывал в разъездах и потому мало уделял внимания костелу и прихожанам, живущим в Томске[293]. Впрочем, этого анонимного недоброжелателя Громадского не устраивало и то, что костел здесь был выстроен слишком маленьким в сравнении с количеством имеющихся в городе католиков и то, что язык, культура, «обычаи русские» якобы оказывали большое влияние на настоятеля, а через него и на часть прихожан. Что о. Валериан, живя здесь, имел в своей квартире

---

[290] Совр. п. Венгерово, районный центр Новосибирской обл.
[291] ГАТО.Ф.3.Оп.42.Д.1902.Л.2.
[292] РГИА.Ф.821.Оп.125.Д.689.Л.15-16.
[293] РГИА. Ф.826. Оп. 1. Д.1074. Л.22-26.; Rzymsko-katolicka parafia w Tomsku na Syberii w latach 1812- 1991.s. 240.

православный крест, читал библию на русском языке, что во время молитв и встреч с лицами города вел себя как православный священник», а также в том, что якобы «на православный манер распорядился привязать к колоколам шнуры…»[294].

В 1898 году курат римско-католического прихода в Томске Валериан Громадский, ссылаясь на старость и расстроенное почти 38 летней службой в Сибири здоровье, подал в департамент Духовных дел прошение о назначении ему пожизненной пенсии в размере 600 рублей в год «с сохранением полученных им со времени поступления на службу в Сибири добавочных 150 рублей». Томский губернатор поддержал это прошение, указав, что назначение ксендзу Громадскому пенсии в количестве 750 рублей «вполне заслуживает удовлетворения ввиду его долголетней и безупречной деятельности и может рассматриваться в указанном размере как награда»[295].

Через год все формальности с увольнением его со службы были выполнены и 1 января 1900 г. курат Громадский был уволен с должности настоятеля томского прихода и получил разрешение выезда на родину с условием того, что по новому месту жительства не будет проводить никаких богослужений кроме тихой святой мши[296]. Даже по истечении 38 лет он по-прежнему считался ссыльным и находился под негласным надзором полиции...

Решение об увольнении со службы уже не застало Валериана Громадского в губернском городе, так как он выехал из Томска еще в октябре 1899 года, подав прошение об отпуске. Как писал в своей работе А. Мацеша, 10 октября 1899 года произошло трогательное прощание прихожан томского костёла с ксендзом Громадским, покидавшим Томск. Прихожане отдавали себе отчёт, что прощаются со своим настоятелем навсегда, т.к. из-за своего преклонного возраста

---

[294] РГИА. Ф.826. Оп. 1. Д.1074. Л.22-26.; Rzymsko-katolicka parafia w Tomsku na Syberii w latach 1812- 1991.s. 240.
[295] ГАТО. Ф.3.Оп.12. Д.3055. ЛЛ.16,17.
[296] РГИА. Ф.826. Оп. 1. Д.1074. Л.22-26.; Rzymskokatolicka parafia w Tomsku, s. 240.

и истощения сил в результате многолетней работы он был уже не в состоянии работать в таком обширном приходе, как Томский, насчитывающим в то время до 18 тысяч верующих, рассеянных на территории 12 тысяч кв. миль, почти в два раза больше Польши[297].

Ценя его огромные заслуги и прощаясь с ним с большим сожалением, прихожане вручили о. Валериану альбом со своими фотографиями, а также учредили стипендию его имени при вновь созданном при храме приюте для детей сирот.

Вначале Громадский выехал к матери в Житомир, а через несколько месяцев, когда мать умерла, обосновался при семинарии в Житомире, где в молодости учился. Там он исполнял обязанности прокуратора Духовной Семинарии до 1912 года, впоследствии служил настоятелем Славутского прихода Изяславского деканата.

Живя вдали от Сибири, о. Валериан не порывал связи со своими бывшими прихожанами, ведя с ними переписку и интересуясь жизнью прихода, которому посвятил много лет своей пастырской деятельности. Не забывали его и в Сибири. Так, в 1909 году газета «Сибирская жизнь» сообщила, что по случаю 50-летия духовной службы Громадского в Житомир в его адрес от Томского римско-католического благотворительного общества была направлена депеша-поздравление. Вспоминая его, в газете отмечалось, что «пастырь этот, пользовавшийся общей симпатией, оставил по себе добрую память как человек кроткий и отзывчивый, даровитый проповедник и достойный руководитель полезных начинаний»[298].

---

[297] Aleksander Maciesza, Dzieje Kolonii Polskiej …, Przeszłość, nr 7. 1934 r. s. 113.
[298] «Сибирская жизнь» 24 марта. 1909 г. с.4.

Глава 13.

Из истории католических кладбищ Томска (часть I)

Не ставя перед собой задачу изложения истории всех томских кладбищ, но, по возможности, собрав воедино «преданья старины глубокой», воспоминания старожилов - томичей, а также сведения из местных архивов, постараемся более полно рассказать об истории существования в этом старом сибирском городе католических кладбищ, которых, как выясняется, в его истории было несколько.

Как уже указывалось, практически с первых лет существования Томска в его строительстве, обороне от неприятеля, несении «государевой службы» на протяжении всего XVII века принимала активное участие томская «Литва». Не все из них были католиками, многие, оставшись на службе, перешли в православие, но были и такие, кто не прельстился выгодами перехода в православие, твёрдо придерживался веры своих отцов и иногда долгие годы ждал заключения очередного перемирия Речи Посполитой с Русью, чтобы возвратиться домой при обмене пленными. Далеко не всем было суждено вернуться в свои родные места, у кого-то земной путь завершился на нашей сибирской земле…

Где хоронили в старинном Томске XVII века представителей не православной «литвы» и «немчин», сведений до наших дней не дошло, во всяком случае, на приходских православных кладбищах их хоронить не дозволялось и, как правило, таких людей хоронили на специальных кладбищах за городом. Сколько таких «нерусских» кладбищ было в Томске и где они находились, мы не знаем и можем строить на этот счёт только предположения. Из различных источников известно, что довольно большое старинное иноверческое кладбище находилось в районе нынешней площади Соляной и второго учебного корпуса ТГАСУ.

Следующий значительный период появления в Сибири западных католиков и лютеран связан с эпохой Петра Великого. Известно, что по его приказанию были высланы в Сибирь сторонники польского короля Лещинского, а затем пленные шведы после поражения в Северной войне 1700-1721 гг. С именем великого российского самодержца-реформатора связано также значительное привлечение на русскую службу иностранцев, часть из которых честно и преданно служила новому отечеству, но не пожелала менять своё католическое или протестантское вероисповедание. О тех временах напоминает нам в Томске так называемая Шведская гора, вернее, только небольшая сохранившаяся её часть. По местному преданию, гора эта получила такое иностранное название потому, что здесь были похоронены пленные шведы, присланные в Томск на жительство из Тобольска в 1714 году. Среди них были офицеры и пастор, постоянно жаловавшиеся на крайне дурное обращение с ними местных жителей и начальства[299]. Это место ещё в середине XIX века было отмечено высоким четырёхконечным католическим крестом, возвышавшимся над Шведской горой. О том, что здесь похоронены католики, указывал не только католический крест, но и сохранившаяся чугунная плита с надгробия бывшего томского коменданта француза де Вильнёва. Умер этот комендант в Томске в 1794 году, а ровно через сто лет, уже в конце XIX века настоятель томского костёла Валериан Громадский сумел с этого уже разрушенного и практически переставшего существовать иноверческого кладбища спасти только эту плиту с могилы человека, оставившего о себе весьма интересные сведения в летописи города.

Как писал А. В. Адрианов, указанную плиту он видел у входной площадки в костёл между каменными плитами, куда она была перенесена ещё в конце XIX века по распоряжению ксендза Громадского с кладбища и тем спасена им

[299] История названия томских улиц // Томск, 1998. с .88.

от уничтожения, так как неоднократно была уносима с единственной сохранившейся могилы «практическими обывателями в качестве шестка для русской печи»[300]. В то же время бесследно исчезла другая могильная чугунная плита, которую видел в ограде костёла А. В. Адрианов, заложенную симметрично первой по другую сторону площадки со стороны входа в костёл, которую, как утверждает краевед Адрианов, ксёндз Громадский увёз с Соляной площади, где прежде находилось старое католическое кладбище. Вот какое он даёт описание этому надгробию: «В верхней части плиты изображён шестиконечный крест, в нижней – два каких-то предмета, положенных на крест. Между ними заключена 7 строчная надпись по-польски: *S poczywaia zwloki. pamięci Zygmunta Zenowicza, Urod. się w Litwie 1742, Umart 13 january 1830 r. Syn óycowi.* То есть – покоится прах. Памяти Зигмунда Зеновича, родился в Литве 1742 г., умер 13 января 1830 г. Сын отцу»[301]. Неизвестна судьба и других могильных плит из костёльной ограды.

Мы не знаем и теперь вряд ли узнаем доподлинно, с одного или разных католических кладбищ Томска были свезены в костёльную ограду описанные выше могильные надгробия, кто и когда был похоронен рядом с этими людьми… По одному из преданий известно, что где-то здесь был похоронен находившийся в томской ссылке с семейством католик камергер Двора Е.И.В. Анны Иоановны Карл Лилиенфельд, умерший в Томске в 1759 году.

Со временем из памяти томичей исчезли не только сведения об упоминаемых кладбищах, но и даже точные ориентиры самой Шведской горы[302]. На месте же старинных

---

[300] Город Томск. 1912 г. с. 108.

[301] Город Томск. 1912 г. с. 109.

[302] А. В. Адрианов, а за ним и многие другие краеведы ошибочно указывали её местонахождение в районе Каштака. В ходе дополнительного изучения старых городских карт выяснилось, что Шведской горой называли возвышенность слева при подъёме по Кузнецкому взвозу, в настоящее время частично срытую при расширении взвоза и прокладке по нему троллейбусной линии.

кладбищ в районе Соляной площади сейчас стоят здания учебных корпусов ТГАСУ и здание губернского суда.

Упоминание об ещё одном совершенно забытом старом католическом кладбище Томска было обнаружено нами неожиданно при чтении старых архивных материалов. Судя по документам, располагалось оно в южной части города, т. е. совершенно в противоположной стороне от упоминавшихся нами католических захоронений на Шведской горе и Соляной площади. Этим местом был район построенной в 1865 году на деньги купца Петрова православной церкви во имя Святителя Иннокентия Иркутского Чудотворца, прозванной местными жителями «Инокентьевской». Давая разрешение на постройку указанной церкви в указанном месте, губернский архитектор Македонский дал ориентир этому месту как находящемуся «близь прежде бывшего католического кладбища…»[303]. По данным томских краеведов, находилась эта церковь в районе нынешнего студгородка по улице Вершинина, разобрана до фундамента в начале 50-х годов[304]. Что касается территории католического кладбища в этой части города, то, судя по ориентирам, оно уже к концу XIX века было застроено различными постройками Иоанно-Предтеченского женского монастыря, основанного на этой территории указом св. Синода от 1876 г. Впоследствии в ограде монастыря было разбито своё монастырское кладбище, а рядом располагалось новое городское Преображенское кладбище, имеющее лютеранский и военный кварталы. Когда же здесь было основано упоминаемое в этой местности «старое католическое кладбище» и до какого времени выполняло свои функции, нам установить не представилось возможным. Одно ясно, что все эти «старокатолические» кладбища были в Томске до начала XIX века, когда ещё в городе не было католических священников и не существовало своей официально зарегистрированной католической общины.

---

[303] ГАТО. Ф.3. Оп.4. Д.261. Л.1.

[304] Г. Скворцов. Град небесный. Народная трибуна. 6 мая 1992 г.

С учреждением в 1807 г. в Томске католической общины и чуть позже с прибытием сюда ксендзов-иезуитов католическому приходу Томска было выделено место для захоронения своих единоверцев рядом с городским православным Вознесенским кладбищем за городом по Иркутскому тракту, где также было размещено единоверческое и еврейское кладбища.

1.21. Могила ссыльного Эдварда Твардовского на католическом кладбище Томска. 1866 г. Рисунок Ю. Флека.

Расположено католическое кладбище вдоль Иркутского тракта по его левой стороне (если ехать из города) сразу за

еврейским. Дальше за ним тянулся обширный пустырь, на котором в 1871 году был построен «пересыльный замок» для приёма и распределения арестантских партий, следующих через Томск дальше в Восточную Сибирь. Вначале этот замок был выстроен в деревянном исполнении и обнесён такой же деревянной тыновой оградой. Позднее в 1891-1895 годах на этом месте были построены кирпичные корпуса пересыльной тюрьмы, кирпичными стали и высокие стены тюремной ограды. На территории «замка» в 1873 г. на средства томского купца-мецената Захария Цыбульского была построена православная церковь во имя Великославного Спаса[305].

Было нечто символическое в соседстве тюремных стен, куполов храма и кладбищенской ограды. Для немалого числа ссыльных и следующих на каторгу поляков в продолжение почти всего XIX века стены губернского тюремного замка, этой пересыльной тюрьмы и расположенное рядом с пересыльной тюрьмой кладбище были главными впечатлениями от пребывания в Томске. Многих своих друзей и соседей по этапу выносили они из ворот тюрьмы на расположенный рядом погост. Кто и когда был похоронен на нём первым, мы не знаем, но то, что среди захороненных на нем в течение второй половины XIX века преобладали ссыльные или бывшие ссыльные, говорят статистические данные.

По воспоминаниям мемуариста, на католическом кладбище при ксендзе Енгельгарте в 1866 году была построена небольшая часовня[306], а позднее уже при ксендзе Валериане Громадском сооружена костёльная ограда и приведена в порядок территория кладбища[307]. В этой часовенке совершались регулярные богослужения во время ремонта и расширения костела в начале 1890-х годов. По всей видимости, впоследствии она из-за ветхости была разобрана, а вместо неё в 1911 году вблизи ворот на центральной алее кладбища по духовному завещанию и на средства купца

---

[305] Г. Скворцов. «Беловодье». «Томский вестник». 14.06. 1991 г.
[306] Aleksander Maciesza, Dzieje Kolonii Polskiej …, Przeszłość. nr 7. 1934 r. s.107.
[307] Истина и Жизнь. № 6. 1992г. с. 40 // «Przeglad powszechny» № 3, 1992 r.

2 гильдии Антона Шилкевича была выстроена небольшая из красного кирпича часовня во имя Св. Антония Падуанского, освящённая 13 июня 1911 г. ксендзом деканом Иосифом Демикисом. Построенная в готическом стиле, высокая, она имела в основании размер всего 2,5 м. на 2,5 м. Узкие стрельчатые окна были расположены на восточной и западной стенах часовни, двухстворчатая железная дверь с стеклянными витражами выходила на юг. Внутри часовни находился узкий мраморный подиум, на который устанавливали гроб с умершим для отпевания.

Со стороны Иркутского тракта кладбище имело ограду из красного кирпича, в верхней части ограды между кирпичными квадратными столбами были установлены железные кованые решётки в «клетку». Главная аллея кладбища до часовни и площадка у часовни были обсажены молодыми кедрами. Со стороны тюрьмы кладбище было окопано глубокой (до 1,5 метров) канавой и обваловано валом.

Как вспоминают старожилы, на территории указанных кладбищ: единоверческого, еврейского, католического, как и на территории православного и в полосе между католическим кладбищем и тюрьмой, рос довольно густой старый высокий берёзовый лес. На задах кладбищ и тюрьмы находился крутой, обрывистый, поросший понизу густым черемушником, тальником и высоким бурьяном ров, пользующийся среди томичей дурной славой. Издавна за ним прочно закрепилось название «страшного», а позднее «расстрельного» рва.

Внутри обширного кладбищенского комплекса продолжительное время ограждений между находящимися там кладбищами не было, что позволяло любопытствующим посетителям, склонным к таким своеобразным прогулкам, без труда совершить путешествие по всем находящимся в этом месте некрополям: православному, единоверческому, иудейскому, католическому. Любители пофилософствовать о бренности сущего могли найти в ходе таких прогулок здесь самую подходящую обстановку для своих размышлений. Возможно, что и о том, как эта сибирская земля равно приняла

в своё лоно ортодоксального иудея, ревностного католика, истинно православного русина, непоколебимого старовера, примирив и породнив всех между собой… Примечательно, что единоверческое и еврейское кладбища имели здесь со стороны Иркутского тракта общие ворота, как общими у них была и сторожка – высокий одноэтажный в 4 окна деревянный дом[308].

Аккуратное, отгороженное от проезжей части Иркутского тракта ажурной железной оградой, католическое кладбище в конце XIX – начале XX века было одной из достопримечательностей города. Его скромные надгробия, фамильные склепы, великолепные мраморные памятники содержались в идеальной чистоте. Недалеко от кладбищенского комплекса в районе Белого озера располагалось в XIX веке немало мелких чугунно-литейных, кузнечных и скульптурных мастерских, способных выполнить самые изысканные и сложные заказы своих клиентов. Так, например, в мастерские Карих и Кочерженко поступал для кладбищенских памятников мрамор, гранит и базальт самых разных цветов и оттенков, включая исключительно чистый и яркий по белизне белый мрамор из каменоломен Флоренции и острова Капри[309].

Отвлечёмся на время от изложения истории католического кладбища и описания его надгробий, оград, памятников…, но вспомним тех, кто нашёл здесь свой последний приют. Последующие события стёрли с лица земли это кладбище вместе с надгробиями и памятниками, но память человеческая сохранила воспоминания о похороненных здесь людях, помогли вспомнить о них и сохранившиеся архивы. Имеющиеся в ГАТО метрические книги Томской римско-католической церкви и в небольшой степени опубликованные в местной прессе извещения-некрологи позволили не только определить некоторые важные стороны жизни католического прихода с 1841 по 1920 год, но и персонально установить

---

308 ГАТО. Ф. Р-1954. Оп.1. Д.3. Л.126.

309 Г. Скворцов. «Беловодье». «Томский вестник». 14.06.1991 г.

фамилии и имена похороненных на этом месте погребения за более чем полувековой период его существования[310].

По метрическим книгам удалось установить, что только с 1841 по 1920 год на этом кладбище было похоронено более 4800 человек. У каждого из них была своя судьба: горькая, трагическая, счастливая… Мы не сможем сейчас найти их могилы, чтобы к ним подойти, прочитать надгробные эпитафии, постоять, помолчать…, но мы о них теперь знаем, мы их помним. Страшнее всего, когда о человеке забывают. Не зря говорят, что человек живёт до тех пор, пока о нём помнят. Помнят родные, близкие, друзья, знакомые, просто люди.

Здесь были похоронены люди самого разного возраста: от грудных младенцев до столетних стариков; разного социального положения: от генерала до бездомного бродяги-каторжника. Пожалуй, это было самое многонациональное в городе кладбище. В перечне некрополя мы встречаем часто немецкие, австрийские, чешские, литовские, латышские, словацкие фамилии, можем увидеть русские, итальянские, французские, бельгийские фамилии, однако явно преобладают здесь польские фамилии и имена, что в своё время давало местным жителям полное право называть это кладбище польским.

До наших дней не сохранилось описания торжественных церемоний отпевания умерших в костёле Томска. Пожалуй, только однажды местная газета «Сибирская жизнь» опубликовала заметку, в которой описывалось траурное богослужение 14 марта 1887 года в томском костёле по поводу смерти известного польского писателя И. Крашевского и, на основании которой мы можем судить, как совершались подобные траурные службы по случаю смерти именитых томичей-католиков. Вот эта заметка:

«Вчера в 10 утра в здешнем костёле католическом состоялось траурное богослужение по поводу смерти знаменитого польского

---

[310] Ханевич В.А., Караваева А.Г. Католический некрополь города Томска. 1841-1920. Томск, 2001.

писателя И. Крашевского. Маленький костёл с трудом мог поместить всех желающих почтить память умершего; кроме здешней польской колонии было также много россиян. Богослужение происходило чрезвычайно торжественно, чему в значительной степени способствовала прекрасная игра на органе, дивное трогательное пение и все аксессуары богослужения. Гроб, поставленный на катафалке посреди костёла был убран цветами, зеленью и венками, среди которых был один от «детей». В изголовье гроба стоял портрет Крашевского, украшенный цветами с надписью на русском и польском языках. Во время мессы было исполнено при звуках органа «Benediktus» Бетховена, «Молитвы» Страделли, «Crucifux» Duct Tora и «Ave Maria» Баха. Волнующее пение молодых женских голосов и тенора вызвало слёзы у многих»[311].

В истории католического кладбища Томска, как в зеркале, нашла своё отражение история многочисленной польской колонии этого сибирского города во второй половине XIX века и первых десятилетий уходящего бурного XX столетия. Здесь были похоронены участники польских восстаний 1831-1832 и 1863-1864 гг. и члены их семей, ссыльные ксендзы, служащие и инженеры управления Сибирской железной дороги, врачи и землемеры, преподаватели томских вузов и учителя городских гимназий, чиновники различных учреждений и ведомств, польские переселенцы времён земельной реформы Столыпина, военнопленные австро-венгерской армии первой мировой войны…. Персонально установлено порядка 5 тысяч имен[312].

С каждым годом росла численность католической общины Томска, но вместе с этим росла и потребность в дополнительных местах на кладбище, площадь которого становилась мала. Это обстоятельство заставило настоятеля Томской римско-католической церкви Иосифа Демикиса вместе с синдиками костела обратиться в сентябре 1912 года в городскую Думу и городское правление с просьбой прирезать к католическому кладбищу дополнительный участок земли

---

[311] Сибирская жизнь.1887, 15 марта.

[312] Ханевич В.А., Караваева А.Г. Католический некрополь города Томска. 1841-1920. Томск, 2001.

в «29 аршин в длину и 33 аршин в ширину»[313] за счёт пустыря, располагавшегося между глубоким оврагом, прозванным Страшным рвом, и задней стороной католического и единоверческого кладбищ.

Следует сказать, что такое желание местных католиков расширить территорию своего кладбища за счёт рядом расположенного пустыря вызвало аналогичное желание и у соседей единоверцев. Подав такую же просьбу местным городским властям, но, не дожидаясь их решения, они самовольно захватили указанный пустырь, пригородив его к своему кладбищу дощатым забором. Из-за этого произошёл т. н. «кладбищенский конфликт» руководства двух религиозных общин города, разрешить который взялись городские власти. Земельная комиссия при Управе, а затем и сама Управа, стремясь побыстрее уладить возникший спор и детально не вдаваясь в суть вопроса, определила поделить указанный пустырь на две равные части[314]. Однако окончательное решение по этому вопросу Управа оставила за городской Думой.

Воспользовавшись отсрочкой в исполнении решения Управы 9 декабря 1913 года, ксёндз Демикис вместе с членом совета прихода Павлом Карачеевским-Волком, чиновником в управлении Сибирской ж. д., составили вторично обстоятельное письмо-просьбу в Управу с изложением своей позиции, в котором попытались обосновать, что единоверцы «не столь нуждаются в прирезке земли кладбищу как католики», т. к. на единоверческом кладбище хоронится в год не более 17-20 покойников, а на католическом за последние 5 лет в среднем 80 покойников. И дальше привели в своём письме следующую статистику, указав, что в 1909 году из общего числа умерших в приходе 234 человек 111 было похоронено на кладбище Томска, в 1910 году из 175 умерших в Томске похоронено 93 человека, в 1911 году из общего числа умерших 187 человек в Томске похоронено 87 человек,

[313] ГАТО. Ф.233. Оп.4. Д.1363. Л.4.
[314] Там же. Оп.4. Д.1921. Л.6.

в 1912 году из общего числа умерших 166 человек в Томске похоронено 44 человека. В 1913 году до 4 декабря число умерших составило 129 человек, из них были похоронены на томском католическом кладбище 80 человек[315].

Посчитавшие себя обделёнными, члены единоверческой и старообрядческих общин завалили городскую Управу жалобами и ходатайствами защитить интересы русских перед «иностранцами». Подобный выпад против католиков позднее сделали члены совета томской общины христиан-старообрядцев Белокриницкого толка, обвинив католиков в самовольном захвате спорного участка земли и захоронении здесь до разрешения их ходатайства своих покойников. Члены общины старообрядцев, исчерпав все аргументы решения вопроса в свою пользу, в данном случае просили членов Управы «дать хотя маленькое преимущество своим исконным Русским гражданам перед иностранцами»[316]. Дескать, католики хоронят на этом месте пленных австрийцев, а русским гражданам отказывают и вынуждают хоронить своих покойников за городом на Каштаке.

В такой сложной конфликтной ситуации городская Управа постановила спорный участок земли разделить на две равные части. Одна часть была передана католикам для расширения территории своего кладбища, а другая часть участка была передана старообрядцам для основания своего самостоятельного погоста. Все стороны были удовлетворены. Во всяком случае, насколько нам известно, католики больше не возобновляли вопроса об отводе дополнительной земли под кладбище. Тем более, что вступление России в войну с Германией и её союзниками неизбежно отразилось на судьбах миллионов людей, в том числе и на судьбах томских католиков, поставив вопрос о расширении католического кладбища как неизбежное следствие военных действий.

В годы Первой мировой войны, ставшей для России началом величайшей трагедии, а затем и в годы гражданской

---

[315] Там же. Л.5.

[316] Там же. Л.11.

количество прихожан-католиков в Томске значительно возросло за счёт беженцев с пограничных западных территорий и военнопленных австро-венгерской армии, оказавшихся в томском лагере военнопленных, который был разбит в старых солдатских казармах. В эти годы томские католики вынуждены были пережить вместе со всеми разруху, вспышки эпидемий, тифозный мор, реквизиции, голод, террор. Вновь смерть стала рядовым явлением. Католическим священникам, впрочем, как и священникам других конфессий, часто приходилось исполнять печальные обязанности: провожать в последний путь умерших единоверцев. Некогда торжественные церемонии похорон чрезвычайно упростились, зачастую не было ни катафалков, ни родственников, сопровождавших покойного в последний путь. Очень высока была смертность особенно среди военнопленных. Напоминанием о тех печальных днях стало возведение на центральной аллее католического кладбища, недалеко от часовни, силами военнопленных памятника своим умершим товарищам. Памятник этот представлял собой конусообразную стелу из песчаника высотой около 4 метров. На крупных валиках диаметром 15 сантиметров, расположенных по углам нижней части памятника, четырьмя неширокими лентами снизу вверх, как бы сплетаясь друг с другом в цепочку по вертикали, были вытесаны рельефные религиозные символы четырёх религий: на одном углу – католические кресты, на другом – еврейские шестиконечные звёзды Давидовы, на третьем – магометанские полумесяцы, а на четвёртом – униатские шестиконечные кресты. На самом памятнике имелась лаконичная надпись на русском языке: «Умершим соотечественникам»[317].

Очень скоро этот памятник разрушат, но это произойдет уже в другое время – советское. Как это было и что произошло с самим кладбищем – возможно, тема последующих публикаций.

[317] ГАТО. Ф. Р-1954. Оп.1. Д.3. Л.128.

Глава 14.

О благотворительной деятельности томских католиков (втор. пол. XIX – нач. XX в.)

Благотворительность была и есть одной из основных задач Церкви в каждой стране в каждую эпоху. Согласно христианским нормам, общим для православия, католичества и протестантизма, считается, что единственно верное распоряжение богатством – это забота о бедных (Лк. 12:33). Слова Иисуса Христа о том, что Бог особенно покровительствует бедным (Мф. 11:5; Лк. 4:18-21), были известны иудеям еще с ветхозаветных времен.

Не ставя в данной главе перед собой задачу подробного изложения всех аспектов и форм проявлений благотворительной деятельности томских католиков за весь период существования Томской католической общины, остановимся здесь лишь на некоторых её примерах. Во - первых, следует подчеркнуть, что многие состоятельные томичи, будучи католиками, ещё задолго до постройки своего храма и учреждения общины, наряду со многими томскими купцами и чиновниками православного вероисповедания, занимались благотворительностью не только среди своих единоверцев, но и во благо всех горожан, жертвуя свои деньги на строительство православных храмов, приютов и богаделен для бедных и инвалидов, избирались членами Попечительского комитета о тюрьмах, опекунами народных училищ и других учебных заведений города. Во-вторых, учреждение в Томске в 1893 г. Римско-католического благотворительного Общества и его многообразная деятельность стали возможны только благодаря тем томичам-католикам, кто ещё до его создания внес весомых личный вклад во благо нуждающихся и обездоленных.

Здесь весьма уместно напомнить, что крупнейшими благотворителями в Западной Сибири и на Урале была семья католика, купца 1 гильдии Альфонса Поклевского - Козелл, прихожанина Томского храма в 1834-1837 гг., сумевшего благодаря своей предприимчивости и уму составить в Сибири многомиллионное состояние. А.Ф. Поклевский-Козелл

жертвовал на строительство православных церквей и католических костелов, школ и приютов. Так, на его средства был построен дом ксендза в Томске, он пожертвовал 17,8 тыс. руб. серебром на строительство в Омске мещанского девичьего училища и приюта «Надежда», был почетным попечителем многих городских училищ и различных обществ, покровительствовал ссыльным полякам. Его жена и наследники, владея несколькими металлургическими заводами на Урале, продолжили меценатские традиции главы семьи, жена и дети являлись почетными пожизненными попечителями многих молитвенных домов и приютов. Покровительство костелам и благотворительным обществам при них стало традицией этой купеческой семьи[318].

С 1864 г. началась служба в губернском Томске в должности губернского врачебного инспектора доктора медицины, врача Ф.Ю. Маткевича (ок.1832-1906). За долгие годы службы в губернском городе Фердинанд Маткевич выполнял множество почетных обязанностей, состоял членом ряда благотворительных обществ. Так, в 1865 г. избирался директором Попечительского комитета о тюрьмах, в 1871 г. состоял членом статистического комитета, в 1874 г. был избран членом Попечительского совета Томского реального училища. С созданием при костеле Римско-католического благотворительного общества уже в преклонном возрасте стал его действительным членом (1903). В 1895 г. стал одним из учредителей Общества содействия физическому развитию, созданного по инициативе молодого врача католика Владислава Пирусского. За свою службу неоднократно награждался орденами и продвижением в чинах. К концу своей службы по врачебному ведомству имел чин действительного статского советника[319].

Такой же большой была врачебная и благотворительная деятельность Ф.П. Зацкевича (ок.1821-1876), врача Томского приказа общественного призрения во второй половине XIX в.

---

[318] В.П. Микитюк, Т.П. Мосунова, Е.Г. Неклюдов. Род Поклевских-Козелл. Екатеринбург, 2014; Поляки в Томске. XIX-XX вв. Биографии. Томск, 2012. с. 451-455.
[319] Поляки в Томске. XIX-XX вв. Биографии. Томск, 2012. с.348-350.

Врачебной деятельности в губернии и городе Флориан Зацкевич отдал более 30 лет, являясь одним из зачинателей становления в губернии системы здравоохранения. В Томске он состоял также членом попечительского совета Мариинской женской гимназии, был членом губернского комитета попечительного общества о тюрьмах. Умер и похоронен на городском католическом кладбище[320].

Э.С. Мальгудович (1821-после 1879), томский аптекарь во второй половине XIX в. 18 марта 1866 г. в связи с желанием бесплатно отпускать лекарства из своей аптеки Мариинскому детскому приюту Высочайшим приказом был принят на службу без жалованья по ведомству приютов с назначением почетным членом и казначеем в Томское губернское попечительство детских приютов. В 1867 г. Эмиль Мальгудович был определен директором Томского тюремного комитета, в 1868 г. за участие в поддержании Мариинского детского приюта получил «царское благоволение». В 1870 г. через принца Петра Ольденбургского получил очередную благодарность императрицы за труды и приношения, способствующие процветанию детских приютов. 2 марта 1874 г. был назначен казначеем Томского губернского попечительства детских приютов и награжден орденом Св. Станислава III степени. В том же году был пожалован чином коллежского советника. По назначению начальника губернии состоял председателем Комитета по исправлению здания тюремного замка с 1874 по 1877 гг. и по окончании работ за успешное исполнение обязанностей получил благодарность начальника губернии. В декабре 1879 г. за содействие процветанию Мариинского приюта был награжден орденом Св. Анны III степени[321].

Ф.Ф. Оржешко (1835-1905), врач. Долгие годы, работая тюремным врачом, а с 1890 г. старшим врачом больницы Томской центральной пересыльной тюрьмы, Флорентин Оржешко всей своей врачебной деятельностью и бескорыстием

---

[320] Там же. с.210.

[321] Там же. с. 337-338.

вызывал неизменное уважение и известность среди широких кругов населения, особенно среди многочисленных ссыльных, проходящих через томские тюрьмы, а также оказывал помощь больным местного дома умалишенных. Помимо службы и врачебной практики Флорентин Оржешко принимал активное участие в жизни томской полонии, католической общины и города. Состоял почетным членом Томского общества практических врачей. В 1895 г. общим собранием был выбран почетным членом Римско-католического благотворительного общества за личные заслуги обществу, а также состоял членом ряда других благотворительных и просветительских обществ города. В 1897–1903 гг. трижды избирался почетным мировым судьей Томского окружного суда[322].

А.П. Дзерожинский (1837-после 1882), томский полицмейстер в 1881–1882 гг. В 1876 г. был избран членом окружного правления Русского общества подаяния помощи потерпевшим при кораблекрушении, состоял в обществе попечения о раненых и больных воинах и был награжден серебряным знаком Красного Креста за активную помощь этой организации. Содействовал развитию начального образования, заботился о предоставлении помещений сельским школам, о снабжении их учебными пособиями[323].

Полицмейстер Томска в 1893–1895 гг. М.И. Соколовский (1850-после 1904), служа здесь, создал специальный фонд для выдачи пособий вдовам и сиротам пожарных, внес в один из местных банков 3 тыс. руб. на условиях бессрочного вклада, проценты же с этой суммы он своей волей предназначил на выплату пособий пожарным[324].

С.И. Залесский (1852-1923), доктор медицины, профессор по кафедре химии Императорского Томского университета в 1888–1894 гг. кроме плодотворной научной работы принимал активное участие в музыкальном просвещении жителей

---

[322] Там же. с.407-411.
[323] Там же. с.157-158.
[324] Там же. с. 540-543.

города, в жизни местной польской колонии, вместе с женой был прихожанином местного костела. Его жена Ядвига, также уроженка Варшавы, выпускница Варшавской консерватории и одаренная пианистка, была в губернском городе в центре музыкальной салонной жизни, а также преподавала в музыкальных классах города[325].

П.В. Буржинский (1858-1926), профессор по кафедре фармакологии Томского университета в 1891–1907 гг. В 1893 г. возглавил самодеятельный университетский оркестр, который давал платные и бесплатные концерты с благотворительной целью. Эти концерты пользовались популярностью у томичей. Живя в Томске, принимал активное участие в жизни города. Неоднократно назначался Почетным мировым судьей[326].

В начале XX в. в Томске многим был известна общественная деятельность Е.М. Баранцевича (?-1911), мирового судьи в 1904–1911 гг., судебного чиновника, поэта, публициста, композитора, страстного пчеловода и пропагандиста развития пчеловодства в Сибири. Он был инициатором создания и членом многих городских общественных сообществ. Так, по его инициативе и активном участии 15 ноября 1909 г. было открыто общество «Патронат», и Баранцевич был избран его первым председателем. Особенности данного благотворительного общества состояли в том, что его учредителями были чиновники Томского окружного суда, поставившие перед собой задачу оказания помощи и содействия бывшим преступникам и ссыльным, вышедшим из мест заключения Томска и Томского уезда «в видах возвращения их на путь честной жизни», а также их семьям. Е. М. Баранцевичем был разработан устав общества «Патронат» и его девиз, который звучал следующим образом: «Служи на пользу общества, ставя интересы ближнего выше личных материальных выгод и удобств. Стремись к общему благу, цени духовное наслаждение выше других, а ставя

[325] Там же. с. 197-202

[326] Там же. с. 65-67.

добродетель свою заповедью, береги правду, чтобы люди верили в нее». На 1911 г. в этом обществе состояло 240 человек.

В 1897-1904 гг. в должности управляющего Томской казенной палатой был католик И.Н. Хроновский (1864-1920), выполнявший ряд почетных общественных обязанностей. Так, 17 февраля 1900 г. императрицей Марией Федоровной был назначен директором Томского Владимирского детского приюта[327]. Сменил его в этой должности в 1904 г. также католик И.Б. Маршанг (1865-после 1921), занимавший этот высокий губернский пост 14 лет. В 1905 г. он был избран уполномоченным по Томской губернии Попечительства императрицы Марии Федоровны о глухонемых и уполномоченным Общества борьбы с заразными болезнями, покровительствуемым принцессой Ольденбургской, состоял членом почти всех томских благотворительных Обществ, в том числе был действительным членом Томского римско-католического благотворительного Общества при томском костеле, а его жена Христинья-Антонида Феликсовна, урожденная Ковзан, в течение нескольких лет принимала деятельное участие по опеке детей-сирот костельного приюта, была членом совета данного приюта. 29 марта 1909 г. Иосиф Маршанг был пожалован императором «за отлично-усердную службу и особые труды» чином действительного статского советника и удостоился поздравительной телеграммы министра финансов статского секретаря Коковцева[328].

В.И. Пелиошевский (1880- после 1916), томский окружной исправник в 1913–1916 гг. избирался членом уездного училищного совета. 28 января 1914 г. был утвержден пожизненным членом-соревнователем Императорского человеколюбивого общества с правом ношения специального Высочайше утвержденного бронзового знака этого общества[329].

---

[327] Там же. с. 598-599.
[328] Там же. с.346-348.
[329] Там же. с. 434-437.

1.22. Владислав Пирусский. Фото ок. 1920 г

В.С. Пирусский (1857-1933), врач. С возникновением в 1903 г. в Томске Общества практических врачей два года состоял его председателем, являлся также членом Общества естествоиспытателей и врачей и Общества попечения о начальном образовании. В Томске Владислав Пирусский

заявил о себе как о выдающемся общественном деятеле, заботившимся, в первую очередь, о неимущих и беззащитных людях, о детях. Бессилие медицины в борьбе с эпидемиями, невежество населения привели его к мысли о необходимости разработать и пропагандировать систему здорового образа жизни, предупреждающего заболевания. В 1890–1895 гг. он добровольно исполнял обязанности врача Томского переселенческого района, вел прием в городской амбулатории для бедных жителей. В 1892–1893 г. принимал активное участие в борьбе с эпидемией холеры в Томском округе, в 1897 г. – с эпидемией сыпного тифа[330].

Е.Л. Ружицкий (1850-1910), горный инженер, управляющий Томской золотосплавочной лабораторией в 1903–1910 гг., действительный статский советник. Принимал участие в общественной жизни города и польской общины. Избирался председателем Томского общества садоводства, казначеем совета старшин Томского городского Общественного собрания (1907), состоял действительным членом благотворительного Общества при томском костеле и входил в состав делегации томских католиков при встрече епископа Яна Цепляка в Томске 13 мая 1909 г.[331].

М.Э. Янишевский (1871-1949), геолог, палеонтолог, профессор Томского технологического института в 1902–1911 гг., избирался секретарем общества вспомоществования учащимся г. Томска[332]. И.А. Быстржицкий (1854-1921), учитель мужской и женской гимназий в 1881–1911 гг. За все время жительства в Томске принимал активное участие в его общественной жизни и жизни польской колонии. Так, в 1911 г. избирался гласным Томской городской Думы и был председателем сиротского суда. При создании в 1895 г. Общества содействия физическому развитию жителей г. Томска был в числе его учредителей, избирался членом ревизионной комиссии общества и впоследствии в течение

[330] Там же. с.444-446.
[331] Там же. с.500-501.
[332] Там же. с. 647-651.

долгих лет был его действительным членом. За большие заслуги перед польской колонией был в 1899 г. избран почетным членом Римско-католического благотворительного Общества при Томском костеле и в течение долгих лет входил в состав правления этого Общества[333].

К.Я. Зеленевский (1845-1917), томский купец второй гильдии, винозаводчик. Как и многие в то время купцы, Казимир Зеленевский занимался благотворительностью и принимал участие в разных благотворительных обществах, как польской общины, так и города. Вместе с женой состоял действительным членом Томского римско-католического благотворительного Общества. В 1901 г. получил от Общества благодарность «за безвозмездные труды» по заведованию ремонтом дома-приюта для бедных детей, а его жена была членом совета этого приюта. В 1903 г. избирался кандидатом в члены правления Томского римско-католического благотворительного Общества. В 1909 г. вместе с архитекторами В. Оржешко и Б.Татарчуком входил в комитет по постройке в городе второго костела, был членом Общества для доставления средств Сибирским высшим женским курсам, входил в состав «временного податного присутствия для раскладки сумм акцизного сбора», участвовал во многих благотворительных акциях Общества попечения о начальном образовании, входил в состав руководства Добровольного пожарного общества Томска, а в 1907 г. избирался его председателем. Дом Зеленевских, заново отстроенный в 1889 г., долгие годы служил местом сосредоточения культурной жизни томской колонии поляков. В нем некоторое время хранилась польская библиотека[334].

С.А. Жбиковский (1861-после 1914), инженер путей сообщения, преподаватель Томского технологического института в 1903–1914 гг. Принимал активное участие в общественной жизни города Томска и томской католической общины. Состоял членом русско-технического общества,

---

[333] Там же. с.68-70.

[334] Там же. с.214-216.

на одном из заседаний которого сделал доклад на тему «Обь-Енисейский канал». По мнению современников, Станислав Жбиковский был исключительно одаренным пианистом. Его квартира была открыта для всех любителей музыки и искусства, часто здесь устраивались музыкальные вечера, которые посещали преподаватели и студенты города. Принимал активное участие в создании Томского римско-католического благотворительного Общества при томском костеле и был его первым председателем правления, избранным в 1895 г. В последующие годы активно занимался устройством благотворительных концертов и вечеров в пользу созданного Общества, сбором средств на создание при Обществе приютов для старцев и детей[335]. Примеры подобной деятельности в сфере благотворительности томских католиков не исчерпываются вышеприведенными фактами и при желании могут быть продолжены.

Следует отметить, что помощь своим единоверцам, не только духовную и религиозную, оказывала сама католическая община Томска, прихожане католического храма и служившие в ней ксендзы. Так, например, в 1840-1856 гг. в Томске всем ссыльным полякам-католикам был известен дом Томаша Булгака и его жены Терезы, владельца имений Олехувки и Мицкевичи, сосланного в Сибирь по делу Конарского и оставленного на жительство в губернском городе вместе с последовавшей за ним в ссылку женой. В мемуарах многих польских ссыльных, следовавших этапом через Томск далее в Восточную Сибирь, их дом в характеризовался не иначе как «пристанище и очаг польскости», место, в котором любой оказавшийся в сложном материальном положении ссыльный католик мог получить помощь и поддержку. В 1870-80-е гг. такими «очагами польскости и поддержки» для ссыльных в Томске были дома католиков: бывшего управляющего имениями предводителя дворянства Гродненской губернии Виталия Остромецкого и его жены, учительницы томских

[335] Там же. с.184-186.

гимназий пани Казимиры Остромецкой, купца Казимира Зеленевского, тюремного врача Флорентина Оржешко и многих других, дома которых в течение ряда лет были «связующим звеном в культурной жизни» местной польской общины. Однако в тоже время следует указать, что местные власти строго контролировали деятельность Томского католического прихода и запрещали многие инициативы в области благотворительности местным католическим духовникам. Известно, что в 1870 г. томский вице-курат Громадский подавал прошение о своем желании взять на себя опеку о детях-сиротах польских ссыльных, но получил на это строжайший запрет со стороны томского губернатора, [336] а ссыльный ксендз Давидович за «учреждение без разрешения Начальства школы», в которой учил грамоте и польским молитвам мальчиков и девочек из Томска был отправлен в г. Каинск[337].

Тем не менее, с течением времени у сибирских католиков по примеру католических общин столиц империи стало возможным учреждение при католических храмах специальных благотворительных обществ. Так, по примеру римско-католического благотворительного Общества при храме св. Екатерины в Санкт-Петербурге, учрежденному в 1884 году, в Томске в 1893 году (через 9 лет после Санкт-Петербурга) было учреждено **Римско-Католическое Благотворительное Общество при Томской церкви Покрова Пресвятой Богородицы (РКБО)**[338], об истории создания и деятельности которого следует остановиться более подробно.

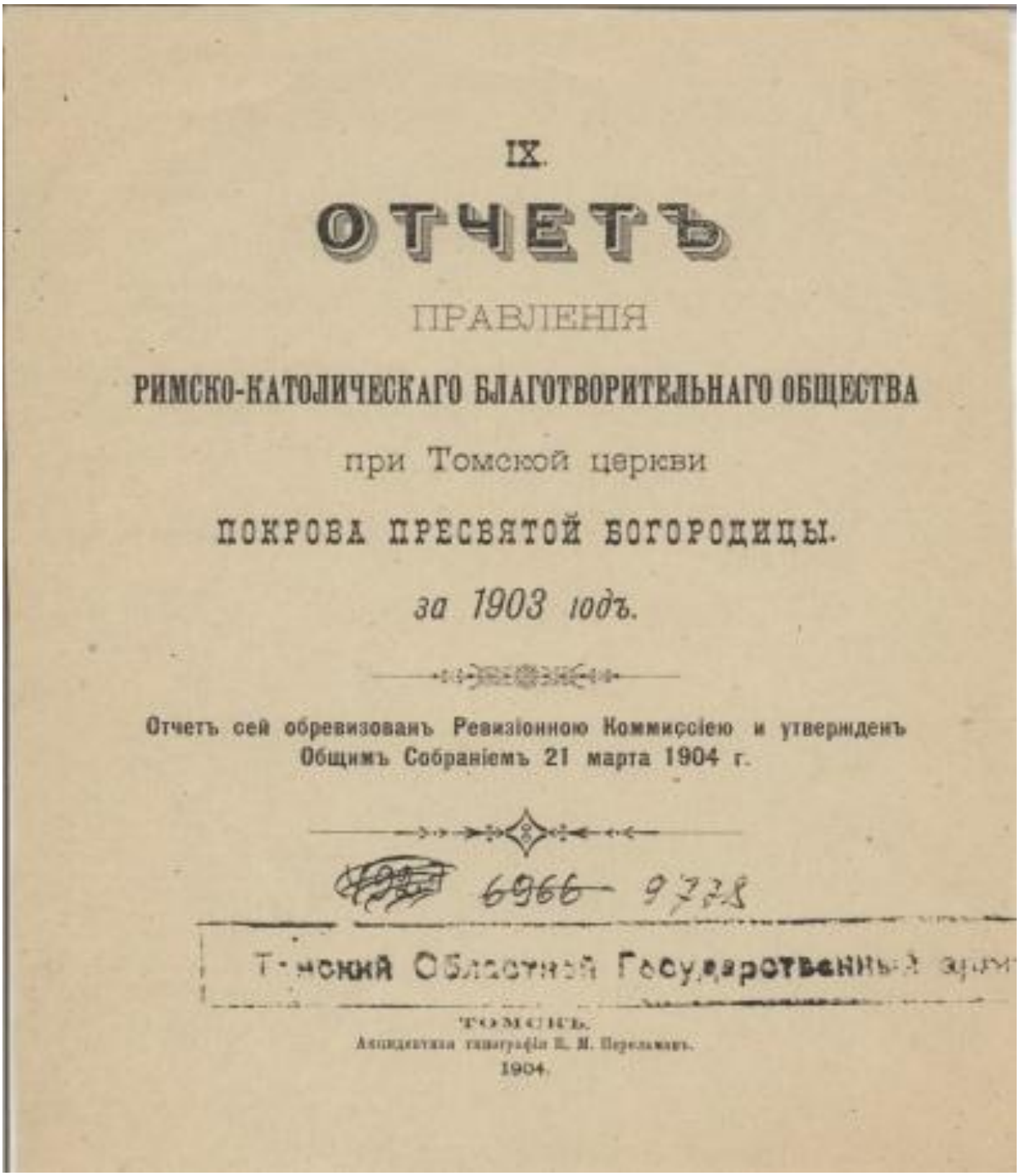
---

[336] ГАТО.Ф.104.Оп.1.Д.362.Л.35-39.

[337] Там же. Л. 16-17об.

[338] Подобные Томскому РКБО были учреждены и действовали также в других городах Западной и Восточной Сибири: с 1891 г. в г. Тобольске, с 1898 г. – в г. Омске, с 1899 г. – в г. Иркутске, с 1910 г. – в г. Новониколаевске, с 1914 г. – в г. Барнауле.

Как мы уже отмечали, в царской России любая деятельность Католической Церкви была ограничена, и сфера ***1.23.***



IX.

ОТЧЕТЪ

ПРАВЛЕНІЯ

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА

при Томской церкви

ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ.

за 1903 годъ.

Отчетъ сей обревизованъ Ревизіонною Коммиссіею и утвержденъ Общимъ Собраніемъ 21 марта 1904 г.

6966 9778

Томский Областной Государственный арх

ТОМСКЪ.
Акцидентная типографія Н. М. Перельманъ.
1904.

Титульный лист отчета Томского р-к Общества за 1903 г.

благотворительности не была исключением. Католики, будучи, как правило, представителями покоренных народов, иначе, чем православные, понимали смысл благотворительности. Свои усилия в области благотворительности они понимали не только как помощь бедным, пожилым, сиротам, но и как

служение католической и национальной общности. Разумеется, они не могли заниматься нуждающимися других исповеданий, чтобы не быть обвиненными в прозелитизме. Католическая благотворительность была фактором интеграции католического меньшинства и конкретных народов[339]. Архивные документы указывают на то, что власти препятствовали возникновению католической благотворительной организации. В 1882 г. Министр внутренних дел заявил, что «существование при католических храмах каких-либо обществ, даже и благотворительных, нежелательно, поскольку такие общества подчинялись бы католическому духовенству»[340]. Однако постепенно жизнь брала свое и светская власть, не имея желания и возможности только своими силами решать насущные проблемы своих подданных – католиков, вынуждена была дать согласие им на учреждение своих богаделен, детских приютов, благотворительных обществ и утверждения их уставов. Вначале это происходило в столицах, а затем и на окраинах империи.

Изначально они возникали как Общества вспомоществования бедным католического исповедания, однако уже через несколько лет их деятельность распространялась не только на оказание помощи нуждающимся, но и на поддержание национальных традиций, сохранение «польскости», так как большинство членов РКБО по национальности были поляками.

Как писал первый историк томской полонии Александр Мачеша, история создания и утверждения устава Римско Католического Благотворительного Общества (РКБО) была напрямую связана с готовившемся в 1893 году празднованием 25-летия служения в Сибири томского курата Валериана Громадского. Именно к этому юбилею губернатор Тобизен, доброжелательно относившийся к полякам и очень

---

339 О. Бронислав Чаплицкий. Римско-католическое Благотворительное Общество при храме св. Екатерины.

340 РГИА, Ф. 821, ор. 125, d. 3025 - Р-к. богадельни, приюты и благотворительные общества, ч. I, l. 64 обр.- ДДДИИ - в Хоз. Департамент, l. 137 - [Справка МВД] // Бронислав Чаплицкий. Римско-католическое Благотворительное Общество…

уважающий ксендза Громадского, постарался получить в Петербурге разрешение на учреждение в Томске Католического благотворительного общества и сообщил об этом «во время юбилейного празднования, чтобы обрадовать юбиляра»[341]. Устав Томского Общества был утвержден генерал-лейтенантом Толстым, товарищем (заместителем) министра Внутренних Дел 25 июня 1893 г., ознаменовав новую важную страницу в жизни, как польской колонии Томска, так и всего римско-католического прихода.

Согласно уставу Общество ставило своей целью оказание «вспомоществования нуждающимся лицам римско-католического исповедания, находящимся в Томске»[342]. Помощь могла быть оказана через выдачу нуждающимся продовольствия, одежды и топлива натурою, единовременными или периодическими денежными пособиями, содействием в поиске нуждающимся работы, размещении пожилых людей в приюты, дома призрения и другие благотворительные учреждения, помещением лиц обоего пола на средства Общества в учебные заведения, сиротские дома и, «если средства позволят, в устраиваемые Обществом, с разрешения Правительства, убежища и дома призрения»[343]. Членами Общества могли быть лица обоего пола, обязавшиеся вносить в кассу определенный денежный взнос. Однако в состав его не допускались учащиеся учебных заведений и состоящие на действительной военной службе нижние чины и юнкера и ограниченные в правах по суду.

Члены Общества делились на почетных и действительных. Почетными членами считались те лица, которые единовременно вносили не менее 100 рублей, врачи, аптекари, которые бесплатно помогали бедным и больным, и такие благодетели, которых этим титулом награждало правление Общества за их особые заслуги. Так, в 1895 г. в состав почетных членов Общества были избраны ксендз, томский курат Валериан Громадский и томский губернатор Г. А. Тобизен,

---

[341] Aleksander Maciesza, Dzieje Kolonii Polskiej w Tomsku …, //«Przeszłość». № 7. s.34.
[342] ГАТО.Ф.7.Оп.2.Д.4592.Л.2. Типографский оттиск.
[343] Там же. Л. 3.

а также как единовременно уплатившие членский взнос не менее 100 рублей томский купец 1-ой гильдии И.Я. Мизгер и фармацевт К.А. Свидерский. В 1898 г. в состав почетных членов Общества за особые заслуги были избраны супруги Бобенские; в 1899 г. – учитель томских гимназий И.А. Быстржицкий; в 1902г. – жена чиновника Ж.К. альмонович; в 1909 г. – чиновник А.Н. Валда и жена врача Л.Д. Оржешко; в 1910 г. – чиновники С.С. Карчевский, М.И. Веруш-Ковальский, П.С. Карачевский-Волк и томский курат ксендз И. Демикис. Действительные члены Общества, численность которых превышала 100 человек, должны были вносить в кассу Общества по меньшей мере 5 рублей в год. Не внесшие в течение года со дня общего годичного собрания этой суммы считались выбывшими из Общества, но с сохранением права вновь вступить в него на общих основаниях.

Денежные средства Общества складывались из единовременных и годичных членских взносов; из доходов с устраиваемых, с надлежащего разрешения и с соблюдением установленных правил, спектаклей, концертов, балов, публичных лекций и других публичных мероприятий; из добровольных пожертвований деньгами или вещами; из процентов на капитал Общества. Примечательно, что согласно специальных параграфов, в Уставе, было оговорено обязательное отчисление 20% всех доходов в запасный капитал, который мог быть употреблен на текущие нужды Общества лишь в исключительных случаях и не иначе, как по постановлению только общего собрания. Все денежные суммы, по мере их накопления, обращались в государственные или гарантированные правительством ценные бумаги и сдавались на хранение в «одно из наиболее надежных кредитных установлений по выбору Правления Общества»[344].

Управление текущими делами Общества возлагалось на его Правление, избираемое общим собранием сроком на четыре года. Состав Правления, состоящий из 6 человек, «возобновлялся каждые два года, посредством выхода трех

[344] Там же. Л. 3.

членов, по истечении первых двух лет – по жребию, а впоследствии – по окончании четырехлетнего срока. Следует указать, что все члены Правления за свою деятельность в Обществе никаких вознаграждений не получали. Из своего состава они ежегодно выбирали председателя, кассира и секретаря, которые и вели все текущие дела Общества.

Высшим органом Общества, согласно устава, было общее собрание Общества, созываемое ежегодно в декабре месяце или же чрезвычайное, созываемое в экстренных случаях. В исключительной компетенции общего собрания было избрание помимо правления и ревизионной комиссии избрание также попечителей и попечительниц убежищ и приютов при Обществе, присуждение звания почетного члена Общества, принятие решений о расходовании средств из запасного капитала.

Годовые отчеты о деятельности Общества и финансовых расходах после утверждения их общим собранием, в обязательном порядке публиковались в 5 экземплярах и предоставлялись через посредство губернатора в Министерство Внутренних Дел, в чьем ведении на основании ст. 1521 и 1522 Устава Общественного Призрения оно и состояло[345].

После утверждения Устава и получения официального разрешения, 19 июля 1894 г. состоялось собрание первых членов благотворительного Общества, однако, как сообщает газета «Сибирский вестник», «правление Общества не было избрано вследствие раскола среди его членов»[346]. В чем была причина «раскола» газета не сообщала. И только 29 января 1895 г. в доме прихода римско-католической церкви состоялись выборы членов правления, кандидатов и членов ревизионной комиссии благотворительного Общества церкви Покрова Пресвятой Богородицы. «Членами правления были избраны И.А. Быстржицкий, А.М. Войцеховский, С.А. Жбиковский, В.С. Пируский, И.Я. Мизгер, П.С. Корачевский–Волк,

[345] ГАТО.Ф.7.Оп.2.Д.4592.Л.3. Типографский оттиск.
[346] «Сибирский вестник». 1894 г., 29 июля.

Председателем правления избран С.А. Жбиковский, казначеем И.А. Быстржицкий, секретарем А.М. Войцеховский. Звание почетных членов Общества было предложено Томскому губернатору Г.А. Тобизену, врачу Ф. Ф. Оржешко, провизору К.А. Свидерскому, И.Я. Мизгеру»[347]. Таким образом, с конца января 1895 г. правление благотворительного Общества в Томске приступило к работе во главе с инженером Станиславом Жбиковским. Затем его на посту председателя сменил учитель гимназии Иосиф Быстржицкий, в 1897-1900 гг. председателем правления Общества избиралась жена инженера Эмилия Бобенская, затем жена тюремного врача Люция Оржешко…

Деятельность Томского РКБО была широка и многообразна и продолжалась вплоть до 1920 года: оказание единовременной или постоянной помощи нуждающимся членам своего прихода за счет членских взносов и средств, получаемых от проведения благотворительных концертов и спектаклей; опека над престарелыми участниками Польского восстания 1863-1864 гг. и по возможности отправка их на родину; забота об образовании и воспитании детей своих прихожан-поляков в духе католических традиций и «польского духа»; отправка подросшей молодежи на учебу в Польшу…

Как проинформировала жителей Томска городская газета «Сибирская жизнь», в опубликованном 18 апреля 1898 г. очередном отчет о деятельности правления римско-католического Общества указывалось на то, что за три года своей деятельности «число членов Общества выросло в 25 раз, собраны деньги на постройку приюта для детей сирот в сумме 10755 рублей. Общество состоит из 6 почетных и 156 действительных членов…»[348].

Заботы о детях и престарелых были главными и приоритетными в деятельности Общества. Как вспоминал А. Мачеша, «губернатор Тобизен, швед, человек благородный и добрый в разговоре с женой инженера Бобеньской,

---

[347] «Сибирский вестник». 1895 г., 30 января.

[348] «Сибирская жизнь». 1898 г., 18 апреля.

как председателем благотворительного Общества, высказал мысль заняться приютом для польских детей, сирот ссыльных, которых было много в Томске. В противном случае он будет вынужден разместить их в русских приютах, где они неизбежно станут православными. Со своей стороны губернатор Тобизен пообещал в этом деле поддержку. Разговор с губернатором привёл в движение всю польскую колонию и создал условия, благоприятные для воплощения этой идеи. Пани Бобенская, имея поддержку Благотворительного общества, развила энергичную деятельность по сбору средств через организацию различных доходных мероприятий, таких как вечера танцев, выставки и продажи картин, пожертвованных для этой цели польскими художниками в Мюнхене, куда пани Бобенская отвозила свою дочь на учёбу. Ксёндз Громадский обратился к своим покровительницам и покровителям. Самое крупное пожертвование – дважды по 3 тысячи поступило от известной своими пожертвованиями Анелии Козелл-Поклевской…»[349].

Проект здания приюта для детей римско-католического вероисповедания и технический надзор за его строительством бесплатно осуществил инженер Эрнест Бобенский, муж председательницы РКБО Эмилии Бобенской, за что им от имени Общества была выражена большая благодарность и зачисление в число почетных членов РКБО. Проект представлял собой большой двухэтажный деревянный дом в 16 комнат с каменным полуподвалом и службами и надворными постройками. Постройка, длившаяся два года, была завершена в 1900 г. и была оценена в 20 тысяч рублей[350]. Позднее на этой же территории на средства Общества в 1908 г. был выстроен двухэтажный деревянный флигель со службами и жилым подвалом и для приюта для старцев. На постройку

[349] Aleksander Maciesza, Dzieje Kolonii Polskiej w Tomsku…,. //«Przeszłość». № 7. s.34.

[350] Отчет правления Римско-Католического Благотворительного Общества при Томской церкви Покрова Пресвятой Богородицы за 1903 год //Акцидентная типография В.М. Перельман. 1904. с.2. Типографский оттиск.

нового дома было израсходовано 11600 руб.[351]. В 1913 г. эти дома вместе с надворными постройками были оценены и застрахованы в 25 тысяч рублей. Инвентарь, находящейся в убежище, был оценен в 1130 рублей, библиотека Общества насчитывала 850 томов[352].

Помимо указанных построек, возведенных на средства РКБО, в 1901 г. у Томского РКБО в качестве недвижимости появились ещё два деревянных дома: один двухэтажный и второй одноэтажный с землею по Акимовской улице, завещанные Обществу жителем Томска В. Ф. Яворским, оцененные и застрахованные в 2 тысячи рублей[353]. В 1910 г. в собственность Общества отошли ещё два деревянные двухэтажные дома с надворными постройками и участком земли в 347 кв. саж. по Мухинской улице, 11, завещанные Обществу И.В. Жеховичем. Дома были оценены и застрахованы в 4 тысячи рублей[354].

Одновременно с началом постройки здания приюта в 1898 г. было подано прошение об утверждении правил убежища для бедных детей при римско-католическом благотворительном обществе, в котором указывалось, что эти правила не представляют ничего нового, а составлены, «с небольшими изменениями, применительно к правилам убежища малолетних детей римско-католического вероисповедания в С. Петербурге, утвержденных Министерством Внутренних Дел 24 сентября 1898 года»[355]. 12 января 1900 г. данные правила (устав) был утверждены товарищем (заместителем) Министра Внутренних Дел князем Оболенским,[356] и, согласно рапорта

---

[351] Отчет правления Римско-Католического Благотворительного Общества при Томской церкви Покрова Пресвятой Богородицы за 1908 год // Томск. Паровая типография П.П. Орловой. 1909. с.5. Типографский оттиск.

[352] Отчет правления Римско-Католического Благотворительного Общества при Томской церкви Покрова Пресвятой Богородицы за 1908 год// Томск. Паровая типография П.П. Орловой. 1909. с.5. Типографский оттиск.

[353] ГАТО. Ф.220. Оп. 1.Д. 2586. Л.3.

[354] Отчет правления Римско-Католического Благотворительного Общества при Томской церкви Покрова Пресвятой Богородицы за 1913 год // Томск. Типография Дома Трудолюбия. 1914. с.1-9. Типографский оттиск.

[355] ГАТО. Ф.3.Оп.2.Д.4502. Л.40.

[356] Там же. Л.43.

томского полицмейстера в губернское управление, 12 ноября 1900 г. открыт сам приют[357].

В соответствии утвержденному уставу, в убежище принимались дети римско-католического вероисповедания от 4 до 12 лет после тщательного предварительного исследования материального положения их родителей или опекунов и взятия у них расписки в том, что они обязуются немедленно их взять к себе обратно, если того потребует Попечительство убежища[358].

Убежищем заведовало и управляло Попечительство, состоящее из трех попечителей, избираемых правлением РКБО из числа членов правления, и врача по приглашению и выбору попечителей. Количество призреваемых в убежище детей было не ограничено и зависело от средств Попечительства. Дети в убежище могли быть на полном круглосуточном содержании либо находится здесь с 6 часов утра до 8 часов вечера. «Смотря по силам и возрасту», дети сами выполняли все работы в убежище «в отношении порядка и благопристойности» помещений убежища. Находящиеся в убежище дети обеспечивались помимо проживания одеждой, пищей, учебными пособиями и даже платой за обучение воспитанников в учебных заведениях, если таковая необходимость возникала. В уставе указывалось, что учебных занятий в убежище не проводится, но в младших отделениях может быть допущено предметное обучение по Фребелевскому способу с устройством детского сада. В старшем отделении (дети старше 8 лет) дети обучаются закону Божию, который преподается священником-настоятелем убежища. Затем дети посылаются в местные учебные заведения, а более способные в гимназии и специальные технические училища.

Отметим, что вскоре на базе здания приюта было открыто собственное училище для детей обоего пола римско-католического вероисповедания: училищу правлением Общества было выделено половина первого этажа дома

---

[357] Там же. Л.44.

[358] Там же. Л.20 б.

убежища для детей, т.е. «три большие светлые комнаты с передней и теплым «удобством», отопление дровами и керосиновое освещение»[359]. В училище к 1 января 1908 г. занималось 12 учеников (8 мальчиков и 4 девочки, а через год на двух отделениях училища – уже 61 ученик (30 мальчиков и 31 девочка). Преподавателями училища состояли: учительница общеобразовательных предметов Э.А. Квецинская (получающая 460 р. в год из средств казны) и учительница польского языка Я.И. Сломчинская (получающая 420 р. в год из суммы Общества), а также преподающая безвозмездно М.А. Квецинская. Законоучителем томский курат ксендз Иосиф Демикис (безвозмездно)[360]. В 1915 г. правлением РКБО было принято решение ходатайствовать перед властями об открытии в Томске на средства Общества низшего частного училища с правом преподавания родного языка, под ответственным наблюдением преподавателя Томского Алексеевского реального училища надворного советника Ф. Р. Дульского[361].

Помимо детского приюта Томским РКБО был учрежден и содержался на средства Общества приют (убежище) для старцев, для которого на средства Общества в ноябре 1908 г. была закончена постройка на костельной земле двухэтажного деревянного дома с каменным жилым подвалом, оцененного и застрахованного в 11600 рублей. В самом доме был устроен водопровод, а во дворе выстроен особый погреб. В ноябре 1908 г. здесь были размещены 18 человек (14 старцев мужчин и 4 женщины). На собранные добровольные пожертвования приобретены находящимся в убежище старцам железные кровати, подушки, простыни (по 2 на человека) и шерстяные одеяла; на прокормление же, до времени устройства столовой

---

[359] Отчет правления Римско-Католического Благотворительного Общества при Томской церкви Покрова Пресвятой Богородицы за 1908 год// Томск. Паровая типография П.П. Орловой. 1909. с.5. Типографский оттиск.

[360] Отчет правления Римско-Католического Благотворительного Общества при Томской церкви Покрова Пресвятой Богородицы за 1913 год // Томск. Типография Дома Трудолюбия. 1914. с.1-9. Типографский оттиск.

[361] ГАТО.Ф.3.Оп.67.Д.304. Л.6.

в убежище для старцев, последним отпускалось по 3 руб. на человека в месяц. Из числа старцев, сосланных в 1863-64 гг. состояло в убежище 11 человек[362]. В следующем 1909 г. ожидалось поступление в приют ещё 11 человек из числа участников Январского восстания 1863-64 гг.: 6 старцев из Томской губернии и 5 бывших участников польского восстания, проживавших в Енисейской губернии. Размещались они в убежище и для того, чтобы в дальнейшем организовать их отправку на родину за счет специальных пожертвований, поступающих для этой цели от жертвователей из Польши. К 1908 г. была организована отправка на родину 13 человек, где им был гарантирован и обеспечен пожизненный приют. Следует отметить, что данная акция Томского РКБО нашла много сторонников и поддержку в Польше в лице не только отдельных жертвователей, но и общественности, редакций польских газет.

В своем отчете за 1908 г. правление Общества посчитало важным выразить сердечное «спасибо» всем гг. жертвователям и жертвовательницам за пожертвования, а также редакциям газет и лицам, собиравшим пожертвования на постройку в Томске убежища для старцев и на высылку их на родину, в особенности же г. Хелмицкому, который «с самого начала возбуждения вопроса об улучшении положения бездомных старцев, сосланных в 1863-64 гг., принял живое участие в этом деле»[363]. Такая же благодарность была высказана преждевременно скончавшемуся 31 октября 1908 г. в Каменец-Подольске Льву Раковскому. Отмечая его выдающиеся заслуги в пользу Общества. «Покойный, – указывалось в отчете, – по собственному желанию зачислен был в члены Общества в видах более успешного сбора пожертвований. Собирая грошевые пожертвования от 5 коп., покойный труженик благотворительности предоставил в 1908 году в распоряжение кассы Правления 329 руб. 50 коп.; собранные им за последнее

---

[362] Отчет правления Римско-Католического Благотворительного Общества при Томской церкви Покрова Пресвятой Богородицы за 1908 год// Томск. Паровая типография П.П. Орловой. 1909. с.5. Типографский оттиск.

[363] Там же.

время 35 руб. получены были Правлением от вдовы покойного г-жи Марии Раковской»[364].

Начавшаяся Мировая война принесла существенные изменения в деятельность не только государственных структур, но и общественно-благотворительных, необходимость в которых резко возросла. В Томске в этот период кроме РКБО было учреждено еще несколько общественных организаций, занимающихся организацией помощи оказавшимся в Томске беженцам от войны, находящимся в концентрационном лагере военнопленным австро-венгерской армии, являвшихся в большинстве своем католиками по вероисповеданию. В связи с большим наплывом беженцев с земель, прилегающих к линии фронта, в Петербурге, а затем и в Сибири возникла отдельная организация: Польское Общество Помощи жертвам войны (PTPOW). Были созданы общественные и благотворительные организации других национальных групп католического вероисповедания – литовские, латышские.

19 октября 1915 г. старанием римско-католического Общества в Томске было открыто частное училище для детей католиков-беженцев, содержавшееся также за счет благотворительных средств. Оно помещалось в наемном доме, и на 1 января 1916 г. в нем обучалось 166 мальчиков и 109 девочек[365]. В апреле 1916 г. Общество вспомоществования бедным семействам поляков, участвующим в войне, и бедному населению, пострадавшему от военных действий выступило с предложением обучать детей в школе в течение всего лета. Здесь же в школе они получали горячие завтраки. К весне 1916 г. в данном учреждении проходило обучение уже 240 человек. Ввиду отъезда части беженцев к сентябрю 1916 г. в школе осталось 175 детей и 4 человека учительского персонала. По другим данным, в этой школе в Томске в октябре – ноябре 1916 г. обучалось 312 детей, на обучение каждого выделялось ежемесячно по 3 рубля. В связи с ростом числа учащихся пришлось увеличить штат преподавателей

[364] Там же.
[365] Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 год. Томск, 1916. с. 525.

и нанять дополнительное помещение. 39 человек из числа беженцев являлись студентами и получали стипендию. Для учащихся производилась закупка книг и тетрадей[366].

Конец 1917 года, а также 1918 год в связи с революцией и началом гражданской войны принесли новые проблемы и задачи в деле благотворительности: все больше становилось бедных и нуждающихся в помощи, и все меньше таких, которые могли помогать. И в тоже время Февральская революция 1917 года, провозгласившая всеобщее равенство и свободу, дала мощный импульс активизации не только политической, но и национально- просветительской и религиозно- благотворительной деятельности по всей стране. Именно в этот период жизнь польской колонии в Томске была как никогда необычайно активна и разнообразна. Кроме римско-католического благотворительного Общества в Томске в этот период были созданы и работали польская студенческая корпорация «Огниско», Польский народный клуб, Общество помощи полякам-беженцам, Общество помощи польской армии, Польский военный комитет и целый ряд политических организаций разной политической ориентации, а ещё «сибирско-польский» торгово-промышленный кооператив и польский банк, также в той или иной степени занимавшиеся благотворительностью и оказанием помощи свои соотечественникам.

Чтобы хоть как-то улучшить положение своих подопечных, наряду с собиранием пожертвований Томское римско-католическое Общество вновь стало организовывать различные благотворительные акции: концерты, спектакли и другие мероприятия, свидетельством чего являются многочисленные публикации-объявления в местной прессе. Таким образом, из вышесказанного видно, что римско-католическое благотворительное Общество даже в суровых условиях первых послереволюционных лет старалось

[366] ГАТО. Ф.7.Оп.1.Д.97.Л.62.

не прекращать своей благотворительной деятельности, изыскивая для этой цели любые возможности.

С 1920 г. после изгнания из Сибири войск адмирала А. В. Колчака и восстановления советской власти все проблемы живших в городе и уезде поляков стали решать польская секция РКП(б) при Томском губкоме партии и польский отдел при губнаце. Так, на своем первом общем собрании 11 января 1920 г. члены польской секции РКП (б) постановили ПОПЖВ (Польское общество помощи жертвам войны) закрыть, а больных, инвалидов и стариков передать в общее социальное обеспечение, все приюты РКБО временно оставить на местах, но всех проживающих в них также передать «в общее социальное обеспечение», т.е. отказаться от их опеки,[367] что в конечном счете привело к ликвидации и закрытию самого РКБО.

Таким образом, на протяжении 25 лет своего существования (1895-1920) РКБО при Томском храме создавало условия подлинной христианской жизни для многих католиков, жителей губернского города, пробуждало в них христианское милосердие и развивало религиозную, общественную и национально-патриотическую ответственность.

[367] ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.1548. Л.1-4.

Глава 15.

О структурах Римско-Католической Церкви в Западной Сибири и первом визите в Томск римско-католического епископа (1909 г.)

Как указывалось ранее, первые официальные структуры Римско-Католической Церкви в Сибири были учреждены в 1812 году миссией Общества Иисуса (ордена иезуитов) путем создания двух первых католических приходов Сибири – Иркутского (в Восточной Сибири) и Томского (в Западной Сибири). Со временем все вновь учреждаемые приходы в Сибири были выделены из этих двух «материнских» приходов. Все они непосредственно подчинялись Могилевскому архиепископу-митрополиту «всех Римско-католических в Российской империи церквей». Резиденция его находилась в столице империи – Санкт-Петербурге.

Отделение новых приходов от «материнских» происходило в связи с увеличением численности католиков разных национальностей и их расселением по всей территории Сибири. Причиной увеличения их численности были сопровождавшиеся высылками политические репрессии в Царстве Польском и Западных губерниях после подавления здесь национально-освободительных восстаний в 30-х и 60-х годах XIX века, а также активное переселенческое движение на свободные сибирские земли, начиная с 80-х годов того же века. Особенно большой размах возникновение новых католических приходов и строительство новых культовых зданий получило после 1905 г., когда вступил в действие царский указ о веротерпимости.

С быстрым ростом числа сибирских католических приходов возрастала и потребность в их оперативном церковном управлении. Однако все попытки Рима учредить в Сибири правильное каноническое управление неизменно

наталкивались на противодействие со стороны местных властей и петербургской политической элиты[368].

1.24. Томский костел. Фото начала XX в.

Как позволяют судить опубликованные в настоящее время архивные источники, впервые вопрос о назначении для Сибири отдельного епископа был поднят еще в 1892 году. 10 марта 1892 г. государственный секретарь Святого Престола кардинал Рамполла обратился к царскому правительству с просьбой для рассеянных на огромных пространствах Сибири католиков учредить в её центре епископскую кафедру или Апостольский викариат. Мотивировал он это тем, что католики не имеют возможности получать таинство Миропомазания, которое по латинской традиции должен совершать только епископ. Кроме того, без высшего иерарха поместная Церковь с большим количеством священников и приходов нормально функционировать не может. Кардинал

[368] А. Масленников. Структуры Римско-Католической Церкви в Западной Сибири // Сибирская католическая газета. № 5, 2002 г.

Рамполла доводил до сведения правительства Российской империи, что Папа «очень озабочен мыслью о том, что рассеянные на этом пространстве католики лишены достаточного духовного призрения». Если же отдельная епископская кафедра для Сибири не могла быть основана, то Рим просил хотя бы об учреждении для сибирских католиков «специального коадьюторства» в рамках существующей Могилевской архиепархии. Но даже в этой просьбе было отказано. На прошение, переданное кардиналом Рамполлой, была наложена Высочайшая резолюция: «Не думаю, чтобы это было желательно и нужно»[369]. Во второй раз кардинал Рамполла обратился к правительству России с подобной просьбой в 1900 году. На этот раз речь шла уже не об основании в Сибири епископской кафедры, а просто о разрешении епископу-помощнику (суфрагану) Могилевского архиепископа проживать в одном из сибирских городов, например в Томске. И вновь от российских властей последовал отказ.

И всё же, в связи с общим изменением обстановки в стране и вынужденной либерализацией царского режима, визит католического епископа в Сибирь состоялся. Произошло это спустя почти 100 лет после основания на сибирской земле первых католических приходов. Вначале пастырский визит за Урал епископа Могилевской митрополии планировался на 1905 год, однако на деле епископ, а им был суфраган Иоанн Цепляк, смог посетить сибирские регионы только в 1909 году.

Одним из пунктов его путешествия по Сибири было посещение губернского города Томска, что стало важнейшим историческим событием в жизни томского римско-католического прихода. Прибытие 13 мая 1909 года в Томск столь высокой церковной особы и сопровождавших его лиц не оставила без внимания местная пресса. В частности, анонимный корреспондент одной из местных газет в двух номерах со знанием дела, изложил все подробности этого

---

[369] А. Масленников. Структуры Римско-Католической Церкви в Западной Сибири // Сибирская католическая газета. № 5, 2002 г.

значимого для томских католиков события. Приведем этот текст полностью с сохранением стиля и орфографии:

1.25. Могилевский епископ-суффраган Иоан Цепляк. Санкт-Петербург, 1912 г.

«В среду, 13 мая, прибыл на станцию «Томск-I» (Межениновка) епископ-суфраган Могилевской римско-католической епархии **Иоанн Цепляк**, предпринявший путешествие по всей Сибири для визитации рим.-кат. церквей. Эта первая визитация сибирских церквей. Епископа сопровождают в этом путешествии настоятель митрополичьей церкви каноник **Каревич**, профессор рим.-кат. академии **Лозинский**, проф. семинарии священник **Скрында** и викарий рижского прихода **Венцлав.**

Епископу и его спутникам предоставлен салон-вагон на все время визитации, которая началась с г. Вологды и окончится на Сахалине. Для встречи преосвященного на Межениновку выезжали: курат (настоятель) томского костела Кс. **Демикис**, представители от прихожан – инженер **Ружицкий** и нотариус А.М. Жуковский, синдики костела – отс. штаб-капитан **Волк-Кирачевский**[370], статский советник **А.Н. Валда** и др. лица.

С вокзала епископ и его спутники проследовали в костел, который был красиво декорирован по архитектурным линиям гирляндами из зелени. Кроме того, в воротах, ведущих из церковной ограды на Ефремовскую улицу, устроена была, также из зелени, с электрическими лампочками триумфальная арка. Выйдя из экипажа, епископ вступил на паперть в полном архирейском облачении с митрою на голове и с пастырским посохом. В притворе храма преосвященного встретил курат со святым крестом и водою. Приложившись ко кресту и окропив себя св. водою, епископ окропил также следовавших за куратом священников (ксендзов) и др. духовных особ и, затем, народ. Далее последовал ингресс, т.е. торжественное вхождение епископа в храм при пении хоров с аккомпанементом органа стиха из псалма «Ecce sakordos magnus»[371]. После чего епископ, в сопровождении настоятеля, проследовал к главному алтарю, где хранятся св. дары, для поклонения Иисусу Христу. В это время настоятель читал

---

[370] Правильно: Волк-Карачевский.

[371] Примечание автора статьи: По-русски это можно перевести приблизительно так: «Со, иди вот великий Святитель».

установленную молитву за епископа, по окончании которой произнес краткую молитву сам епископ и занял место на особо установленном троне. В это время настоятель обратился к епископу с приветственной речью, в конце которой дал характеристику нравственного состояния паствы. В заключение епископ обратился с речью к народу, в которой объяснил, что цель его путешествия по Сибири заключается не в ревизии приходов и духовенства, а исключительно в утверждении паствы в вере и нравственности посредством совершения миропомазания.(confirmation sacrament). Дело в том, что у католиков при крещении младенцев совершается, так сказать, лишь предварительное, не полное миропомазание – и в окончательной форме лишь по достижении человеком зрелого возраста, т.е., когда он принимает вероисповедание уже сознательно. Это вторичное миропомазание (конфирмация) совершает непременно высшее духовное лицо – епископ.

Наша Сибирь, не смотря на её колоссальное протяжение, составляет лишь часть Могилевской католической епархии – глава которой – архиепископ имеет местопребывание в С. Петербурге.

Преосвященный Иоанн – 51 года; он доктор богословия и, не смотря на молодые относительно годы, 27 лет состоял профессором Императорской Римско-Католической духовной академии. В Томске о. Иоанн предполагает пробыть до 18 мая.

14 мая в 11 часов утра прибывший в г. Томск католический епископ соборно по случаю дня священного коронования Их Императорских Величеств служил обедню с коленопреклонением и особым молебствием и сказал слово по случаю торжественного дня при громадном собрании прихожан. 15 мая в 11 час. утра епископ Цепляк в сопровождении священников Демикис, Венцлава, Лозинского и Скрынды прибыл в №1 томского арестантского отделения, где в особой камере красноярского барака была устроена заботами тюремного ведомства часовня с алтарем, окруженным цветами. Со всех томских мест заключения были собраны подследственные и исправительные арестанты, в числе сорока пяти. Епископом была отслужена обедня, была

совершена исповедь, причастие и миропомазание. Было им сказано прочувственное слово религиозно-нравственного содержания. Арестованные были тронуты речью и благодарили за наставление. Епископ благодарил тюремного инспектора г. Билима, тюремное ведомство за заботы о религиозных нуждах арестованных. На службе были и посторонние лица. После службы начальник отделения предложил посетившим отделение завтрак.

Ежедневно во время своего пребывания в Томске епископ совершал в костеле и в других местах, которые он посещал, богослужения – мессы, т.е. литургии и молебствия. Особой торжественностью отличались понтификальные, т.е. первосвятительские литургии, совершенные в дни св. Троицы и св. Духа (17 и 18 мая).

По окончании литургий преосвященный также ежедневно совершал миропомазание, т.е. конфирмацию или, по польски, бежмование. Последнее таинство, вследствие малого помещения в костеле и благодаря хорошей погоде, совершалось в саду, находящемся при храме, где желающие принять божмование не подходили к епископу, как это принято у нас при помазании елеем, но, наоборот, преосвященный в полном архиерейском облачении сам подходил к каждому конфирмуемому.

Кроме совершения богослужений, епископ, также ежедневно, или посещал учебные и благотворительные учреждения, или делал визиты высокопоставленным лицам – высокопреосвященному Макарию, преосвященному Мелетию, попечителю западно-сибирского учебного округа, ректору университета, директору технологического института и др. особам.

В университете епископ в сопровождении ректора В.В. Сапожникова обозревал все аудитории, кабинеты, музеи, сад, оранжереи и пр., при чем объяснения давал сам В.В. Сапожников и некоторые из бывших в университете профессоров. Такое же обозрение преосвященный сделал в технологическом институте, в сопровождении директора.

Затем, епископ посетил некоторые из благотворительных учреждений – приют для старцев на Акимовской ул., школу и приют для детей на Ефремовской ул. Осмотрел также принадлежащее костелу недвижимое имущество, состоящее из земельных участков на Солдатской и Загорной улицах, и, наконец, совершил поездку на Ксендзовскую заимку, находящуюся на правом берегу р. Томи, верстах в 9 от города. Здесь также осмотрел дачные постройки и др. имущество, принадлежащие костелу.

Стечение народа во все дни пребывания епископа в г. Томске было громадное; костел не мог вмещать молящихся и желающих видеть преосвященного. Народом заполнены были весь сад и двор при костеле. Много было приехавших издалека – за 300 и более верст. В числе посетителей были не одни поляки; много было латышей, белоруссов и других, преимущественно переселенцев из Западного края и с юга России.

В личном обращении, как с паствой, так и с посторонними лицами, епископ держит себя, хотя и корректно, как подобает духовной особе, но в то же время доступно для всех, просто и ласково, особенно с детьми, которые прямо льнули к нему. С тем поговорит, другого погладит по голове, третьему картинку или крестик подарит и т. п.

В Духов день, 18 мая, преосвященный совершил последнюю в Томске понтификальную литургию и окончил миропомазание. После трапезы в квартире настоятеля костела ксендза Демикиса, епископ ездил в сопровождении вновь прибывших в Томск ксендзов – вице-настоятеля костела св. Екатерины в Петербурге Бувиса и настоятеля Туркестанского костела Пранайтиса, на римско-католическое кладбище, по возвращении с которого началась церемония прощания епископа с паствою кратким богослужением в костеле, с пением хора под аккомпанемент органа. По окончании богослужения преосвященный произнес глубоко прочувствованную, обращенную к пастве, речь.

Обед в честь римско-католического епископа и отъезд его.

17 мая в 6 час. вечера, по окончании всех церковных служб, начавшихся с девяти часов утра, состоялся в доме при костеле обед, данный томскими католиками в честь впервые прибывшего в Сибирь римско-католического епископа-суфрагана Иоанна Цепляка. Обед носил частный семейный, дружественно-радушный характер и прошел приятно и оживленно. На обеде епископ сказал слово, обращенное к родителям, о воспитании детей в вере. **Е.Л. Ружицкий** благодарил епископа за приезд и от имени прихода высказал пожелание счастливого пути, при исполнении тяжелой миссии. **С.С. Карчевский** сказал прочувствованное слово привета пастырю и выражения радости видеть его и слышать его духовное слово. **Е.М. Баранцевич** просил разрешения сказать несколько слов по-русски в стихах, посвященных вере, о которой епископ, как пастырь, так много, душевно и убежденно говорил во все дни пребывания его в г. Томске, каковые слова апостола правды и добра он несет на дальнюю окраину Сибири, сея благо по всему своему пути между католиками. На эту просьбу г. Баранцевича его преосвященство отвечал, что выражение искренних чувств высказывается на всех языках. – Поэт всегда везде праве говорить на языке, на языке, на котором он пишет. После этого г. Баранцевич сказал написанные им стихи и раздал всем присутствующим, свыше 70 человек, свое специально для этого случая напечатанное стихотворение. В своих стихах г. Баранцевич воспевает значение веры и говорит, что:

«Она алтарь в тебе воздвигнет
И вспыхнет жертвенным огнем,
Непостижимое постигнет,
Забыв о горе о своем…

Далее советует:

«Молись! – из райского чертога
Святая Вера снизойдет,

И душу, полную тревоги,
Она от гибели спасет.
Спасет тебя в часы страданья,
Дух укрепит, и снова ты –
Узнаешь в жизни ликованья,
Узнаешь светлые мечты»!

За здоровье епископа, затем был провозглашен тост. За выражение прихожанами религиозных чувств и за прием епископ в лице присутствующих благодарил весь приход. Обед окончился в 9 час. вечера.

18 мая, по окончании служб церковных, состоялось у епископа собрание прихожан католиков по вопросу о постройке нового костела, и епископ решил после долгих прений ныне существующий в г. Томске костел сохранить, оставить на своем месте, а на имеющийся капитал на сей предмет и на собранный по особой подписке, которую тут же открыл, построить новый костел в другом месте. По предмету постройки нового собора была избрана депутация, состоящая из **Е.М. Ружицкого**, капитана Савицкого и мировых судей С.С. Карчевского и Е.М. Баранцевича.

18 мая, в 9 ч. вечера, епископ и сопровождавшее его духовенство отбыли на вокзал Томск-I, куда проводить его собралась тысячная толпа интеллигенции с детьми, благодарившая его за посещение Сибири. Благословляя лиц, провожавших его, он отбыл в г. Мариинск и далее. Купе епископа было убрано цветами и на столе было поставлено роскошное серебряное блюдо с изображением костела, с надписью: «От томского прихода». Из Берикульска от епископа получена следующая телеграмма на имя кс. Демикиса: «Ещё раз примите сами и передайте дорогим вашим прихожанам наше искреннее спасибо за радушное сердечное гостеприимство. Епископ Иоанн»[372].

Говоря о результатах поездки епископа-суфрагана по Сибири следует отметить, что результатом его личного

[372] «Сибирские отголоски», №10, 21 мая; №12, 23 мая.

ознакомления с ситуацией Церкви в данном регионе российской империи стало учреждение в следующем 1910 году «местного церковного самоуправления», что выразилось в организации в сибирском регионе трех католических деканатов. 10 июня 1910 года территория Западной Сибири была поделена между Томским и Омским деканатами. Кроме того, был создан Иркутский деканат для Восточной Сибири. Главой Томского деканата был назначен настоятель томского прихода, магистр богословия Иосиф Демикис.

Также в ходе визита епископа в Томск был разрешен насущный, но спорный для томских католиков до сего времени вопрос: проводить реконструкцию существующего храма для увеличения его площади или же построить в городе второй храм, который мог бы вмещать минимум 2000 человек, поскольку в городе насчитывалось уже 4 тысячи католиков, а существующий храм вмещал не более 600–700 человек. Во время заседания и долгих прений по этому вопросу епископ - суфраган Ян Цепляк предложил существующий храм сохранить, оставить на своем месте, а «на имеющийся капитал на сей предмет и на собранный по особой подписке, которую тут же открыл, построить новый костел в другом месте»[373].

31 мая 1909 г. состоялось общее собрание прихожан католического костела, на котором окончательно было «принято решение о постройке в г. Томске второго костела на новом месте. Избран комитет по постройке костела, почетным председателем которого стал епископ-суфраган Я. Цепляк»[374].

Поддержав решение о строительстве в Томске второго храма, епископ – суфраган добился на это разрешения в МВД и утверждения проекта возведения второго католического храма в Томске в районе Верхней Елани. Однако реализации данного проекта не суждено было воплотиться в жизнь, вначале из-за недостатка необходимых для строительства средств, а затем начавшейся Первой мировой войны.

---

[373] «Сибирские отголоски», №12, 23 мая.

[374] «Сибирская жизнь», 1909 г., 3 июля.

Что же касается возбуждаемого регулярно Ватиканом вопроса о назначении для Сибири отдельного католического епископа, то позиция царского правительства по-прежнему оставалась неизменно отрицательной. Это вновь подтвердил в 1911 году тогдашний премьер-министр и министр внутренних дел Петр Столыпин в своем сообщении сибирскому генерал-губернатору, указывая, что хотя в результате миграционных процессов количество католиков в Сибири продолжает неуклонно возрастать, «общее направление католицизма как Церкви воинствующей (…) вынуждает относиться ко всякого рода усилению организации католицизма в России с величайшей осторожностью»[375]. И только с падением царского режима стало возможным учреждение Святым Престолом для католиков Сибири специальной канонической структуры - Апостольского викариата, что и произошло 1 декабря 1921 года.

История создания и функционирования Апостольского викариата Сибири требует отдельного повествования и так как она хронологически и тематически выходит за рамки нашего рассмотрения, мы её здесь опустим. Отметим только, что с установлением в стране Советской власти не только становление структур Католической Церкви в Сибири, но и сама Церковь оказались под угрозой уничтожения и лишь только с её ликвидацией начался процесс возрождения Католической церкви и её структур в России в целом, так и в Сибири.

[375] А. Масленников. Структуры Римско-Католической Церкви в Западной Сибири.

Глава 16.

Условия формирования и развития католических приходов на территории Томской губернии на рубеже XIX - начале XX вв.

Рубеж XIX и первое десятилетие XX века для католиков в Сибири ознаменовалось процессами, которые значительно изменили их не только количественно, но и качественно. Если в конце XIX века, как показывают данные Первой Российской переписи населения 1897 года, на территории Томской губернии проживало 8973 католика, то в последующие 15-20 лет их численность многократно выросла. Так, в 1909 г. в городах и селах губернии их было уже почти 36 000, через год, в 1910 г. – более 41 000 чел.; в 1912 г. – 43 500 чел., а в 1913 г. – 52 000 чел., что в среднем составляло от 1,07 до 1,35 % населения губернии[376]. По городам и уездам губернии в 1914 г. католики были расселены следующим образом: (табл.1.1)[377].

Таблица 1.1.
Католическое население Томской губернии в 1914 году

Города и уезды	**Римо-католиков**		
	муж.	**жен.**	**ВСЕГО**
Гор. Томск	2089	1967	4056
уезд его	4621	4781	9402
Гор. Барнаул	298	320	618
уезд его	2759	2730	5489
Гор. Бийск	24	15	39
уезд его	15	19	34
Гор. Каинск	115	77	192

[376] Обзор Томской губернии за 1909 г. Томск, 1910. Ведомость №2; Указ. соч.за 1910 г. Томск,1911.Ведомость №2; Указан. соч. за 1912 г.Томск,1913. Ведомость № 2;Памятная книжка Томской губернии на 1910 г.Томск,1910. с. 308;Указ. соч. на 1911 г. Томск,1911. с.223; Указ. соч. на 1912 г. Томск,1912.С. 184. Указ. Соч. на 1913 г.Томск,1913. с.187.
[377] ГАТО Ф.3 Оп.77 Д.341 Л.27.

уезд его	3892	3697	7589
Гор. Кузнецк	6	4	10
уезд его	118	108	226
Гор. Мариинск	917	806	1723
уезд его	4753	4706	9459
Змеиногорский уезд	-	-	-
Гор. Ново-Николаевск	1383	1552	2935
Гор. Колывань	7	4	11
Гор. Нарым	1	2	3
Гор. Тайга	699	687	1386
Гор. Татарск	25	40	65
Гор. Боготол	340	291	631
В городах	**5904**	**5765**	**11669**
В уездах	**16158**	**16041**	**32199**
Всего в губернии	**22062**	**21806**	**43868**

Из данной таблицы следует, что к 1914 году на территории Томской губернии сложился значительный контингент населения римско-католического вероисповедания.

Рост численности католиков в Сибири в целом, в том числе на территории Томской губернии в указанный период сопровождался также изменениями в их сословном, социальном и национальном составе. Если в конце XIX века среди сибирских католиков все ещё преобладали политические ссыльные поляки и их потомки, то в последующие 15 лет основную массу мигрантов в Сибирь стали давать экономические добровольные переселенцы.

Однако данное утверждение не означает, что поток политических ссыльных из Западных губерний империи в Сибирь в конце XIX – начале XX века полностью прекратился, он просто стал значительно меньше и окончательно иссяк только с занятием этих территорий противником в ходе Первой мировой войны. Так, например, в декабре 1914 г. в Нарымский край в качестве административно-ссыльного был направлен католический священник Ян Растворовский,

по не уточненным данным – ректор Хоровской семинарии близь Перемышля. В последствии он был переведен на жительство в г. Кузнецк, откуда в 1917 г. получал разрешение на кратковременную отлучку в Томск для лечения[378].

Наибольшее количество переселенцев в Сибирь с 1906 г. было связано с аграрным переселением. Определенное значение имела также индустриальная миграция, начавшаяся со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали и продолжавшаяся до 1914 г. С начала XX века помимо католиков-поляков возрос поток единоверцев из числа литовцев, латышей, немцев, белорусов, что способствовало изменению национального состава в среде сибирских римо-католиков.

Как утверждают специалисты, именно с конца XIX века в Сибири стал происходить процесс формирования качественно новой категории населения – сибирского католичества, происходивший в три этапа. Первый (с 1881 по 1906 гг.) характеризовался легализацией крестьянских миграций, возникновением молитвенных домов на фоне приходских церквей, возникших в более раннее время: в Томске (1833 г.), Тобольске (1847 г), Омске (1862 г.). Второй (с 1906 по 1914 гг.) отмечен покровительственными мерами со стороны правительства по отношению к переселенцам-католикам, в том числе к устройству их конфессиональной жизни. Третий (с 1914 по 1917 гг.) – с начала Первой мировой войны до социалистической революции, период вынужденных миграций, переселение в Сибирь беженцев с театра военных действий[379].

Останавливаясь на указанном втором этапе, отметим, что основной категорией прихожан-католиков в указанные годы стали добровольные мигранты из европейских территорий страны, преимущественно крестьяне. Однако, кроме крестьян-

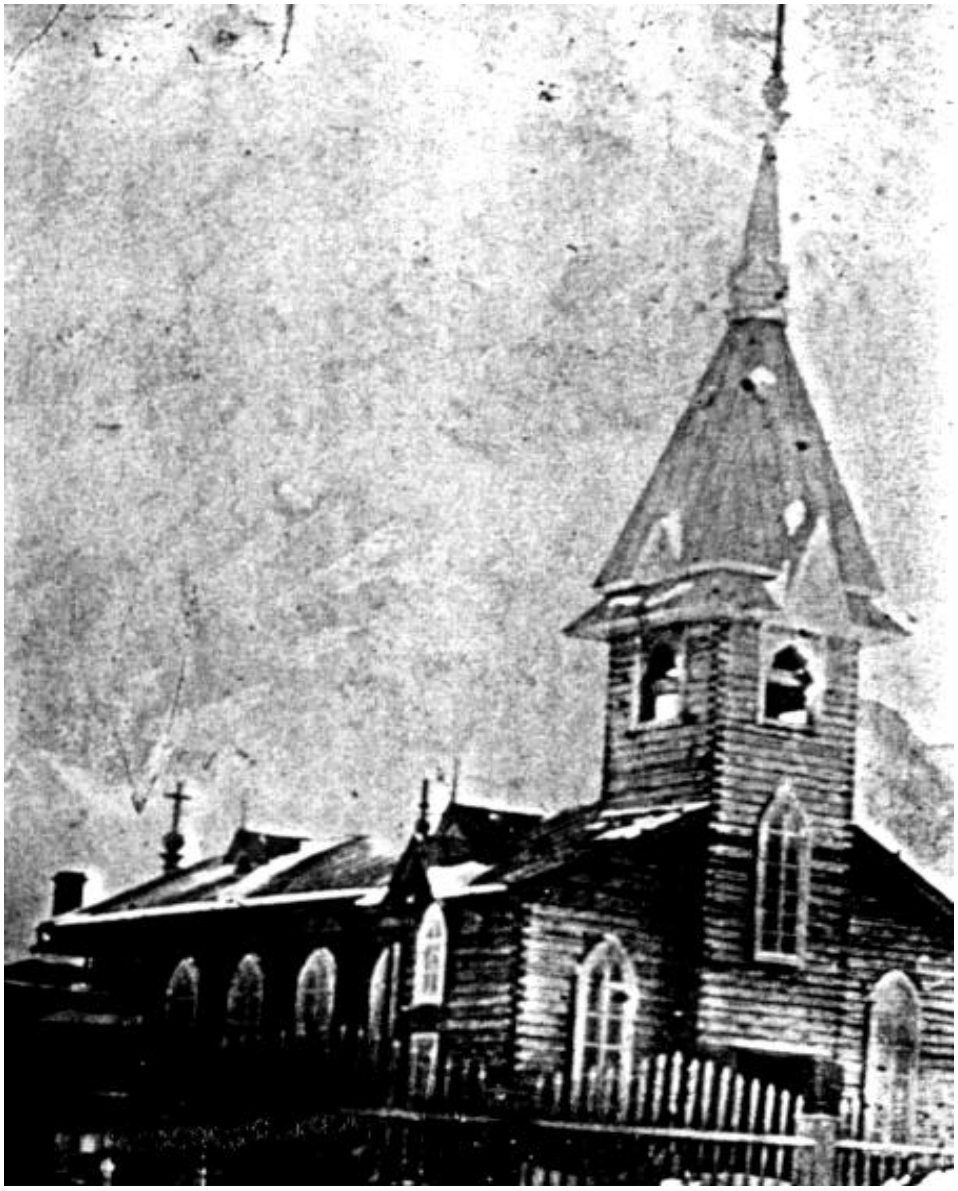
---

378 ГАТО. Ф.527.Оп.1.Д. 915.О.21об.;Ф.104.Оп.1.Д.4021.

379 Недзлюк Т. Г. Римско-католическая церковь в полиэтническом пространстве Западной Сибири. 1881-1918 гг. Новосибирск,2009. с. 34.

земледельцев, с 1909 года в Сибирь стали переселяться также польские шахтеры из Домбровского угольного бассейна, оказавшиеся в сложном экономическом положении[380]. Причем приезд их в Сибирь не был связан тогда с целью найти работу в шахтах, а с намерением вести крестьянское хозяйство.

Оказавшись в новых условиях, переселенцы-католики и Сибири стремились придерживаться традиционных культурных ценностей и религиозных традиций своего народа,



1.26. Костел в Нарымском крае, предположительно в пос. Маличевском. Фото1920-х гг.

[380] Там же. с.40.

желая сохранить и на новом месте жительства свою конфессиональную и этническую идентичность, воспитывать детей в вере своих предков. Правительство, ставя задачи не только переселения в Сибирь добровольных мигрантов, но и закрепления их здесь, поэтому не могло игнорировать религиозные потребности переселенцев.

На практике это выражалось в том, что в местах компактного расселения католиков, благодаря поддержке властей, стали строится католические храмы, молитвенные дома и часовни, прихожане получили возможность приглашать к себе священников, т.е. стали учреждаться новые католические приходы, имеющие не только молитвенные здания, но и приходских священников.

Период от 1905 до 1917 г. активного переселения в Сибирь крестьян из малоземельных губерний европейской части Российской империи сопровождался также настоящим бумом в строительстве церквей, часовен, молитвенных домов, причем не только православных, но и других христианских конфессий. Обусловлено это было не только значительным ростом потока переселенцев, но и последовавшими в 1905 г. государственными манифестами. Сначала, 17 апреля 1905 г., на Пасху было объявлено о пусть неполной, но значительной религиозной свободе, а спустя ровно 6 месяцев, 17 октября 1905 г. император объявил в манифесте и о других гражданских свободах. Изменения и новые свободы не могли не оказать влияния на все стороны жизни Российского общества. Для небольших и отдаленных от центра общин в Сибири эти изменения давали главным образом то, что теперь нужно было преодолевать гораздо меньше барьеров бюрократического характера, чтобы построить новое сакральное здание и оформить образование нового прихода.

Следует отметить, что в среде местного сибирского населения переселенцы-католики обычно пользовались репутацией отличных работников, чрезвычайно честных, бережливых до скупости и очень набожных. Зачастую при выборе своего нового места жительства они в первую очередь

учитывали не климатические и географические факторы, а религиозные: наличие или отсутствие поблизости католического храма, присутствие или отсутствие священнослужителя своей веры. Более привлекательными для водворения оказывались те переселенческие участки, которые находились в непосредственной близости к храму. Так, например, один из чиновников по водворению переселенцев в Зачулымском подрайоне в своём донесении в Переселенческое управление обращал внимание на то, что от переселенцев-католиков, возвращающихся обратно на родину на вопрос о причине возвращения приходится всегда слышать «Костела нема», а затем уже «земля плохо родит, пособия мало…»[381].

При устройстве на новом месте сельским обществам выделялись земельные наделы, где они на собственные деньги, а с 1906 г. и на средства Переселенческого управления могли возводить культовые здания. С 1910 г. разрешения н строительство римско-католических церковных зданий стали предоставляться по ходатайствам жителей какой-либо определенной местности, с разрешения епархиального начальства и Духовной коллегии. Практически на все ходатайства сибирских католиков был дан положительный ответ, так как правительство было заинтересовано в поддержании у переселенцев любого исповедания достойного уровня религиозной жизни – основы народной нравственности[382].

Однако в любом правиле могут быть исключения. Оказались они и здесь. При изучении архивных документов установлено, что в 1910 г. было отказано в строительстве костела в поселке Ченстоховском Тюхтетской волости Мариинского уезда крестьянам переселенческих поселков Ченстоховского, Варшавского, Польского, Двинского и Ново-Дмитриевского на том основании, что католический храм уже

---

[381] ГАТО. Ф.3.Оп.77.Д.100. Л.66.

[382] Недзлюк Т.Г. Римско-католическая церковь в Западной Сибири 1881-1918 гг. Автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 2001.

намечен к строительству в волостном селе Тюхтет[383]. В октябре 1913 года томским губернатором было отказано в получении ссуды на строительство своей церкви крестьянам-католикам поселка Вяземского Златогорской волости Мариинского уезда[384].

До 1909 г. для католиков Сибири не существовало специальной административной единицы Могилевской епархии. Но ещё во время строительства Трансибирской железнодорожной магистрали и начала массового переселения в Сибирь в руководстве Могилевской епархии обсуждался вопрос о необходимости создания для сибирских католиков особой Сибирской епархии с центром в Томске или же учреждение специальной должности епископа-суфрогана (помощника митрополита), который взял бы на себя заботу о делах сибирских католиков[385]. Но такие предложения главой Правительства П.А. Столыпиным были отклонены под предлогом нежелательности обострения националистических настроений в обществе. Однако, чтобы все же упорядочить структуру многочисленных римско-католических приходов, стихийно возникших в разных населенных пунктах на востоке, в 1909-1910 гг. были созданы Омский и Томский (а также Иркутский в Восточной Сибири) деканаты.

Томский деканат был самым многочисленным, насчитывал 35770 верных. Для сравнения: Омский деканат – 34308 верных, Иркутский – 29925 верных. Руководить Томским деканатом был назначен администратор, о. Иосиф Демикис, настоятель храма в г. Томске. Деканат включал в себя, прежде всего, место пребывания декана и приход церкви Покрова Пресвятой Богородицы Св. Розария в губернском городе, а также ещё 5 приходов и 4 филиала.

В период войны число католиков в приходах Томского деканата увеличилось также за счет беженцев и военнопленных. Неудачный ход военных действий

---

383 ГАТО.Ф.239.Оп. 8.Д.72.Л.23-23 об.

384 ГАТО.Ф.3.Оп.77.Д.75.Л.15-15об.

385 W. Masiarz. Projekt utworzenia biskupstwa katolickiego w Tomsku na Syberii na przełomie XIX-XX wieku. s. 279-295.

в 1915 году привел к тому, что в Сибирь из западных губерний империи хлынул поток беженцев, многие из которых были католиками. Только в городе Томске в 1916 году находилось 1318 католиков-беженцев. А вот в уездном Мариинске их было значительно меньше – всего 48 человек. По сельским селениям Мариинского уезда было расселено 284 католика и 20 человек в Кузнецком уезде[386].

В это число не включен значительный контингент военнопленных австро-венгерской и германской армий, размещавшийся в концлагерях и квартирах городских и сельских жителей. Большинство из них были католиками и при условии свободного передвижения по городу посещали католические храмы, становились прихожанами местных приходов. В Томске, например, в эти годы находилось несколько тысяч военнопленных-католиков, из них в 1915-1919 гг. 466 человек умерли от ранений и болезней и были похоронены на городском католическом кладбище с совершением всех обрядов и поименной записью в метрические церковные книги[387]. 21 марта 1919 г. от сыпного тифа при исполнении долга пастыря в Томске умер католический священник из военнопленных Франтишек Кантор.

Следует отметить, что с началом войны и прибытия в Сибирь католиков-беженцев штат католических священников Томского деканата возрос почти в два раза, в основном, также за счет ксендзов-беженцев и составил 16 человек вместе с Томским деканом Иосифом Демикисом. Так, с июня 1915 г. в Боготольском приходе стал работать о. Игнатий Янулис, в августе 1915 г. в Томск прибыл о. Иоан Аудар и впоследствии поселился в поселке Тимофеевском Каинского уезда, с марта 1914 г. в Мариинске стал служить о. Станислав Папалейгис[388]. В феврале 1916 г. из Петрограда в город Тайгу был прислан ксендз

---

386 ГАТО.Ф.3.Оп.77. Д.341. Л.17.

387 Ханевич В.А., Караваева А.Г. Католический некрополь города Томска. 1841-1919. Томск, 2001.

388 ГАТО. Ф.3 Оп.77 Д.341 Л.5-5об.

Казимир Яссась,[389] а в апреле 1916 г. в г. Новониколаевске был поселен отец Юлиан Юркевич. В обязанности о. Казимира и о. Юлиана входило обслуживание только католиков-беженцев,[390] но о. Казимиру в городе Тайге за неимением там своего священника пришлось принять на себя обязанности настоятеля местного прихода. Сообщая в МВД о прибытии в Томскую губернию о. Казимира Яссася, томский губернатор отмечал, что при условии продления ему командировки необходимости в дополнительных штата католических священников по губернии не будет, т.к. духовные нужды беженцев-католиков удовлетворяют также местные ксендзы Бороковского, Боготольского и Мариинского приходов[391].

Как сообщал уполномоченный Центрального обывательского комитета в Томск, местные католические священники Марцелий Шварась (Бороковский приход), Игнатий Янулис (Боготольский приход) и Станислав Папалейгис (Мариинский приход) за удовлетворение этих нужд не только не получали никакого вознаграждения, но «изъявили любезное согласие на безвозмездное исполнение обязанностей инструкторов Центрального обывательского комитета»[392].

В 1916 году чиновник по особым поручениям доносил губернатору, что в 1915-1916 гг. в губернию было водворено также 8 униатских священников, поселенных в городе Томске и Нарымском крае, но им согласно распоряжения Министра внутренних дел разрешено переехать на жительство в Казанскую губернию[393].

Архивные документы свидетельствуют, что увеличение штата католических священников Томского деканата за счет ксендзов-беженцев вызвало заметное беспокойство не только среди руководства губернии, но и МВД: чиновники опасались возрастания «вредной деятельности» католических

---

389 ГАТО. Ф.7.Оп.1.Д.37.Л.30.
390 Там же. Л.49.
391 Там же. Л.31.
392 Там же. Л.30-30 об.
393 ГАТО Ф.3 Оп.77 Д.341 Л.22.

священников против правительства и Православной церкви. Запрошенный губернатором по этому поводу епископ Томский и Алтайский Анатолий ответил, что о каких-либо открытых выступлениях отдельных лиц и организаций римско-католического вероисповедания против Православной церкви и православных, соединенных с пропагандой католичества ему не известно, но, по его мнению, «то или иное влияние католиков на православных при переходе последних в римско-католическое вероисповедание есть… и это влияние значительно усилилось с приездом в пределы епархии ксендзов-беженцев, которые, получая командировки в поселки со смешанным населением /из католиков и православных/, воздействовали на умы своих пасомых…»[394].

И это несмотря на то, что среди местного населения католики обычно пользовались репутацией законопослушных граждан. Например, католики города Тайги более десяти лет послушно писали прошения об отводе им участка земли для строительства дома для священника и неизменно получали отказ, тогда как рядом пустопорожний участок земли зарастал бурьяном.

Правда, католики Мариинска в схожей ситуации оказались менее законопослушными и самовольно прирезали к приходскому участку кусок свободной городской земли. Их можно было понять, т.к. российский чиновничий аппарат всегда отличался мздоимством и чрезвычайным бюрократизмом в решении практически всех вопросов, в том числе открытия и устройства новых приходов и строительства церквей. Поэтому были случаи, когда переселенцы нарушали те или иные пункты установленных правил открытия молитвенных домов и храмов.

Правила же предусматривали несколько условий. Во-первых, прежде чем прошению будет дан ход, нужно было получить заключение Могилевской римско-католической духовной консистории о том, что в данном месте есть крайняя необходимость в сооружении часовни или храма; во-вторых,

[394] Там же. Л.13-14.

представить проект плана в 2-х экземплярах предполагаемого к сооружению храма; в-третьих, представить смету на строительство храма или часовни; и, наконец, в-четвертых, представить «бесспорные доказательства наличности средств», т.е. иметь сумму денег, достаточную для строительства часовни или храма[395].

По информации губернского начальства, в Томской губернии к началу 1914 г. без надлежащего разрешения были построены римско-католические молитвенные дома в поселке Тимофеевском Каинского уезда и поселке Мариенбургском Змеиногорского уезда[396]. Проведенная проверка в других уездах губернии фактов нарушения указанных правил не выявила…

Итак, рассматривая те условия, в которых шло формирование католических приходов на томской земле в указанный период, можно констатировать, что за короткий промежуток времени здесь в ходе как добровольных, так и вынужденных миграционных процессов сложились условия для функционирования новых самостоятельных католических приходов. В 1917 г. в Томском деканате числилось уже 24 церкви, часовни и дома молитвы, разделенные на 11 приходов.

[395] Там же. Л. 15.
[396] ГАТО.Ф.3.Оп.67.Д.270.Л.8-8 об.

Глава 17.

О сельском храме св. Антония Падуанского и его прихожанах (часть I)

Повествуя об истории римско - католических храмов и молитвенных домов, возведенных ещё в начале XX века в целом ряде сельских приходов на всей территории Западной Сибири приходится констатировать, что к настоящему времени сохранился, восстановлен и продолжает действовать согласно своего первоначального предназначения только один из них – храм Св. Антония Падуанского в селе Белосток Томской области.

Сельское поселение Белосток, что находится в 180 километрах северо-западнее города Томска, в настоящее время является одним из редких мест компактного проживания потомков поляков, католиков по вероисповеданию, основавших это село более ста лет назад. История его проста и во многом схожа с историей сотен сибирских посёлков, основанных на рубеже веков и первого десятилетия ушедшего XX века. И в тоже время история этого поселка, возведенного храма и его прихожан являет собой яркий и показательный пример жизнестойкости сибирского крестьянства «с польско - католическими корнями», их стремления к сохранению своей этноконфессиональной самобытности на всем протяжении своей истории. Это и пример добрососедского проживания с представителями других народов и непростых отношений с властью.

Особое значение это место на карте и в жизни имеет для автора этих строк. Это его родина, здесь прошло его детство и юность, здесь родились его родители и деды, а прадеды были в числе его первых поселенцев, строителей и прихожан своего храма. Истории села и его жителей, судьбе сельского храма посвящено несколько десятков статей в российских и польских

изданиях, изданы книги[397] и сняты видеофильмы, что ещё больше вызывает интерес к этому месту на географической карте томской земли. Желание как можно больше узнать о жизни первых поселенцах села и их потомках, а также о том кем и как здесь был возведен католический храм, ставший на десятилетия центром религиозной жизни для многих католиков, живших в северной части Томской губернии.

Основан Белосток был в 1898 году вначале как переселенческий пункт «Ново-Рыбаловский» на территории Николаевской волости Томского уезда на участке глухой тайги на берегу таежной речушки Бровки, в 25 верстах ниже по течению впадающей в реку Обь, и предназначался для заселения прибывающих в Сибирь крестьян - земледельцев из малоземельных районов Российской империи. Судьбе было угодно, что в числе ходоков - крестьян, первыми осмотревшими обозначенный участок тайги под заселение и «застолбившими» его для себя, своих родственников и соседей, было несколько крестьян, католиков по вероисповеданию и поляков по национальности, живших до этого в Гродненской и Виленской губерниях и решившихся из-за безземелья в поисках лучшей доли перебраться в Сибирь.

Понятно, что не от хорошей жизни решились некогда эти люди, вековечные хлеборобы, на переселение в далекую Сибирь. Безземелье, низкое плодородие местных песчаных почв не позволяли прокормить большие крестьянские семьи. Многие, покидая родные хаты, уходили на заработки в соседние города и местечки. Так, один из первооснователей сибирского Белостока, Александр Иоч, после смерти отца Казимира в 1884 году уехал из своего родного поселка Ютевцы, что расположен в десяти километрах от городка Щучино Гродненской губернии, в губернский город Вильно и служил

---

[397] В.А. Ханевич. Белостокская Трагедия.Томск, Томский вестник, 1993. - 192 с.; Сибирский Белосток: Сб. док. и материалов. Сост.: Ханевич В.А. Томск, 1998. - 238 с.; W. Chaniewicz. Wiejska świątynia. Z historii budowy, zniszczenia i odbudowy kościoła we wsi Białostok na Syberii // Kościół katolicki na Syberi. Wrocław.-2002.- s. 355-367; Tragedia Syberyjskiego Białegostoku //Pelplin-2008.-230 s.

там несколько лет пожарным. Другой первопоселенец – Ян Ханевич, подростком вместе со старшим братом Юзефом (Осипом) подрабатывал тем, что занимался перевозом грузов и пассажиров от станции Поречье до города Гродно. Сами жили они в деревне Салати в пяти километрах от железнодорожной станции Поречье железной дороги Петербург-Варшава. Подобными подработками занимались в те годы многие малоземельные крестьяне Гродненщины, Виленщины, Белостокщины, но и они не давали необходимых средств к существованию.

Десятки семей покидали родные места, уезжая в Америку, Канаду, а с конца XIX века и в восточные районы Российского государства. Царское правительство было заинтересовано в переселении крестьянства в Сибирь, обещая поддержку, льготы и содействие в обустройстве на новом месте. И следует отметить, что помощь эта была немалой. Ходоки получили бесплатные проходные свидетельства на проезд к местам будущего заселения, семьи переселенцев имели льготный тариф на перевоз багажа и свой проезд по железной дороге. Так, взрослые и дети старше десяти лет платили только четверть цены пассажирского билета третьего класса, а дети моложе десяти лет провозились бесплатно. Перевоз клади стоил по копейке с пуда за каждые 100 верст. За лошадь и крупный рогатый скот при перевозке нужно было платить по полкопейки за каждую версту дороги. Кроме льготных тарифов на проезд, каждая переселенческая семья могла получить до ста рублей беспроцентной ссуды на домообзаведение и покупку сельхозинвентаря. Новоселы освобождались от государственных налогов на первые три года полностью, а последующие три года платили их в половинном размере. Призывники в армию получали отсрочку на три года. Помимо льгот и ссуд, государство тратило значительные средства на обустройство для переселенцев хлебозапасных магазинов и пунктов по продаже сельхозинвентаря, строительство фельдшерских пунктов, школ, церквей, мостов, дорог, рытье колодцев…

Вот и оказался один из прадедов автора, Александр Иоч в 1896/97 годах в Томской губернии в качестве ходока-разведчика. В Переселенческом управлении получил предложение осмотреть отведенные под заселение участки тайги в Николаевской волости Томского уезда, что располагалась в ста верстах к северо-западу от губернского города на левобережье Оби.

Записав за собою и своими родственниками наделы земли, вернулись они на родину за семьями. Еще и там долго вместе с родными решали все плюсы и минусы столь серьезного намерения. Наконец, решившись, на следующий год по весне, получив переселенческие свидетельства и подъемные, распродав громоздкие вещи и распрощавшись с односельчанами и родственниками, тронулись в путь. До Томска ехали железной дорогой в товарных вагонах вместе со скотом и провиантом для него, утварью и крестьянскими орудиями труда. На семью выделяли по одному вагону-товарняку. От Томска до села Молчаново, где находился один из переселенческих пунктов, плыли на пароходе по великой сибирской реке Оби, а там уже своим ходом через таежные урманы и болота на выбранное место своего жительства... Так на карте Томской губернии появился в 1899 году еще один новый переселенческий выселок, основателями которого стали католики.

Что это были за места в то время можно узнать из докладной записки чиновника по крестьянским делам Райского томскому губернатору от 15 сентября 1898 года: «...что касается участков в Николаевской волости, на которых определяется приблизительно 800 семей, то они стоят в худших условиях по сравнению с другими переселенческими участками как в отношении путей сообщения, так и в отношении приобретения на них хлеба и земледельческих орудий. В ближайших к этим участкам деревнях у старожилов можно приобрести в необходимом количестве только скот. Переселенцы на участках Кочубин, Юкаринском, Южаинском, Рыбаловском, Черловинском и Сайнаковском, располагающихся недалеко: от трех до двенадцати верст от села Монастырского

и деревень Кайменаковой, Ереминой и Рыбаловой Николаевской волости могут ещё рассчитывать найти хлеб в этих деревнях или в крайнем случае в поселках Богородской волости по реке Шегарка, где много имеется хлеба у крестьян-старожилов. На остальных же участках: Большом Татоше, Гришкинском, Кривошеинском, Междуреченском, Пудовском, Александровском и Крыловском хлеба будет негде достать для переселенцев этих участков в количестве 1420 души мужского пола и не менее женского... Относительно путей сообщения в частности необходимо сказать, что переселенцев на участках Южаринском, Рыбаловском, Сайнаковском и Черловинском представляет существенное неудобство - речка Шегарка, довольно многоводная: она отделяет их от всех ближайших старожильческих деревень. Связь с ними прекращается весной во время разлива воды месяца на полтора или два; устроить через нее мост невозможно: его снесет водой. Необходимо было бы устроить на этой речке паром, но для переселенцев это будет не под силу. Кроме этого, необходимо было бы устроить по дорогам на участке: Рыбаловском три моста. Один - на крутом логу в семь сажень, второй - через речку Степановку длиной в десять сажень и третий на "Буераках" в семь сажень... На других участках есть более или менее значительные топи, но я полагаю, что гати через них могут быть проложены переселенцами без посторонней помощи, хотя, прежде чем они их сделают, будут на топях ломать лошадей и портить телеги...».[398]

Трудно обживались на новом месте земляки-первопроходцы, встретила их суровая сибирская природа с ее немилосердным таежным гнусом летом и невиданными морозами зимой, от которых не спасали ни самодельный накомарник, ни наспех вырытые полуземлянки. Не редкостью был падеж скота от бескормицы и нападения диких животных, ведь совсем рядом, как выяснилось, располагались две медвежьих берлоги. Был голодомор детей и смерть их от дизентерии и простуд, а еще был труд от зари до зари по

[398] ГАТО. Ф.3.Оп.44.Д.499.Л.42-44.

раскорчевке тайги под пашню, каждый клочек которой был полит слезами и потом. Однако труд не был в тягость, это не был труд крепостного или раба. Каждый работал на своей земле и знал, что благополучие его семьи отныне и впредь будет зависеть только от него самого и Всевышнего…

Согласно архивным документам, в первый год заселения выделенного участка земли здесь уже жили 13 семей. В числе первых переселенцев - основателей села были семьи братьев Иоч: Ивана, Александра, Мартина и Игнатия, а также семьи Осипа Ханевича, Героима Мазюка, Луки Майсака, Адама Бельского, Осипа Маркиша, Луки Майсака, Фомы Наумчика, Фадея Радзюка и Викентия Сенько.[399] В 1899 году на новом месте родился и первый житель будущего сибирского Белостока - дочь Александра и Стефании Иоч Мария – Магдалена.[400] Появилось и свое кладбище. Согласно данных метрических книг томского костела, здесь в начале 1902 года была зафиксирована и первая смерть: 28 февраля 1902 г. в пос. Белостокском в возрасте 65 лет скончалась крестьянка Николаевской волости Елисавета Ханевич, мать Осипа и Яна Ханевичей.[401]

В первые два года переселенцы ещё не производили своего хлеба, занимаясь только раскорчёвкой тайги под свои земельные делянки и поэтому вынуждены были брать хлебную ссуду у государства в хлебозапасном магазине, специально обустроенном для переселенцев в старожильческом посёлке Кривошеино на берегу Оби. Однако уже в 1900 году переселенцы Ново - Рыбаловского переселенческого участка кормились своим хлебом.

Говоря о помощи царского правительства переселенцам во времена Столыпиной реформы, все же не следует её преувеличивать. Из-за нехватки денежных средств переселенцы получали пособия и ссуды на домообзаведение

---

[399] ГАТО. Ф.3.Оп.44.Д.499.Л.4.

[400] Родилась 31 июля 1899 г., крещена 14 сентября 1899 г. в г. Томске кс. Скибневским / ГАТО.Ф.527.Оп.1.Д.196. Л.343.

[401] ГАТО.Ф.527.Оп.1.Д.398.Л.85об.

в значительно меньшем размере, чем это объявлялось официально. Так, из отчета заведующего Томского переселенческого района Михайлова за 1907 год можно узнать, что в тот год ссудного кредита переселенцам было отпущено в среднем по 35 рублей на семью, но не более 40-50 рублей на семью, и получили их только 12% желающих. Только 27% ходоков могли взять ссуду для проезда к месту водворения на жительство. Цены же на продовольствие, инвентарь, скот резко возросли из-за увеличения спроса на них. Корова стоила 40 рублей, лошадь - 70 рублей, плуг - до 30 рублей. Стены амбара стали стоить до 100 рублей, а дом мог обойтись в 150 рублей и больше. Переселенец освобождался на первые три года только от государственных налогов, но не от сельских, волостных и приходских сборов, размеры которых были значительно больше государственных и достигали до 25 рублей в год. Кроме местных сборов в деньгах, нужно было выплачивать натуральные налоги, работать на строительстве дорог, мостов, огораживать деревенскую поскотину.

Оказавшись в Сибири, многие переселенцы на месте убеждались в том, что переоценили свои силы, видели, что Сибирь не по их плечу и чрезмерно трудна для проживания. И как итог этого - не меньший поток возвращающихся обратно на родину. Например, в 1901 году из Сибири вернулись к прежним местам проживания более пяти тысяч семей. Тогда же только четвертая часть ходоков нашла Сибирь себе по нраву. В 1907 году 800 семей переселенцев из водворенных на жительство в Томскую губернию в этот же год возвратились обратно. Власти на это смотрели спокойно и трезво, предупреждая желающих переселиться в Сибирь в специально издаваемом для переселенцев журнале “Сибирское переселение” о том, что в Сибири хозяйничать значительно труднее, чем в Европейской России, и что “плохого хозяина Сибирь не переделает в хорошего”.

И все же переселение в Сибирь, несмотря на всю сложность этого процесса, шло очень интенсивно, особенно в период земельной реформы П.А. Столыпина в 1906 - 1910 гг.

За эти годы появились на карте Томской губернии сотни новых селений, разрастались уже существовавшие. Из части переселенческих посёлков, возникших в начале века по левобережью Оби на территории Николаевской волости Томского округа была учреждена еще одна волость - Ново-Александровская с волостным правлением в селе с таким же названием. Вскоре в волостном центре была построена больница, православная церковь, открыт базар...

Жизнь входила в привычную череду крестьянских забот и волнений. Но для католиков - переселенцев не было, как они считали, главного - находящегося рядом храма, где могли бы еженедельно, как у себя на родине, совершать молитвы. Делать же дальние поездки до костела в Томск не имели ни средств, ни времени, занятые повседневными крестьянскими заботами. В какой-то степени сложившаяся ситуация разрешалась, когда на места водворения переселенцев стал добираться томский вице-курат Павел Казюнас и по очереди останавливаясь то в одном, то в другом поселке, где жили католики, совершать на месте все религиозные обряды. Правда, такое случалось редко. Так, например, в середине февраля 1903 г. в поселке Полозовском Молчановской волости (в 70 верстах от пос. Белостокского) прибывший к поселенцам кс. Казюнас в одном из домов в течение недели каждодневно совершал религиозные требы - крестил, венчал и исповедовал... В числе других 16 февраля 1903 г. здесь был повенчан 24 летний поселенец Белостокского поселка Ян Ханевич с 19 летней девицей, крестьянкой поселка Ново-Александровского Марией Журомской.[402]

Получив разъяснение от ксендза, что на строительство храма надо получить разрешение, собравшись на деревенском сходе, подали прошение на строительство храма и выдачу на это строительство государственной ссуды, сами стали собирать деньги, «обложив каждую душу пятирублевым окладом», что было в то время суммой немалой. Официальное разрешение на постройку храма жители Белостокского поселка

[402] ГАТО.Ф.527.Оп.1.Д.413.Л.89об.

получили только в конце июня 1906 года от самого Министра Внутренних Дел и сразу же приступили к постройке. Место под храмом выбрали самое видное в округе: на пригорке, с трех сторон окруженное ложбинами. Села, как такового, ещё не было. Люди жили на заимках, а дома стали возводить вокруг будущего костела. Лес для него заготавливали прямо на месте строительства, выбирая высокие и крепкие сосны, кедр, лиственницу.

Строительством храма занимался избранный из местных жителей строительный комитет под руководством Томского вице-курата ксендза Павла Казюнаса и, как писал в своем рапорте в 1908 году курат Иосиф Демикис, отец Павел «сам собирал пожертвования, не жалел и своих скудных грошей. Мне известно, что для этой постройки кс. Павел лично до трехсот рублей задолжался и теперь выплачивает. Бог его трудом благословил и в этом году к 1-ому ноября костел во имя св. Антония построен согласно плана Мариинского костела - несколько в расширенном виде»[403]. Строили костел специально нанятые плотники, хорошо знающие свое ремесло.

Как указывал курат Демикис, на его строительство «было затрачено 4 тысячи рублей не считая материала и личных трудов крестьян-католиков, костел застрахован в страховом обществе в девяносто рублей. Костел деревянный на лиственничном фундаменте (из колод), крытый железом, с башней и двумя закрестиями. Имеет 14 окон, 5 дверей с замками»[404]. Принявший эстафету от строителя храма ксендза Казюнаса вновь назначенный капеланом Белостокско-Малического прихода ксендз Адольф Филипп в своем рапорте начальству от 1911 г. уточнил: «*Постройка окончена в 1909 г. Длина 10 сажень, ширина 4 сажени, с башней. Костел деревянный на крепких стойках, крыт железом. Две голландские простые печки, 6 дверей, 6 больших и 8 маленьких окон с двойными рамами; окна и двери, пол и потолок крашены масляными красками.*

Инвентарь костела:

---

[403] РГИА РФ. Ф.826.Оп.1.Д.1808. Л.1.

[404] Там же.

В башне колокол пожертвовал кс. И. Демикис, сигнатурка пож. Г.В. Юшкевич. Дароносица, Дарохранительница, кадильница с лодочкой (Monstrancya, puszka, kadzielnica z lo'dka,) пожертвованы г. Иосифом Станевич. Чаша с диском (Calih, patena) пожертвована г. Антонием Станевичем. Икона Божьей Матери скорбящей иждивением Павлины Бельской и другими. Фретроны два иждивением прихожан приобретены; 6 больших и 4 малых подсвечника иждивеием прихожан. Хоругви две приобретены иждивением прихожан. Missale два, обыкновенный и траурный и Cantienale Jurzyn'skiego приобретены иждивением прихожан. Костел сооружен иждивением прихожан, от казны получено 1000 рублей долгосрочной ссуды»[405].

Помимо постройки здания храма в 1908 году в поселке приступили к заготовке материала под постройку плебани

1.27. Костел Св. Антония в пос. Белостокском. Фото нач. 1950-х гг.

(жилого дома для священника) и к 1911 году уже для этих целей были возведены стены дома площадью в 35 квадратных сажени (четыре комнаты, кухня и большая прихожая), крыша

[405] РГИА РФ.Ф.826.Оп.1.Д.1808.Л.67- 69.

покрыта железом, доделаны все окна, но не имелось пока печей «за недостатком средств»[406].

Как вспоминали старожилы села, красавец получился костел. Выполненный в форме католического креста, величаво возвышался он над округой. Крытую способом «рыбьей чешуи» железную крышу и колокольню венчал большой крест, обитый белыми блестящими пластинами. Поэтому крест довольно ярко светился на солнце и был далеко виден. Внутренний вид костела, по мнению старожилов, в своем полном убранстве был великолепен. Высокие ажурные окна занавешивались тканью, до этого просто незнаемой в селе. Иконостас состоял из 15 больших икон с иконой святого Антония в центре. Под высоким потолком висела красивая стеклянная (под хрусталь) люстра. В зале находилось несколько небольших скамеек для прихожан.

Освящен был храм в торжественной обстановке томским куратом Иосифом Демикисом 13 июня 1910 г., в день Св. Антония Падуанского. С этого момента переселенческий поселок стал центром религиозной жизни для многих десятков семей католиков, осевших в близлежащих поселках Ново-Александровской и соседних волостей.

Местные католики были людьми религиозными и не жалели сил и средств на обустройство своей святыни. Хотелось, чтобы все было как на далёкой родине, носило привычный уклад и распорядок, имело привычные названия...

Вот что вспоминала в начале 1990-х гг. о храме уроженка Белостока Софья Черкашина (урожденная Артиш): «В костел все от мала до велика ходили. Придет май, так мы целый месяц ходили... Мужики в храме с правой стороны стояли, а бабы с левой, мы же, ребятишки, на коленях молились. Некоторые взрослые тоже на коленях. Мужики больше стояли, а скамейки - для тех, кто молитвы по книжке мог читать. Хоры наверху устроены были. Пели там, кто умел. Красиво и празднично все это было, особенно в большие праздники. На Пасху «крестный

[406] Там же.

ход» вокруг костела делали, в два колокола звонили. Далеко слышно было...»[407].

Гордостью костела был музыкальный инструмент – фисгармония, стоявшая на хорах. По воспоминаниям, купил её на свои деньги и подарил храму Александр Дащук, приехавший в Сибирь из Седлецкой губернии уже в 1914 году и поселившийся в селе. Впоследствии прихожане неоднократно избирали его приходским старостой, уважая за большую заботу о костеле. Под его руководством вокруг костела была изготовлена ограда, разбиты дорожки, посажено возле храма несколько десятков кедерок и пихт. Такие же насаждения сделаны были на кладбище. Возле ворот и калитки костела была вкопана коновязь, так как на праздничные богослужения в Белосток приезжали многочисленные гости не только с Александровской волости, но и соседних Николаевской и Молчановской.

В своем рапорте от 16 марта 1911 г. ксендз Адольф Филипп указывал, что *«количество душ приписанных к костелу Белостоцкому не достигает цифры 500. Самый дальний пункт от костела Белостоцкого, в котором находится 10 семей католиков это поселок Мало-Муромский Бобарыкинской волости Томского уезда, расстояние от него до поселка Белостоцкого 40 верст. Другие поселки находятся на значительно ближайшем расстоянии, а именно поселок Черловинский расстоянием 18 верст, в котором находится 100 душ, Южаринский 15 верст, Апсаклинский 13 верст, Пудановский 6 верст. В поселке Белостоцком около 40 домохозяев католиков»*[408].

Год от года сибирский Белосток пополнялся жителями. Вместо землянок и избушек со временем выстроили крепкие сибирские пятистенки, амбары и овины, вырыли колодцы с высокими "журавлями", огородили поселок изгородью... Построенный и освященный в 1910 году костел еще больше привлекал в эти места переселенцев-католиков. Когда весной 1914 года буквально накануне Мировой войны в село на жительство приехали последние добровольные переселенцы - сразу более десятка семей из-под города Бяло Подляска

---

[407] В.А. Ханевич. Белостокская трагедия. Томск. 1993. с. 139.
[408] РГИА РФ.Ф.826.Оп.1.Д.1808.Л.69.

Седлецкой губернии, то селиться им в границах села уже было негде. Согласились селиться за деревенской поскотиной на другом берегу довольно большого по деревенским меркам озера-пруда, прозванного в шутку «Байкалом». Так с тех пор жителей этого выселка в 18 домов стали в селе звать "забайкальцами". По результатам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года в поселке Белостокском было зафиксировано уже 95 домохозяев с числом жителей в 487 человек, имеющих в своих хозяйствах 267 лошадей, 374 коровы. Под пашню было отвоёвано у тайги 285 десятин земли.[409]

Однако рост прихожан, строительство храма и причтового дома в селе не решало другой важной проблемы – наличия при храме своего постоянного священника. Отсутствие необходимого числа священников, при необъятных сибирских пространствах, всегда было, остается и, по всей видимости, будет и впредь главной проблемой католической церкви в Сибири (на протяжении всей истории священникам приходилось обслуживать много отдаленных друг от друга местностей)[410]. Поэтому даже наличие всего необходимого (церкви, дома для священника и средств на его содержание) не было гарантией, что для этого прихода будет найден священник.

Борьба за священника обострилась между жителями Белостокского поселка и поселенцами - латышами, обосновавшимися на жительство в 40-60 верстах ниже по течению Оби, в поселках Малиновка, Маличевка, Мадога, Полозовский и др., когда в 1910 г. в поселке Маличевском было закончено строительство своего храма, возведенного по такому же проекту как и в Белостоке. Завершить его постройку было поручено ксендзу Адольфу Филиппу, уроженцу Лепельского уезда Витебской губернии[411], окончившему духовную семинарию, ставшего священником в 1909 году и направленного служить в распоряжение томского декана Демикиса. Последний направил его в Нарымский край

---

[409] ГАТО. Ф.239.Оп.16.Д.133.Л.1-98./ Сибирский Белосток. с.178-183.

[410] А.В. Масленников. Римско-Католическая Церковь в Сибири. Проблемы и реформы в начале XX века.

[411] Книга Памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР. Москва. 2000. с. 253.

завершать строительство церквей и причтовых домов в Белостоке и Маличевке, одновременно назначив капелланом вновь сформированного Белостокско-Маличевского прихода. По численности прихожан, приписанных к Маличевскому храму, как докладывал капеллан Филипп в 1911 году, Маличевский костел превосходил Белостокский почти в три раза (1300 душ против 500)[412], дом для священника здесь был выстроен раньше, чем в Белостоке, поэтому местом своей резиденции капеллан выбрал Маличевку, а не Белосток, что вызвало настоящую конкурентную борьбу между близлежащими местностями. Собственно, эта конкуренция возникла ещё раньше, в 1907 году, когда в поселке Маличевском приступили к строительству своего храма. Так как между Белостоком и Маличевкой было всего 40 верст и, понимая, что надежды на то, будут присланы два священника, не было никакой, жители Белостокского поселка в 1909 году во время пребывания в Томске епископа Цепляка прислали к нему «депутацию», чтобы просить назначить священника, о чем взяли с него обещание. Уезжая в Петербург, епископ взял с собою их просьбы - «приговоры» и очень сожалел, что не смог посетить Белосток лично[413].

Но и жители Маличевского поселка неустанно писали прошения на адрес митрополита прислать священника. На этот счет томский декан Демикис предложил курии единственно верное тогда решение - послать одного священнослужителя, который бы служил по очереди воскресные богослужения как в одном, так и в другом поселке. В качестве кандидатуры для этого двойного прихода он предлагал своего викария священника Антония Жуковского. Как уже отмечалось, большинство католиков в Белостокском поселке были поляками[414], а в Маличевском – латышами и латгальцами. Поэтому каждый поселок хотел получить священника желательно своей национальности.

---

412 РГИА РФ.Ф.826.Оп.1.Д.1808.Л.68.

413 А.В. Масленников. Римско-Католическая Церковь в Сибири. Проблемы и реформы в начале XX века.

414 В своем отчете за 1909 г. томский курат И. Демикис указал о жителях пос. Белостокского как о белорусах.

Многочисленные письма в курию от жителей Маличевского поселка были написаны по одному сценарию - сначала католики-латыши уверяли, что готовы принять любого священника, какого митрополит смилостивится прислать, но в конце чаще всего дописывали, что этот «любой» священник должен быть латышом. В конце концов, оба поселка «получили» в 1912 г. ксендза Николая Михасенка, который говорил на обоих языках[415] и прослуживший здесь (с перерывами) до 1923 года. Такими же способностями легко находить общий язык с прихожанами разных национальностей обладали, очевидно, также ксендзы Антоний Лях, служивший здесь в 1916-1917 гг. и Юзеф Запасник, исполнявший обязанности Белостокского капеллана в 1917-1918 гг.[416].

Вместе с тем эта конкуренция «за ксендза» не мешала, а зачастую даже способствовала сближению жителей этих поселков. Единство веры и один и тот же ксендз на два храма предполагали тесное общение, регулярные поездки друг к другу, наконец, совместные польско-латышские браки, что стало обыденным явлением на долгие годы.

Прихожане, работая от зари до зари в поле и уповая на Бога, надеялись на лучшую крестьянскую долю для себя и своих детей, строили планы на будущее. Многое изменила начавшаяся в 1914 году Первая мировая война. Призыв на фронт многих мужчин села. Вслед за ней - годы революций и гражданской войны с их грабежами и продразверстками, насильственной мобилизацией. Наступили новые времена, когда жителям Белостока в полной мере пришлось испить свою чашу горя и испытаний...

---

[415] РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1618. Л. 5-36 / А.В. Масленников. Римско-Католическая Церковь в Сибири. Проблемы и реформы в начале XX века.

[416] Andrzej Majdowski. Kościół katolicki w Cesarstwie rosyjskim… s.105-106.

Часть II
ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

Краткая хроника Томского прихода (до 1920 г.)

1768 г. – В Сибирь отправлено 5000 Барских конфедератов, часть которых оказалась в Томске, и только указ нового царя 1773 г. вернул им свободу.

1772 г. – Основание Могилёвской римско-католической епархии с резиденцией епископа в Санкт-Петербурге. В ведение вновь образованной епархии отошли все существовавшие тогда приходы, как центральной части России, так и появляющиеся за Уралом и в азиатской части Российской империи.

23 марта 1806 г. – Товарищ (заместитель) Министра иностранных дел России кн. Адам Чарторысский обратился с просьбой к Министру внутренних дел Виктору Кочубею об отправке в Сибирь одного или двух католических монахов для религиозного обслуживания находящихся ссыльных поляков-католиков.

10 декабря 1806 г. – Подписан царского указа о разрешении католикам официально в Томске и Иркутске иметь католические общины и штатных священников.

Август 1808 г. – Состоялась встреча генерал-губернатора Сибири Пестеля с генералом ордена Иезуитов Бжозовским, достигнута договоренность об учреждении миссии иезуитов в Сибири.

Январь 1812 г. – Монахи – иезуиты, члены миссии в Сибирь прибыли из Полоцка в Москву.

24 февраля 1812 г. - Миссия прибыла в г. Казань, 5 марта – в г. Тобольск.

Март 1812 г. - Монахи-иезуиты проездом в г. Иркутск останавливаются в г. Томске.

1 апреля 1812 г. – Иезуиты прибыли в г. Иркутск - центр миссии иезуитов для всей Сибири.

1815 г. - Территория миссии разделена на 2 части: восточную с центром в г. Иркутске и западную с центром в г. Томске.

Сентябрь 1816 г. – Монахи-иезуиты приезжают в Томск, к месту своего постоянного нахождения. Первым куратором Томского прихода стал Марцелий Каминский. Обязанности викарного священника исполняли о. Томаш Дроздович, о. Теодор Валузнич.

1816 г. – По распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири городская дума Томска для миссии иезуитов выделило каменное здание (ул. Духовская) для устройства часовни и покоев для членов миссии. Часовня и жилые покои монахов находились в этом здании до 1828 года.

1819 г. – Иезуиты добиваются выделения участка земли в центре Томска, где впоследствии будет построена католическая церковь, а также участка земли размером 600 десятин в 9 верстах от города для организации здесь подсобного хозяйства прихода – «Ксендзовки».

13 марта 1820 г. – Издан указ о высылке иезуитов из пределов России с изъятием всего их имущества и недвижимости. Первый настоятель Томской общины, Марцелий Каминский, вместе со своими помощниками вынужден покинуть Томск.

16 сентября 1820 г. - В Томск на смену иезуитам прибыли из Белоруссии отцы – бернандины о. Яков Юревич,

назначенный настоятелем общины, о. Ремигий Апанасевич, исполняющий обязанности викарного священника и дьякон Ювений Лакис.

1822 г. – Томский викарий о. Ремигий по причине болезни и отъезда из Томска настоятеля о. Якова Юревича стал исполнять обязанности настоятеля Томского прихода.

1822 г. – Генерал-губернатор Западной Сибири Капцевич обратился к Министру духовных дел и просвещения с просьбой ходатайствовать о постройке в Томске священнического и молитвенного дома для католиков «дабы тем самым в дальнейшем избавить казну от затрат на найм жилья и молитв их священников».

2 ноября 1827 г. – По представлению кс. Апанасевича губернский архитектор Логинов представил городским властям план места на Соборной горе с отводом участка под строительство католического храма. Городские власти в выделении участка на этом месте отказали.

1828 г.– о. Ремигий Апанасевич официально назначен настоятелем Томской общины. Начинается долгая череда ходатайств и прошений о строительстве в Томске католического храма.

1828 г. – бернандины вынуждены были выехать из-за занимаемых помещений по ул. Духовской, пострадавших в ходе наводнения, и нанять другие помещения для жилья и часовни.

29 июля 1830 г. – На имя Томского губернатора Ковалевского управляющий духовными делами иностранных исповеданий МВД статс-секретарь Блудов отправил сообщение, в котором сообщил о решении императора удовлетворить просьбу ссыльного в Тобольск польского магната Петра Мошиньского о переводе на сооружение в городе Томске римско-католической

церкви 2 тысячи рублей и дал свое Высочайшее соизволение на постройку в Томске католического храма.

3 сентября 1830 г. - Томский губернатор Ковалевский отдал распоряжение не чинить препятствий курату Апанасевичу в выборе места под храм, сделал соответствующие распоряжения губернскому архитектору, полицейской управе и городской Думе об оказании ими всяческого содействия в строительстве храма, удостоенного внимания самого императора.

29 ноября 1830 г. – Начало национально-освободительного восстания на территории Царства Польского и Литвы, после поражения которого в Сибирь на каторгу и в ссылку были отправлены тысячи его участников.

26 ноября 1832 г. – Исполняющий обязанности городского архитектора поручик Логинов выдал настоятелю прихода о. Ремигию план территории и план фасада строящегося храма.

1 октября 1833 г. – Освящение о. Ремигием Апанасевичем построенного храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы святого Розария, ставшего первым каменным католическим храмом в Сибири.

25 июля 1833 г. – В г. Омске раскрыт «заговор мятежных поляков», одним из организаторов которого был признан разжалованный и отданный в солдаты участник восстания католический священник каноник Ян Сероцинский. Следствие по данному делу сказалось на дальнейшей судьбе томского настоятеля о. Ремигия Апанасевича и викарного священника Дионисия Милевского.

18 октября 1834 г.- Томский губернатор получил предписание объявить попавшим в опалу кс. Апанасевичу и Милевскому

о скором их выезде из губернского города в сопровождении «расторопного урядника или казака» до границы Сибири.

Конец мая 1835 г.– По распоряжению императора монахи - бернардины Ремигий Апанасевич и Дионисий Милевский вынуждены покинуть Томск и вернуться на родину.

1835 г. - Вместо высланных бернардинов в Томск приезжают монахи доминиканского ордена. Настоятелем прихода и капелланом 24 пехотной дивизии Отдельного Сибирского корпуса становится о. Иероним Гринчел.

1836 г. - Рядом с храмом на средства чиновника А. Поклевского - Козелл выстроен каменный дом для духовенства.

1837 г.– На средства прихожан выстроена деревянная колокольня с двумя колоколами весом в 8,5 и 9,5 пудов.

1844 г. – Произведен ремонт храма, т.к. стены храма во многих местах потрескались, а задняя стена, где находился престол, промерзала насквозь.

Август 1856 г.– По проекту арх. В.К. Фадеева была выстроена новая каменная звонница, одновременно ставшая и воротами храма, добавлен третий колокол.

1862 г. – В церкви установлен орган, первый в Сибири. В 1902 г. заменен новым.

1862 г. - Настоятель прихода о. Иероним Гринчель по состоянию здоровья покинул Томск и выехал в монастырь в Аглоне. Настоятелем прихода назначен о. Иосиф Энгельгард, переведенный на службу в Томск из Красноярска.

1863 г. – К храму пристроена каменная ризница.

22 января 186 г. – Начало на территории Царства Польского, Северо-Западного края и Волыни восстания за восстановление польского государства и национальной независимости. В ходе подавления восстания в Сибирь были высланы многие тысячи участников восстания и члены их семей. В том числе в Томскую губернию было отправлено ок. 7 тысяч поляков-католиков.

1866 г. – На католическом кладбище Томска освящена деревянная часовня.

1866 г. – Приезд в Томск в качестве викарного священника о. Иустина Захаревича.

1867 г. – Перевод настоятеля Томского прихода о. Иосифа Энгельгарта в Казань.

12 января 1868 г. – Настоятелем Томского прихода и капелланом войск Западно-Сибирского военного округа назначен томский викарий о. Иустин Захаревич.

1869 г. - По распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири по подозрению в проведении антиправительственных проповедей из Томска в Омск отправлен томский викарий Гриневский, а на его место было дано распоряжение прислать из Омска кс. В. Громадского.

1863-1864 гг. - В ходе подавления национально-освободительного движения и восстаний в Царстве Польском и Западных губерниях в Сибирь на каторгу и в ссылку направлены большие партии поляков - католиков.

1871 г. - В Томской губернии численность католиков составляет 6517 чел. Из них 5276 чел.- мужского пола, 1241 чел.- женского пола. В г. Томске постоянно проживает 877 католиков (593 муж. и 284 жен.); В Томском округе - 1581 католиков (1383 муж. и 198 жен.).

1883 г. – Настоятель прихода о. Иустин Захаревич переведен в Санкт-Перербург на должность настоятеля Выборгского прихода.

1883 г. - Настоятелем прихода назначен томский викарий о. Валериан Громадский.

1889 г. – Получено разрешение Министра внутренних дел увеличить размеры Томской римско-католической церкви пристройкой к ней некоторых новых частей

26 мая 1890 г. - Комитет по управлению хозяйственными делами Томского храма постановил по неотложной необходимости приступить к разборке потолка и крыши храма.

10 июня 1890 г.- Начата перестройка Томского храма после совершенного куратом богослужения на развалинах храма.

1890-1894 гг.– Под руководством настоятеля о. Валериана Громадского проведена основательная реставрация храма.

1891 г. – о. Валериан Громадский совершил поездку в Рим, где был принят папой Леоном XIII, в Польше встречался с католиками, выразившими желание помочь в реконструкции храма в Томске.

25 июня 1893 г.- Товарищем (заместителем) Министра МВД утвержден Устав римско-католического благотворительного общества при Томском храме. Общество было открыто в 1894 году, занималось привлечением средств на содержание при храме приюта для старцев и убежища для бедных детей и вплоть до закрытия в 1920 году играло заметную роль в жизни города.

1 сентября 1893 г. - исполнилось 25 лет пастырской деятельности ксендза –каноника Валериана Громадского в качестве курата Томского обширного Римско-Католического прихода. Синдики Томского прихода обратились с прошением к Томскому губернатору о награждении своего курата за безупречную его 25-летнюю службу в приходе.

1894 г. - о. Валериан Громадский добился строительства храма в с. Спасском Томской губернии.

19 июля 1894 г. – Состоялось собрание членов благотворительного Общества при римско-католической церкви. Однако правление Общества не было избрано вследствие раскола среди его членов.

29 января 1895 г. – В доме прихода римско-католической церкви состоялись выборы членов правления, кандидатов ичленов ревизионной комиссии благотворительного Общества церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Членами правления избраны И.А. Быстржицкий, А.М. Войцеховский, С.А.Жбиковский, В.С. Пируский, И.Я. Мизгер, П.С. Корачевский –Волк, Председателем правления избран С.А. Жбиковский, казначеем И.А. Быстржицкий, секретарем А.М. Войцеховский. Звание почетных членов Общества предложено Томскому губернатору Г.А. Тобизену, врачу Ф. Ф. Оржешко, провизору К.А. Свидерскому, И.Я. Мизгеру.

1895 г. - Настоятель прихода о. В. Громадский Высочайше пожалован «за отлично-усердную службу» в Сибири наперстным крестом.

8 сентября 1895 г. – После произведенного ремонта и реконструкции совершено новое малое освящение храма.

16 декабря 1895 г. – Состоялся концерт в пользу римско-католическог Общества. Чистый сбор составил 320 рублей.

1896 г. - В селе Спасском под рук. кс. Валериана Громадского построен каменный храм св. апостолов Петра и Павла.

18 апреля 1898 г. – Опубликован отчет о деятельности правления римско-католического Общества. За три года его существования с 1895 г. число членов Общества выросло в 25 раз. Собраны деньги на постройку приюта для детей сирот в сумме 10755 рублей. Общество состоит из 6 почетных и 156 действительных членов.

10 июля 1898 г. – Опубликована информация о том, что постройка здания приюта римско-католического Общества подходит к концу. Двухэтажное здание почти готово, остались отделочные работы. Открытие здания предположительно состоится 6 августа.

1 января 1900 г. – ксендз Громадский по личному прошению был уволен с должности настоятеля Томского прихода и выехал в на родину в Житомир. Обязанности курата исполнял вице-куртат о. Казимир Скибневский.

12 января 1900 г. – Заместителем Министра внутренних дел утверждены правила убежища для бедных детей при римско-католическом благотворительном обществе Покрова Пресвятой Богородицы в гор. Томске.

12 ноября 1900 г. – Открыт приют для бедных детей при Томском римско-католическом благотворительном Обществе .

1901 г.- Томским куратом назначен о. Иосиф Демикис, до этого служивший вице-куратом в Красноярске. Служил в Томске до 1919 г.

2 марта 1901 г. - Томским вице-куратом назначен о. Павел Казюнас.

27 января 1902 г. – Успешно прошел маскарад, устроенный в помещении Общественного собрания в пользу детского приюта при римско-католическом Обществе. Сбор составил 422 рубля.

6 января 1905 г. – В помещении Общественного собрания прошел литературно-музыкальный вечер в пользу римско-католического Общества.

17-апреля 1905 г. – Императором Николаем II подписан Указ «О свободе вероисповеданий», согласно которому «отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию…»

15 мая 1905 г. – Созвано чрезвычайное общее собрание римско-католического Общества для избрания нового члена правления взамен выбывающего, для обсуждения вопроса от открытии школы для детей обоего пола римско-католической веры, библиотеки и убежища для старцев, а также об изыскании для этих нужд необходимых средств.

1905 г. – В связи с большим количеством католиков в Томске (около 4000 человек), приходским советом принято решение о перестройке храма, или постройке нового, который смог бы вмещать не менее 2000 человек.

30 марта 1908 г. – Дан любительский спектакль на польском языке, сбор от которого поступил в пользу римско-католического Общества.

6 июля 1908 г. – газета «Голос Томска» сообщает, что в городе находится проповедник одного из монашеских католических орденов, командированный папским престолом для проповеди Евангелия в России. Проповеди он произносит во дворе костела, поскольку костел не может вместить всех желающих.

Проповедник посещает те города, где есть костел, время пребывания в городе не превышает 7 дней, проповеди произносятся два раза в день. Поездка совершается с разрешения правительства. Из Томска проповедник отправляется в Красноярск и далее на восток.
P.S. Проповедник являлся членом миссии редомтористов. В ходе их пребывания в Томске 1800 католиков получили св. причастие.

24 апреля 1909 г. – В газете «Сибирская жизнь» опубликована информация о населении Томска на декабрь 1908 г., оно составило 79293 чел. По вероисповеданиям: католиков – 1559 муж. и 144 жен.; лютеран- 613 муж. и 427 жен.; магометан – 1173 муж. и 954 жен.; иудеев- 2489 муж. и 2414 жен. Данные по национальным учебным заведениям: еврейское училище- 1, учащихся 83 чел. при 4 учителях; магометанских училищ- 3, учащихся 250 мальчиков и 31 девочка; лютеранское- 1, учащихся 126 детей обоего пола; римско-католическое- 1, учащихся 32 мальчика и 31 девочка. По религиозным учреждения: лютеранская кирха-1; католический костел-1; магометанская мечеть-1; еврейские синагоги-3.

13-18 мая 1909 г. – Посещение Томска с визитом епископа-суфрагана Могилевской епархии о. Яна Цепляка, к которому прихожане обратились с прошением о разрешении на постройку в Томске второго храма и оказание в этом финансовой помощи.

31 мая 1909 г. – Общим собранием прихожан католического костела принято решение о постройке в г. Томске второго костела на новом месте. Избран комитет по постройке костела, почетным председателем которого стал епископ-суфраган Я. Цепляк.

1910 г. - В связи со стремительным ростом в Сибири переселенцев-католиков в Сибири учреждены католические

деканаты: Омский, Томский и Иркутский. Томский деканат насчитывал 35770 верующих католиков. Томским деканом назначен о. Иосиф Демикис.

13 июня 1911 г. - кс. Демикисом в Томске освящена новая каменная кладбищенская часовня во имя Св. Антония Падуанского, построенная предп. по проекту арх. В. Оржешко на средства купца 2 гильдии К. Шилкевича.

20 августа 1911 г. – Томский декан, ксендз Демикис обратился с жалобой к Томскому губернатору на действия городской управы по переустройству Ефремовского взвоза возле костела, в ходе которых существенно ограничивался подъезд к храму экипажей и погребальных процессий.

20 декабря 1913 г. – В театре С.И. Браиловского состоялся благотворительный спектакль в пользу приюта римско-католического Общества.

21 июля 1914 г. – В Томске опубликованы телеграммы о вступлении России в войну против Германии и её союзников. Начало гонений и притеснений на лиц немецкой национальности католического и лютеранского вероисповедания.

23 августа 1914 г. - Газета «Сибирская жизнь» сообщает, что правление римско-католического общества избрало в городской комитет по призрению семей запасных представителем от Общества декана ксендза И.М. Демикиса. Из средств Общества в распоряжение комитета ассигновано на помощь семьям военных 100 рублей.

1 декабря 1914 г. – В Томске открыл свои действия отдел Петроградского общества вспомоществования бедным семействам поляков. В члены комитета вступили: декан ксендз И.М. Демикис, Мария Эмильяновна Ясионовская, Стефания

Жуковская, Ян Степанович Калиновский, Виктор Юльянович Маньковский, Эдуард Морский. Председатель– Я.С. Калиновский, секретарь – В. Маньковский.

1 апреля 1915 г. – Римско-католическое Общество обратилось в городское управление с ходатайством об освобождении воинскими частями убежища для старцев.

Июль 1915 г. – В Томске появились первые беженцы Мировой войны, в том числе и лица католического вероисповедания.

21 октября 1915 г. – В газете «Утро Сибири» сообщается, что Польский комитет по оказанию помощи полякам-беженцам (ПОПЖВ) открывает на средства комитета школу на 120 человек.

25 октября 1915 г. – В приходском помещении при римско-католической церкви состоялось общее собрание членов местного отдела Петроградского общества вспомоществования бедным семьям поляков, участвующих в войне и пострадавших в военных действиях. На собрании был поднят вопрос об учреждении в Томске патроната по оказанию помощи военнообязанным славянского происхождения, находящимся в Томской губернии.

4 ноября 1915 г. – Правление римско-католического Общества возобновило перед городской думой ходатайство о выделении субсидии на содержание училища, открытого Обществом осенью 1915 г., так как Общество не располагает необходимыми для этого средствами.

17 августа 1916 г. – согласно опубликованной газетой «Сибирская жизнь» о том, что к последнему времени в Томске находилось 1300 семей беженцев, в том числе 930 мужчин, 1411 женщин и 1620 детей. По национальностям беженцы

распределились следующим образом: русских- 1502, поляков- 1232, латышей- 253, евреев- 664, литовцев- 276, цыган- 36.

14 сентября 1916 г. – Прошел вечер в пользу римско-католического Общества.

25 января 1917 г. – В Общественном собрании любителями драматического искусства поставлен спектакль на польском языке (драма в четырех действиях «Легкомысленная сестра») с участием артиста Вл. Ячевского. Сбор поступил в пользу Польского комитета помощи жертвам войны.

25 февраля 1917 г. – Томские газеты сообщили о том, что местная польская колония устроила литературно-художественный вечер, посвященный памяти польского писателя Генриха Сенкевича. Вечер состоял из трех отделений, в третьем отделении были поставлены живые картины, изображающие различные эпизоды из творений Сенкевича. Хор любителей исполнил польские гимны.

2 марта 1917 г. – В Томск пришли известия о свержении царя. В тот же вечер в городе ыл сформирован Временный комитет общественного порядка и безопасности из представителей партий конституционных демократов, социалистов-революционеров и социал-демократов. Возглавил его адвокат Б.М. Ган.

5 марта 1917 г. – В помещении Университета состоялось собрание поляков, жителей Томска, совместно с политическими ссыльными и солдатами местного гарнизона, на котором была выражена полная солидарность с действиями нового правительства и отправлена приветственная телеграмма. Собрание выбрало также представителей в Томский городской исполнительный комитет – А.Ю. Федорович, А.В. Шетлих, Т.Ф. Дыбчинский.

14 апреля 1917 г. – Состоялось общее предвыборное собрание поляков, на котором принято постановление голосовать на предстоящих выборах в городское уездное и губернское собрание совместно с блоком социалистических партий, «так как лозунги этих партий ближе всего отражают настроение народных польских масс, а также потому, что победа левых партий на выборах в народные и Учредительное собрание более всего обеспечит осуществление полной независимости объединенной Польши».

21-31 мая 1917 г. – Проходил съезд учителей Томской губернии, на котором более 600 участников съезда высказались за отделение церкви от школы.

29 июля 1917 г. – Опубликована информация о том, что Томский комитет помощи полякам, иностранным подданным получил на днях от своего центрального комитета предложение об отмене ограничений, касающихся лиц польской национальности, числящихся германскими и австрийскими подданными, утвержденное Временным правительством 17 мая с.г.

26 октября 1917 г. – Вечером в Томск пришло телеграфное сообщение из Петрограда о восстании большевиков и свержении Временного правительства. В Томске создан революционный комитет.

1 марта 1918 г. – Прекращено преподавание Закона Божия в томских школах.

Приложение 2.

Настоятели и викарии Томской р-к церкви в 1816-1920 гг.

1816-1820

О. Марцелий Каминский (1778-1845†) – иеромонах ордена иезуитов из Полоцкого монастыря. Перед прибытием в Томск - Иркутский викарий (1812-1816). Прибыл в Томск в октябре 1816. В 1820 покинул Томск по царскому указу о высылке иезуитов из России. С 1824 находился в Римской провинции.
При нем в Томске викарии: о. Козакевич (1816-?), о. Тадеуш Валузнич (1815-1820).

1820-1828

О. Якуб Юревич – иеромонах ордена бернардинцев из Виленского монастыря. Прибыл в Томск 16 сентября 1820. В составе миссии бернардинцев. В 1828 из-за болезни покинул Томск.
При нем в Томске викарии: о. Р. Апанасевич (1820- 1828), о. Инвенты Лакис (1820-1826), о. Дызедери Хациский (1826-1828).

1828-1834

О. Ремигий Апанасевич (1872-1868†) – иеромонах ордена бернардинцев из Виленского монастыря. Из дворянской семьи Минской губ., принят в орден в 1814. Прибыл в Томск 16 сентября 1820 в составе миссии бернардинцев. До 1828 был викарным священником Томского прихода. В 1828 с отъездом о. Я. Юревича назначен настоятелем прихода. В 1830-1833 руководил постройкой храма в Томске. В 1834 отстранен от должности курата по подозрению в «польской пропаганде». В конце мая 1835 по распоряжению императора Николая I выслан из Томска в могилевский монастырь.
При нем в Томске викарии: о. Виктор Уссаковский (1828-1834); о. Милевский (?-1834), выслан из Томска в 1835 г. вместе с Апанасевичем.

1834-1862

О. Иероним Гринчел (1802-1868†) – иеромонах ордена доминиканов. Из дворян Гродненской губ. В 1827 в Забялах принят в орден диминиканов. До прибытия в Сибирь служил в приходах Виленской губ. Прибыл в Томск из г. Вильно. Руководил постройкой первой деревянной колокольни. В 1858 по состоянию здоровья временно на год выезжал из Томска на лечение. В 1858 его замещал капеллан из Воронежа о. Гайлевич. В 1862 после 28 лет служения настоятелем покинул Томск и вернулся в Аглонский монастырь.

При нем викариями в Томске были: о. Рудольф Юргелевич (1834-1852); о. Антони Анкудович (1850-1858); о. Зенон Ивашкевич (1852-1861); о. В. Громадский (1861-1869, в Омске).

1862-1867

О. Иосиф Энгельгардт (1822-1870†) – каноник могилёвский. Из дворянской семьи Минской губ. Окончил Минскую ДС, выпускник ДА в Санкт-Петербурге. Рукоположен в 1847. До 1859 служил в Могилевской губ., курат в Смоленске (1859-1860). Перед направлением в Томск в 1860-1862 - курат в Красноярске. Кроме должности настоятеля Томского храма исполнял обязанности капеллана Отдельного Сибирского корпуса. В 1867 переведен из Томска куратом в Казань и капелланом местного гарнизона. Умер в Казани.

При нем викарии Томского прихода: о. Бенедикт Концевич (1865-1868); о. И. Захаревич (1866-1868), о. В. Громадский (1861-1869, в Омске).

1868-1883

О. Иустин Захаревич (1834-1894†) – магистр богословия. Родился в крестьянской семье Ковенской губ. Окончил ДС в Вильно, в 1855-1859 учился в ДА в Санкт-Петербурге и после её окончания рукоположен в сан католического священника с назначением на должность викарного священника в г. Гродно. Одновременно с 1860 стал преподавать Закон Божий в Гродненском женском училище для бедных девочек. 14 декабря 1861 был направлен в Санкт-Петербург и назначен

на должность помощника инспектора Санкт-Петербургской духовной академии, где помимо этого стал сверх штата исполнять обязанности библиотекаря академии. В конце 1864 был назначен на должность эконома академии. В 1865 стал духовником Санкт-Петербургского сиротского приюта при училище епископа Сестринцевича. В 1866 решением Духовной консистории назначен в Томск на должность помощника томского курата. 12 января 1868 назначен куратом Томского прихода и капелланом войск Западно-Сибирского военного округа. 26 марта 1873 по прошению в связи с состоянием здоровья был уволен с должности капеллана, но оставался настоятелем томского костела. За свою пастырскую службу в Сибири в 1874 был награжден наперсным крестом, а в 1882 томский губернатор ходатайствовал перед Министерством внутренних дел о его награждении орденом Св. Анны III степени, на что получил одобрение министра и Могилевского архиепископа. В 1883 отозван в столицу и впоследствии был настоятелем католического прихода Успения Пресвятой Девы на Выборгской стороне в Санкт-Петербурге.
При нем в Томске викарии: о. Милевский (?-1869, с 1869 – в Омске), о. В. Громадский (1861-1868, в Омске, 1868-1883, в Томске).

1883-1899
О. Валериан Громадский (1835-1917†) – почетный каноник Луцкой коллегии (с 1867). Из дворянской семьи Волынской губ. Окончил ДС в Житомире, в 1859 рукоположен в священники, служил в Луцко-Житомирской епархии. В 1861 выслан в г. Омск «за произношение антиправительственной проповеди». Викарий в Омске в 1861- 1869. С 1869 по 1883 – вице-курат в Томске, с 1883 – томский курат. В 1890-1894 руководил перестройкой храма в Томске. 1 сентября 1893 отметил 25-летний юбилей священства. В 1895 награжден наперстным крестом «за отлично-усердную службу». В 1894 добился строительства храма в с. Спасском Каинского

окр.Томской губ. 10 октября 1899 по состоянию здоровья покинул Томск.
При нем в Томске викарии: о. Александр Милевский (1893-1896); о. Винценты Моссей (1893-1901); о. Казимир Скибневский (1898-1900); о. Михаил Олехнович (1883-1902).

1899-1900
О. Казимир Скибневский (1832-1914†) – временно исполнял обязанности курата. Из дворян Царства Польского. Окончил ДС в Варшаве, рукоположен в священники в 1856. В 1864 арестован и выслан в Оренбургский край «за укрывательство мятежников». 1865 отправлен на жительство в Томскую губ. В Томске содержался под стражей в тюремном замке. 12 августа 1866 освобожден из- под стражи. В 1897 возвращены права капеллана. Томский викарий в 1897-1903. В 1903 выехал в Польшу и служил в Варшаве при костёле Св. Креста в должности капеллана, умер 04.06.1914.
При нем в Томске викарий: о. М. Олехнович (1899-1900).

1900-1919
О. Иосиф Демикис (1867-?†) – магистр богословия. Из крестьян Сувалской губ. Окончил ДС в Санкт-Петербурге, учился в 1893-1897 в ДА в Санкт-Петербурге, рукоположен в священники в 1897. Перед прибытием в Томск в 1898-1900 - викарий в Красноярске. С 1910 по 1919 - Томский декан, с 1919 по 1924 – Иркутский курат и декан. Покинул СССР 20 июля 1924.
При нем в Томске викарии: о. М. Олехнович (1900-1902), о. Павел Казюнас (1903-1909), о. Адольф Сенкевич (1903-1905); о. Эдвард Шевчунас (1909-1911); о. Адольф Филипп (1909-1912), о. Антони Жуковский (1909-1910), о. Николай Михасенок (1911-1912), о. Игнатий Янулис (1912-1915), о. Казимир Яссась (1915-1916); о. Ян Шайдукис (1915-1917); о. Петр Котарский (1916-1920); о. Казимир Бычковский (1917-1921), о. Станислав Попаляйгис (1918-1919).

1919-1920
О. Станислав Попаляйгис (1887-?†) – временно исполнял

обязанности курата и декана. Выпускник ДС в Санкт-Петербурге, рукоположен в священники в 1910. Викарий церкви Св. Станислава в Санкт-Петербурге в 1910-1912, храма Красноярска (1912-1913), курат в Мариинске (1913-1917), капеллан Белгородский (Курская губ.) (1917-1918); викарный томского прихода (1918-1919); в 1920 – курат Спасского прихода (Томская губ.). Томский декан в 1919-1920. В 1920 был арестован в Томске ЧК, после освобождения выехал в Польшу, служил в Виленской епархии.

Прииложение 3.

Биографические сведения о лицах духовного звания римско-католического вероисповедания, находившихся со второй половины XIX века в ссылке на территории Томской губернии

АЛЕКСАНДРОВ Болеслав
Политический ссыльный. Ксендз. Согласно данных Томской экспедиции о ссыльных умер 16 июня 1865 г. от тифа.
ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.1041.Л.113об.

БАКЕВИЧ (БОКЕВИЧ, БАКСВИЧ) Георгий с. Иосифа (1836-1882)
Политический ссыльный. Род. ок.1836 г. (на 1866 г.- 30 лет.). Ксендз приходского костела местечка Скабдимо Тельшевской епархии Ковенской губ. Россинского уезда. По обвинению в «умышленном содействии мятежникам к захвату пристава Пастарнакова» по конфирмации помощника Виленского военного округа оставлен в подозрении и как неблагонадежный в политическом отношении для пребывания в тамошнем крае выслан под строгий надзор полиции на жительство в Томскую губ. с оставлением имущества его свободным от секвестра. 22 июня 1866 г. из Тобольска отправлен в Томск. На основании Высочайшего повеления от 13/17 мая 1871 г. освобожден от надзора полиции. На 1872 г. находился в Томске и был в числе назначенных на пособие от казны на следующий 1873 год. В 1873 г. проживал во 2 кв. Юрточной части Томска, получал пособие в размере 6 руб. в месяц. Умер 29 января 1882 г. в томской городской больнице от чахотки, похоронен 1 февраля на католическом кладбище куратом Захаревичем.
ГАТО. Ф.3.Оп.36.Д.354.Л.765; Ф.3. Оп.36.Д.320.Л.96; Ф.527.Оп.1.Д. 119.Л.35об.; Д.7.Л.209об.; Д.118.Л.37об.; Оп.19.Д.691.А.Л.15; Д.728.Л.32; Ф.104.Оп.1.Д.586.Л.3.

БАРТАШЕВИЧ (БАРТОШЕВИЧ, БАРТНЕВИЧ, БАРТОСЕВИЧ) Иосиф (1825-1885)

Политический ссыльный. Род. ок.1825 г. (на 1885 г. – 60 лет.). Из дворян Августовской губ., окончил Сенейскую ДС, рукоположен во священника в 1851г. Викарный католический ксендз прихода Годлево Мариампольского уезда Августовской губ. Сейненской епархии, Арестован 4 июля 1863 г. «за содействие участникам мятежа, возбуждение крестьян к мятежу» и по решению временного полевого аудиториата от 27.08.1864 г. как неблагонадежный в политическом отношении выслан на постоянное жительство в Томскую губ. под строгий надзор полиции без лишения духовного сана. 6 мая 1865 г. получил разрешение томского губернатора на совершение богослужений в томском костеле. На ноябрь 1872 г. состоял в списке ссыльных по г. Томску и был в числе назначенных на пособие от казны на следующий 1873 год. С 1875 г. получил право совершения служб в храме с. Спасского Каинского округа. Умер 18 ноября 1885 г. в с. Спасском Каинского окр. от воспаления легких, похоронен на местном кладбище.

*ГАТО.Ф.3.Оп.19.Д.728.Л.29;Оп.2.Д.1041.Л.536;*Оп.11.Д.1197.Л.3об.; *Ф.104.Оп.1.Д.586.Л.1об.; Ф.527.Оп.1.Д.6; Д.144.Л.1об.;Д.514.Л.72об.; Andrzej Majdowski. Kościół katolicki w Cesarstwie rosyjskim. Syberia, Daleki Wschód, Azja Środkowa. S.294.*

БАРТЛИНСКИЙ (БЕРТЛИНСКИЙ) Игнатий

Политический ссыльный. Ксендз прихода д. Лишков Сейненского уезда Августовской губ. 23 сентября 1865 г. сослан в Томскую губ. на постоянное жительство без лишения прав за политическую неблагонадежность. На 1871 г. состоял в списке ссыльных по г. Томску, получая месячное пособие в 6 руб. В 1868 г. о возвращении его на родину обратилась его мать Димицелла, на что получила согласие самого императора. Выехал из Томска на родину 17 мая 1870 г. пароходом.

ГАТО.Ф.3.Оп.70.Д.7.Л.187об.;Оп.4.Д.295.Л.17;Ф.3.Оп.4.Д.452.Л.1-13.

БОГУШ Августин (1826-1886)
Политический ссыльный. Бернандин с монастыря в Пинске. Перед 1863 г. служил в Минской епархии. В 1865-1873 гг. находился в административной ссылке в Томской губ. В 1873-1885 гг. – викарный священник в Омске. В 1885-1886 гг. и.о. омского капеллана. Умер в Омске в 1886 г.
Andrzej Majdowski. Kościół katolicki w Cesarstwie rosyjskim. Syberia, Daleki Wschód, Azja Środkowa.. s. 295.

БОНОВИЧ Георгий
Политический ссыльный. Род.ок.1833 г. (35 лет на 1868 г.), ксендз Ковенской губ., условия ссылки не известны, с 1866 г. находился в Томске.
ГУ ГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.8960.

БОРТНИЦКИЙ Игнатий
Политический ссыльный. Род ок.1842 г. (на 1865 г. – 23 года.). Католический священник, настоятель прихода в деревне Липково, уроженец Августовской губ. «За принятие у себя мятежников» по конфирмации командующего вооруженными войсками и военного окр. выслан в Томскую губ. без лишения духовного сана. Был определен на жительство в г. Томск. 23 сентября 1865 г. обращался к томскому губернатору с прошением о дозволении служить обедню в костеле Томска, получил разрешение. 28 августа 1868 г. его мать обратилась с просьбой о переводе его на родину. Получил уведомление генерал-губернатора Западной Сибири от 2.09.1869 г. о том, что по Высочайшему повелению ему разрешено вернуться на родину в Сейнанскую епархию Сувалской губ. Выехал из Томска пароходом 17 мая 1870 г.
ГАТО.Ф.3.Оп.4.Д.452.Л.1-13;Д.295.Л.17-18.

БУЙНО Евстафий с. Лаврентия (1835-1879)
Политический ссыльный. Род ок.1835 г. (на 1879 г. – 44 года.). Католический священник из г. Вильно, монах Виленского монастыря францисканцев. Сослан с 1 августа 1865 г. в Томскую губ. на постоянное жительство без лишения сана

«за участие в польском мятеже». Первоначально находился в Томске, затем с 1865 г. в Мариинске. В 1867 г. получал пособие от казны. На 1869-1873 гг. проживал в Мариинске, где 31.10.1869 г. согласно предписания томского губернатора от 25.09.1869 г. дал расписку о запрете совершать тихие обедни и другие духовные требы. Предписанием томского губернатора от 10.09.1867 г. назначено пособие по 15 коп. в сутки и квартирных 1 руб.50 коп. в месяц. Умер 25 июля 1879 г. в деревне Калеульской Баимской вол. Мариинского окр. от чахотки, похоронен на местном кладбище ссыльным кс. Яковом Демидовичем.

ГАТО.Ф.3.Оп.19.Д.728.Л.3,13;Оп.11.Д.1197.Л.3об.;Оп.4.Д.295.Л.140; Ф.527.Оп.1.Д.77.Л.40об.

БУЧИНСКИЙ (БУЦИНСКИЙ) Адам

Политический ссыльный. Ксендз из Августовской губернии. «За участие в мятеже» выслан на жительство в Томскую губ., с 6 июля 1866 г. находился в Томске.

ГАОО.Ф.3.Оп.8.Д.12033.Л.8об.-9; И.Н. Никулина. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в.(20-е - первая половина 70-х гг.). Барнаул,2004. с.150.

БЫЦУЛЕВИЧ Гилярий с.Якова

Политический ссыльный. Род ок.1801 г.-1803 г.(на 1865 г. – 64 года.; на 1870 г. – 67 лет.). Ксендз, настоятель прихода местечка Норейка Пруднянского уезда Гродненской губ. Сослан в Томскую губ. без лишения духовного сана и прав состояния за то, что якобы препятствовал своим прихожанам вступать в брак с православными. Вначале был определен на жительство в Колывань, а затем переведен на жительство в Кузнецк, куда прибыл 16 августа 1866 г. 28 августа 1865 г. обращался с прошением к томскому губернатору устроить домашнюю каплицу. С такой же просьбой дозволить кс. Б. совершать духовные требы в своей квартире к губернатору обращались ссыльные в Кузнец поляки, прошение от имени которых написали 18 сентября 1865 г. ссыльные Константин Борейша, Генрих Плавский, Иван

Колаковский и Иосиф Кобылинский. Разрешение губернатором было дано с оговоркой, чтобы только во время отправления богослужения Б. находился кто-то из чинов полиции. В своем рапорте от 26.05.1866 г. кузнецкий городничий докладывал, что «устроенной в Кузнецке каплицы нет», а богослужения католики проводят в квартире кс. Б. С 1868 г. находился в Мариинске, 7 декабря 1870 г. умер в г. Томске, похоронен на католическом кладбище Томска куратом Захаревичем.
ГАТО.Ф.3.Оп.4.Д.295.Л.11-16,71.;Ф.527.Оп.1.Д.7.Л. 85.;ГУГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.8960.

ВИТКЕВИЧ Ян (Иоан) с. Яна
Политический ссыльный. Род.ок.1815 г.(53 года на 1868 г.). Ксендз из Жмудской епархии Тельшевского уезда Ковенской губ. Осужден командующим Виленским военным округом без лишения духовного сана за проведение проповедей «патриотического содержание и чтение с амвона повстанческих материалов» к высылке в Томскую губ. на постоянное жительство под надзор полиции. Находился в Томске, с 8 декабря 1865 г. в Мариинске. Предписанием томского губернатора от 21 апреля 1871 г. и 29 марта 1872 г. назначалось пособие по 15 коп. в сутки и квартирных 1 руб. 50 коп. в месяц.
ГАТО.Ф.3.Оп.19.Д.728.Л.16,17;Оп.11.Д.1197.Л.4;ГУГАОО.Ф.14.Оп. 1.Д.515.Л.47; Dawidowicz J.S. Z listów sybirskiego misjonarza. Kraków, 1901, s.138.

ВИТКОВСКИЙ Иван (Иоан) с. Егора (1822-1894)
Политический ссыльный. Род.ок.1822 г.(на 1894 г.–72 года, на 1873 г.-51 год). Ксендз Домбровского костела Виленской епархии (Бельского уезда Гродненской губ.), иезуит. В 1864 г. сослан на жительство в Томскую губ. под гласный надзор полиции в административном порядке по распоряжению начальства Ровенского военного округа «за сношения с помещиком Паньковским, принимавшим деятельное участие в мятеже». Первоначально находился в Томске, с 31 апреля

1865 г. в Бийске. В 1865 г. подавал прошение на дозволение совершать в Бийске богослужение. 23 июня 1867 года им было подано прошение о разрешении выехать на родину в Царство Польское «согласно Высочайшей милости, объявленной 17 мая 1867 г. дозволении» административно - высланному из Западных губерний духовенству просить о переселении, а также ввиду жёсткого сибирского климата и полученного совершенного расстройства здоровья и не имея никаких решительно к жизни средств». Прошение осталось без удовлетворения. На 1871 г. состоял в списке ссыльных по г. Томску, получая месячное пособие в 5 руб.70 коп. В 1873 г. проживал во 2 кв. Юрточной части Томска, получая пособие в размере 5 руб. 70 коп. в месяц. В 1874 г. Освобожден от надзора полиции. В 1884 г. в числе 8 католических священников продолжал получать пособие от казны. С 1885 г. служил в томском храме. 15 января 1894 г. умер в г. Томске «от удушения», похоронен на томском католическом кладбище куратом костёла кс. В. Громадским.
ГАТО.Ф.3.Оп.11.Д.1197.Л.4;Оп.2.Д.1149.Л.1440145.;Оп.19.Д.691А.Л.10; Оп.70.Д.7.Л.190; Ф.527.Оп.1.Д.295.Л.44; Ф.104.Оп.1.Д.586.Л.3об.

ВОЙШНАР (ВОЙШНЕР) Августин с. Константина
Политический ссыльный. Род. ок.1819 - 1820 г. (на1867 г.- 48 лет., на 1888 г.- 72 года.). Ксендз, настоятель костела Виштелецкого (Витвинецкого) Кальвирийского деканата Августовской епархии. Из мещан Сувалской губ. г. Выштинца., уроженец Августовской губ. «За доставление в своем доме убежища бывшему в шайке свояку и работнику и недонесение начальству» в 1863 г. был арестован и по конфирмации помощника Виленского, Ковенского, Гродненского и Минского генерал-губернатора сослан в Томскую губ. без лишения прав состояния и духовного под надзор полиции. К месту ссылки прибыл в 1864 г. и приписан в Баимскую вол. Мариинского окр. По др. данным – 19 марта 1864 г. причислен в томские мещане. Согласно донесения томскому губернатору от 13 октября 1867 г., отправлен на жительство в Мариинск.

6 октября 1867 г. подал прошение о дозволении переселиться в Царство Польское на основании Высочайшего повеления от 17.05. 1867 г. Мариинский городничий, препровождая его ходатайство, доносил, что Войшнар со времени ссылки его вМариинск «ведет себя хорошо, характера весьма скромного и в образе мыслей его ничего вредного не замечалось». На его прошение губернатор ответил, что его просьбу он не принял, так как с ходатайством подобного рода уже обращались многие ксендзы, но наместник в Царстве Польском им всем отказал. На 1871 г. состоял в списке ссыльных по Томску, получая месячное пособие в 5 руб.70 коп. На 1873 г. жил в Томске на квартире у Юлиана Домбровского, получал от казны пособие. На 1881 г. проживал в Томске по паспорту, был в числе 8 священников, получавших пособие в 1884 г. В 1884 г. обращался с прошением о возвращении на родину. В ходе рассмотрения ходатайства рапортом томского полицмейстера характеризовался положительно и было рекомендовано его прошение удовлетворить, однако Департамент духовных дел МВД посчитал невозможным исполнить данную просьбу. Умер 6 августа 1888 г. в Томске от аполексического удара, похоронен на католическом кладбище Томска кс. М. Олехновичем.
ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.1190.Л.11,14;Ф.3.Оп.37.Д.169.Л.14;Оп.11.Д.1197.Л.2;Оп.4.Д.1579.Л.1-9;Оп.19.Д.728.Л.40;Оп.29.Д.2.Л.7;
Оп.70.Д.7.Л.195об.;Оп.54.Д.1007.Л.18,18об.,27об.;
Ф.527.Оп.1.Д.211.Л.40;Д.514.Л.116;Ф.104.Оп.1.Д.1567.Л.1.

ВОЛОВСКИЙ Михаил (1809-1869)
Политический ссыльный. Род. ок.1809 г. (на1869 г. – 60 лет.). Ксендз Тельшевской епархии. «По политическому делу» сослан в Томскую губ, с 1864 г. находился в Томске, на 1866 г. проживал в Нарыме. 13.12.1866 г. Тогурский заседатель докладывал, что сосланный в Нарым ссыльный политический преступник кс. Михаил В. заказал у курата Томского костела необходимую утварь для совершения богослужения, но сам он лишен духовного сана и не может совершать таковых. 9.12.1866 г. кс. Воловский уехал в Томск. 3 августа 1869 г. умер в Томске от

чахотки, похоронен на католическом кладбище Томска куратом Захаревичем.
ГАТО.Ф.3.Оп.4.Д.295.Л.108;Ф.527.Оп.1.Д.7.Л.73об.;ГУ ГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.8960.

ВОЛОШИНСКИЙ (ВАЛАШИНСКИЙ) Георгий (Ежи) с. Варфаламея.
Политический ссыльный. Род ок.1838 г. (на 1866 г. - 28 лет.). Ксендз из Ковенской губ. Жмудской епархии. Осужден за проведение «возмутительной проповеди и проповедей патриотического содержание и чтение с амвона повстанческих материалов» к высылке по конфирмации временного полевого аудиториата в Томскую губ. без лишения духовного сана. Определен на жительство в Мариинск, куда прибыл 29 марта 1865 г. 20 января 1866 г. переведен в Каинск. 7 января 1866 г. подал прошение томскому губернатору о дозволении службы и исполнении «прочих духовных треб». В рапорте от 22.06.1866 г. каинский городничий докладывал, что кс. Волошинский «тщательно наблюдается» и в занимаемых им квартире теперь богослужений нет и не будет, о чем от кс. получена расписка. Доложил также, что кс. В. занимается «починкой часов». В своем рапорте от 18.11.1870 г. томский курат Захаревич обращался к томскому губернатору, прося о дозволении доверить совершать религиозные требы по отдаленным местам живущим там ссыльным ксендзам, в качестве своего доверенного по Каинскому округу назвал кс. В., находящегося на жительстве в Каинске. На конец 1872 г. находился на жительстве в Каинске. На 1873 г. было назначено денежное пособие от казны. До 1884 г. находился в Тобольске, затем в Таре Тобольской губ.
ГАТО.Ф.3.Оп.4.Д.295.Л.33,54,82,131;Оп.70.Д.7.Л.143об.;Оп.11.Д.1197.Л.3об.;Оп.19.Д.728.Л.39;
РГИА.Ф.821.Оп.3.Д.505.Л.1,11;Dawidowicz J.S. Z listów sybirskiego misjonarza. Kraków, 1901, s.138; И.Н. Никулина. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в… с.150.

ГИРТОВИЧ Николай (1815-1872)
Политический ссыльный. Род.ок.1815 г. (на 1872 г. – 57 лет.). Ксендз Чечерского костела Могилевской епархии в Ковенской губ. В 1864 г. сослан «по политическому делу как неблагонадежный в политическом отношении» на постоянное жительство в Томскую губ. без лишения духовного сана. По распоряжению нач. Томской губ. должен был быть отправлен на жительство в Кузнецк, но остался в Томске. 24 декабря 1864 г. получил согласие томского губернатора исполнять обязанности томского курата на время отсутствия настоятеля и капелана войск Западной Сибири Енгельгарта. В связи с этим подавал прошение томскому полицмейстеру отлучаться в близлежащие от Томска селения для свершения духовных треб, но получил отказ. Исполнял обязанности викарного священника. В феврале 1866 г. к генерал-губернатору Западной Сибири обратился томский курат Энгельгарт с просьбой о дозволении перевода Г. в Мариинск и об отводе там дома, в котором бы Г. мог бы устроить часовню и совершать богослужения. Между тем Г. лично сам 28 марта 1866 г. подал прошение о переводе его в Кузнецк по состоянию здоровья и смены климата. Было дано согласие генерал-губернатора о переводе его в Кузнецк с сохранением за ним пособия в размере 6 руб. в месяц и квартирных 1,5 руб. в месяц. С 3 июня 1866 г. жил в Кузнецке, на 1871 г. вновь жил в Томске в Юрточной части города на Верхней Елани. В марте и мае 1871 г. одолжил поселенцу села Николаевского Николаевской волости Ивану Усачеву 30 рублей, с которого затем не мог взыскать деньги. Подобное обстоятельство заставило Г. вступить с последним в тяжбу и подать по данному поводу даже прошение на имя государя Императора. Поручителем со стороны ксендза выступил потомственный дворянин Александр Викторов Венцковский. В ходе разбирательства дела с Усачева была отобрана подписка с обязательством вернуть деньги. Возвращены ли были деньги неизвестно.11 июня 1872 г. умер в Томске от астмы, похоронен 13 июня на католическом кладбище Томска вице- куратом В. Громадским.

ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.1041.Л.536;Д.1042.Л.302-307;Ф.3.Оп.13.Д.248.Л.225,227;Ф.104.Оп.1.Д.471.469.Л.1-3.;Ф.527.Оп.1.Д.7.Л.96;Оп.19.Д.691А.Л.6;ГАРФ.Ф.109.1 эксп.1866.Л.171,172об.

ГОЛЬДРАТ Мефодий
Политический ссыльный. Ксендз, сослан на военную службу, с 1866 г. находился в ссылке в Мариинске Томской губ. Причины ссылки и дальнейшая судьба неизвестны.
ГУ ГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.8960.

ГРИГАЛЮНОВИЧ Эдуард (Альберт) (1794-1869)
Политический ссыльный. Род ок.1794 г. (на 1869 г. – 75 лет.). Ксендз. Сослан на жительство в Томскую губ. с лишением духовного сана и всех прав «за принятие у себя в доме мятежников из шайки Пословского». С 16 августа 1865 г. находился в Кузнецке с сестрой Катаржиной. 22 мая 1869 г. умер в городе Томске, похоронен на томском католическом кладбище.
ГАТО.Ф.527.Оп.1.Д.7.Л.71об.;ГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.7784.Л.21;
И.Н. Никулина. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в…с.150.

ГРИНЕВИЧ Виценты (Викентий) с. Антона
Политический ссыльный. Род. ок.1829 г. (на 1865 г.-36 лет.). Ксендз из Августовской губ. За участие «в политическом деле» сослан с лишением духовного сана и прав состояния на жительство в Томскую губ. С 1865 г. находился в Мариинске, после в Томске.
ГАТО.
Ф.3.Оп.2.Д.1042.Л.618;ГАРФ.Ф.109.1экспедиция.1866.Д.217.Ч.3.Л. «Е».Л.18.

ДАВИДОВИЧ Иосиф (1825-1882)
Политический ссыльный. Род. в 1825 г. Ксендз из Ковенской губ., ректор Борнянской римско-католической семинарии, родной брат (по матери) кс. Тамулевича, настоятеля прихода

в Курляндии. Родился в Монтвилишках под Шавлами. По окончании гимназии в Шавлах поступил в ДС в Ворнях, затем продолжил обучение в ДА в С-Петербурге, которую окончил со званием магистра теологии. Оставлен викарным кс. в Иукште. С 1857 г. был в Ворнях первоначально как капелан, позднее ректором Борнянской р.-к. духовной семинарии. В 1866 г. по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа «за участие в мятеже, содействие и укрывательство руководителя шайки Богдановича, прием в своей квартире мятежника ксендза Денбского» сослан на жительство в Томскую губ. под надзор полиции без лишения прав. С 1867 по 1870 г. жил в Томске. В 1870 г. был арестован по доносу о том, что в Томске устроил тайную школу, в которой обучал несколько детей ссыльных поляков. Распоряжением томского губернатора от 25 февраля 1870 г. отправлен под строгий надзор полиции в Каинск. 27 мая 1871 г. подал прошение губернатору передать по принадлежности его прошение на имя шефа жандармов графа Шувалова о переселении в Ригу или Либаву по состоянию здоровья. В начале 1872 года его прошение было переадресовано начальнику III-го отделения канцелярии царя. В сопроводительном письме томский губернатор доносил, что ссыльный Д. находился на жительстве в Томске, но за недозволенное обучение детей был переведен в Каинск, во время пребывания в Каинске «вел себя хорошо». С 1873 г. находился в Екатеринославе, впоследствии возвратился на родину в Иукшту, где умер в 1882 г. Оставил воспоминания о пребывании в ссылке (изданы в Кракове в 1901 г).

ГАТО.Ф.3.Оп.70.Д.7.Л.187об.;Ф.104.Оп.1.Д.362;ГАОО.Ф.3.Оп.5.Д.7 699.Л.1,1об.; ГУ ГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.8960; Jędrychowska B. Polscy zesłańcy na Syberii (1830-1883), Wrocław, 2000, s.55,67,70,212; Dawidowicz J.S. Z listów sybirskiego misjonarza. Kraków, 1901.

ДАРЖИНСКИЙ (ДАРОШИНСКИЙ) Иоан (Иван) (1832-1875)

Политический ссыльный. Род. ок.1832 г. (на 1875- 43 года.). Ксендз Тельшевской епархии, из дворян Ковенской губ. Сослан в Томскую губ. без лишения прав. На 1871 г. состоял в списках

ссыльных по Томску, получая месячное пособие в 6 руб. На 1872 г. также находился в Томске и был в числе назначенных на пособие от казны на следующий 1873 год. 11 октября 1875 г. умер от чахотки, похоронен 13 октября в Томске кс. В. Громадским.
ГАТО.Ф.3.Оп.19.Д.728.Л.34;Оп.70.Д.7.Л.187об.;
Ф.104.Оп.1.Д.586.Л5об.; Ф.527.Оп.1.Д.7.Л.132об.

ДЕМИДОВИЧ Яков (Якуб) с. Варфаломея
Политический ссыльный. Род ок. 1820 г. или 1821 г.(47 лет на 1868 г., на 1886 г.- 66 лет.). Ксендз, настоятель Воложинского костела Ошмянского уезда Виленской губ., по др. сведениям - каноник города Гродно. Выслан по конфирмации командующего войсками Виленского округа в 1865 г. на постоянное жительство в Томскую губ. под надзор полиции без лишения сана «как неблагонадежный и вредный для пребывания в крае за допущение в костеле в 1862 г. пения революционных гимнов и не произнесение в течение некоторого времени молитв за государя императора». С 1 октября 1865 г. находился в Мариинске, в 1873 г. был переведен в Томск. Предписанием томского губернатора от 10 января 1868 г. и 29 марта 1872 г. назначалось пособие по 15 коп. в сутки и квартирных 1 руб. 50 коп. в месяц. 12 октября 1873 г. получил вид на право на повсеместное жительство на основании Высочайшего повеления от 13/17 мая 1871 г. Остался в Сибири. Согласно рекомендации томского курата получил право совершать богослужения среди католиков Мариинского окр. Томской губ. Совершал богослужения сзаписями в метрической книге в селе Зырянском Зырянской вол., в 1883 – 1884 гг., в дер. Дмитриевской и селе Боготол Мариинского окр. В 1885 г. Умер 7 марта 1886 г. в селе Тисули Мариинского окр. от воспаления легких, похоронен на местном кладбище кс. В. Громадским.
ГАТО.Ф.3.Оп.19.Д.729.Л.17;Д.728.Л.13;Оп.4.Д.295.Л.131;Оп.54.Д.11 11.Л.4-5;Ф.527.Оп.1.Д.5;Д.144;Д.178.Л.18об.;
ГУГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.8960; Dawidowicz J.S. Z listów sybirskiego misjonarza. Kraków,1901, s.138.

ДИАКЕВИЧ (ДВЯКЕВИЧ, ДИАКОВИЧ) Иосиф с. Александра
Политический ссыльный. Род ок.1829 г или 1831 г.(39 лет на 1868 г., на 1866 г. - 35 лет.). Викарный ксендз Гродненской губ. «За выражение в письме сожаления о неуспешных действиях мятежников и явно обнаруженное этим свое соучастие в мятеже» по конфирмации помощника ком. войсками Виленского военного округа лишен духовного звания, прав состояния и приговорен к ссылке в Сибирь. С 1865 г. находился в Томске, указом Томского губ. правления от 2 июня 1865 г. отправлен на жительство в Нарым. Постановлением томского губернатора от 29 июня 1866 г. оставлен в Томске. На 1871 г. состоял в списке ссыльных по Томску, получая месячное пособие в 1 руб. 24 коп. На ноябрь 1872 г. продолжал состоять в списке ссыльных по Томску. В 1873 г. выехал во внутренние губернии России.
ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.1042.Л.715;Оп.37.Д.171.Л.5;Оп.11.Д.1197.Л.2об.; Оп.70.Д.7.Л.187об.;Ф.104.Оп.1.Д.586.Л.7.;ГУГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.8960.

ДОМБРОВСКАЯ Анна
Политическая ссыльная. Настоятельница Виленского монастыря. В 1860- х гг. сослана на жительство в Томскую губ., определена в Нарым. Подавала прошение о денежном пособии и об оставлении на жительстве в Томске. Просьба была оставлена без удовлетворения «из-за отсутствия уважительной причины».
ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.1042.Л.215-219.

ДОРЖИНСКИЙ Иван с. Станислава
Политический ссыльный. Род.ок.1839 г. (29 лет на 1868 г.), ксендз Ковенской губ., условия ссылки не известны, с 1864 г. находился в Томске.
ГУ ГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.8960.

ДОРОЖИНСКИЙ Иосиф
Политический ссыльный. Ксендз. По конфирмации командующего войсками Виленского военного округа сослан

на житье в Томскую губ. «за участие в мятеже, выраженное встречей шайки мятежников с хоругвиями и служения для них молебствия». В 1870-е гг. находился в Томске.
ГАТО.Ф.3.Оп.11.Д.1197.Л.2-2об.; И.Н. Никулина. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в…с.155.

ДРОМИНСКИЙ Иоан
Политический ссыльный. Ксендз из Ковенской губ., из дворян. «За сочувствие мятежникам» отправлен в Томскую губ. Причислен к городу Томску 7 мая 1865 г. На конец 1880 г. продолжал находиться в списке мещанского сословия по Томску.
ГАТО.Ф.3.Оп.37.Д.176.Л.10.

ДУЛКЕВИЧ (ДУЛЕВИЧ) Иосиф с. Александра
Политический ссыльный. Род.ок.1838 г.(на 1873 г. -35 лет.). Из духовного звания (бывший ксендз). Уроженец Ковенской губ., из дворян Минской губ. В 1865 г. выслан на жительство в Томскую губ. под гласный надзор полиции без лишения духовного звания и прав состояния. На 1871 г. состоял в списке ссыльных по Томску, получая месячное пособие в 5 руб.70 коп. На 1873 г. проживал во 2 кв. Юрточной части Томска, получал пособие в размере 5 руб. 70 коп в месяц. В 1874 г. получил освобождение от надзора полиции на основании Высочайшего повеления от 13/17 мая 1871 г. На основании 4 пункта Высочайшего повеления от 9.01.1874 г. получил разрешение на государственную службу.
ГАТО.Ф.3.Оп.19.Д.691А.Л.6.;Оп.70.Д.7.Л.189об.;ЦГАФ.Ф.109.1 эксп.1874 г.Д.38.Л.241,242-243об.

ДЫГЛО (ДЫШО) Фрацишек с. Франца
Политический ссыльный. Род.ок.1836 г.(1866г.-30 л.). Капелан храма села Иванца Игуменского повята Минской губ. 20 марта 1864 г. арестован, отнесен к 4 категории политических преступников и с лишением духовного сана и специальных прав отправлен на жительство в Томскую губ. за то, что не донес о том, что «несколько особ в маентке Иванцы пошли до

восстания». По конфирмации от 30 марта 1864 г. губернатора Северо-Западного края было конфисковано его имение. В 1865 г. определён на жительство в Бийск, куда прибыл 28 марта 1865 г., характеризовался «хорошим поведением». 12 апреля 1865 г. подал прошение о своём медицинском освидетельствовании и назначении денежного пособия (сломана нога). В начале июня 1868 г. переведён с группой политических ссыльных поляков из. Бийска в Томск. 31 октября 1869 г. в числе других ссыльных ксендзов живших в Томске дал расписку, что не будет совершать религиозных служб. На 1873 г. проживал во 2 кв. Юрточной части Томска, получая пособие в размере 5 руб. 70 коп. в месяц. В 1874 г. на основании 3 п. Высочайшего повеления от 13/17 мая 1871 г. был освобожден от гласного надзора полиции и получил разрешение возвратится на родину и поступить в государственную и общественную службу на основании 4 и 5 пунктов Высочайшего повеления от 9 января 1874 г. В 1874 г. выехал до Курляндской губ., на 1884 г. находился на жительстве в Илукште под надзором полиции. На 1885 г. состоял в списке лиц духовного звания, лишенных духовных прав, но желающих служить.

ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.1042.Л.761-769; Оп.36.Д.313.Л.237; Оп.4.Д.295.Л.142; Оп.19.Д.691А.Л.9; Оп.54.Д.1060.Л.1,1об.,5,5об.; ЦГАРФ.Ф.109, 1 эксп.1874 г.Д.38.Л.39,40; ЛНБ. Ф. Оссол,Д.4553 Л.33; ЦГИА. Ф.1286. Оп.50 Д.468 Л.378-379; РГИА.Ф.821.Д.150. wol. 243. k. 50.

ДЫШКЛЕНЕВИЧ (ДЕМКЛЕНЕВИЧ) Игнатий с. Матвея

Политический ссыльный. Род.ок.1808 г. или 1805 г.(на 1873 г.- 65 лет., на 1886 г. – 81 год.). Ксендз, настоятель Крживошинского прихода Минской губ. (по др. данным – из Гродненской губ.). Выслан на жительство в Томскую губ. под строгий надзор полиции «за противозаконные действия против православия и распоряжений правительства». С мая 1868 г. находился в Нарыме. На 1872 г. жил в Томске и был в числе назначенных на пособие от казны на следующий 1873 год. В 1873 г. проживал во 2 кв. Юрточной части Томска, получал пособие в размере 5 руб. 70 коп. в месяц. Умер 27 июля

1886 г. от аполкесического удара после купания в Белом озере, похоронен 29 июля на католическом кладбище Томска кс. М. Олехновичем.
ГАТО.Ф.3.Оп.19.Д.728.Л.36;Оп.4.Д.1420.Л.4,6-8; Оп.11.Д.1197.Л.8об.;Д.691.А.Л.4;Ф.527.Оп.1.Д.178.Л.21;Ф.235.Оп.1. Д.924;Сибирская газета,1886 г. с.989.

ДЫШО Франц с. Франца
Политический ссыльный. Род.ок.1813 г. (55 лет на 1868 год.). Ксендз Ковенской губ. (по др. данным – из Витебской губ.). Сослан в Томскую губ. с лишением духовного сана и прав состояния. С 1864 г. находился в Томске, на 1871 г. состоял в списке ссыльных по городу Томску, получая месячное пособие в 1 руб.24 коп. На 1872 г. был в числе назначенных на пособие от казны на следующий 1873 год.
ГАТО.Ф.3.Оп.19.Д.728.Л.32;Оп.70.Д.7.Л.191об.; ГУГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.8960.

ЖУК Доменик с. Никодима
Политический ссыльный. Род.ок.1823 г. (45 лет на 1868 год.). Ксендз, настоятель костела в местечке Скопишках Новоалександровского уезда Ковенской губ. Сослан в Сибирь без лишения сана «по подозрению в сношениях с мятежниками, посещении их шайки и как неблагонадежный в политическом отношении». Прибыл в Тобольск при открытом листе Динабурской уголовной комиссии от 1 мая 1865 г., 3 июля 1866 г. из Тобольска отправлен в Томск. С 20 августа 1866 г. находился в Кузнецке, с 1868 г. находился в Мариинске, но в мае 1868 г. крестил в Томске детей, о чем есть запись в метрических книгах. В 1871-1872 гг. проживал в Мариинске. Предписанием томского губернатора от 1 июня и 9 сентября 1868 г. и 29 марта 1872 г. назначалось пособие по 15 коп. в сутки и квартирных 1 руб.50 коп. в месяц. В 1874 г. освобожден от надзора полиции на основании Высочайшего повеления 13/17 мая 1871 г. Проживал в Буе Костромской губ., затем в Костроме, в 1882 г. получил разрешение переселиться в Нижний Новгород.

ГАТО.Ф.3.Оп.36.Д.320.Л.143;Ф.527.Оп.1.Д.6.Л.41об;Ф.3.Оп.19.Д.278 .Л.17;Д.728.Л.13;Оп.70.Д.7.Л.173;ГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.7784.Л.22;Оп.7. Д.1087.Л.1;ГУГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.8960.

ЖУКОВСКИЙ Семен (Шимон)

Политический ссыльный. Род.ок.1830 г. (38 лет на 1868 г.). Ксендз, настоятель приходского костела в Виленской губ. (по другим данным – в Ковенской губ.). «За прием мятежников в своем доме, снабжение их продовольствием и доставление возможности присоединиться к шайке» лишен духовного сана, всех прав состояния и отправлен на жительство под надзор полиции в Томскую губ., с 1864 г. находился в Томске, служил при костеле. На 1871 г. состоял в списке ссыльных по Томску, получая месячное пособие в 1 руб.24 коп. На ноябрь 1872 г. был в числе назначенных на пособие от казны на следующий 1873 год. В 1874 г. освобожден от надзора полиции, 24 мая 1875 г. с возвращением прав исключен из мещанского сословия города Томска.

ГАТО.Ф.104.Оп.1.Д.586.Л.7;Ф.3.Оп.11.Д.1197.Л.3;Ф.3.Оп.19.Д.728. Л.29;Оп.70.Д.7.Л.188.;Оп.37.Д.176.Л.12;ГАОО.Ф.3.Оп.7.Д.11533.Л.2 2; ГУГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.8960; Dawidowicz J.S. Z listów sybirskiego misjonarza. Kraków, 1901, s.138.

ЗАЛЕВСКИЙ (ЗАЛЕСКИЙ, ЗАЛЕССКИЙ) Пацифик (1819-1867)

Политический ссыльный. Род. ок.1819 г. (на 1867 г.- 48 лет.). Монах Капуцинского монастыря, из Люблинской губ. По делу «о польском мятеже 1863 г.» выслан под надзор полиции в Томскую губ. Предписанием земского исправника от 19 июля 1865 г. направлен на жительство в село Спасское Спасской вол. Томского окр. 8 сентября 1865 г. подал прошение о переводе его в Томск на жительство при костеле. В прошении писал: «Желая при старости моей быть полезным услугами при томской римско – католической церкви, так как по званию моему монастырского слуги я знаю порядок церковного услужения и предоставляя при сем удостоверение городского церковного старосты о согласии его принять меня в услужение

при церкви». Разрешение было получено благодаря ходатайству старосты костёла, коллежского советника Игнатия Чигирь. В 1867 г. подавал прошение о возвращении на родину, но в предписании томского губернатора в городскую полицию от 4.10.1867 г. получил отказ на том основании, что дарованные государевы милости касаются только высланных на жительство, а он выслан «на водворение». 2 декабря 1867 г. умер в томской городской больнице от воспаления лёгких, 5 декабря похоронен на католическом кладбище г. Томска.
ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.1041.Л.84,84об.;Оп.13.Д.248.Л.84;Оп.37.Д.170. Л.50, Ф.527.Оп.1.Д.7.Л.62; Католический некрополь города Томска.

КВЯТКОВСКИЙ Станислав
Политический ссыльный. Католический священник. Находился в ссылке в Томской губ., Упоминается в предписаниях Бийского уездного исправника на 1886 г.
ГААК.Ф.170.Оп.1.Д.26.Л.132-133.

КЕЛЬПШ Юлиан с. Станислава
Политический ссыльный. Род.ок.1836 г. (на 1866 г.-30 лет.). Викарный ксендз Ганушишского костела Новоалександровской губ. Сослан в Томскую губ. на жительство с лишением духовного сана, всех прав и преимуществ «за сочувствие восстанию, возбуждение к мятежу в 1863 г. своих прихожан, сбор крестьян перед приходом мятежников и личное присутствие при чтении в костеле революционного воззвания» по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа, а имущество оставлено под секвестром. В 1866-1867 гг. находился в Мариинске, занимался хлебопекарством.
ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.1153А.Л.3,25;РГИА.Ф.821.Оп.3.Д.327.Л.12,12об.; ГАКО.Ф.Д-44.Оп.1.Д.73.Л.100; И.Н. Никулина. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в…с.150.

КОЗИЦКИЙ Доменик с. Михаила
Политический ссыльный. Род. ок. 1829 г. (на 1863 г. – 34 года.). Викарный ксендз парафии Дусяты Ново-Александровского

повята Ковенской губ., уроженец Ковенской губ. Сослан в Томскую губ. за то, что 12 мая 1863 г. при встрече с повстанцами отслужил в их честь богослужение. При следствии показал, что действительно «выходил навстречу повстанцам с хоругвами, но под нажимом обстоятельств, т.к. не хотел военных действий с войсками под командой хорунжего Теплова», а не донес властям о повстанцам, т.к. «ими был задержан». Следствием был отнесен к 4 категории политических преступников и с лишением всех прав состояния и духовного сана выслан 19 марта 1864 г. на водворение под строгий надзор полиции в Томскую губ. 12 октября 1864 г. был отправлен из Тобольска в Томск в составе пешей партии. В Томск прибыл 4 марта 1865 г. и определен на жительство в город Колывань. 27 марта1868 г. обратился с прошение о назначении кормового довольствия и квартирных. Согласно рапорта колыванского полицмейстера от 15.04.1868 г., «вел себя одобрительно, получил пособие с родины 20 марта1867 г. в размере 49 руб., однако по незначительности этой суммы и неспособности его к тяжелым работам не может в дальнейшем себя обеспечивать». С 1 ноября 1869 г. стал получать от казны пособие по 1 руб.20 коп. в месяц и квартирных по 6 коп. в сутки. В 1869 г. получил разрешение переселится в Костромскую губ. и до 1872 г. жил в селе Буй Костромской губ., занимался лечением и служил провизором местной аптеки. В 1872 г. получил разрешение вернуться в Курляндию, в 1879 г. жил в Варновицах повята Илюкштанск. На 1885 г. значился в списке лиц лишенных духовного сана, вопреки запрета совершавших богослужения и религиозные требы. В 1885 г. переехал в Ставрополь на Кавказе, где получил от властей предупреждение за ведение незаконно богослужений.

ГАТО.Ф.3.Оп.4.Д.391.Л.65-66;ЦГИА Ф.1286.Оп.30.Д.1310;ЦГАРФ. Ф.109 1 эксп. 1865 г.Д.31 Л.246об;Kubicki. s. 3.

КОЛЫШКО Адам (1835-1875)
Политический ссыльный. Род. ок. 1835 г. (на 1875 г. – 40 лет.). Ксендз. «По политическому делу» сослан в Томскую губ. С 27 мая 1865 г. находился на жительстве в Колывани под строгим надзором полиции. В мае 1868 г. переведен в Нарым, причислен к Парабельской вол. Томского окр. Умер 27 ноября 1875 г. в селе Каргасок Парабельской вол.
ГАТО.Ф.3.Оп.54.Д.622.Л.5;Ф.527.Оп.1.Д.7.Л.134;ГАОО.Ф.3.Оп.6.Д. 7784.Л.23об.

КОСАРЖЕВСКИЙ (КОССАРЖЕВСКИЙ) Амвросий с. Николая (1820-1880)
Политический ссыльный. Род. ок. 1820 г. (на 1880 г. – 60 лет.). Ксендз Тельшевской епархии, из дворян Ковенской губ. По конфирмации командующего войсками Виленского военного окр. в административном порядке сослан в Сибирь из Ковенской губ. «за неблагонадёжность в политическом отношении и несвоевременное донесение об оставлении мятежниками бывшего в их шайке кс. Гаргаса, состоявшего под арестом в его заведении, за противодействие распоряжениям начальства относительно процессии крестьянских ходов». Имущество, принадлежащее ему, было оставлено под секвестром. Определен на жительство в Бийск, куда прибыл 11 апреля 1866 г. В июне 1867 г. подавал прошение о дозволении вернуться в Царство Польское на основании Высочайшего повеления от 17 мая 1867 г., но получил отказ. Находясь в Бийске, 10 июля 1867 г. подал прошение о возможности совершать богослужения. Из Бийска в начале июня 1868 г. перемещен на жительство в Томск. На 1871 г. состоял в списке ссыльных по городу Томску, получая месячное пособие в 6 руб. На 1872 г. также находился в Томске и был в числе назначенных на пособие от казны на следующий 1873 год. В последующем, не будучи в штате священников Томской католической парафии, получил возможность совершать обряды крещения с правом записи актов крещения в метрическую книгу томского костёла. Так, в ноябре 1874 г.

крестил детей на Ольгинских заводах, в ноябре этого же года крестил детей в Томске, тоже самое делал в Томске в июне 1875 и феврале 1876 гг. 14 декабря 1880 г. умер от воспаления лёгких, похоронен в Томске на католическом кладбище.
ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.1190.Л.4.7;Оп.36.Д.313.Л.233;Оп.19.Д.728.Л.30; Ф.527.Оп.1.Д.6.Л.198об.;Ф.527.Оп.1.Д.7.Л.194;ГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.778 4.Л.19;Оп.8.Д.12033.Л.9-9об.;Католический некрополь города Томска. с.75.

КОССИЛОВСКИЙ (КОСИЛОВСКИЙ) Георгий с. Антона
Политический ссыльный. Род. ок. 1836 г. (на 1866 г.- 30 лет.). Викарный ксендз, настоятель Покальянского костела Вилькомирского уезда Ковенской епархии, из дворян. Рукоположен в священники в 1860 г., служил в Тельшевском деканате. «За противодействия распоряжениям начальства относительно процессий и крестных ходов и крайнюю неблагонадежность в политическом отношении» распоряжением начальника Северо-Западного края направлен на водворение в Томскую губ. без лишения прав и духовного сана под строгий надзор полиции. 20 июня 1866 г. из города Ковно отправлен в Томск. С 5 октября 1866 г. находился в Кузнецке, затем в Мариинске. На 1868 г. получал пособие от казны. Предписанием томского губернатора от 5 октября 1868 г. и 29 марта 1872 г. назначалось пособие по 15 коп. в сутки и квартирных 1 руб.50 коп. в месяц. Согласно записей метрических книг, крестил детей в городе Мариинске и Мариинском округе в 1874- 1875 гг. В 1874 г. освобожден от надзора полиции на основании Высочайшего повеления от 13/17 мая 1871 г. В 1881 г. назначен викарным ксендзом костела в городе Красноярске, в 1884 г. – куратом Красноярского прихода. В данной должности служил до 1887 г.
ГАТО.Ф.3.Оп.36.Д.354.Л.1388;Оп.19.Д.278.Л.15,19;Оп.11.Д.1197.Л.8 об.;Оп.54.Д.643.Л.1,1об.3;Ф.527.Оп.1.Д.6.Л.199 об.;ГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.7784.Л.22; Andrzej Majdowski. Kościół katolicki w Cesarstwie rosyjskim…s.302.

КОТОВИЧ Эдуард (1803-1873)
Политический ссыльный. Род. ок. 1841 г. (на 1866 г.- 25 лет.). Викарный ксендз Иваницкого костела Минского уезда и губ. По обвинению «в унизительных отзывах о лицах, принимающих православие и явном стремлении удержать в католицизме крестьян Минского уезда, изъявивших добровольное желание принять православие» и признанного «как вредного и неблагополучного в политическом отношении» заключением Временного полевого аудиториата, утвержденного командующим войсками Виленского военного окр. (не позднее 25.06.1866 г.) выслан на постоянное жительство под надзор полиции в Томскую губ. без лишения прав состояния и духовного сана. Отправлен (не ранее 1 июня 1866 г.) в Сибирь. 29 сентября 1866 г. в составе 92 конной партии отправлен из Тобольска в Томскую губ. По распоряжению начальника губ. определен на жительство в Кузнецк, куда прибыл 18 декабря 1866 г., позднее отправлен в Мариинск. На 1871 г. находился на жительстве в Мариинске, получая пособие от казны 15 коп. в сутки. Предписанием томского губернатора от 5 октября и 26 сентября 1868 г. и 29 марта 1872 г. назначалось пособие по 15 коп. в сутки и квартирных 1 руб.50 коп. в месяц. 9 января 1873 г. умер в Мариинске от чахотки, 12 января похоронен на местном кладбище.
ГАТО.Ф.3.Оп.36.Д.320.Л.886об.;Ф.3.Оп.19.Д.728.Л.18; Оп.11.Д.1197.Л.7об.;Оп.70.Д.7.Л.173об.;Ф.527.Оп.1.Д.7.Л.103 об.;ГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.7784.Л.22;ЦГАРФ. Ф.109.1 эксп. 1866 г. Д.33 ч.1.Л.34-35,36;Ф.109.1эксп.1867г.Д.54.Л.99об;РГИА Ф.821.Оп.150.Д.243.vol.243.k.50p.29;ЦГИА Ф.1286.Оп.50.Д.788;ГУГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.8960.

КРЖЫЖАНОВСКИЙ Андрей с. Доминика
Политический ссыльный. Род. ок. 1824 г. (на 1863 г. – 39 лет.). Викарный ксендз Францевского костела Могилевского губ., уроженец Виленской губ. Арестован 15 ноября 1863 г. «за прием у себя повстанцев» и решением следственной комиссии приговорен к лишению духовного сана, имущества,

имения и ссылке в каторжные работы на заводах в Восточную Сибирь на 8 лет. Однако решением от 1.05.1864 г. и конфирмации от 4 мая 1864 г. отнесен к 4 категории политических преступников и приговорен к высылке в Томскую губ. с лишением духовного сана. 22 июня этапом отправлен к месту водворения. С 15 мая 1865 г. находился в Каинске, с 17 июня 1865 г. в Кузнецке, затем Мариинске. За 1868 г. получал от казны пособие. На 1872 –73 гг. проживал в Мариинске. Предписанием томского губернатора от 11 октября 1868 г. и 29 марта 1872 г. назначалось пособие по 15 коп. в сутки и квартирных 1 руб.50 коп. в месяц. На 1874 г. на основании Высочайшего повеления от 13/17 мая 1871 г. был освобожден от надзора полиции, а на основании 4 пункта Высочайшего повеления от 9.01.1874 г. получил право на вступление в государственную службу в тех местностях, в которых ему будет дозволено свободное проживание.
ГАТО.Ф.3.Оп.11.Д.1197.Л.3;ГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.7784.Л.20об.;Оп.7.Д.11555.Л.4,4об.;ГАТО.Ф.3.Оп.19.Д.728.Л.14,18;ЛНБ.Оссол. Д.4533Л.67.;ЦГАРФ. Ф.109.1 эксп. 1874 г. Д.38. Л. 241,242,243 об., 245 об.; Kubicki P. Bojownicy kapłani….Cz..3.T.4….s.477.

ЛАВКОВИЧ (ЛЕВКОВИЧ) Иосиф с. Станислава (Франциска)
Политический ссыльный. Род. в 1825 г. Ксендз, настоятель костела в Новоалександровском уезде Ковенской губ. Из мещан Ковенской губ. Окончил Тельшевскую ДС, рукоположен в священники в 1885 г. По конфирмации помощника командующего войсками Виленского военного окр. с Высочайшего утверждения от 11 мая 1863 г. административным порядком выслан на постоянное жительство в Томскую губ. без лишения прав состояния и духовного сана как «замеченный во вредном влиянии и неуместные и оскорбительные для следствия объяснения». 30 мая 1867 г. из Тобольска отправлен на водворение в Томск. Назначен на жительство в Бийск, куда прибыл 16 июня 1867 г. Живя в Бийске, 15 июля 1867 г. подавал прошение о переводе в Царство Польское, но получил отказ. В начале июня 1868 г. получил предписание начальства на перевод в Томск из-за

недозволения политическим ссыльным проживать в горнозаводском ведомстве (по другим данным – был переведен в Томск по ходатайству и прибыл 11 апреля 1868 г.). В Томске проживал на квартире у ссыльного поляка Михаила Милевского. По подозрению в организации в Томске ссыльными поляками заговора 5 ноября 1870 г. на квартире у Милевского был произведён полицией обыск, в результате которого, как утверждают архивные документы, у Милевского были найдены ружьё и стрихнин, а у ксендза Л. церковное облачение, облатки и письма. Оба были арестованы и против них полицией велось дознание. 13 ноября кс. Л. под поручительство и подпиской об неотлучке из Томска из-под стражи был освобожден за недоказательностью обвинения, однако лишён денежного пособия и сослан на жительство в Мариинск. Изъятые при аресте вещи и церковное облачение не возвращено. В 1873 г. ещё проживал в Мариинске, но в 1880 году уже числился в числе состоящих под надзором полиции вновь по городу Томску. В этом же году был освобождён от надзора полиции, в 1881 г. проживал в Юрточной части города. В 1882-1890 гг. служил викарным священником в Иркутске, в 1890-1894 гг. – викарным священником костела св. Марии в СПт, в 1894-1897 гг. был куратом в г. Выборге. В 1897 г. вернулся на родину в Тельшевский деканат.

ГАТО.Ф.3.Оп.37.Д.169.Л.3.;Оп.2.Д.1190.Л.5.;Оп.54.Д.84.Л.47об.; Оп.11.Д.1197.Л.8об.; Оп.29.Д.2.Л.9;Оп.36.Д.384. Л.285; Д.313.Л.233; Ф.104.Оп.1.Д.1567;ГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.7784.Л.19об.;Оп.8.Д.127.Л.2; Andrzej Majdowski. Kościół katolicki w Cesarstwie rosyjskim… s. 303.

ЛЕБЕДЗИНСКИЙ Людвиг с. Яна

Политический ссыльный. Род.ок.1836 г. (на 1866 г.-30 лет.). Ксендз Сокольского уезда Виленской губ. За «двухкратное посещение шайки мятежников и отказ в причастии отставному рядовому Курчевскому за то, что он доносил начальству о мятежниках» по конфирмации командующего войсками Виленского окр. от 2 сентября 1864 г. оставлен в подозрении и как «совершенно неблагонадежный в политическом

отношении и вредный для дальнейшего пребывания в здешнем крае» выслан на постоянное жительство под строгий надзор полиции в Томскую губ. без лишения прав состояния и духовного сана. Прибыл в Томск 29 января 1866 г. 3 марта 1866 г. подавал прошение о дозволении служить обедню в костеле города Томска. Разрешение было дано. Распоряжением Томского полицмейстера от 23 марта 1866 за ним был учрежден надзор во время, когда он будет служить обедню. В деле о надзоре от 7.10.1866 г. отмечалось, что согласно поступившему доносу, кс. Л. был замечен в тайной передаче писем. На 1871 г. состоял в списке ссыльных по Томску, получая месячное пособие в 6 руб. На ноябрь 1872 г. продолжал находиться в списке ссыльных по городу Томску и был в числе назначенных на пособие от казны на следующий 1873 год. В 1873 г. по разрешению от 17 января 1873 г. выехал в Кострому.
ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.1042.Л.233,717,761,769;Ф.3.Оп.4.Д.295.Л.92,97;Ф. 104.Оп.1.Д.586.Л.10 об.;Оп.19.Д.728.Л.34; Оп.70.Д.7.Л.187об.

ЛЕНКОВСКИЙ (ЛИНКОВСКИЙ) Феликс
Политический ссыльный. Род.ок.1812 г. (56 лет на 1868 г.). Ксендз Кракиновского костела Поневежского уезда Ковенской губ. Сослан на жительство в Томскую губ. с лишением права совершения духовных треб. В 1866 г. находился на водворении в Каинске, занимался садоводством. В 1867 г. выехал в Вятскую губ.
ГАТО.Ф.3.Оп.4.Д.295.Л.54,82об.;ГУГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.8960.

ЛИДЕЙКО Матфий
Политический ссыльный. Ксендз из Виленской губ. В 1864 г. приговорен к ссылке в Томскую губ. с лишением прав духовного сана и конфискацией имущества.
Kubicki P. Bojownicy kapłani….Cz..3.T.4….S.120; И.Н. Никулина. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в…С.238.

ЛУКАШЕВИЧ Павел
Политический ссыльный. Род.ок.1827 г. (41 год на 1868 г.). Монах Цитовянского монастыря ордена Бернандинов

в Россиенском уезде Ковенской губ. В 1865 г. выслан на постоянное жительство под строгий надзор полиции в Томскую губ. «по политической неблагонадежности и как виновный в сношениях с мятежниками». Первоначально находился в Нарыме, с 1866 г. в Томском округе, выполнял черные работы, а также работы по меди.
РГИА.Ф.821.Оп.3.Д.213.Л.1;РГВИА.Ф.484.Оп.2.Д.283.Л.12,26,36; ГУГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.8960;10388.Л.185об.-186;И.Н.Никулина. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в… с.162.

МАЦКЕВИЧ Аврелий (Аверьян) (1820-1877)
Политический ссыльный. Род.ок.1820 г. (на 1877 г. –50 лет.). Ксендз из Гродненской губ. (по другим данным - из Виленской губ.), бывший настоятель Шершевского прихода. Сослан в на постоянное жительство без лишения прав состояния и духовного сана под строгий надзор полиции в Томскую губ. по конфирмации помощника Главного начальника Западного края «за принятие участия в мятеже». Назначен на жительство в Бийск, но с 1865 г. находился в Томске. 17 июня 1865 г. подавал прошение о разрешении совершать богослужения в Томске, на что 12 июля 1865 г. получил согласие томского губернатора. На 1871 г. состоял в списке ссыльных по городу Томску, получая месячное пособие в 5 руб.70 коп. На 1872 г. находился в Томске и был в числе назначенных на пособие от казны на следующий 1873 год. 10 июня 1877 г. умер в Томске, приобщён к св. таинству кс. Захаревичем и 12 июня похоронен на томском католическом кладбище.
ГАТО.Ф.3.Оп.4.Д.295.Л.107;Оп.11.Д.1197.Л.4об;Оп.3. Д.1041.Л.536;Ф.104.Оп.1.Д.586.Л.14;Ф.527.Оп.1.Д.7.Л.148;Оп.19.Д.7 28.Л.29.

МИКУТОВИЧ (МУКОТОВИЧ) Северин с. Михала
Политический ссыльный. Род ок.1832 или 1833 г. (на 1865 г – 32 года, 36 лет на 1868 г.). Ксендз Луковецкого приходского костела Виленского уезда, из дворян Виленской губ.(по др. данным - из Ковенской губ.). После состоявшегося суда в Вильно сослан в Томскую губ. без лишения прав состояния

и духовного сана (по др. данным – с лишением сана и прав состояния) за «исполнение требования мятежников и не совершение в течение 3 месяцев молебствий за здоровье государя императора»., определен на жительство в город Колывань, куда прибыл 17 августа 1865 г. 24 февраля 1867 г. подал прошение на имя начальника губ. вместе с кс. И. Разводовским о дозволении отправлять богослужения, указав, что местная полиция не позволяет им отправлять богослужения даже в «открытом здесь с разрешения начальства молитвенном доме». Своим распоряжением от 12 апреля 1867 г. томский губернатор в донесении колыванскому городничему относительно просьбы М. и Разводовского указал, что из собранных сведений о них не усматривается, что они действительно носят сан ксендзов, а потому не могут совершать богослужения. На 1871 г. состоял в списке ссыльных по Томску, получая месячное пособие в 5 руб. 70 коп., занимался починкой часов. На ноябрь 1872 г. продолжал состоять в списке ссыльных по городу Томску и был в числе назначенных на пособие от казны на следующий 1873 год. В октябре 1873 г. получил вид на повсеместное жительство за исключением столиц, столичных губерний, Западного края и Царства Польского.

ГАТО.Ф.3.Оп.4.Д.295.Л.112-113;Оп.19.Д.728.Л.30; Оп.70.Д.7.Л.189об.;Оп.54.Д.1017.Л.4,14,14об.; Ф.104.Оп.1.Д.586.Л.13; ГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.7784.Л.23об.; Dawidowicz J.S., Z listów sybirskiego misjonarza... s.138; И.Н. Никулина. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в… с.164.

МИЛОСНИЦКИЙ Плацит (Гиацинт) (1804-1868)

Политический ссыльный. Род.ок.1804 г. (на 1868 г. – 64 года.). Монах Доминиканского ордена, из Тельшевской епархии, иеромонах монастыря в местечке Половенах Вилькомирского уезда. В 1865 г. «по политической неблагонадежности» сослан на жительство в Томскую губ. на постоянное жительство под строгий надзор полиции и определен на жительство в Мариинский округ. 22 апреля 1868 г. умер в Мариинске от чахотки, 25 апреля похоронен на местном кладбище.

ГАТО.Ф.527.Оп.1.Д.7.Л.65; РГИА.Ф.821.Оп.3.Д.217.Л.1; Dawidowicz J.S., Z listów sybirskiego misjonarza. s.138.

МИНИЦКИЙ Людвиг с. Эдуарда
Политический ссыльный. Род. ок. 1830 или 1833 г. (на 1865 г. - 35 лет на 1868 г.). Ксендз из Виленской губ. Дисненского уезда. Сослан в 1864 г. в Томскую губ. с лишением духовного сана и всех прав состояния по конфирмации помощника командующего войсками Виленского военного округа «за не предоставление начальству предъявленных ему возвратившихся из шайки мятежников и выдачи им денежного вспомоществования». С 1865 г. находился в Мариинске, причислен в мариинские мещане 11 сентября1865 г. Согласно рапорта от 3 июля 1870 г. мещанского старосты Шадчина в городе не проживал, «находясь в неизвестной отлучке». На 1872 - 73 гг. проживал в Мариинске. Предписанием томского губернатора от 28 ноября1867 г. назначалось пособие по 4 коп. в сутки. В дальнейшем, получив разрешение на выезд, в 1885 г. выехал за границу.
ГАТО.Ф.3.Оп.19.Д.728.Л.13;Оп.19.Д.728.Л.17;Оп.11.Д.1197.Л.4об.; ГУГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.8960.;ГАКО.Ф.Д-44.Оп.1.Д.149.Л.58.

МИНЧЕВСКИЙ Иосиф
Политический ссыльный. Ксендз из Гродненской губ. В 1864 г. сослан в Томскую губ. с лишением всех прав состояния, конфискации имущества и лишения духовного сана. Условия ссылки неизвестны.
Kubicki P. Bojownicy kapłani….Cz..3. T.4….s.122; И.Н. Никулина. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в…с.240.

МИЦКЕВИЧ Авраам
Политический ссыльный. Род.ок.1823 г. (45 лет на 1868 г.). Ксендз из Гродненской губ., условия ссылки не известны, с 1864 г. находился в Томске.
ГУГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.8960.

МОНЮШКО Александр
Политический ссыльный. Ксендз, из дворян Гродненской губ. Белостокского уезда (по др. данным – из дворян Могилевской губ.). В 1864 г. с лишением духовного сана и всех прав состояния «за участие в мятеже» сослан на жительство в Томскую губ. под строгий надзор полиции. На ноябрь 1872 г. состоял в списке ссыльных по городу Томску.
ГАТО.Ф.104.Оп.1.Д.586.Л.14.;РГИА.Ф.821.Оп.3.Д.185.Л.1;
И.Н.Никулина. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в…с.164.

МОСЕЙ (МОСИЙ) Викентий с. Викентия (1836-1911)
Политический ссыльный. Род. ок.1836 г. (29 лет на 1865 г.). Ксендз из Ковенской губ. Из дворян Ковенской губ. Окончил Тельшевскую ДС, рукоположен в священники в 1861 г. В 1865 г. по обвинению «в подготовке крестьян к мятежу и сношения с мятежниками» выслан без лишения прав и духовного сана на жительство под строгий надзор полиции в Тобольскую губ. С 1866 г. по 1881г. находился в Омске. В 1881-1883 гг. и.о. тобольского курата, в 1883-1893 гг. был капелланом храма в с. Спасском Каинского окр. Томской губ., в 1893-1901 гг. – викарным священником в Томске, в 1895-1897 гг. служил в Каинске. В 1897 г. – вновь в с. Спасском, где скончался в 1911 г.
ГАОО.Ф.3.Оп.8.Д.12036.Л.1;РГИА.Ф.821.Оп.3.Д.409.Л.9об.; ГУ ГАОО.Ф.3,Оп.5.Д.7601.Л.24-25,Оп.6.Д.7918.Л.79-80;
И.Н. Никулина. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в… с. 20; Andrzej Majdowski. Kościół katolicki w Cesarstwie rosyjskim….s.304.

МОТАНОВИЧ (МАТАНОВИЧ) Брокард
Политический ссыльный. Ксендз из Виленской губ. В 1864 г. выслан в Томскую губ. с лишением духовного сана, всех прав и преимуществ с конфискацией имущества в казну «за исполнение требования мятежников и несовершение в течение 3-х месяцев молебствий за здоровье государя императора». Условия ссылки не установлены.

Kubicki P. Bojownicy kapłani….Cz..3. T.4….s.120; И.Н. Никулина. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в…с.241.

НАРВОЙШ Викентий

Политический ссыльный. Род. ок. 1830 г. (на 1877 - 47 лет.). Ксендз, настоятель костела в Жгайтске Россиенского уезда Ковенской губ., из дворян. По определению генерал - адъютанта Потапова как «неблагонадежный в политическом отношении» в июле 1871 г. выслан под надзор полиции в Томскую губ. без лишения прав состояния и духовного сана. Находился в Нарыме, Мариинске. Впоследствии по распоряжению МВД переведен на жительство в Казанскую губ. С 25 августа 1877 г. проживал в г. Ядрине Казанской губ., получая пособие от казны в размере 6 руб. в месяц. По освобождении от надзора полиции 3 октября 1880 г. выбыл из Ядрина в Казань.

ГАТО.Ф.3.Оп.11.Д.1197.Л.9;ГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.10332.Л.2,4;НА РТ.Ф.1.Оп.3.Д.4134.Л.121об. - 122;Д.4671.Л.199 об.- 200;Д.4950.Л.27.

НОСАЛЬСКИЙ Иосиф (1808-1873)

Политический ссыльный. Род. ок.1808 г. (на 1873 - 65 лет.). Ксендз из Житомирской епархии. Сослан в Сибирь «по политическому делу», причины и условия ссылки не установлены. 16 августа 1873 г. умер в томской тюремной больнице. Приобщён к св. таинству куратом Захаревичем, 18 августа 1873 г. похоронен на томском католическом кладбище.

ГАТО.Ф.527.Оп.1.Д.7.Л.107.

ОВСЯНЫЙ Иосиф (Гилярий)

Политический ссыльный. Ксендз из Минской губ. Сослан в Томскую губ. на жительство без лишения прав состояния и духовного сана «за участие в мятеже и как неблагонадежный в политическом отношении и вредный для пребывания в крае». Определен на жительство в город Колывань. В дальнейшем распоряжением губернатора по просьбе курата Энгельгарта, как его родственник был переведен в Томск.

31 августа 1866 г. томский курат уведомил губернатора о том, что уезжая в Томскую губ. и Семипалатинскую область для исполнения духовных треб над католиками, проживающим по разным местам губ. и области и желая и проживающих в городе Томске не оставить без духовного пособия, оставляет на своем месте О. На 1871 г. состоял в списке ссыльных по Томску, получая пособие в размере 6 руб. в месяц. На ноябрь 1872 г. продолжал состоять в списке ссыльных по Томску и был в числе назначенных на пособие от казны на следующий 1873 год.
ГАТО.Ф.3.Оп.4.Д.295.Л.97;ОП.11.Д.1197.Л.5-5об.;Ф.104.Оп.1.Д.586.Л.16; Оп.19.Д.728.Л.34; Оп.70.Д.7.Л.187об.

ОЛЕХНОВИЧ Михаил с. Антона (1825-1902)
Политический ссыльный. Род ок.1825 г. (на 1902 - 77 лет.), из дворян Виленской губ. Ксендз, бывший член Виленского сообщества уставных каноников, из Дрисенского уезда Витебской губ., рукоположен в 1855 г. Выслан в Томскую губ. в 1865 г. в административном порядке по IV категории, пункты 8-9 с освобождением от секвестра имущества. Первоначально жил в Бийске, куда прибыл в 1866 г. Проживая в Бийске, 15 июня 1867 г. подавал прошение о разрешении возвратится в Царство Польское, но получил отказ. В 1868 г. был переведён в Томск. В 1874 г. освобожден от надзора полиции (вид № 420 от 1875 г.) и, согласно записей в метрических книгах, уже в 1876 г. крестил детей в томском костеле. В 1883-1902 гг. состоял викарным ксендзом томского прихода. Проживая в Томске, состоял действительным членом римско-католического благотворительного общества при костёле, завещав в его пользу 1050 рублей. В последние годы жизни был настоятелем Бороковского костёла. 27 декабря 1902 г. умер в селе Боготоле, похоронен на католическом кладбище Томска куратом Демикисом и кс. К. Скибневским.
ГАТО.Ф.3.Оп.29.Д.2.Л.8;Оп.37.Д.169.Л.3;Ф.3.Оп.2.Д.1190.Л.3.;Ф.104.Оп.1.Д.586.Л.15;Ф.527.Оп.1.Д.398.Л.101об.;Оп.19.Д.728.Л.32; Оп.70.Д.7.Л.167об.

ПАЦЕВИЧ Юлиан с. Каспера
Политический ссыльный. Род. ок. 1811 г. (на 1868 – 57 лет.) Виленский вице-декан и настоятель Немечинского костела. По обвинению в распространении между крестьянами прихода «нелепых слухов» и подозрению в том, что «во время исповедей давал советы прихожанам и говорил о необходимости защищать польское дело» и как «совершенно неблагополучного в политическом отношении и вредного для дальнейшего пребывания в Западном крае» распоряжением командующего войсками Виленского военного окр. (не позднее 30 апреля 1866 г.) определен к высылке на постоянное жительство в Томскую губ. под строгий надзор полиции. (не ранее 6 мая 1866 г.) 14 июля 1866 г. распоряжением генерал-губернатора Западного края «принимая во внимание преклонные года» оставлен в Вильне с помещением в монастырь кармелитов древних правил. На 1868 г. состоял в списке состоящих под надзором полиции по Виленской губ.
ГАРФ.Ф.109.1эксп.1866,Д.33ч.1.Л.22-22об,23;ЦГИА СССР.Ф.1286.Оп.50.Д.88А;РГИА.Ф.821.Оп.3.Д.238.Л.1;И.Н. Никулина. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в…с.166.

ПИСАНКО Бонифаций
Политический ссыльный. Ксендз Волковыского уезда. В 1864 г. выслан в Томскую губ. на жительство под строгий надзор полиции с лишением прав состояния и духовного сана «за неблагонадежность в политическом отношении».
ГРИА.Ф.821.Оп.3.Д.179.Л.1;И.Н.Никулина. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в…с.166.

РАЗВОДОВСКИЙ (РАЗВАДОВСКИЙ) Иоан с. Станислава (1836-1882).
Политический ссыльный. Род.ок.1836 г. (на 1882 – 46 лет.). Ксендз из Трокского уезда Виленской губ. Сослан в Томскую губ. «по политическому делу» без лишения духовного сана и прав состояния. Определен на жительство в город Колывань, куда прибыл 12 апреля 1866 г. 24 февраля 1867 г. подал

прошение на имя начальника губ. вместе с кс. Микутовичем о дозволении им отправлять богослужения в Колывани, указав, что местная полиция не позволяет им отправлять богослужения даже в открытом здесь с разрешения начальства молитвенном доме, получил отказ. На 1871-1872 гг. числился проживающим в Мариинске, в 1872 г. получил пособие от казны на содержание за 1868 г. 27 февраля 1882 г. умер в деревне Калеульской Почитанской вол. Томской губ. от чахотки, 1 марта похоронен на местном кладбище.
ГАТО.Ф.3.Оп.19.Д.728.Л.18;Ф.3.Оп.4.Д.295.Л.114;Оп.11.Д.1197.Л.9; Ф.527.Оп.1.Д.119.Л.37;Д.7.Л.211.;118.Л.9;Ф.527.Оп.1.Д.7.Л.211;Оп.7 0.Д.7.Л.173об.

РАСТВОРОВСКИЙ (РОСТВОРОВСКИЙ) Ян с. Феликса
Ксендз. Административно-ссыльный. Из графского рода, ректор Хоровской ДС под Перемышлем. В 1914 г. с началом войны находился в составе войск Австро-Венгрии, попал в плен и направлен в ссылку в Томскую губ. Водворен на жительство в г. Кузнецк, в 1915 г. находился в Томске, 23 июня 1915 г. венчал в Томске графа Валевского, 2 июля 1915 г. венчал мещанина Вале. В январе 1917 г. получил разрешения отлучка из Кузнецка в Томск на 10 дней для явки к зубному врачу, получил разрешение на 2 недели остаться в Томске. Весной 1918 г. был уже в Петрограде. Вернулся в Польшу, был главным редактором журнала “Пшегленд Повшехны”.
ГАТО.Ф.527.Оп.1.Д. 915.О.21об.;Ф.104.Оп.1.Д.4021.

РЖЕКОНСКИЙ Андриан
Политический ссыльный. Диакон монастыря ордена Францисканцев. В 1864 г. сослан в Томскую губ. с лишением духовного сана и всех прав и преимуществ «за принятие предложения на приведение к присяге лиц, желавших вступить в состав революционной полиции».
РГИА.Ф.821.Оп.3.Д.112.Л.1; И.Н. Никулина. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в…с. 167.

РУКОЙША (РУКОЙЖА, РУКУЙЖА) Карл (Кароль) (1816-1886)
Политический ссыльный. Род. ок.1816 г. (на 1886 – 70 лет.). Из дворян Виленской губ. Ксендз, настоятель Конвалишенского приходского костёла Ошмянского уезда Виленской губ. Сослан в Томскую губ. по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа с лишением всех прав и преимуществ «за пропуск при богослужении молитвы за здравие государя императора». Проживал в городе Каинске, по определению томской казённой палаты от 17.08.1868 г. получал пособие кормовых 4 коп. в сутки и квартирных 14 руб. в год. В 1871 г. восстановлен в правах и духовном звании. В 1873 г. проживал в Каинске, состоял в списках на получение пособия. В метрических книгах томского костёла сохранились записи о том, что он крестил детей в 1875 г. в Кыштовской вол. Каинского окр., а в 1884-1885 гг. - в селе Спасском Каинского окр. 2 марта 1886 г. умер от катара в селе Спасском Каинского окр. Томской губ., похоронен кс. В. Громадским на местном кладбище.
ГАТО.Ф.3.Оп.19.Д.728.Л.41.;Ф.527.Оп.1.
Д.6.Л.230;Л.144.Л.5.;Оп.70.Д.7.Л.143об.;
Оп.19.Д.728.Л.39;Оп.11.Д.1197.Л.8;Ф.527.Оп.1.Д.178.Л.18.

СВОЛКЕН (СВОЛКИН, СВОЛЬКЕН) Николай
Политический ссыльный. Род. ок.1834 г. (на 1864 -30 лет.). Ксендз Бернандинского монастыря Августианского костела в г. Ковно. В 1864 г. сослан в Томскую губ. без лишения прав состояния и духовного сана под строгий надзор полиции за участие в революционной демонстрации, за совершение богослужения в память о Т. Костюшко, по подозрению в принятии в монастыре восставших, «за неблагонадежность в политическом отношении и как вредный для пребывания в крае». Определен на жительство в город Колывань, где находился уже с 13 марта 1865 г. В 1866 г. ему на основании ходатайства колыванского городничего, католика Борейши было дозволено губернатором Лерхе отправлять богослужения и духовные требы, но только без вписывания в метрические

книги. На 1869 г. находился на жительстве в Мариинске, где ему вместе с другими живущими в Мариинске ксендзами было запрещено совершать богослужения и взята расписка. В 1873 г. продолжал жить в г. Мариинске. Предписанием томского губернатора от 13 ноября 1868 г. и 29 марта 1872 г. назначалось пособие по 15 коп. в сутки и квартирных 1 руб. 50 коп. в месяц. В 1873 г. освобожден от надзора полиции на основании Высочайшего повеления от 13/17 мая 1871 г. и получил разрешение переселиться в Костромскую губ., откуда в 1874 г. переехал в Курляндию. В 1884 г. получил разрешение вернуться в Северо-Западный край. В 1887-1888 гг. служил викарным священником в Калуге. *ГАТО.Ф.3.Оп.19.Д.728.Л.19;Ф.3.Оп.4.Д.295.Л.93,115,140;Оп.70.Д.7. Л.173об.;ГАОО.Ф.3.Оп.4.Д.6318.Л.1,1об.;Оп.6.Д.7784.Л.24;ГАРФ.Ф. 109.эксп.1864 г.Д.277.Л.1;Копчевский М. Католики на Калужской земле. Калуга, 1999.*

СКИБНЕВСКИЙ Казимир с. Фомы (Филиппа)
Политический ссыльный. Род.ок.1832 г. или 1835 г. (на 1866 – 34 года, на 1873 -38 лет). Из дворян Седлецкой губ. Окончил ДС в Варшаве, рукоположен в 1856 г. Ксендз, настоятель прихода в деревне Копиносы Ловичского уезда Варшавской губ. Арестован 11 февраля 1864 г. по обвинению в том, что якобы принимал участие в убийстве солдатки Екатерины Кононковой, выдавшей войскам сведения на участников восстания и административным порядком по распоряжению «Варшавского начальства, ведающего политическими делами» выслан на жительство в Оренбургский край, определен на жительство в уездный город Бирск, где прожил более года. 15 октября 1865 г. был отправлен в Томскую губ. и по прибытию в Томск 18 декабря 1865 г. заключен в тюремный замок. 21 февраля 1866 г. по поручению Томского губернатора состоялось заседание Комиссии военного суда при Томском губернском военном управлении по разбору дела кс. С. и других крестьян, сосланных вместе с ним в Сибирь и находившихся на водворении в деревне Назаровой

Покровской вол. Каинского окр. Комиссия постановила допросить кс. С., а крестьян привезти в Томск и заключить под стражу в Томский тюремный замок. Находясь по стражей, 4 марта, а затем 25 мая 1866 г. С. подавал прошения губернатору Томска с просьбой об ускорении производства следствия по его делу, в ходе которого, как он писал, наверняка откроется его «ошибочное вовлечение в дело и напрасное потребование его из Оренбургской губ. в Томск и изнурение здесь его безвинным арестом». 2 июня 1866 г. был допрошен, в ходе которого дал пояснение, что был выслан в Оренбургский край по несправедливому оговору в укрывательстве мятежников, что же касается убийства солдатки в Царстве Польском, то по этому делу ничего сказать не может, так как её не знал и вообще по этому делу ему ничего не случалось слышать. Во время следствия по делу кс. С. В военную комиссию обратился с устной просьбой Томский курат и капеллан Войск Западной Сибири Энгельгарт с просьбой взять под своё поручительство содержащегося под стражей при военно - судном деле кс. С., с тем, что на веское требование военно - судной комиссии он будет его представлять незамедлительно в присутствие военного суда и за безукоризненное поведение его ручается. 12.08.1866 г. комиссия постановила кс. С. из тюремного замка освободить и отдать на поруки капеллану Энгельгарту, заключив по делу, что из имеющихся в её распоряжении бумаг комиссия не смогла определить вину привлеченных по делу, т.к. так как в бумагах этих нет достаточных данных к их изобличению, а сами они в возводимых на них преступлениях не сознались. Поэтому на основании 340 и 349 ст. Военно-уголовного закона постановила всех привлеченных по делу оставить в подозрении. Решением суда от 7.02. 1867 г. и конфирмации генерал-губернатора Западной Сибири кс. был оставлен на водворении в Томской губ. в отдаленном месте Нарымского края. На ноябрь 1872 г. С. состоял в списке ссыльных по Томску, в 1873 г. проживал во 2 кв. Юрточной части Томска, в1884 г. состоял в списке 8 священников, получающих от казны

пособия. В 1891 г. получал на свое содержание 6 руб. в месяц. В 1897 г. получил разрешение исполнять должность викарного ксендза томского храма. В 1899- 1900 г. временно исполнял обязанности томского курата. Состоял действительным членом римско-католического благотворительного общества при костеле Томска в 1903- 1914гг., в 1903 г. пожертвовал 23 руб. на устройство при костеле приюта для старцев. В 1903 г. выехал в Польшу и служил в Варшаве при костёле Св. Креста в должности капеллана, умер 4 июня 1914 г.
ГАТО.Ф.3.Оп.19.Д.691А.Л.4;Ф.104.Оп.1.Д.1567.Л.1; Д.2378.Л.1;Ф.512.Оп.1.Д.1;Ф.104.Оп.1.Д.586.Л.22об.; ГАОО.Ф.3.Оп.8.Д.1241.Л.1; Aleksander Maciesza, Dzieje Kolonii Polskiej w Tomsku. 1604 -1900. //«Przeszłość». № 6-7- 1934 r. s.117.

СКИРМОНТ (СКИРМУНТ) Киприан
Политический ссыльный. Ксендз из Ковенской губ. В 1864 г. сослан по конфирмации командующего войсками Виленского военного округа на жительство в Томскую губ. с лишением духовного сана, всех прав и преимуществ и конфискацией имущества в казну «за поддержку мятежников, недонесение начальству». С 15 октября 1864 г. находился в Мариинске. В 1873 г. получил разрешение переселиться на жительство под надзор полиции в один из уездных городов Астраханской губ.
ГАТО.Ф.3.Оп.11.Д.1197.Л.3;Оп.54.Д.1033.Л.4-5,7,12; ГАОО.Ф.3.Оп.7.Д.10911.Л.5;И.Н.Никулина.Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в… с.169.

СКОРУПСКИЙ (СКОРУБСКИЙ, СКОРУПИНСКИЙ) Михаил с. Якова
Политический ссыльный. Ксендз, настоятель костела в городе Новоалександровске Ковенской губ. В 1855г. в семинарии в Ворнях посвящен в духовный сан, позднее служил в Скопишках. С 1859 г. администратор в Ежеросе, с 1961 г. – приходской священник. В дальнейшем настоятель храма в г. Новоалександровске. Состоял в национальной организации, считался одним из самых активных его членов, исполнял функции кассира организации. Арестован в феврале 1864 г.,

находился в Динабургской крепости. 28.10. 1864 г. приговорен военно-полевым судом к ссылке на жительство под строгий надзор полиции в Томскую губ. как заподозренный в принадлежности к революционной организации на основании 349 ст. военного устава был оставлен «в сильном подозрении» и сослан в Томскую губ. без лишения прав состояния и духовного сана, определен на жительство в город Томск. 26.10.1865 г. обратился с ходатайством к томскому губернатору о дозволении служить обедню в томском костеле. В просьбе было отказано несмотря на ходатайство и.д. томского курата Н. Гиртовича. На 1869 г. продолжал проживать в Томске, где у него в числе других 4 – х ссыльных священников была взята подписка о запрете совершать богослужения. На 1871 г. состоял в списке ссыльных по Томску, получая месячное пособие в 6 руб. На ноябрь 1872 г. продолжал состоять в списке ссыльных по Томску и был в числе назначенных на пособие от казны на следующий 1873 год. В 1873 г. освобожден от полицейского надзора с правом повсеместного жительства кроме столичных губерний, Западного края и Царства Польского. С 1874 г. проживал в Курляндии.

ГАТО.Ф.3.Оп.4.Д.295.Л.30,38,42;
Оп.19.Д.728.Л.32;Оп.11.Д.1197.Л.5об.;Оп.54.Д.1007.Л.14об.;Ф.104.
Оп.1.Д.586.Л.22об.;
ГАОО.Ф.3.Оп.4.Д.6302.Л.1,4;Оп.7.Д.11533.Л.10,10об.

СРЖЕДИНСКИЙ Иосиф

Политический ссыльный. Ксендз. Был судим в г. Гродно за проповедь и без лишения прав состояния и духовного сана сослан из Северо-Западного края в Оренбургскую губ., но из Казани по ошибке отправлен в Томскую губ., где находился в 1868 г.

ГАОО.Ф.3.Оп.5.Д.7682.Л.8;И.Н.Никулина. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в….с.170.

СТАШКЕВИЧ Дионисий с. Петра (1823-1872)
Политический ссыльный. Род ок.1823 г. (на 1865 – 42 года.). Ксендз, настоятель Дуниловичского костела Виленской губ. и уезда. По распоряжению главного начальника Северо-Западного края выслан в Томскую губ. под надзор полиции в административном порядке без лишения духовного сана и прав состояния на постоянное жительство под строгий надзор полиции «по политической неблагонадежности». Определен на жительство в город Каинск и причислен в каинские мещане. Находясь в Каинске, 29 сентября 1865 г. подал прошение томскому губернатору о дозволении сделать распоряжение о возможности ему совершать в Каинске для ссыльных католиков, которых, как указывал в прошении, находилось до 100 человек, таинственные обряды без препятствий со стороны гражданской власти. Разрешение губернатора было получено с условием, чтобы во время отправления им богослужения непременно должен находился кто-либо из чинов полиции. На 1872 году находился на жительствовал в Нарыме и 12 декабря 1872 г. был убит, 14 декабря похоронен на местном кладбище. Мотивы убийства не установлены.
ГАТО.Ф.3.Оп.4.Д.295.Л.54 и об.; Оп.7.Д.10896.Л.1,4; Оп.11.Д.1197.Л.9об.; Ф.527.Оп.1.Д.7.Л.101 об.; ГАОО.Ф.3.Оп.4.Д.462.Л.4.

СТЕФАНОВИЧ Константин с. Антона (1831-1891)
Политический ссыльный. Род. ок.1831 г. (на 1891 – 60 лет.). Ксендз Виленской римско-католической епархии, настоятель приходского костела в местечке Трокелях Ошмянского уезда. До ссылки в Сибирь проживал в Белостокском уезде Гродненской губ. По конфирмации помощника начальника Виленского военного окр. в 1865 г. выслан в Томскую губ. в административном порядке без лишения духовного сана и прав состояния на постоянное жительство под строгий надзор полиции «за сношения с мятежниками и принятия у себя предводителя Любича». Первоначально местом

жительства был назначен город Бийск, куда прибыл 20 сентября 1865 года. В своём рапорте томскому губернатору от 19 сентября 1866 г. Бийский городничий отмечал, что ссыльный священник С. «поведения хорошего, жизнь ведёт скромную и трезвую, занятия никакого не имеет и судя по слабому его телосложению и недостатку физических сил едва ли может приобрести себе содержание собственными трудами». Далее городничий сообщал, что со времени своего прибытия в Бийск с 20 сентября 1865 года кс. С. получил в разное время денег в количестве 100 рублей серебром, также получал пособие. В своём прошении от 19 сентября 1866 г. о выдаче пособия кс. С. писал: «Прибыв в Бийск без достаточных средств к жизни я содержался добродетелью товарищей по настоящее время, такое скудное содержание развило у меня окончательно хроническую грудную болезнь и в настоящее время не имею иных средств к жизни как прибегнуть под покровительство Вашего Превосходительства прося начальничьего распоряжения относительно разрешения на выдачу мне кормовых денег». В сопроводительном письме городничий Бийска Жулебин подтвердил, что кс. С. «действительно бедствует и денег от родных не получает». В архивном деле имеется расписка кс. С. от 19 сентября 1866 г. Бийскому городничему о том, что при назначении ему от казны денежного содержания он готов «иметь жительство в селе или деревне и с этим согласен». Однако, судя по документам, кс. С. на жительство в деревню переведён не был и продолжал бедственное существование в Бийске. В своём очередном прошении губернатору от 6 марта 1867 года он пишет, что кормовых денег до сих пор не получил. В прошении от 14 мая 1867 г. на имя и. д. томского губернатора он писал из Бийска: «Крайняя нужда в содержании заставила меня беспокоить ещё раз особу Вашего Превосходительства назначить мне от казны денежное пособие, без которого при бедном моём состоянии и слабом моём здоровье приобрести никаких средств не могу, а при настоящей дороговизне в Бийске пришёл до такой крайности, что проживаю

последнюю свою одежду и не имею даже состояния на что нанять квартиры, чтобы хотя приклонить свою голову». Решения начальства относительно данной просьбы священника нами не обнаружено, но из других документов косвенно явствует, что минимальное пособие для житья в ссылке и наём квартиры ему в результате долгих хлопот было выделено. 20 июля 1867 года вместе с жившим также в г. Бийске ссыльным кс. К. Витковским обратился с просьбой о разрешении ему выехать на родину в Царство Польское. В сопроводительном рапорте Бийского городничего указывается, что ксендзы С. и Витковскиий «всё время проживают в Бийске и ведут себя безукоризненно». В разрешении вернуться на родину им было отказано, но, судя по документам, дано распоряжение перевести их в Томск. Так, в своём прошении от 11 сентября 1868 года кс. С. писал, что по распоряжению начальства он был переведён из Бийска в Томск и что с момента перевода его в Томск «до сего времени не получал кормовых за июнь, июль и август вместе с квартирными по 1 руб.20 коп. в месяц, каковые раньше получал вместе с кормовыми». Решения возвратиться на родину не последовало и ксендз С. навсегда остался в Сибири. На 1872 г. находился в г. Томске и был в числе назначенных на пособие от казны на следующий 1873 год. 16 мая 1891 года умер в деревне Батуриной Спасской вол. Томского окр. от воспаления лёгких, похоронен на томском католическом кладбище 18 мая 1891 г. кс. М. Олехновичем.
ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.1149.Л.135,136,141,142,146.; Оп.19.Д.728.Л.32;Оп.4.Д.1552.Л.1;Оп.11,Д.1197.Л.5об.;Ф.527.Оп.1.Д. 249.Л.51;ГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.7784.Л.18об.

ТАРГОНЬСКИЙ (ТОРГОНЬСКИЙ) Урбан с. Юрия (1810-1872)
Политический ссыльный. Род ок.1810 г. (на 1872 – 62 года.). Ксендз Поневежского уезда Ковенской губ. (по другим данным – Минской губ. Мозырского уезда), иеромонах Бернандинского ордена, жил в Минской губ. «За умышленное составление Наместнику донесения об отказе крестьянина

Лавды от принятия православия». В другой формулировке - «за отказ крестьянину, исповедовавшему римско-католическую веру в принятии православия» по конфирмации помощника командующего войсками Виленского военного окр. лишен всех прав состояния, духовного сана и направлен на жительство в Томскую губ. 3 июля 1866 г. из Тобольска направлен в Томск. Первоначально жил в городе Кузнецке, куда прибыл 20 августа 1866 г. 9 декабря 1866 г. подавал прошение начальнику Томской губ. о пособии. На 1871 г. находился на жительстве в Мариинске, получая пособие от казны 4 коп. в сутки. 20 июля 1872 г. умер в Мариинске от тифа, похоронен на местном кладбище.
ГАТО.Ф.3.Оп.36.Д.320.Л.143;Ф.3.Оп.2.Д.1149.Л.95,100-104;
Ф.3.Оп.19.Д.728.Л.14,18.;
Оп.70.Д.7.Л.173об.;Оп.11.Д.1197.Л.8;Ф.527.Оп.1.Д.7.Л.99;
ГАОО.Ф.3.Оп.6.Д.7784.Л.22.

УЛИНСКИЙ Викентий с. Онуфрия
Политический ссыльный. Род. ок.1809 г. (на 1866 -57 лет.). Ксендз из Россиенского уезда Ковенской губ. (по др. данным – Новоалександровского уезда). За участие в отряде повстанцев в 1863 г., «заготовление пищи и привлечение к этому прихожан, по обвинению во встречах мятежнической шайки, проходившей в апреле 1863 г. через местечко Полен Новоалександровского уезда и приглашение прихожан к участию в принятии мятежников» в административном порядке по решению командующего Виленского военного окр. сослан в Томскую губ. без лишения духовного сана и прав состояния. Определен на жительство в город Бийск, куда прибыл 3 января 1866 г. 10 июня 1866 г. обратился к прибывшему в Бийск генерал- губернатору с просьбой отправлять в Бийске богослужения и справлять духовные требы и получил устное разрешение, о чем было доложено рапортом Бийского городничего Жулебина томскому губернатору 10.07.1866 г. Находясь в Бийске, 14 июля 1867 г. подал прошение о возвращении в Царство Польское, но получил отказ. Из Бийска в начале июня 1868 г. был

переведен на жительство в Томск, где в 1870 г. жил на квартире вместе с кс. Давидовичем. В 1870 г. за незаконное хранение у себя церковного облачения был арестован, допрошен и выслан для дальнейшего проживания в Мариинск. На 1873 г. проживал в Мариинске, предписанием томского губернатора от 20 марта и 29 марта 1872 г. назначалось пособие по 15 коп. в сутки и квартирных 1 руб.50 коп. в месяц. Подавал прошение о переселении в Царство Польское по причине расстройства здоровья и преклонным летам, на что от 28.01.1873 г. получил от генерал-губернатора ответ о том, что для этого нет оснований. Но получил разрешение на переселение на жительство под надзором полиции в одну из губерний Европейской России. В 1882 г. проживал в Курляндской губернии, впоследствии получил разрешение переселиться в Ковенскую губ.
ГАТО.Ф.3.Оп.4.Д.295.Л.72;
Оп.36.Д.313.Л.227;Оп.19.Д.728.Л.16,17;Ф.3.Оп.2.Д.1190.Л.2.;
Оп.70.Д.7.Л.174;Оп.11.Д.1197.Л.9;Ф.104.Оп.1.Д.362;
РГИА.Ф.821.Оп.3.Д.534.Л.1,3.

УРБАНОВИЧ Леопольд с. Ёзефа
Политический ссыльный. Род. ок.1827 г. (на 1863 – 36 лет). Ксендз, настоятель костела в Сурвишках в Поневежском повете Ковенской губ. Решением Временного полевого суда от 16 марта 1865 г., по конфирмации заместителя начальника войск Виленского военного окр. от 21 марта 1865 г. был отправлен на поселение в Томскую губ. с утратой прав состояния и изъятием имения за то, что «знал о сборе в костеле вооруженных бунтовщиков, а так же о приготовлениях к бунту и подстрекательские разговоры и недонесение о том всякому высшему начальству» 14 июля 1865 г. прибыл в Тобольск на пароходе «Работник» и 18 июля на том же пароходе отправлен на жительство в Томскую губ. В 1873 г. вернулся в Курляндскую губ., в 1875 г. был освобожден от полицейского надзора. В 1885 г. переехал в Воронежскую губ.
Инф. проф. В. Сливовской.

УСЦИНСКИЙ Викентий с. Павла (1832-1899)
Политический ссыльный. Род. ок.1832 г. (на 1899 – 67 лет.). Ксендз из Варшавской епархии. Сослан в Томскую губ. «по политическому делу» без лишения прав состояния и духовного сана, приписан к Мариинску. В метрических книгах томского прихода есть записи, что У. крестил детей в феврале 1899 г. в селе Тисуль, на ст. Боготол и других населённых местах Мариинского окр. Получал пособие от казны на содержание. 5 сентября 1899 г. умер скоропостижно в Мариинске от воспаления лёгких без приобщения к св. таинствам. Похоронен на Мариинском католическом кладбище кс. К. Скибневским.
ГАТО.Ф.527.Оп.1.Д.356.Л.10об.,Л.72;Ф.3.Оп.19.Д.728.Л.17.

ФРАНКОВИЧ (ФРАНКЕВИЧ) Пётр
Политический ссыльный. Ксендз. За участие в восстании 1863 г. был отправлен в Томскую губ. Согласно ведомости томской эксп.о ссыльных о числе умерших ссыльных за 1864 год, умер 22 октября (декабря) 1864 г. от тифа.
ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.1041.Л.113 об.

ШАРКОВСКИЙ Иосиф
Политический ссыльный. Род.ок.1834 г. (на 1873 -39 лет.). Ксендз из Поневежского уезда Ковенской губ. В 1865 г. был сослан на водворение в Томскую губ. под гласный надзор полиции без лишения прав состояния и духовного сана «по политической неблагонадежности», отправлен на жительство в Мариинский округ. 27 апреля 1866 г. С разрешения генерал- губернатора Западной Сибири получил право совершать все духовные требы в устроенной им же в городе Мариинске временной римско-католической каплице, т.е. крестить, венчать и погребать проживающих в г. Мариинске и Мариинском округе католиков. В метрических записях о крещении за март 1876 г. он указывается как совершавший акты крещения. На 1872 г. проживал в Мариинске и предписанием томского губернатора от 21 июля 1871 г. и 29 марта 1872 г. получал пособие по 15 коп.

в сутки и квартирных 1 руб.50 коп. в месяц. На ноябрь 1872 г. состоял в списке ссыльных по городу Томску и был в числе назначенных на пособие от казны на следующий 1873 год. В 1873 г. жил во 2 кв. Юрточной части Томска, затем вновь переведен в Мариинск. В 1874 г. освобожден от полицейского надзора на основании Высочайшего повеления от 13/17 мая 1871 г.
ГАТО.Ф.3.Оп.19.Д.691А.Л.4;Д.728.Л.17;Д.728.Л.31;
Ф.3.Оп.4.Д.295.Л.61-62;Ф.527.Оп.1.Д.6.Л.92об,30об.;
Оп.19.Д.728.Л.16; Ф.104.Оп.1.Д.586.Л.30об.;

ШАРКОВСКИЙ Плацид
Политический ссыльный. Ксендз, викарий Ромигольского костела Тельшевской епархии Ковенской губ. В 1864 г. По конфирмации помощника командующего войсками Виленского военного округа «за возмущение прихожан к мятежу и сношение с мятежниками и как неблагонадежный в политическом отношении» выслан на постоянное жительство под строгий надзор полиции в Томскую губ. Находился на жительстве в Томске. В 1874 г. освобожден от надзора полиции, впоследствии проживал в Илукстском уезде Курляндской губ.
ГАТО.Ф.3.Оп.11.Д.1197.Л.6;ГАОО.Ф.3.Оп.7.Д.11556.Л.3;
И.Н. Никулина. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в….С.173.

ШЕЛИХОВСКИЙ Иосиф
Политический ссыльный. Католический священник. Ссылался в Томскую губ. «по делу 1863 г.». Фигурирует в переписке за 1866 г. Дальнейшая судьба не установлена.
ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.1042.Л.761-769.

ШПРИНГЕР Ян (1870-1926)
Политический ссыльный. Католический священник из Любельской епархии. В 1915 г. административном порядке сослан в Нарымский край Томской губ. и находился в ссылке до 1917 г. в с. Колпашево. В 1915-1918 гг. исполнял обязанности

капеллана Нарымского края, в 1918-1922 и.о. капеллана Ломовицкого.
Andrzej Majdowski. Kościół katolicki w Cesarstwie rosyjskim…s.308.

ШУЛЬЦ Амброзий (1830-1904)
Политический ссыльный. Род. ок.1830 г. (на 1869 -39 лет.). Ксендз, магистр богословия. В 1866 г. выслан на жительство под надзор полиции в Томскую губ. «за распространение в народе ложных слухов и неблагонадежность в политическом отношении». В 1868 г. находился в г. Каинске. В 1868г. получил разрешение переехать в Казанскую губ., получив местом жительства г. Цивильск, куда прибыл 28.11.1868 г. Получал пособие 6 руб. в месяц. В конце 1870 г. получил разрешение на крещение ребенка. 4 августа 1871 г. на основании повеления от 13/17 мая 1871 г. освобожден от полицейского надзора, возвращены права состояния и получил свидетельство на свободное проживание повсеместно, кроме столиц, столичных губерний и Западного края. 13 августа 1871 г. выехал в Казань, в этом же году назначен викарным костела в Новгороде, в 1888 г. получил разрешение занимать духовные должности в пределах Могилевской епархии, в 1904 г. – настоятель костела св. Рафаила в Вильно. Умер в г. Вильно 18.03.1904 г.
ГАТО.Ф.3.Оп.4.Д.295.Л.144;РГИА.Ф.821.Оп.3.Д.233.Л.64,67,79;ЦГА ЧР.Ф.122.Оп.1.Д.9.Л.114;Д.52.Л.36;Д.61.Л.148;Д.75.Л.7,14,51;НА РТ. Ф.1.Оп.3. Д.2136.Л.93 об.

ЮСТИНОВИЧ (УСТИНОВИЧ) Викентий с. Якова
Политический ссыльный. Род. в 1826 г. Ксендз из Подлязской губ. Луковского уезда (по др. данным- монах триниатаж монастыря Св. Троицы в Варшаве, рукоположен в 1856 г.). Сослан в Томскую губ. под надзор полиции без лишения духовного сана и прав состояния по конфирмации полевого аудиториата войск в Царстве Польском «по подозрению в участии в мятеже», определен на жительство в г. Кузнецк, куда прибыл 26 февраля 1865 г. 12 марта 1866 г. дал расписку о том, что дает свое согласие перейти на жительство в деревню,

т.к. не видит средств к своему существованию. Перед этим писал в кузнецкую городскую полицию о том, что отказывается пользоваться выделенным для него пособием 5 коп. в сутки с тем, чтобы отправиться на жительство в деревню, назначенную Экспедицией о ссыльных. Указал, что пособие выделено для него в меньшем размере, чем это предусмотрено для ссыльных без лишения прав. Писал, что если начальство разрешит ему исполнять в устроенной каплице священнические должности, то он готов вообще отказаться от всякого пособия. С 11 апреля 1867 г. находился в Мариинске, где вместе с другими 9 священниками дал расписку о запрете заниматься исполнением духовных треб. Предписанием томского губернатора от 10 октября 1868 г. и 29 марта 1872 г. назначалось пособие по 15 коп. в сутки и квартирных 1 руб. 50 коп. в месяц. В 1873 г. получил разрешение переселиться на жительство под надзор полиции в Костромскую губ. На основании Высочайшего повеления от 27 января 1867 г. В 1885-1889 гг. служил викарным священником в Казани, в 1889-1897 гг. – куратом в Чите.

ГАТО.Ф.3.Оп.19.Д.728.Л.14,18.;Ф.3.Оп.4.Д.295.Л.48,59;Оп.11.Д.1197.Л.6об.;Оп.54.Д.1126.Л.6-7;ГАРФ.Ф.109.1эксп.1866г.Д.393.Л.2,3,9,9об.; Andrzej Majdowski. Kościół katolicki w Cesarstwie rosyjskim… s. 301.

ЯРУШЕВСКИЙ Франц

Политический ссыльный. Католический священник. «По делу 1863 г.» сослан в Томскую губ., определен на жительство в город Бийск, куда прибыл 28 марта 1865 г. Дальнейшая судьба не установлена.

ГАТО.Ф.3.Оп.2.Д.1042.Л.761,769

Приложение № 4.

Список католических священников, совершавших таинства в Томском приходе в 1900-1919 годах.

1900 год (328 крещений)
Кс. К. Скибневский; Кс. J. Б. Пранайтис (Алтай); Кс. М. Вейт (Тяжин, Каинск); Кс. J. Демикис (с октября).

1901 год (396 крещений)
Кс. М. Олехнович; Кс. К. Скибневский; Кс. J. Демикис (Томск, Мариенбург); Кс. П. Казюнас (с августа).

1902 год (484 крещения)
Кс. М. Олехнович; Кс. К. Скибневский; Кс. J. Демикис; Кс. П. Казюнас; Кс. М. Цехнович (? Чехнович).

1903 год (575 крещений)

1904 год (621 крещение)

1905 год (264 крещения до июня)
ГАТО. Ф 527. Оп. 1. Д. 371.

1905 год. (501 крещение)
Кс. J. Демикис; Кс. А. Сенкевич (январь); Кс. Ф. Балтрушайтис (Ново-Николаевск); Кс. П. Казюнас (Бораковск, Каинск); Кс. М. Шварас (Мариенбург); Кс. Люциан Мацейский (Мариинск).

1906 год (595 крещений)
Курат J. Демикис (Томск, Ново-Николаевск)
Кс. П. Казюнас (Томск, Ново-Николаевск, Барнаул, Маличевка в ноябре, Малиновка и Белосток в декабре); Кс. Ф. Балтрушайтис (Томск в ноябре); Кс. Адальберт Харуба; Кс. J. Вилкас (Мариенбург в июле); Кс. М. Шварас (Томск в августе).

1907 год (до апреля 74 крещения)
Курат J. Демикис; Кс. П. Казюнас ;Кс. К. Мустейкис (Томск в январе-феврале)
ГАТО. Ф 527. Оп. 1. Д. 434.

1907 год (407 крещений)
Кс. П. Казюнас (большинство крещений); Курат J. Демикис; Кс. Билякевич

1908 год (542 крещения)
Кс. П. Казюнас; Курат J. Демикис
ГАТО. Ф 527. Оп. 1. Д. 457.

1909 год (626 крещений)
Курат J. Демикис; Кс. П. Казюнас; Кс. А. Жуковский (Томск с марта, Маличевка, Белосток); Кс. Л. Шилинский (Томск с мая, пос. Андреевский, поселки).

1910 год (200 крещений до июля)
Курат J. Демикис; Кс. А. Жуковский; Кс. Л. Шилинский; Кс. Малевский (Томск в январе); Кс. Гедрис (Томск в январе).
ГАТО. Ф 527. Оп. 1. Д. 458.

1913 год (69 венчаний)
Декан кс. J. Демикис; Кс. Иг. Янулис (Томск и поселки).

1914 год (64 венчания)
Декан кс. J. Демикис; Кс. Иг. Янулис.

1915 год (23 венчания)
Декан кс. J. Демикис; Кс. Иг. Янулис; Кс. Ян Ростворовский (? S.J.); Кс. Иоанн Стримович; Кс. J. Шадуйкис; Кс. J. Аударис (Аудар).

1916 год (29 венчаний)
Декан кс. J. Демикис; Кс. Иоанн Стримович; Кс. J. Аударис (Аудар); Кс. П. Котарский; Кс. J. Вымит; Кс. J. Шадуйкис
1917 год (81 венчание)
Кс. J. Аударис (Аудар); Декан кс. J. Демикис; Кс. П. Котарский; Кс. А. Жуковский; Кс. J. Дыргялло; Кс. Иг. Янулис; Кс. J. Шадуйкис; Кс. J. Вымяталь; Кс. С. Рудзянис

1918 год (226 венчаний)
Кс. П. Котарский; Декан кс. J. Демикис; Кс. П. Попалейгис; Кс. С. Рудзянис (Тайга); Кс. Ю. Юркевич (Тайга в сентябре); Кс. J. Вымяталь; Кс. J. Бычковский (пос. Андреевский); Кс. J. Шпрингер (Ломовицкая церковь в июле).

1919 год (99 венчаний)
Кс. П. Котарский; Кс. П. Попалейгис; Декан кс. J. Демикис (последняя запись 5 декабря); Кс. Н. Михасенок; Кс. Р. Братанич.
ГАТО. Ф 527. Оп. 1. Д. 915.

Для создания данного списка были рассмотрены метрические книги Томской Римско-католической церкви 1900-1919 годов, сохранившиеся в Государственном архиве Томской области (ГАТО): книги регистрации крещений и венчаний. Частично, в качестве примеров, указаны некоторые места совершения таинств.
Составил свящ. Виктор Билотас.
Публикация по: Сибирская католическая газета. 4 июня 2012 г.//http://sibcatholic.ru/2012/06/04/spisok-katolicheskix-svyashhennikov-sovershavshix-tainstva-v-tomskom-prixode-v-1900-1919-godax-po-dannym-metricheskix-knig-xranyashhixsya-v-gato/

Приложение 5.

Реестр церквей, часовен и молитвенных домов, возведенных на территории Томской губернии до 1917 г.

* **г. Томск** – Церковь Покрова Пресв. Богородицы (Пресв. Богородицы Св. Розария). Кирпичная. Возведена в 1832, освящена 01.10.1833 г. Расширена в 1844 г., вновь расширена в 1896 г. Отдельно стоящая деревянная звонница построена в 1837 г., новая каменная – в 1855 г.

* **г. Томск** – Кладбищенская часовня Св. Антония Падуанского. Кирпичная, строилась в 1908-1909 гг., освящена 26.06.1911 г. До этого на католическом кладбище были возведены: деревянная в 1846 (1844?), кирпичная в 1866 г.(?).

* **пос. Белостокский** (Ново-Александровская вол. Томского уезда, совр. с. Белосток Кривошеинского р-она Томской обл.)- Церковь Св. Антония Падуанского. Прошение о постройке церкви в 1902 г., в 1904 г. Разрешение получено в 1906 г. Строительство деревянной церкви в 1906-1908 гг. Освящена 13.06. 1910 г. Строительство приходского дома в 1909-1912 гг. С 1910 г. филиальная церковь Томского прихода.

* **пос. Маличевский** (Ново-Александровская вол. Томского уезда, в наст. время не существует) – Церковь Св. Иоанна Крестителя. Прошение о постройке часовни в 1907 г. Строительство деревянного здания в 1909-1910 г., освящена в 1913 г. Приходской дом построен в 1910 г. С 1910 г. филиальная церковь Томского прихода. С 1911 г. – резиденция Белостокско-Маличевского капеллана, капеллан - о. Адольф Филипп.

* **пос. Андреевский** (Томский уезд, в наст. время не существует)- Часовня св. Георгия. Деревянная часовня. Построена в 1906 г., освящена в 1907 г.

* **пос. Двухречный** (Томский уезд, Александровская вол., совр. нежилая д. Двуречье Томского р-она Томской обл. Молитвенный дом. Позволение на строительство получено в 1901 г., освящен в 1905 г.

* **пос. Ломовицкий** (Томский уезд, совр. п. Ломовицк Первомайского р-на Томской обл.). Церковь св. Антония Падуанского. Прошение о постройке церкви в 1906 г., часовня освящена в 1906 г., деревянная церковь и приходский дом построены к 1915 (1917?) г. на месте временной часовни.

* **с. Колпашево** (Нарымский край, совр. г. Колпашево Томской обл.). Часовня, деревянная, освящена в 1915 г. Обслуживал (до 1918 г.) ссыльный кс. из ссыльных Любельской епархии Ян Шпрингер.

* **с. Бароковское** (Мариинский уезд) - Церковь Свв. Николая Чудотворца и Михаила Архангела. Деревянная, построена в 1905 г., освящена 18.01.1906 г. С 1909 г. – приходская.

* **г. Мариинск** (Мариинский уезд) - Церковь Св. Антония Падуанского. Прошение о постройке постоянной часовни в 1901 г. Постройка в 190-1905 гг. как Томской филиальной церкви. Деревянная, на каменном фундаменте, освящена 29.09. 1905 г. с приходским домом. С 1907 (1908) г. – приходская.

* **г. Боготол** (Мариинский уезд) - Часовня Св. Сердца Господня. Прошение о постройке часовни в 1907 г. Молитвенный дом в постоянном помещении с 1908 г. Церковь 1910-1911 гг. (освящена в 1911 г.), с 1914 – приходская.

* **с. Спасское** (совр. п. Венгерово, районный центр Новосибирской обл.). Церковь Свв. Петра и Павла (Успения Пресв. Богородицы). Прошение о постройке часовни в 1891 г. Постройка кирпичной часовни в 1894-1896 гг., освящена

15.08. 1896 г. о. Валерианом Громадским. Приходская церковь с 1902 (1907) ? г.

* **пос. Тимофеевка** (Тимофеевский) (совр. с. Тимофеевка Венгеровского р-на Новосибирской обл.). Церковь Св. Сердца Господня. Прошения о постройке деревянного молитвенного дома в 1900 г. , постройка в 1907-1908 гг. , освящен 15.06.1907 г. , филиальная прихода церкви Свв. Петра и Павла Спасского прихода.

* **г. Каинск** (Каинский уезд, совр. г. Куйбышев) - Церковь Свв. Петра и Павла. Прошения о постройке часовни в 1878, 1882 и 1902 гг. Построй кирпичной часовни в 1906 - 1908 гг., освящена 29.08.1908 г. С 1909 г. – приходская церковь.

* **г. Новониколаевск** (совр. г. Новосибирск) - Церковь Св. Казимира. Прошение о постройке молитвенного дома в 1901 г. Молитвенный дом Пресв. Богородицы Ченстоховской в 1902 г. (после 1907 г. – «зимняя часовня», освящена в 1907 г. во имя Пресв. Богородицы Непорочного Зачатия). Кирпичная церковь строилась в 1905-1907 гг., освящена 12.05.1909 г. С 1908 г. - приходская.

* **г. Барнаул.** - Церковь Непорочного Зачатия Пресв. Богородицы. Разрешение на постройку получено в 1906 г., построена в 1908 (1909)-1913 гг. (благословлена 21.06.1909 г., освящена 24.08.1913 г.). С 1910 г. – приходская.

* **г. Тайга** (Томский уезд, совр. г. Тайга Кемеровск. обл.)- Часовня Св. Сердца Господня. Построена в 1910 г., освящена 17.10. 1912 г. К 1917 г. построен приходский дом. Являлась филиальной Мариинского прихода.

* **с. Тюхтет** (Мариинского уезд, в наст. время- г. Тюхтет Красноярского края)- Часовня Воздвижения Св. Креста (Вознесения Господня). Молитвенный дом 1907 (?) г., часовня

1909-1912 гг., освящена 26.07.1912 г. Филиальная Боготольского прихода.

* **пос. Верхний Уртам** (Елгайская вол. Томского уезда, совр. п. Верхняя Уртамка Кожевниковского р-на Томской обл. – Часовня. Построена (?) в 1908 г.

* **пос. Добринский** *(*совр. с. Добринка Чановского р-на Новосибирской обл.). Часовня. 1904 – 1914 гг. (освящена в 1916 г.).

* **пос. Вязьма** (совр. д. Вяземка Ижморского р-на Кемеровской обл.). Часовня св. Марии Магдалины. Деревянная, возведена в 1910-х гг. (?). Филиальная часовня Мариинского прихода.

* **пос. Гейдельберг**, немецкая *колония Гейдельберг (с. Заячьий, Ново-Романовка, в настоящее время не существует)*. Молитвенный дом. Построен в 1910 из сырого кирпича.

* **пос. Либенталь**, *немецкая колония Александргейм (совр. п. Кругленький Немецкого национального р-на Алтайского края)*. Молитвенный дом. Построен в 1910 г. из сырого кирпича. колония Либенталь (Отрадный, Отрадное, Заячий Лог Немецкого национального р-на, в настоящее время не существует, жители колонии переселились в д. Редкая Дуброва Немецкого национального р-на Алтайского края). Общинный дом в 1911 г. (богослужения для п. Либенталь, Гейдельберг, Блюменталь, Екатериненталь и Александргей.

ЧАСТЬ III

Справочный аппарат

1. Список литературы:

1. Адрианов А. В. Город Томск в прошлом и настоящем. Томск: Изд-е "Сибирского книжного магазина Михайлова и Макушина", 1890. 433 с.
2. Адрианов А. Костел в Томске // Город Томск. Томск: Тип.-лит. П.И.Макушина,1912.135 с.
3. Алов А.А., Владимиров Н.Г., Овсиенко Ф.Г. Мировые религии. М., 1998.
4. Аширбакиева О.М. Тобольский римско-католический приход Пресвятой Троицы // Диалог культур и цивилизаций: тез. 7 Всеросс. научн. конф. молодых историков. Тобольск, 2006.С.61-62.
5. Бахрушин С.В. Научные труды. М.:,1955 -1959. Т.3-4.
Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества. М.:,1903.
6. Берви В.В. Воспоминания // Голос минувшего. − 1915. −№ 6−8. С. 110−126.
7. Богословский К. Государственное положение римско-католической церкви в России от Екатерины Великой до настоящего времени. Харьков: Б.и.,1898. 128 с.
8. Болонев Ф.Ф., Люцидарская А.А., Шинковой А.И. Ссыльные поляки в Сибири: XVII, XIX вв. Исследования и материалы. Новосибирск.2007. 230 с.
9. Бочанова Г.А., Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX-начале XX в. Новосибирск: Из-во СО РАН, филиал «Гео», 2000.212 с.
10. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков,1889.
11. Вернерова Веслава. Сообщения польских миссионеров о Сибири (начало XIX века) // Сибирь в истории и культуре польского народа. С.75-83.

12. Вибе П.П. Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX– начале XX веков// Немцы. Россия. Сибирь. Сб. статей. Отв. ред. П.П. Вибе. Омск: Из-во Омского госуд. историко-краевед. музея, 1996.С.5-57.
13. Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект: Омск: Издательский дом "Наука", 2007. 368 с.
14. Вишленкова Е.А. Орден иезуитов и «польский вопрос» // Польская ссылка в России XIX-XX веков: региональные центры. Материалы Международной российско-польской научной конференции 8-12 сентября 1997. Казань.1998. С.25-30.
15. Геллер М. История Российской империи. В 3-х томах. М.: «Мик»,1997.
16. Герасимов Б. Ссыльные поляки в Семипалатинской области (Краткий исторический очерк) // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества. Вып. 12. Семипалатинск, 1918. 109 с.
17. Головачев П.М. Томск в XVII веке. Тюмень в XVII столетии. Собрание материалов с введение и заключительной статьей приват-доцента П.М. Головачева. М., 1903.
18. Гончаров Ю.М. Польская семья в городах Западной Сибири во второй половине XIX-начале XX в. /Ю.М. Гончаров // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири: сб. статей. Барнаул,2005. С.101-110.
19. Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше(XIX-начало XX в.). М.: Индрик,1999. 272 с.
20. Горюшкин Л.М. Политические ссыльные в Сибири /отв. ред. Л.М. Горюшкин; кол. автор Академия наук СССР, Сиб. отд-ние, Институт истории, филологии и философии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982.235 с.
21. Дементьева Э.Ш., Колотов Е.В., Сулимов В.С. Ссылка ксендзов в Тобольскую губернию после волнений 1861 года в Польше // Политика, государство и право. 2014. № 8 [Электронный ресурс]. URL: http://politika.snauka.ru/2014/08/1866

22. Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. М.1928. Т-1.Вып.2.
23. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население /Н.М. Дмитриенко.- Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. 283 с.
24. Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска. Томск.2003. Из-во Томского ун-та. 345 с.
25. Дьяков В.А. Карательная политика царизма по отношению к католическому духовенству (1832-1855) // http://krotov.info/history/19/1840/dyakov1996.htm.
26. Емельянов Н.В. Томские служилые люди «Литва» в XVII-первой четверти XVIII вв. // Проблемы исторической демографии СССР. Сб. ст. Вып. II. Томск - 1982.
27. Емельянов С.М. История католической церкви в Восточной Сибири (начало XIX в.- 1917 г.). Авторефер дисс.…канд. ист. наук. Иркутск. 2002. 27 с.
28. Ермолаев А.Н. Уездный Мариинск.1856-1917 гг.
29. Ефимова М. Епископ Владивостокский Кароль Сливовский. Владивосток, 2003. 48 с.
30. Задворный В., Юдин А. История католической церкви в России. Краткий очерк. М.: Изд-во колледжа католической теологии им св. Фомы Аквинского, 1995. 2 с.
31. Зуев А.С., Люцидарская А.А. Этнический состав сибирских служилых людей в конце XVI-начале XVIII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Том 9, выпуск 1, С. 52 - 69.
32. Зюлек. Ян Зюлек. Римско-католические священники, сосланные в Сибирь после Январского восстания // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 135-145.
33. История и культура поляков в Сибири. Сборник материалов межрегиональных научно-практических конференций «История и культура поляков Сибири» 2005-2006 гг. Красноярск. 2006. 131 с.
34. Казаки Урала и Сибири в XVII-XX вв. Екатеринбург,1993.

35. Каппелер А. Россия - многонациональная империя. М., 2000. 342 с.
36. Караваева А.Г. Костел // Томск от А до Я: крат. энцикл. города / А.Г. Караваева. Томск 2004. С.167.
37. Карлюк А.С. Очерки по научному атеизму. Минск, 1961. 586 с.
38. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М. 1993. Т-1 // http://www.odinblago.ru/kartashev_1
39. Катанаев Г.Е. Западно – сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. Спб., 1908.
40. Католическая энциклопедия. В 5-ти томах. Из-во францисканцев. 2002-2013.
41. Кауфман А.А. К вопросу о культурной роли переселенцев в Сибири и их отношениях к сибирякам-старожилам //Путь-дорога: Научно-популярный сборник. СПб.,1893.С.513-530.
42. Книга памяти. Мартиролог католической Церкви в СССР. Составители о. Б. Чаплицкий, И. Осипова. М. «Серебряные нити»,2000.767 с.
43. Костров Н. Историко-статистическое описание городов Томской губернии. Томск, 1872.
44. Кутилова Л.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафонов В.А. Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни. 1885 – 1919 / под ред. Э.И. Черняка. Томск: Изд-во ТГУ,1999. 298 с.
45. Кучиньски. Антони Кучинский. Роль и значение вклада поляков в познание и освоение Сибири и формирование связи с краем польской диаспоры за Уралом /А. Кучиньски //
46. Сибирская полония: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной научно-практической конференции. Томск. 20-23 мая 1999 г./под ред. В.А. Ханевич / Томск. С. 30-37.
47. Качинская. Эльжбета Качинская. Поляки в Сибири (1815-1914) Социально-демографический аспект // Сибирь в истории и культуре польского народа. М.: «Ладомир», 2002. С.265-277.

48. Лебедева Н.И. Костел и католическая община Омска: исторический очерк. // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы. Иркутск,2001. С.181-187.
49. Леончик С.В. Религиозная жизнь поляков-переселенцев юга Енисейской губернии конца XIX – начала XX веков // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы VII Междунар. научн. практ. конф., посв. 90-летию Омск. аграр. ун-та и 180-летию агроном. науки в Западной Сибири. Омск,2008. Ч.1.
50. Липке. о. Штефан Липке, SJ. 200-летие начала служения Общества Иисуса (Орден иезуитов) на территории Сибири // Сибирская католическая газета. 24 февраля 2012 г.
51. Лисицкая О.В. Характеристика источников по истории католицизма в Туркистане (вторая половина XIX в.-1917 гг.) // К истории христианства в Средней Азии (XIX-XX вв.): Материалы регион. научн.-практ. конф. Ташкент: Б.и., 1998.С.209-213.
52. Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России. История и правовое положение. Саратов: Поволжская академия государственной службы, 2001. 384 с.
53. Майничева А.Ю. Благотворительная деятельность польских организаций в Новониколаевске (1907-1917)//Сибирская Полония. 2002. № 1. (40) С.5.
54. Максимов С. Сибирь и каторга. Ч.3.Санк - Петербург,1871.
55. Масленников А.В. Проблемы истории Римско-католической церкви в Западной Сибири./в/Природные и интеллектуальные ресурсы Сибири (СИБРЕСУРС-6-2000): Докл. 6 Междунар. научно-практ. конф. (краткое содержание). Томск: ТУСУР, 2000.
56. Масленников А.В. Реформы структуры и проблемы Римско-католической церкви в Сибири (1905-1917 гг.)/в /Природные и интеллектуальные ресурсы Сибири (СИБРЕСУРС-7-2001): Докл. 7 Междунар. научно-практ. конф. В 2 ч. Ч. 2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001.
57. Масленников А.В. Римско-католическая церковь в Сибири. Проблемы и реформы в начале XX века // Вестник Томского

университета.2003. Выпуск № 276. Издатель: ГОУ ВПО "Томский государственный университет".
58. Масяж. Владислав Масяж. Поляки в Восточной Сибири. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та.1995. 36 с.
59. Масяж. Владислав Масяж. Поляки в Восточной Сибири 1907-1947. Варшава -Иркутск: Б.и., 1995. 21 п.л.
60. Масяж. Владислав Масяж. Миграция польских крестьян в Сибирь в конце XIX-начале XX века. // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 241-254.
61. Масяж. Владислав Масяж. История костела и польской диаспоры в Тобольске. 1838-1922 гг. Москва.-2012 г.
62. Микитюк В.П.,Мосунова Т.П., Неклюдов Е.Г. Род Поклевских - Козелл. Екатеринбург. 2014. 367 с.
63. Миловидов Б.П. Военнопленные поляки в Сибири в 1813-1814 гг.// Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2009. С. 325-359.
64. Митина Н.П. Во глубине сибирских руд. М.: Наука, 1966. 143 с.
65. Морошкин Михаил. Иезуиты в России с царствования Екатерины II до нашего времени. Спб. 1867. 208 с.
66. Мосунова Т.П. Под покровом Св. Анны. К 120-летию со дня основания прихода римско-католической церкви г. Екатеринбурга. Екатеринбург, 1996. 24 с.
67. Мосунова Т.П. Томский римско-католический приход в XIX в.// Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: сб. материалов Междн. научн. конф. (Иркутск, 11-15 сент. 2000 г.). Иркутск, 2001. С. 180-182.
68. Мосунова Т.П. Отец Валериан Громадский – штрихи к портрету сибирского пастыря //Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы VII Междунар. научн. практ. конф., посв. 90-летию Омск. аграр. ун-та и 180-летию агроном. науки в Западной Сибири. Омск,2008. Ч.1. С. 407.

69. Мулина С.А. Участники польского восстания 1863 года в Западносибирской ссылке. Автореферат на дисс. канд. ист. наук. Омск. 2005. 23 с.
70. Мулина С.А. Мигранты поневоле. Адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 г. в Западной Сибири. Санкт-Петербург.-2012. 199 с.
71. Нагаев А.С. «Омское дело» 1832- 1833 гг.// Ссыльные революционеры в Сибири. Иркутск. 1985 г. С.44- 58.
72. Нам И.В. Сибирские немцы в условиях первой мировой войны и революции // Немцы. Россия. Сибирь. Сб. статей. Отв. ред. П.П. Вибе. Омск: Из-во Омского госуд. историко-краевед. музея, 1996.С. 130-153.
73. Недзлюк Т.Г. Римско-католическая церковь в Западной Сибири 1881-1918 гг. Автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск.2001. 22 с.
74. Недзлюк Т.Г. П.А. Столыпин о значимости поддержки переселенческим управлением переселенцев–католиков в Сибири //Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX -начало XX вв.). К 75-летию чл.-корр. РАН Л.М. Горюшкина. Новосибирск, 2002.с.78-79.
75. Недзлюк Т.Г. Римско-католическая церковь в полиэтническом пространстве Западной Сибири. 1881-1918 гг. Новосибирск,2009. 215 с.
76. Недзелюк Т. Г. На пути к гражданскому обществу: католики на востоке Российской империи (рубеж XIX-XX вв.). Новосибирск: СибАГС, 2011. 164 с.
77. Недзелюк Т.Г., Савин А.И. Римско-католическая церковь в Сибири //Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск. 2013.
78. Немцы в Сибири. Сборник документов и материалов по истории немцев в Сибири. 1895-1917 / Сост. П.П. Вибе. Омск: Из-во Омского госуд. историко-краевед. музея,1999. 360 с.
79. Никиенко И.В. Из истории библиотек польской диаспоры в Томске (дореволюционный период) //История и методика преподавания славянских языков и литератур как

иностранных с применением технологии диалога культур: материалы регион. научн. конф. Томск, 2005.Вып.2. С. 26-240.
80. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми).-М.-Наука,1987. 173 с.
81. Никулина И.Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в.(20-е - первая половина 70-х гг.). Барнаул,2004. 175 с.
82. Ноздрин Г.А. Государственная и общественная помощь переселенцам в Сибирь в конце XIX– начале XX вв. // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII-XX вв. Новосибирск, 1996. С.124-127.
83. Ноздрин Г.А. Меценаты Сибири // Земля Сибирь. 1992. №3.С.52-69.
84. Оглоблин Н.Н. Заговор Томской «литвы» в 1634 г. Киев,1894.11 с.
85. Оплаканьская Р.В. Польская диаспора в Сибири в конце XVIII -первой половине XIX века. Автореферат дисс. к.и.н. Новосибирск.-2001.
86. Островский Б. Томская римско - католическая церковь (краткий очерк ея сооружения) //Сибирский Вестник. 1890 г. № 67.
87. Островский Л.К. Польские крестьяне в Сибири (1890-1920-е гг.)//Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. XVII-XX вв. Материалы Всероссийской научной конференции. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1999. С.83-85.
88. Островский Л.К. Польские политические ссыльные в Сибири (середина 90-х XIX в.- февраль 1917 г.). Автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск, АН СССР. Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии, 1987. 20 с.
89. Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири (1890-1930-е годы). Новосибирск.-2011.460 с.
90. Островский Л.К. Миграция как фактор формирования польской диаспоры в Западной Сибири. Численность и состав польского населения на рубеже XIX-XX вв. //Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. I. С. 137-144.

91. Пилсудский Б. Поляки в Сибири // Сибирь в истории и культуре польского народа. М.: «Ладомир», С.13-30.
92. Пожарский К. История римско – католической церкви в Российской империи (XVIII – XX вв.) в документах Российского государственного исторического архива. СПб - Варшава: Наука РАН,1999.Ч.I.289 с.; 2000.Ч.II.665 с.
93. Поляки в социокультурном пространстве сибирской деревни. Материалы Международной научно-практической конференции (Омск- Тара, 7-10 августа 2009 г.). Омск.-2012. 190 с.
94. Польская интеллигенция в Сибири. 19-20 вв. Красноярск.-2007.
95. Радван М. Римско-католические духовные учебные заведения Санкт-Петербурга в XIX веке (1842-1917 гг.). СПб., 1995.25 с.
96. Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословиях. К 100 - летию г. Новосибирска. Новосибирск: Наука,1993.250 с.
97. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосиб. книжн. изд-во,1889. 304 с.
98. Семенова И. Благотворительное общество //Сибирская старина. 1997.№ 12 (17). С. 28-29.
99. Сибирь в истории и культуре польского народа. М.: «Ладомир», 2002.569 с.
100. Сибирская полония: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной научно-практической конференции. Томск. 20-23 мая 1999 г./под ред. В.А. Ханевича / Томск, 232 с.
101. Сибирско-Польская история и современность: актуальные вопросы. Сборник материалов Международной научной конференции (Иркутск, 11-15 сентября 2009 г.). Иркутск-2001. 364 с.
102. Скубневский В.А. Польское население Сибири по материалам переписи 1897 г.// Польская ссылка в России XIX-XX веков: региональные центры. Казань. Казанский гос. ун-т, 1998.С.170-176.

103. Скубневский В.А. Предпринимательство поляков в Сибири. Вторая половина 19 – начало 20 в. // Сибирская полония: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной научно-практической конференции. Томск. 20-23 мая 1999 г. С.79-81.
104. Скубневский В.А. Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX-начале XX вв. Ч. I. Население. Экономика. Барнаул, 2003. 303 с.
105. Скубневский В.А. Поляки на Алтае (XIX-начало XX в.)// Польская интеллигенция в Сибири XIX-XX вв.: сб. мат. межрегион. темат. чтений «История и культура поляков Сибири» 2006-2007 гг. Красноярск, 2007. С. 69-74.
106. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск. 1995 г.
107. Соколовский И. Р. Участие служилых людей польско-литовского происхождения в присоединении и освоении Сибири в XVII в. (Томск, Енисейск, Красноярск): Автореф. дис… канд. ист. наук. Новосибирск. 2000 г. 25 с.
108. Соколовский И.Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск: Сова, 2004. 209 с.
109. Соколовский И. Р. Поляки в Сибири XVII в.: обзор источников // SIBIRICA - история поляков в Сибири в исследованиях польских и российских ученых. Сборник научных трудов по итогам польско-российских научных семинаров (Варшава-Пултуск, 1-15 сентября 2012 г.; Новосибирск, 8-22 октября 2012 г.). Новосибирск, 2013 г. С. 133-142.
110. Соловьева Е.И. Переселение крестьян В Томскую губернию в период столыпинской реформы: Автореф. Дис. канд.ист. наук/Томский ун-т, Томск, 1956. 25 с.
111. Соловьева Е.И. Из истории становления переселенческих хозяйств Западной Сибири в период столыпинской реформы // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск: Свердлов. гос. пед. ин-т, 1966. с.293-304.

112. Соловьева Е.И. Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в. // Политические ссыльные в Сибири (XVIII-начало XIX в.) Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1983. с.214-226.
113. Спиридонова А.Л., Заславский В.К. Католики в Туркестане (конец XIX- начало XX в.) // К истории христианства в Средней Азии (XIX- XX вв.). Ташкент: Б. и.,1998. С.213-225.
114. Старикова Г.Н., Захарова Л.А., Иванцова Е.В., Нестерова Н.Г., Мороз Е.В., Банкова Т.Б. История названия томских улиц. Томск.2004. D-Print. 404 с.
115. Старцев А. В. Школа и просвещение в Бийске в XIX-начале XX вв.// new.hist.asu.ru/biblio/skubnevski/Starzev.html
116. Сулимов В.С. Польская армия Наполеона в Тобольской губернии. – Тобольск.-2008. 90 с.
117. Титова Т.Г., Зверев В.А. Новониколаевская католическая община в начале XX в. // Культурный образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX-XX вв.). Новосибирск, 1997.С. 105-118.
118. Титова Т.Г. Судьбы сибирского католичества: Новониколаевск-Новосибирск// Между прошлым и будущим. Вопросы истории и исторического образования: сб. научн. и публицист. ст. Новосибирск, 2000. С. 120-130.
119. Титова Т.Г., Зверев В.А. Католическая община в Барнауле 1860-190-х гг. // Этнография Алтая и сопределенных территорий. Барнаул, 2001. Вып. 4. С.109-113.
120. Томск. История города от основания до наших дней. Томск. Под ред. к.и.н. Н.М. Дмитриенко. Из-во Томск. ун-та.-1999. 431 с.
121. Томская область. Исторический очерк. Под ред. д.и.н. В.П. Зиновьева. Томск. 1994. Из-во Томского ун-та. 665 с.
122. Украинская Греко – Католическая Церковь: преодоление мифа. Материалы семинара. Москва,2002. 148 с.
123. Участники польского восстания 1863-1864 гг. в Тобольской ссылке. Очерк /Под ред. и со вступит. статьей канд. ист. наук Д.И. Копылова. Тюмень: кн. изд-во,1963. 76 с.

124. Федоров Ю. Римско-католическая церковь (польский костел) //Сибирская старина. Томск, 1997. № 12. С.27-28.
125. Федорчук С. Римско-католическая церковь на Сахалине. Южно-Сахалинск:Б.и., 1998. 88 с.
126. Филь С.Г. Римско-католическая церковь Тюмени. История прихода //Сибирская католическая газета. 2000.№11.С.18-19.
127. Филь С.Г. Римско – католический приход св. Иосифа в Тюмени (минувшее и настоящее). Тюмень, 2004. 88 с.
128. Филь С.Г. Польские страницы тюменского краеведения.- Тюмень-2005. 302 с.
128. Фирсов Н. Н. Чтения по истории Сибири. М., 1920, вып.1. 127с.
128. Фурсова Е.Ф. Традиционно-бытовые особенности культуры белорусов – переселенцев конца XIX- начала XX в. (по материалам этнографических экспедиций)//Белорусы в Сибири. Новосибирск,2000. С.102-124.
129. Хазиахметов Э.Ш. Положение политических ссыльных Сибири между революциями 1905 и февраля 1917 гг.// Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск, 1974. Вып. 2. С. 175-193.
130. Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905-1917 гг. (Облик, организации, революционные связи) // Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. 183 с.
131. Ханевич В.А. Белостокская трагедия (из истории геноцида поляков в России). Томск, 1993.191с.
132. Ханевич В.А. История Томского римско-католического прихода (XVII-XX вв.)// Культура, философия и история. Изд. ТГУ, 1994. С. 110-113.
133. Ханевич В.А. Сибирские ксендзы. Исторический очерк о судьбах католических священников костёла г. Томска в XIX веке. // Сибирская старина № 8.1995.
134. Ханевич В.А. Томская полония: история и современность // Сибирская полония: прошлое, настоящее, будущее. Томск.- 1999.-С.22-29.
135. Ханевич В.А. Ксёндз Валериан Громадский в истории католической общины г. Томска.// Сибирская полония:

прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной научно-практической конференции. Томск. 20-23 мая 1999 г. С.100-105.
136. Ханевич В.А. Католический некрополь Томска как база данных об истории томской полонии второй половины Х1Х – начале ХХ века Сибирская полония: прошлое, настоящее, будущее. Томск.-1999.- С.161-164.
137. Ханевич В.А., Марков В.И. Архивные документы о ссыльных поляках в Томской губернии в фондах государственного архива Томской области // Сибирская полония: прошлое, настоящее, будущее. Томск.-1999.- С.150-153.-Соавт.: В.И. Марков.
138. Ханевич В.А. Из истории католических кладбищ Томска //Сибирская католическая газета.2000. № 11. с. 15-17.
139. Ханевич В.А. Иезуиты в Сибири // Сибирская католическая газета. 2001. № 4. С. 9-11.
140. Ханевич В.А. Французский маркиз на государевой службе в Томске // Сибирская старина.-2001.-№ 17. С.10- 12.
141. Ханевич В.А., Караваева А.Г. Католический некрополь города Томска (1841-1919).Томск,2001. 281с.
142. Ханевич В.А. Источники по персоналиям участников польского восстания 1863 - 1864 гг. - польских ссыльных в Томской губернии // Документ в меняющемся мире: материалы Первой Всероссийской научно-практической конференции (г. Томск, 27-28 ноября 2003 г.).- Томск, 2004 .- С. 131 - 135.
143. Ханевич В.А. К вопросу об истории пребывания участников польского восстания 1863-1864 гг. в г. Томске // Труды Томского областного краеведческого музея: [Сборник статей].- Томск. -2004.- Т. 13.- С. 176-184.
144. Ханевич В.А. Участники Январского восстания в Томске и их потомки в истории г. Томска // Powstanie Styczniowe 1863-1864. Walka i uczestnicy. Represje i wygnanie. Historiografia i tradycja. Kielce, 2005. s.133-144.
145. Ханевич В.А. Католическая община в Сибири в контексте истории города Томска и Томской губернии: XVII - пер. пол.

XIX в. // Труды Томского областного краеведческого музея: [Сборник статей].- Томск. - 2007.-Т. 14.- С. 92-111.
146. Ханевич В.А. К истории польской колонии Томска конца XIX-начала XX века // Польская интеллигенция в Сибири. XIX-XX вв. Сборник материалов межрегиональных тематических чтений «История и культура поляков Сибири» 2006-2007 гг. Красноярск.-2007.- С.119-125.
147. Ханевич В.А., Гончарова Т.А. Поляки // Томская область: народы, культуры, конфессии. Энциклопедия. Томск, 2008. Из-во Томского ун-та. С.151-154.
148. Ханевич В.А. Община Римско – Католической церкви г. Томска // Томская область: народы, культуры, конфессии. Энциклопедия. Томск, 2008.С.339 - 341.
149. Ханевич В.А. Католики в Кузбассе. XVII-XX вв. Очерк истории, документы и материалы. Кемерово.-2009. 349 с., илл.
150. Ханевич В.А. Об условиях формирования католических приходов в сельской местности Томской губернии (конец XIX – начало XX века) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Сборник научных трудов. Часть 2. Омск. Из-во «Омскбланкиздат». -2010. С.408-414.
151. Ханевич В.А. Поляки в Томске. XIX-XX вв. Биографии. Томск.-2012. Изд. ТГПУ. Илл. 670 с.
152. Ханевич В.А. Белосток- польское село в Сибири: прошлое и настоящее //Поляки в социокультурном пространстве сибирской деревни. Омск.-2012.С. 77-83.
153. Ханевич В.А. «Польский компонент» сибирской деревни во второй половине XIX века и в конце XIX – начале XX века: общее и особенное (на примере Томской губернии) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Сборник научных трудов. Часть I. Омск. «Наука». 2012. С.382-386.
154. Ханевич В.А. Поляки в Томске. Поляки о Томске // Материалы I Международной научной конференции «Поляки в Сибири. Поляки о Сибири» (Томск, 3-5 июня 2012 г.). Томск.-2012. Изд. ТГПУ. С. 7-18.

155. Хрулева И.А. Влияние времени на религиозность поляков Новосибирска // Культура и образование этнических общностей Сибири. Тезисы докладов и тематические материалы IV традиционной ежегодной научно-практ. конф. Новосибирск,2000. С.18-20.
156. Цабан Веслав. Поляки в царской империи // Новая Польша.2014. №11. С.73-76.
157. Цветаев Д.В. Протестанство и протестанты в России до эпохи преобразований. М.: Унив. тип.,1890.VIII,782, II с.
158. Чаплицкий. о. Бронислав Чаплицкий. История церкви в России. Санкт-Петербург,2000.150 с.
159. Чаплицкий. о. Бронислав Чаплицкий. История Католической церкви в СССР. Санкт-Петербург. 2001. 154 с.
160. Чаплицкий. о. Бронислав Чаплицкий. Римско-католическое Благотворительное Общество при храме св. Екатерины //http://www.catherine.spb.ru/index.php/blog/comments/o-chaplitsky-charity.
161. Чаплицкий. о. Бронислав Чаплицкий. Католическая благотворительность в России в 1860-1918 гг. Гатчина: СЦДБ,2009. - 427 с.
162. Шведов С.В. Пленные Великой армии в России // Отступление Великой армии Наполеона из России. Малоярославец, 2000.
163. Шиллер В.В. Этноконфессиональное взаимодействие в Кемеровской области в конце XIX - XX вв. (источники и методы изучения): Автореф. дис…канд. ист. наук. Кемерово,2004.
164. Шкаровский М.В., Черепенина Н.Ю., Шикер А.К. Римско - Католическая Церковь на Северо – Западе России в 1917-1945 гг. Санкт – Петербург.,1998. 315 с.
165. Шлейхер И.И. Пособие по истории российских немцев. Славгород: Б.и.,1994.112 с.
166. Шостакович Б.С. История поляков в Сибири (XVII-XIX вв.). Учебное пособие. Иркутск.-1995 г.

167. Шостакович Б.С. Узловые вопросы истории поляков в Сибири (конец XVIII-конец XIX в.). Научн. доклад дисс. на соиск. уч. ст. д.и.н. М.:РАН, Ин-т славяноведения и балканистики, 1997.
168. Шостакович Б.С. История Иркутского римско-католического прихода до начала XX века в отражении материалов государственного архива Иркутской области // Сибирь в истории и культуре польского народа. М. Ладомир, 2002. С.114- 123.
169. Chaniewicz. Wasylij Chaniewicz. Z historii kościoła katolickiego na Syberii Zachodniej - księża katoliccy w 20-30 latach XX w. // „Zesłaniec”. № 2 1997 r.sS.92-105.
170. Chaniewicz. Wasylij Haniewicz. Z historii cmentarzy katolickich w Tomsku. // „Wrocławskie Studia Wschodnie", 2001: 5, s. 77-112.
171. Chaniewicz. Wasylij Haniewicz. Dzieje katolickiej wspólnoty w Tomsku od XVII do początków XX w. // Kościół katolicki na Syberi, Wrocław 2002 s. 207-271.
172. Chaniewicz. Wasylij Haniewicz. Ksiądz Walerian Gromadzki i katolicka społeczność Tomska w drugiej połowie XIX w. // Kościół katolicki na Syberii, Wrocław 2002, s.389-403
173. Chaniewicz. Wasylij Haniewicz. Wiejska świątynia. Z historii budowy, zniszczenia i odbudowy kościoła we wsi Białostok na Syberii // Kościół katolicki na Syberii. Wrocław 2002. s.355-367.
175. Chaniewicz. Wasylij Haniewicz. Polacy wpisani w dzieje Tomska // Zesłaniec. № 18. Wrocław-Warszawa.-2004.- s. 45-50.
176. Chaniewicz. Wasylij Haniewicz. Polacy w Tomsku-na podstawie nekrologów z XIX i pierwszej połowe XX wieku // Zesłaniec. Wrocław-Warszawa. 2004.- № 18. s.65-88, № 19. s.71-83.
177. Chaniewicz. Wasylij Haniewicz. Polacy w Tomsku. Materialy do encyklopedii «Etnosy i narody obwodu tomskiego» // Polacy w nauce i kulturze Tomska oraz Syberii Zachodniej. Wrocław, - 2008. s.391-399.
178. Chaniewicz. Wasylij Haniewicz. Tragedia Syberyjsriego Białegostoku. Pelplin. 2008, s. 230.

179. Fiel. Sergiusz Fiel. Na Syberyjskim trakcie. Polacy w Kraju Tiumeńskim. ARX REGIA. Warszawa.-1999. s. 147.
180. Janik. Michał Janik. Dzieje Polakow na Syberii. Krakow, 1928. s. 472.
181. Jędrychowska. Barbara Jędrychowska. Polscy zeslańcy na Syberii 1830-1883. Wrocław,2000. s. 240.
182. Kaczyńska. E. Kaczyńska. Syberia: największe więzienie świata (1815-1914). Warszawa, 1991.
183. Kościół katolicki w Rosji: Materiały do jego historii i organizacji. Warszawa, 1932.
184. Kościół Katolicki na Syberii. Historia. Współczesność. Przyszłość.Wrocław, 2002. s. 780.
185. Kozłowski. Jan Kozłowski. Polacy w rejonie Tomska (do 1914 roku) // Mniejszości polskie i Polonia w ZSRR. Wrocław, Warszawa, Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1992. s.401-409.
186. Kuczyński. Antoni Kuczyński. Syberia. Czterysta lat polskiej diaspory. Antologia historyczno-kulturowa.Wrocław. Warszawa. Kraków,1993.s. 432.
187. Kuczyński. Antoni Kuczyński. Polacy w Tomsku. Szkice z przeszłości i współczesność // Polacy w nauce i rulturze Tomska oraz Syberii zachodniej. Wrocław, -2008. s.9-56.
188. Kumor. Boleslaw Kumor. Kościoł katolicki w cesarstwie rosyjskim 1915-1917//Zeszyty Naukowe KUL. Lublin, 1994.№ 1-2.s.21-34.
189. Librowicz. Zygmunt Librowicz. Polacy w Syberii. Kraków.1884. 380 c.
190. Loret. M. Loret, Kościół katolicki a Katarzyna II. 1772-1784, Kraków-Warszawa 1910.
191. Maciesza. Aleksander Maciesza. Dzieje Kolonii Polskiej w Tomsku. 1604 -1900. //«Przeszłość». № 6-7- 1934 r.
192. Majdowski. Andrzej Majdowski. Kościół katolicki w Cesarstwie rosyjskim. Syberia, Daleki Wschód, Azja Środkowa. Wydawnictwo NERITON. Warszawa 2001. 339 s.

193. Maslennikow. Andriej Maslennikow SJ. Rzymskokatolicka parafia w Tomsku na Syberii w latach 1812-1991//„Nasza Przeszłość” t. 93: 2000.
194. Masiarz. Włarysław Masiarz. Dzieje kościoła i polskiej diaspory w Tobolsku na Syberii.1838-1922. Kraków.1999. s. 201.
195. Masiarz. Włarysław Masiarz. Dobrowolna migracja chłopów polskich na Syberię Zachodnią w końcu XIX i na początku XX wieku// Сибирская полония: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной научно-практической конференции. Томск. 20-23 мая 1999 г. С.38-41.
196. Masiarz. Władysław Masiarz. Projekt utworzenia biskupstwa katolickiego w Tomsku na Syberii na przełomie XIX-XX wieku. // Polacy w nauce i kulturze Tomska oraz Syberii Zachodniej. Wrocław 2008. s. 279-295.
197. Polacy w nauce i kulturze Tomska oraz Syberii Zachodniej. Wrocław 2008. s. 436.
198. Rezun D., Zuev A."Nemcy" im Staatsdienst in Sibirien. Ende des 16 bis Ende des 17 Jahrhundert ["Немцы" на государственной службе в Сибири. С конца XVI по конец XVII века] // Berliner Jahrbuch fuer osteuropaeische Geschichte. Berlin, Akademie Verlag,1996. N 2.S.55-73.
199. Rosiński. Franciszek M. Rosiński. Początki Kościoła rzymskokatolickiego na Syberii Zachodniej //Polacy w nauce i rulturze Tomska oraz Syberii zachodniej. Wrocław, -2008. S.257-270.
200. Sliwowska. Wiktoria Sliwowska. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Słownik biograficzny. Warszawa,1998. 835 s.
201. Stricker G. Russlanddeutsche Katholiken im religionspolitischen Kontext der Sowjetunion // Die Deutschen und das Sstliche Europa. Aspekte einer vielfaltigen Beziehungsgeschichte / Hg. v. D. Neutatz und V. Zimmermann. Essen, 2006.
202. Trynkowski. Jan Trynkowski. Ksiądz Elizeusz Głębocki, kapucyn z Uściługa - od mistyfikacji do mitu // Kościół Katolicki na Syberii.-Wrocław 2002.s.35-49.

203. Trynkowski. Jan Trynkowski. Źródła do dziejów parafii katolickich w Irkucku i Tomsku w krakowskim Archiwum ks.Jezuitow // Polacy w nauce i kulturze Tomska oraz Syberii Zachodniej. Wrocław, -2008. s.271-278.
204. Deutsche Geschichte im Osten Europas. Russland. Hrsg. von G. Stricker. Berlin, 1997.
205. Directorium officii Divini ac Missarum Archidiocesis Mohiloviensis. Petropolis, 1905.
206. Directorium divini officii et missarum pro Archidioecesi Mohiloviensi nec non pro Dioecesi Minscensi in a. D.1915, Petrograd 1914, cz. 2.
207. Directorium officii Divini ac Missarum Archidiocesis Mohiloviensis. Petropolis, 1917.
208. Directorium officii Divini ac Missarum Archidiocesis Mohiloviensis. Petropolis, 1919.

2. СЛОВАРЬ ЦЕРКОВНЫХ ТЕРМИНОВ

АББАТ - настоятель монастыря.
АПОСТОЛЬСКАЯ АДМИНИСТРАТУРА – территориальная церковная единица в тех местах, где Католическая Церковь только зарождается или там, где были разрушены все церковные структуры.
АПОСТОЛЬСКИЙ (ПАПСКИЙ) ПРЕСТОЛ, ВАТИКАН - название организации управления Католической церковью.
АРХИЕРЕЙ - епископ.
БЕАТИФИКАЦИЯ - причисление к лику блаженных.
ВИЗИТАЦИЯ – приезд епископа или другого церковного должностного лица в приход или церковное учреждение для пастырской проверки их деятельности.
ВИКАРИЙ - (лат. vicarius cooperator) - помощник. Священник, помогающий настоятелю прихода.
ВИКАРНЫЙ ЕПИСКОП (СУФРАГАН) - епископ, помогающий главе епархии.
ГЕНЕРАЛ - верховный настоятель ордена.
ДЕКАН - священник, возглавляющий деканат (в Православной Церкви – благочинный).
ДЕКАНАТ - церковная административная единица, включающая около 10 приходов.
ДУХОВНАЯ КОЛЛЕГИЯ - государственно-церковное учреждение, созданное по указу царских властей, ведавшее делами Католической Церкви в России и находившееся в Санкт-Петербурге.
ЕПАРХИЯ - территориальная церковная единица, управляемая епископом.
«ЖИВОЙ РОЗАРИЙ» - один из способов молитвы по четкам, объединяющий группу мирян, которые распределяют между собой время молитвы и её интенции.
ИЕРЕЙ - священник.
ИЕРОМОНАХ - монах в сане священника.
ИНТЕНЦИЯ – намерение, направленность молитвы к определенной цели.
КАЛИХ (польск. Calih, лат. calix)- чаша

КАНОНИК - священник, принадлежащий к капитулу, т.е. ближайшему окружению епископа.
КАПЕЛЛА - (итал.)- часовня.
КАПЕЛЛАН - священник, служащий в армии, в женском монастыре, в больнице, опекающий определенную группу верующих.
КАПЛИЦА - (польск.) – часовня.
КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР – храм, в котором находится кафедра епархиального епископа.
КИВОРИЙ (польск. Puszka, лат. ciborium) –сосуд для хранения освященного хлеба
КОЛЛЕГИЯ - исторически: среднее учебное заведение, организуемое орденом иезуитов, где обучались, в основном, мальчики.
КОМЖА (лат.- superpelliceum) -литургическое облачение
КОНГРЕГАЦИЯ – 1. Название отделений Римской курии; 2. Современное монашеское объединение.
КОНСИСТОРИЯ - в Царской России то же самое, что Духовная коллегия на уровне епархии.
КОСТЕЛ (польск.) – церковь, храм.
КСЕНДЗ (польск) – священник.
КУРАТ – настоятель прихода.
КУРИЯ – епархиальное управление.
ЛЕГАТ – посланник Папы Римского, представляющий его в особых случаях.
ЛИТУРГИЯ – (греч.Leitourgia- обще дело, совместное служение)-1) совокупность культовых действий, совершаемых в Церкви от лица Народа Божия; 2) отдельный церковный обряд (в этом случае уместно применять слово «служба».
МАГИСТР – в начале XX в. низшая ученая степень, сейчас степень между бакалавром и доктором.
МАЛАЯ СЕМИНАРИЯ – существовавшее в некоторых епархиях учебное заведение, где кандидаты в высшую семинарию получали среднее образование.
МЕССА - (лат. missa, итал. messa, нем. Messe)- полное евхаристическое богослужение католической церкви.

МИТРОПОЛИТ – в Католической Церкви: название архиепископа, управляющего митрополией.
МИТРОПОЛИЯ – в Католической Церкви: территориальная церковная единица, состоящая из нескольких епархий.
МОНАШЕСКИЕ ОБЕТЫ - обеты бедности, целомудрия и послушания. В большинстве орденов Католической Церкви приносят сначала временные обеты, потом «вечные». Существуют конгрегации, где обеты обновляются ежегодно.
МОНСЕНЬОР – обращение к священнику в звании прелата, иногда и к епископу.
МОЩИ – почитаемые верующими останки святого.
НАСТОЯТЕЛЬ – должность управляющего приходом, монастырем и т.п.
НОВИЦИАТ - время подготовки к принятию монашеских обетов.
НУНЦИЙ – представитель (посол) Папского Престола в данной стране.
ОБРУС (польск. obrus) – покров на алтарь
ОБРЯД – здесь: исторически сложившаяся форма отправления культа в разных странах (латинский, византийский и т.д.).
ОРДЕН – здесь: традиционное объединение монашествующих.
ОРДИНАРИЙ – епископ или другое духовное лицо, управляющее епархией или приравненной к ней церковной единицей.
ПАРАФИЯ (греч.) – так поляки и западные украинцы называют приход.
ПАТЕНА (польск. и лат. Patena)- евхаристический сосуд на алтаре, а также вспомогательный предмет, использующийся при Причащении верующих
ПОНТИФИКАТ – период правления каждого Папы Римского.
ПОСТУЛАТ – время проверки кандидата перед новициатом.
ПОЧЕТНЫЙ КАНОНИК – звание, присваиваемое священнику епископом в награду за его заслуги.
ПРЕЛАТ – звание, присваиваемое Апостольским Престолом священнику в награду за его заслуги.
ПРИМАС - исторически: главный епископ страны.
ПРОТОИЕРЕЙ – старший священник.

РЕКОЛЛЕКЦИИ – духовные упражнения в монастыре, семинарии, приходе.
РЕКТОР – здесь: настоятель церкви, не имеющий прихода.
РЕЛИКВИИ – частицы тела или одежды святого (блаженного), почитаемые верующими.
РОЗАРИЙ (польск. РУЖАНЕЦ) – Богородичная молитва по четкам, распространенная в Католической Церкви.
СИНОД – в Католической Церкви собрание епископов, священников и мирян для решения церковных проблем. Бывают синоды общецерковные, региональные, епархиальные.
СОБОР – в Католической Церкви – Вселенский Собор, т.е. собрание епископов всей Церкви под председательством Папы Римского или его легата для рассмотрения особо важных вопросов.
ТЕРЦИАРИЙ – мирянин, связанный духовной формацией и обетами с каким – либо орденом.
ТРЕБНИК (польск. Rituale)
УНИАТ – католик, принадлежащий к одной из Восточных Церквей, которая объединилась с Римской Церковью.
УНИЯ – объединение некоторых восточных церквей с Апостольским престолом (Флорентийская, Брестская, Ужгородская и др. унии).
ФЕРЕТРОНЫ (польск. feretrony) – передвижные алтари
ФИЛИАЛЬНАЯ ЦЕРКОВЬ – церковь на территории прихода, не имеющая своего настоятеля.
ХИРОТОНИЯ – рукоположение во епископа.
ХРАМ - (нем. кирха, пол. костел) – освященное здание, предназначенное для совершения христианских общественных богослужений и религиозных обрядов.
ЦЕЛИБАТ – безбрачие духовенства.
ЭКЗАРХ – священник или епископ, возглавляющий экзархат.
ЭКЗАРХАТ – в Восточных Церквах: территория, пользующаяся определенной самостоятельностью и возглавляемая экзархом.
ЭНЦИКЛИКА – особо важное послание Папы Римского ко всем католикам, касающееся вопросов вероучения.

3. СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

бр.- брат, братья
вв.- века
вол. - волость
ГАРФ - государственный архив Российской федерации
ГАКО - государственный архив Кемеровской области
ГАНО – государственный архив Новосибирской области
ГАТО - государственный архив Томской области
ГАОО – государственный архив Омской области
гг. - годы
г.р.- год рождения
губ. – губерния
Д. – дело (в архивах)
д.- деревня
ДА – духовная академия
ДДДИИ - Департамент духовных дел иностранных исповеданий
ДК – дом культуры
ДС – духовная семинария
еп. – епископ
ж.д. – железная дорога
жен. - женщин
ЗСК – Западно - Сибирский край
и.д. – исполняющий должность
и.о. – исполняющий обязанности
изд.- издание
кс.- ксендз, священник
Л. - лист архивного документа
л.д. - лист дела
М.- Москва
МВД - Министерство внутренних дел
митр.- митрополит
муж. - мужчин
о. - отец, священник
об. – обратная страница документа
обл. - область

Оп. – опись
ПЖВ- помощь жертвам войны (Общество)
ПОПЖВ - Польское общество жертвам войны
пос. – поселок
РАН – Российская Академия наук
РГИА РФ - Российский государственный исторический архив РФ
р.-к. – римско-католический
сб. – сборник
Св. -святой
свящ. – священник
СЖД- Сибирская железная дорога
сост. – составитель
соч.- сочинения
СПб - Санкт-Петербург
ст. – статья (в юридических документах)
Указ. – указанные (сочинения)
Ф. - фонд (в архивах)
ФММ- Францисканки Миссионерки Марии
ЦДНИ ТО - Центр документации новейшей истории Томской области
ЦГА СПб- Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦП - Царство польское
Ч. – часть
чел. - человек
ЧСВ - Чин Святого Венедикта (бенедиктинцы)
OSB - орден Святого Бенедикта, бенедиктинцы
OFM - капуцины (ветвь францисканского ордена)
s. - страница
SAC- паллотинцы (конгрегация)
SCJ - Общество Сердца Иисуса, серцанцы (конгрегация)
SJ - Общество Иисуса, иезуиты
SJK - Сердце Иисуса Умирающего (урсулинки)
CSsR - конгрегация Святейшего Искупителя (редомптористов)
CSMA- конгрегация святого Михаила Архангела
MIC-конгрегация Мариан Непорочного Зачатия

Список иллюстраций

1.1. Герб г. Томска 1804 г.
1.2. Костел св. Екатерины в Санкт-Петербурге. Литография по акварели В. Садовникова.1830-е гг.
1.3. Польская шляхта в XVII столетии. Литография конца XIX в.
1.4. План города Томска из чертежной книги Сибири
1.5. Надгробная плита с могилы коменданта г. Томска де Вильнева.
1.6. Полоцк. Гравюра нач. XIX в. Слева- иезуитский коллегиум с костелом Св. Стефана.
1.7. Чертеж фасада костела в г. Томске. 1830 г. Архитектор Ф. Логинов.
1.8. Князь Петр Мошиньский. (Фрагмент картины Я. Матейко)
1.9. Альфонс Поклевский – Козелл. Фото 70 гг. XIX в.
1.10. Альфонс и Анеля Поклевские - Козелл. Конец 70-х XIX в.
1.11. Костел в Тобольске в Сибири с 1848 г. Рисунок - реконструкция проф. В. Зина
1.12. На этапе. Литография конца XIX в.
1.13. Томский костел. Рисунок середины XIX в.
1.14. Сибиряки. 1863 г. А. Гротгер. Конец XIX в.
1.15.Томский костел. Рисунок середины XIX в.
1.16. Рисунок костела Томска в письме родным от 7.01.1865 г. политического ссыльного Юзефа Калиновского (Рафала Калиновского, св. покровителя католиков Сибири)
1.17. Вид Томска с монастырской рощи. Гравюра середины XIX в. с рисунка Ю.Флека
1.18. Томский костел. Рисунок 1864 г. Ю. Флека.
1.19. кс. Валериан Громадский (?). «Варшавская фотография» Ержинского в Томске.
1.20. Костел в г. Томске. Фото начала XX в.
1.21. Могила ссыльного Эдварда Твардовского на католическом кладбище Томска. 1866 г. Рисунок Ю. Флека.
1.22. Владислав Пирусский. Фото ок. 1920 г.
1.23. Титульный лист отчета Томского р-к Общества за 1903 г.
1.24. Томский костел. Фото начала XX в.

1.25. Могилевский епископ-суффраган Иоан Цепляк. Санкт-Петербург, 1912 г.
1.26. Костел в Нарымском крае, предположительно в пос. Маличевском. Фото1920-х гг.
1.27. Костел Св. Антония в пос. Белостокском. Фото нач.1950-х гг.

Фамильный указатель

Адрианов А.В.-59, 63,74,90,191,192, 339,340.
Аккерман Н.-16.
Александр I-67.
Александров Б. кс.-285.
Алов А.А.—340.
Андроновский И.-144.
Анкудович А. кс. - 120,126,130, 131, 132, 133, 134, 136, 281.
Антонович О.-кс. 135-136.
Апанасевич Р.кс.-74,90-102,103,104,126, 267, 268, 269, 280.
Аралский Ф. кс. -52.
Арешковский А.-54.
Аудар И. кс.- 236, 333, 334.
Аширбакиева О.М.-340.
Бакевич Г. кс.-285.
Банкова Т.Б.-350.
Барановский В.-86,88.
Барановский Н.-88.
Баранцевич Е.М.-207, 234, 235,236.
Барташевич И. кс. -286.
Бартлинский И. кс. -286.
Бахрушин С.В.-40,340.
Бекендорф-97,104.
Белокуров С.А.-42, 52.
Белоливец И.-48.
Бельская П.-259.
Бельский А.-255.
Бенедиктович И.-152.
Берви В.В. -158, 339.
Березницкий И.-16.
Березуцкий Я.-45.
Бжозовский кс. -265.
Билим- 232.
Билотас В. кс. -9, 336.
Бискупский В.К.-16.
Бицкий Е.кс.-52.
Блудов -96, 267.
Бобенская Э.-16, 17,218, 219, 221.
Бобенский Э.-17, 219, 221.
Богословский К.-340.
Богуш А. кс.-287.
Богуш-Сестренцевич С. кс. - 30.
Болонев Ф.Ф.-340.
Бонович Г. кс. -287.
Борейша К. -288.
Борковские-44.
Бородзич Б.-14.
Бортницкий И. кс. -287.
Бочанова Г.А.-340.
Бояршинова З.Я.-38.
Браиловский С.И. -276.
Брант С.-143.
Брин Ф.А.- 79.
Бувис кс. -234.
Будкевич П.-43.
Будкевич Э.-141.
Буйно Э. кс. -159, 287-288.
Буляндо К.-19.
Буржинский П.В.-14,207.

Буцинский П.Н.-40,42, 48,340.
Бучинский А. кс.-288.
Буяновские-44.
Быстржицкий Б.-16, 153, 210, 216, 217, 220, 272.
Быцулевич Г.кс.-160,161, 162,288-289.
Бычковский К. кс.-283, 334.
Валда А.Н.-17, 216, 230, 232.
Валишевские- 44.
Валузнич Т.кс.-72, 266,280.
Василевский Р.С.-43, 348.
Веккер Э. – 14.
Велопольский А.-105.
Вельяминов -101.
Венцковский А.В. -293.
Венцлав кс. -230,232.
Вержиковский П.-15.
Вернерова В.-340.
Верниковский Б.-15.
Верт И. кс.– 4, 9.
Вертинские -11.
Веруш-Ковальский М.И.-17,216.
Вершинин Г.В.-176.
Вибе П.П.-341.
Видавский М.-153.
Вимбор Г.-146.
Виткевич Я. кс.- 159, 289.
Витковский И. кс. 289.
Вишленкова Е.А.-341.
Владимиров Н.Г.-340.
Водзинский К.-150.
Водзицкий А.-152.
Войтовецкий Н.-19.
Войцеховский А.М.-217,272.
Войшнар А. кс.-290-291.
Волков В.Г. – 9.
Воловский М. кс. -291.
Волошинский Г.кс.-172, 292.
Волынский В.-39.
Вольчук И.-88.
Вонаго Ю.-143,144.
Вонсович М.-85, 87, 88.
Ворона М.кс.-52.
Вроблевский Б.кс.-131.
Врублевские -11.
Выгодовский П.- 126.
Высоцкий Л.-145.
Вязмитинов С.К.-83.
Гадомский Р.-153.
Галинский Ф.-18.
Геллер М.-50.
Герасимов Б.-341.
Герцен А.И.-126.
Гершевич С.-19.
Гирдегаген кс.-101.
Гиртович Н.кс.-164, 165, 293, 322.
Глазенап П.И.-80,81,82,83,86,87.
Глембоцкий Е.кс. -54,55.
Говорновский П.-82.
Годлевские-44.
Голицын А.-74,76,77,94.
Головачев П.М.-38, 342.
Голохвостов В.-46.
Гольдрат М. кс.-294.
Гольштейн- 177.

Гончаров Ю.М.-341.
Горизонтов Л.Е.-341.
Горчаков П.Д.-78,106,114,115,116.
Горюшкин Л.М.-341.
Гоштов В.-148.
Грабовецкий М.-48.
Гренской С.-52.
Григалюнович Э. кс.-294.
Гриневич В. кс. -294.
Гриневский. кс. -178, 270.
Гринчелл И.кс.-102, 108, 111, 115, 116, 117, 118, 132, 269, 281.
Грожевский Р.-43.
Громадский В.кс. - 63, 173,176-191, 194, 214, 217, 221, 273, 274, 275, 283, 284,346, 352, 366.
Громадский Ф.-15.
Гротгер А.-137.
Грошевские-44.
Гузеева А.В. – 8.
Гутовский Н. -14.
Даржинский И. кс.-295
Дащук А.-261.
Де Вильнев Т.-56, 58-64.
Девялтовский К.-47.
Дементьева Э.Ш.-341.
Демидович Я. кс. -159,171, 172, 288, 296.
Демикис И.кс.-195, 199, 200, 216, 222, 230, 232, 234, 236, 245, 246, 258, 259, 260, 262, 263, 273, 276, 277, 283, 315, 332, 333, 334.
Деспот-Зенович А.И.-162, 163.
Дзерожинский А.П.-206.
Диакевич И. кс.-297.
Дмитриенко Н.М.-342.
Дмоховский К.кс.-119.
Доборжинский С. -14.
Добролевский Ф. кс.-52.
Догель А. – 13.
Долгоруков Н.-128.
Домбровская А.-297.
Домбровский Я.-142.
Доржинский И. кс.-297.
Дорожинский И. кс. -297.
Дроздович Т.кс.-82,266.
Дроминский И.кс. -298.
Дудин Ф.кс.-52.
Дудковский М. кс.- 126.
Дуклевский А. кс. -9.
Дулкевич И. кс. -298.
Дульский Ф.Р.-222.
Думинский- 86.
Дыбчинский Т.Ф.-278.
Дыгло Ф. кс.-298.
Дышкленевич И. кс. -299.
Дышо Ф. кс.-300.
Дьяков В.А.-126,134,342.
Дюгамель А.О.– 120, 164, 165, 176.
Егупов-Черкасский Н.И.-49.
Езоков Х.кс.-52.
Екатерина II.-29,54,60,61,66, 68.
Емельянов Н.В.-38,41,45,47,342,343.

Енш А.-16.
Еремин П.Ф.-64.
Ержинский Ю.-185.
Ермолаев А.Н.-342.
Ермолов А.С.-186.
Есипов С.- 49.
Ефимова М.-342.
Жабо К.-141.
Жбиковский С.-16,211, 217, 272.
Жехович И.В.-220.
Жилевич Б.-146.
Жицкие -11.
Жук Д.кс.-159, 171,300.
Жуковская С.-277.
Жуковские-11.
Жуковский А. кс.- 263, 283, 333, 334.
Жуковский С. кс.-301.
Жулебин -163,324,326.
Журомская М.-257.
Задворный В.-342.
Закжевские -11.
Залевский П. кс. -301-302.
Залесская Я.-14.
Залесский П. кс. -303.
Залесский С.И.- 13, 206.
Замтов Ф.-150.
Запасник П.-145.
Запасник Ю.-264.
Зараковский Ю.-151.
Заранек К.-16.
Заславский В.К.-350.
Захаревич И. кс. -171,172,173, 179, 270, 271, 281, 285, 289, 291,292,310, 314.
Захарова Л.А.-350.
Зацкевич Ф.-16,204,206,207.
Зборжевский Н.-16.
Зверев В.А. -350.
Зеленевские-213.
Зеленевский К.Я.-15,210.
Зеленский П. – 86,88.
Зелинский М.- 9.
Зенович З.-192.
Зин В. -119.
Зуев А.С.-342,356.
Зюлек. Я.-155,342.
Иван III- 36.
Иван Грозный -36.
Иванцова Е.В.-350.
Ивашкевич З. кс.-281.
Измайлов -117.
Илличевский Д.И.- 76, 86,87, 88.
Ильин П.-145.
Иоч А. -251,253, 255.
Иоч М. -255.
Исаев- 143.
Ишутин Н.А.-142.
Кавачинский А. кс. -51.
Казюнас П. кс. -257, 258, 274, 283, 332, 333.
Калиновский Р.кс.-147.
Калиновский Я.С. -277.
Каминский М. кс.- 72, 75, 82, 266, 280.

Кантор Ф. кс.- 246.
Каппелер А.-155,342.
Капцевич – 91, 92,93, 267.
Караваева А.Г. -8,199,342.
Каракозов Д.В.-142.
Карачевский-Волк-17,200,216.
Каревич. кс. -230.
Карих- 197.
Карлюк А.С.-3, 342.
Карташов А.В.-26, 342.
Карчевский С.С.-17, 216, 232,234.
Катанаев Г.Е.-38, 42, 342,344.
Каупович В.-185.
Кауфман А.А.-342.
Качинская Э.-343,356.
Квецинская М.А.-222.
Квятковский В.-19.
Квятковский С. кс. -302.
Кеджицкий кс.-126.
Келпш Ю. кс. -302.
Кемпен -85, 86.
Киндерман – 58.
Кобылинский И.-161.
Кобылянский И.-45.
Ковалевский -97, 268.
Козакевич кс. -72, 75, 280.
Козицкий Д. кс. -303.
Козловский Я.-456.
Колаковский И.-161.
Колотов Е.В.-341.
Колчак А.В.-18,226.
Колышко А. кс. -304.
Комецкий М.-19.
Конецкий Б.-21.
Конопович И.-86,87,88.
Концевич В. кс. -120, 281.
Копцевич кс. -167.
Копылов Д.И.-350.
Корженевский Э. кс.-171.
Косаржевский А. кс. -304.
Коссиловский Г. rc.- 131,159, 305.
Костовский П.-84.
Костров Н. -139, 140, 342.
Костюшко Т.- 11,54,78,318.
Котарский П. кс.-283, 334.
Котович Э. кс. -306.
Котович Э.-кс.159, 306.
Кочерженко-197.
Кочубей В.– 67, 69, 265.
Красницкий Т.кс.-134.
Краснопольский И.-48.
Красовский И.И.-16.
Крашевский И.-198.
Крейбих Л.-16,144, 145.
Кржижановский А.-кс.159, 171,306-307.
Кругликовские -11.
Кулаковские -11.
Кумор Б.-356.
Кутилова Н.А.-343.
Кутузов М.И.-76,78.
Кучиньский А. – 3, 9, 52, 54, 343,356.
Лавкович И. кс. -307-308.
Лада-Заблоцкий Т.-128.
Лакис Ю.кс.-91, 267, 280.
Лаперуза Ф. -61.

Лашкевич В. кс.-,71.
Лебедева Н.И. -176, 344.
Лебедзинский Л. кс. -309.
Ленковский Ф. кс. -309.
Леончик С.В.-344.
Лерхе Г.Г.-160,
162,165,170,318,162,165,170,318.
Лесепс Ж.Б.-61.
Лещинский – 53,191.
Лжедмитрий I- 37.
Либрович З.-356.
Лидейко М. кс. -309.
Лилиенфельд К.-192.
Липке Ш.-9, 69, 71,73,345
Лисицкая О.В.-344.
Листинский И.-54.
Лиценбергер О.А.-33, 53, 66,
77, 344.
Лобачевский -85.
Логинов Ф.-96,97,98, 103, 267,
268, 364.
Лозинский кс. -232.
Ломачевский А.А.-16.
Лорет М.-356.
Лосевич Е.-19.
Лукашевич П. кс. 310.
Любинский Ц.-14.
Люцидарская А.А.-340.
Лях А. кс. -264.
Мазюк Г.-255.
Майбуш Ф.-150.
Майдовски А.-356.
Майничева А.Ю.-344.
Майсак Л.-255.
Макарий -233.
Македонский -193.
Максимов С.-137, 344.
Малиновская А.-105.
Малышко Л.-88.
Мальгудович Э.С.-205.
Мамин-Сибиряк -105.
Маньковский В.Ю.-153,277.
Маркиш О. -255.
Маркс К.-3,34.
Марцинкевич А.-151
Марцинковский А.-18.
Маршанг И.Б.-16,208.
Маршанг Х.Ф.-208.
Масленников А.-228,
229,237,244, 262, 263, 264,356.
Масяж В.-66,70,113, 119,
121,128,130, 132, 133, 176,245,
344,356.
Матанович Б. -314.
Маткевич Ф.-16, 152, 204.
Мацеша А.-39,55,180,183,
184,188,195, 215,219,356.
Мацкевич А. кс.-310.
Машинский А.-82.
Мизгер И.Я.-215,217,272.
Микитюк В.П.-204,345.
Микутович С. кс.-310-311.
Милевский Д.кс.-91,100,102,
269, 280,283.
Миловидов Б.П.-79, 89,345.
Милосницкий П. кс. -311.

Милютин Д.А.-155.
Миницкий Л. кс. -312.
Минчевский И. кс. -312.
Митина Н.П.-345.
Михайлович А.кс.-126, 127-128, 136.
Михайловский Д.-16.
Михайловский И. – 14.
Михалевский О.-10.
Михасенок Н. кс.-264, 283,334.
Мицкевич А. кс. -312.
Монгольфье Ж.- 61.
Монтрезон -82.
Монюшко А. кс. -313.
Мороз Е.В.-350.
Морошкин М.-65, 67,68, 73, 74,75, 93,94,345.
Мосей В. кс. -313.
Мосунова Т.П.-204,345.
Мошиньский П.- 97, 98,103, 105, 267,364.
Мулина С.А. – 9, 347.
Набоков -81,82.
Нагаев А.С.-100, 346.
Наливайко П.Г.-80,82,83.
Нам И.В.- 3, 9,342,346.
Наполеон -71, 78, 81, 84, 349.
Наранович П.-16.
Нарвойш В. кс. -314.
Наумова Н.И.-342.
Наумчик Ф.-255.
Недзлюк Т.Г.-241, 244, 346.
Неклюдов Е.Г. -204,345.
Нехорошев-Шишкин Ф.Г.-49.
Никиенко И.В.-346.
Никитин Н.И.-37, 347.
Никулина И.Н.- 9, 123, 124,127,132,143,289, 294, 295, 299, 304, 311, 313, 314, 315, 317, 318, 319, 323, 324, 331, 347.
Ноздрин Г.А.-340,347.
Носальский И. кс. 314.
Оболенский -220.
Овсиенко Ф.Г.-340.
Овсяный И. кс. -314-315.
Оглоблин Н.Н.-38,40, 42,45,48,347.
Одинцов -100.
Олехнович М.кс.-283,291, 300, 314,315,325, 332.
Ольденбургский П.-205.
Ольшевский М.-88.
Оплаканьская Р.В.-347.
Опоцкий Т.-153.
Оржешко В.-16, 278.
Оржешко Л.-17, 218, 220.
Оржешко Ф.Ф.-16, 205,206, 208, 212, 220, 274.
Осипов -100.
Осипова И.И.-9, 342.
Островский Б.-90,99, 347.
Островский Л.К.-347.
Остромецкая К.-212.
Остромецкий В.-212.
Павел I -30.
Павша -116,117.

Нестерова Н.Г.-350.
Папа Климент XIV -68.
Папа Пий VI -68.
Папа Пий XIII- 32.
Папа Пий XIX -32.
Папа Леон XIII -183.
Папаляйгис С. кс.-246, 247.
Пацевич Ю. кс.-316.
Пелиошевский В.И.-208.
Перельман В.М.-219.
Перехожев С.В. – 9.
Песка С.-134.
Пестель И.В.-67,70,83,87,93, 265.
Петкевич С. -15.
Петр I – 28,37,52,53,56.
Петров -193.
Петров Г.-61.
Пиантковский А.-88.
Пиглевский Н. -15.
Пилсудский Б.-126, 173, 347.
Пирусский В.-14, 209, 366.
Писанко Б. кс.-316.
Плавский Г.-161,288.
Погорельской Я. кс. -52.
Подборские-44.
Пожарский К.-348.
Поклевская –Козелл А.-109,219,364.
Поклевский –Козелл А.Ф.-99, 105-108, 203,269,344,364.
Понятовский Ю.-12.
Попаляйгис С. кс.-283.
Потанин Г.Н.-176.
Палеолог С.-36.
Потоцкий Л.- 66.
Потоцкий П.134.
Поцолоевский Д.-16.
Пранайтис кс.- 234.
Просовецкий А.-40.
Пугачев Е.-61.
Радван М.-348.
Радищев А.Н.-59,61,63,64.
Радюк Ф. -255.
Разводовский И. кс.-317.
Раковская М.-223.
Раковский Л.-223.
Рамполла кс.-228,228.
Растворовский Я. кс. -240, 317.
Резун Д.З.-38, 43, 348, 356,358.
Реутовский В. -15.
Ржеконский А. кс. -318.
Родзевич В.-185.
Родзянко Н.В.-178, 179, 270.
Романов М.-27.
Рончевский И.-14.
Росински Ф.-356.
Рубановская Е.В.-60.
Ружицкий Е.Л.-209,230, 234,236.
Рукойша К. кс.-318.
Рыхлевские -11.
Рыхлевский П.-43.
Сабанские -11.
Сабанский П.- 18.
Сабек А. -14.
Савин А.И.-346.

Савицкий -236.
Сангушко Р.- 104.
Сапожников В.В.-233.
Сафонов В.А.-342.
Свидерский К.А.-17,215.
Свидерский Каз.-141.
Сволкен Н. кс.-159,169,171,318-319.
Семенова И.-348.
Сенкевич Г.-278.
Сенько В. -255.
Сероцинский Я.кс.-100, 125, 268.
Сикорский В.-21.
Скворцов Г.В.-9,193,194,197.
Скиба М.-45.
Скибневский К. кс.- 255, 273,283,319-320,332.
Скирмонт К. кс. -320.
Скорупский М. кс.-321.
Скрында кс. -230, 232.
Скубневский В.А.-9, 140,348, 349.
Славнин В.Д.-64.
Сливовская В. -9, 104,105,121, 129,131,134,358.
Словцов П.-50,51,350.
Сломчинская Я.И.-222.
Смеловский Е.-19.
Соболевские -11.
Соболевский -177.
Соболевский Г.-18.
Соболевский П.- 14.
Соболевский Ю-10,45.
Соколовский И.Р.-38, 349.
Соколовский М.И.-206,208.
Соловьева Е.И.-350.
Спиридонова А.Л.-350.
Срединский В.-88.
Сржединский И. кс. -322.
Станевич И. -259.
Старикова Г.Н.-350.
Старцев А. В.-129,350.
Старынкевич К.-16.
Сташкевич Д. кс. -323.
Стефанович К. кс. -323-325.
Стефановский В.-19.
Столыпин П.А.-237,245, 256.
Стрискер Г.-357.
Сулимов В.С.-342,350.
Сурский И.-52.
Сухоровский В.-16.
Сциборский Б.-15.
Тамулевич. кс.-294.
Таргоньский У.кс.-158, 325-326.
Татарчук Б.-14, 212.
Татауров Н.В.-63,64.
Твардовский Э.-194.
Титова Т.Г.-350.
Тобизен Г.А.-17,215,217, 220,272.
Толстой А.Н.-76.
Томашинская К.-14.
Торчановский М. кс. 126,127.
Трынковский Я.-55,358.
Тупальские -11.
Улинский В. кс. 326-327.
Уляницкий В. -14.

Урбанович Л. кс. -327.
Уркеев И.кс.-52.
Усачев И. -293.
Уссаковкий В. кс.-280.
Усцинский В.кс.-328.
Фадеев Ф.К.-269.
Федоров Ю.-351.
Федорович А.Ю.-278.
Федорчук С.-351.
Филарет - 50.
Филипп А. кс. -258, 261, 262, 263, 283, 335.
Филь С.Г.-121,351,356.
Фиораванти А.-36.
Фирсов Н.Н.-38, 352.
Фишер А.М.-80,82,83.
Флек Ю. – 15, 157, 158, 180, 196, 366.
Франкович П. кс.-328.
Фурсова Е.Ф.-351.
Хазиахметов Э.Ш.-351.
Ханевич В.А.-3,57,138,197,199,246,251,261,343, 348, 351,352, 353,355.
Ханевич С.- 9.
Ханевич Э.-255.
Ханевич Ю.-252,255.
Ханевич Я. -252,257.
Хациски Д.кс.-91,280.
Хелмицкий -223.
Хомич С.-16.
Хроновский И.Н.-16, 208.
Хрулева И.А.-354.
Хрущов А.П.-170, 178.
Цабан В. - 3, 354.
Цветаев Д.В.-6, 354.
Цепляк Я.кс.-210, 229, 230, 232, 234, 236, 263, 275, 365.
Цыбульский З.-194.
Чаплицкий Б. кс. -26,213,342,354.
Чарторыский А.-67,265.
Черепенина Н.Ю.-354.
Черкашина С.-260.
Черняк Э.И.-343.
Чертенкова М.-54.
Шадчин -147.
Шайдукис Я. кс. -283.
Шарковский И.кс.-167, 328-329.
Шарковский П. кс. -329.
Шашков С.С.-176.
Швайковский Д.-15.
Шведов С.В.-78,354.
Шевнин- 80,82.
Шелиховский И. кс.-329.
Шетлих А.-19.
Шетлих А.В.-278.
Шикер А.К.-354.
Шилкевич А.-195,276.
Шиллер В.В.-354.
Шинковой А.И.-340.
Шишко П.-кс. 126,128-131,135,136.
Шкаровский М.В.-354.
Шлейхер И.И.-354.
Шостакович Б.П.-142.
Шостакович Б.С.-354.
Шпак кс.-70,71.

Шпинк А.-106.
Шпрингер Я. кс. -330.
Штрейман Ф.-148.
Шувалов – 295.
Шуйский В.-48.
Шульц- 86.
Шульц А. кс.-330.
Щепановский С. кс. -118.
Щепанский В.-88.
Энгельгарт И.кс.- 164, 166,
167, 169, 270,293, 314, 320.
Юдин А.-42.
Юргелевич Р.кс. -108, 113,
114, 116, 117,119, 120,132, 281.
Юревич Я.кс.-91,102, 266, 280.
Юстинович В. кс.-
160,161,171,330-331.
Юшкевич Г.В.-259.
Юшкевич В.-14.
Ющинский А.-15.
Яворский В.Ф.-220.
Яворский Я.-134.
Ядловский Ю.-45.
Ядринцев Н.М.-59,176.
Яковлева М.-150.
Яндрыховска Б.-356.
Янишевский М.Э.-14,210.
Яновский И.-163.
Янулис И. кс.- 246, 247, 283,
333, 334.
Ярманский И.-151.
Ярушевский Ф. кс.-331.
Ясионовская М.Э.-277.
Ячевский В.-278.

Содержание

Слово Епископа ---------- 3
Введение---------- 4
О городе Томске и его месте в сибирско-польских контактах ---------- 8
ЧАСТЬ I. Очерки истории:---------- 16
1.К истории правого положения Католической церкви в России до 1917 г.---------- 16
2. Первые католики в России, Западной Сибири, Томске… (XVII–XVIII вв.)---------- 23
3. Католик – комендант города Томска (конец XVIII в.)----- 34
4. Становление католической общины в Томской губернии (1807-1820 гг.). Миссия иезуитов в Сибирь (1811-1820 гг.)---------- 38
5. О военнопленных наполеоновской армии в Сибири в 1812-1814 гг. «Ишимское происшествие» и «Польский заговор» в Томске.---------- 46
6. Губернский храм и его строитель о. Ремигий Апанасевич. (1820-1835 гг.)---------- 54
7. О первых покровителях и меценатах Томского костела (первая пол. XIX в.)---------- 62
8. О строительстве второго приходского римско-католического храма. (1838- 1848 гг.)---------- 68
9. Ссыльные католические духовники в Томской губернии (30-50 гг. XIX в.)---------- 73
10. О католиках на Томской земле во второй пол. XIX века. 82
11. Ссыльные католические священники в Томской губернии.(вторая пол. XIX в.).---------- 92
12. Из жизни «отца сибирских католиков». Валериан Громадский (1860-1880-е гг.)---------- 104
13. Из истории католических кладбищ г. Томска (часть 1) 114
14. О благотворительной деятельности томских католиков (втор. пол. XIX – нач. XX в.)---------- 207
15. О структурах Римско-Католической Церкви в Западной Сибири и первом визите в Томск римско-католического епископа (1909 г.)---------- 231

16. Условия формирования и развития католических приходов на территории Томской губернии на рубеже XIX - начале XX вв.---------- 243
17. О сельском храме св. Антония Падуанского (часть 1)-- 254

ЧАСТЬ II. Приложения:---------- 269.
1. Краткая хроника Томского прихода (до 1920 г.) ---------- 269
2. Настоятели и викарии Томской р-к церкви в 1816-1920 гг. ---------- 284
3. Биографические сведения о лицах духовного звания римско-католическоговероисповедания, находившихся во второй половине XIX века в ссылке на территории Томской губернии---------- 288
4. Список католических священников, совершавших таинства в Томском приходе в 1900-1919 годах.---------- 337
5. Реестр церквей, часовен и молитвенных домов римско-католической Церкви, возведенных на территории Томской губернии до 1917 г. ---------- 340

ЧАСТЬ III. Справочный аппарат:---------- 344
1. Список литературы---------- 344
2. Словарь церковных терминов---------- 362
3. Список сокращений---------- 366
4. Список иллюстраций ---------- 367
5. Фамильный указатель---------- 370

Научное издание

В.А. Ханевич

КАТОЛИКИ В ТОМСКЕ

1604-1917

(очерки истории)

Печатается в авторской редакции

Проект финансируется МИДом Республики Польша при посредничестве Генерального Консульства РП в Иркутске и МОО Национально-культурной автономии поляков города Томска «Томская Полония»

Projekt jest finansowany ze środków otrzymanych od MSZ Rzeczypospolitej Polskiej za pośrednictwem Konsulatu Generalnego RP w Irkucku oraz MOS Narodowo-Kulturalnej Autonomii Polaków Tomska „Tomska Polonia”

Подписано в печать 012.11.2015. Тираж 300 экз.
Кол-во стр. 383. Заказ 48-15
Бумага офсетная. Формат А5. Печать RISO.
Отпечатано в типографии ООО «РауШ мбх»
634034, г.Томск, ул. Усова 7, оф. 046.
Тел. 8-9528074686